

Друнъ сову

повесть
о тёмном
времени

КАРЕН
МЕЙТЛЕНД

Annotation

Блистательный новый роман автора «Компании лжецов», названного «жемчужиной средневековой мистики» и «атмосферной историей предательства и чуда», история деревни, ставшей полем битвы, и кучки храбрых женщин, восставших против зла, незабываемая бурная смесь ярости, похоти и тайн.

Реквизиты переводчика

Над переводом работали: nvs1408, mrs_owl и Oigene.

Редакция: nvs1408, mrs_owl, gojungle и Oigene.

В первой половине четырнадцатого столетия Европа проходила через полосу перемен, удивительно напоминающую наши дни. Происходило значительное и быстрое изменение климата, вызвавшее распространение засухи, наводнений, гибель урожаев. Изменения были такими приметными и резкими, что Папа приказал произносить специальные молитвы в каждой церкви по пять раз в день.

Заметно упала рождаемость и людей, и животных. Люди и скот стали добычей новых болезней, прокатившихся по всей Англии, что создавало атмосферу страха и подозрительности. Миряне начали пренебрежительно относиться к авторитету церкви, в некоторых случаях даже выгоняли из церквей приходских священников и принимали участие в причудливых культах. Несмотря на ужасные наказания, распространялось всеобщее беззаконие, особенно среди молодых мужчин.

На фоне всего этого в Европе возникло примечательное движение, получившее известность как общины бегинок. Тысячи женщин, не желавших ни выходить замуж, ни становиться монахинями, стали объединяться в женские сообщества. Женщины возделывали землю, обеспечивали себя, занимаясь различными ремёслами, особенно ткачеством. Они торговали, организовывали больницы, учили детей, написали много книг. Бегинки открыто проповедовали на улицах. Они переводили Библию на местные языки задолго до того, как это сделала официальная церковь, а когда их отлучали, женщины-католички брали на себя роль священника в совершении таинств друг для друга и для иных людей, недопущенных церковью. Они не давали никаких обетов кроме celibата до тех пор, пока оставались в бегинаже, и были вольны жить так, как хотели.

Множество больниц и школ, основанных бегинками в Средние века, и сегодня процветают в городах Северной Европы.

Благодаря возможности торговать через сеть бегинажей, бегинки нередко обходили власть гильдий. Некоторые бегинажи защищали могущественные покровители, но многие сталкивались с яростным противодействием церкви и общества. На бегинажи нападали, книги жгли. Бегинок арестовывали по обвинениям в ереси и аморальном поведении. Многие бегинажи обвинялись в «ереси против Святого Духа», поскольку исповедовали учение, сходное с убеждениями сегодняшних квакеров, декларирующее, что физические таинства не являются необходимыми для христианской жизни или спасения, а христиане не нуждаются в посредничестве священников. За эти верования на кострах сожгли много бегинок, и среди них — Маргерит Порет, автор «Зеркала простых душ», казнённая за ересь в 1310 году в Париже.

Бегинаж в Брюгге, известный как «Виноградник», был основан в 1245 году фламандской графиней Маргаретой Константинопольской. Несмотря на попытки церкви и реформаторов разрушить его, бегинаж функционировал до 1927 года, пока не был передан монахиням-бенедиктинкам. Хотя многие здания и ворота бегинажа были перестроены, он по-прежнему остаётся одним из самых уютных и обаятельных уголков Брюгге. Сейчас он является объектом всемирного наследия ЮНЕСКО, и посетители, пройдя по мосту под словом «Sauvegarde», могут свободно бродить по прекрасным древним мощёным дорожкам.

Бегинажи процветали в Европе в течение нескольких столетий, особенно в Бельгии,

Нидерландах, Франции и Германии. Но долгое время историки утверждали, что в Британии никогда не было бегинажей, хотя много англичанок отправлялись во Францию и Бельгию, чтобы присоединиться к ним. Однако недавние исследования выявили большое количество упоминаний о попытках основания бегинажей в средневековой Англии. Эти бегинажи бесследно исчезали спустя несколько лет по причинам, на которые до сих пор не пролит свет. Этот роман, конечно, вымышленная история о попытке основать такой бегинаж на английской земле.

Фландрией того периода правили графы Фландрии. К 1256 году Брюгге уже получил от Англии монополию на производство сукна, прибыль от выработки ткани из английской шерсти выросла настолько, что города приобрели уникальную автономию и возможность самоуправления. Мэтью Вестминстерский писал: «Все народы мира согреты английской шерстью, претворённой в одежду во Фландрии».

Графы Фландрии подчинялись французскому королю, но силы фламандских гильдий поддерживали английский трон, чтобы обеспечить поставки шерсти. В конце тринадцатого столетия они попросили Эдуарда I Английского выслать войско, чтобы помочь им оказать сопротивление французам.

Связь между Фландрией и Англией ещё больше окрепла во время правления Эдуарда III который жил в Генте, где в 1340 году родился его четвёртый сын, Джон Гонт, герцог Ланкастерский, впоследствии ставший Генрихом IV Английским. На протяжении тринадцатого и четырнадцатого веков торговля между восточным побережьем Англии и Фландрией так сильно выросла, что между Норфолком и Фландрией путешествовало большее количество людей и перевозилось больше товаров, чем между Норфолком и Лондоном.

Начиная с 1290 года в Англии было несколько периодов голода. 1321–1322 гг. оказались особенно тяжёлыми в восточной части страны. Причиной стали плохие урожаи зерна, снизившиеся почти на шестьдесят процентов. Это усугубилось наводнением, вспышкой заражения овец печёночным сосальщиком и мором крупного рогатого скота от ящура.

Считается, что мор скота в 1321 произошёл от сибирской язвы, заражение которой возможно тремя способами. Самый распространённый — кожная инфекция, проникающая через порезы или ссадины на коже, образуя болезненные язвы с чёрным некротическим центром. Это портило шкуры, но не приводило к смерти. Ингаляционное заражение вызывают споры, попадающие в лёгкие. Результатом было заболевание, похожее на грипп, с серьёзным затруднением дыхания, в те дни часто смертельное. Третий способ — кишечное заражение, от которого в романе умирает малыш Оливер. Оно вызывалось употреблением в пищу заражённого мяса, отчего происходило воспаление кишечного тракта с кровотечением. Результатом обычно становилась скорая смерть.

Начиная с тринадцатого столетия, для обозначения дат не использовались цифры, даже в официальных документах. Вместо этого, чтобы датировать документ или событие, делались ссылки на святцы или ближайший церковный праздник.

В средние века в Британии и Европе использовался старый юлианский календарь. В 1582 году Европа перешла на григорианский календарь, но враждебная Риму Британия до 1752 года отказывалась следовать её примеру. Когда Британия приняла григорианский календарь, последовали уличные бунты, как и в Европе двумя столетиями ранее. Новый календарь перепрыгнул на одиннадцать дней вперёд, и люди решили, что их жизни укоротились на эти одиннадцать дней. Сейчас мы почти на тринадцать дней опережаем

старый средневековый календарь, и фиксированные события, такие как равноденствия, а также самые короткие и длинные дни, выпадают на даты, отличающихся от средневековых.

Хотя во времена Римской империи Юлий Цезарь официально перенёс Новый год на первое января, во многих местах на окраинах Римской империи ещё продолжали по старинке праздновать Новый год с двадцать пятого марта по первое апреля. В Англии в Средние века годы отсчитывали с двадцать пятого марта (с Благовещения), а не с первого января.

Улевик, что на староанглийском означает «место совы» — придуманная деревня, но её прототипом послужили деревни западного побережья Норфолка. Многие из них обезлюдели ещё со времени Чёрной смерти и в конечном итоге оказались заброшены на века.

Церкви и часовни в честь Архангела Михаила нередко возводились на месте бывших кельтских святилищ, где встречались боги воздуха и земли. Такие места называли ещё входом в подземный мир, и возможно поэтому старые церкви в честь святого Михаила часто ассоциируются как с чёрной магией, так и с исчезновением мёртвых из могил.

Старая женщина с разверстой вульвой, вырезанная над церковной дверью, довольно типична, в последние годы она известна как Шила-на-гиг. Это изображение встречается на средневековых церквях по всей Британии, хотя во многих деревнях вырезанные скульптуры получили свои, местные имена. Изображения Шилы по стилю отличаются от других гротескных изображений, вырезанных на таких церквях.

Считается, что эта резьба имеет языческое происхождение, и фигура Шилы представляет собой самое древнее кельтское божество, которое позже стали использовать в качестве украшения христианских сооружений. По другому мнению, она датируется одиннадцатым-двенадцатым веками, исключительно христианского происхождения, и помещается на церковь как предупреждение против похоти.

Проблема этой теории в том, что многие фигуры Шилы спрятаны под церковной крышей или размещены в местах, где простому люду никак не увидеть подобное предупреждение. И хотя, возможно, некоторые из резных фигур были перемещены в более поздние века, когда церковь ремонтировали или восстанавливали, это не объясняет все скрытые изображения.

Предания о Чёрной Ану или Чёрной Аннис существуют во всей Англии и Ирландии. По происхождению Ану — «материнская» форма кельтского божества, но как и Лилит, с распространением христианства она трансформировалась в чудовище, о котором говорили, что оно утаскивает и пожирает детей. О Чёрной Аннис до сих пор помнят в Дэйн-Хилл близ Лестера, где говорят, что она обитает в пещере, называемой «жилищем Чёрной Энн», которая, по слухам, соединяется чередой тоннелей с Лестерским замком. По ночам Чёрная Аннис рыщет по городу, а после удирает к себе через эти тоннели. «Жилище Чёрной Энн» было разрушено при строительных работах, однако легенда продолжает жить. Имя Чёрной Аннис живёт также во многих достопримечательностях Британии, как, например, озеро Чёрной Энн или река Эрн в Девоне.

Сова почиталась по всей Европе как древнее божество, символизирующее мудрость, многие кельтские и племенные богини могли обращаться в сов, поэтому совам никогда не причиняли вреда. Однако, когда христианство демонизировало эти божества, то же случилось и с совой, их символом. На сову стали охотиться, преследовать как дьявольское предзнаменование и предвестника смерти.

Оулмэн, известное средневековое чудовище, часть пантеона странных и опасных

созданий, таких как грифон, с крыльями орла и телом льва. Считалось, что, как и василиск, Оулмэн обитает в старых церковных башнях.

Но в отличие от других средневековых монстров, оставшихся древними мифами, Оулмэн продолжает жить в человеческом сознании. В 1995 году американский студент, изучавший морскую биологию, написал заметку в газету, сообщая, что стал свидетелем «адского видения» у церкви городка Мавнан в Корнуолле. «Оно было размером с человека, с жутким лицом, широким ртом, горящими глазами и острыми ушами. У него были огромные когтистые крылья, и всё оно было покрыто серебристо-серыми перьями. Длинные птичьи ноги заканчивались чёрными когтями».

Это не первый случай встречи с Оулмэном в Корнуолле. В апреле 1976 года две молоденькие девушки, отдыхавшие с семьёй, прибежали к отцу с рассказом, что видели гигантского человека-птицу на церковной башне. Оулмэна также видели в июле того же года две девушки из кемпинга неподалёку от церкви Мавнана. Ещё один инцидент произошёл с тремя молодыми француженками, которые сообщили об ужасной встрече хозяйке дома на побережье.

Ещё раз Оулмэн появлялся двумя годами позже, когда его видели молодая девушка и наконец-то мужчина. Однако чем бы ни объясняли эти явления — мистификацией, юношеской фантазией, переизбытком сидра или игрой света — они подтверждают, что мы не слишком отличаемся от наших средневековых предков, разделяя с ними те же желания, надежды и амбиции. И как они, мы по-прежнему боимся темноты.

Памяти моей тёти, Пэм Уэст, которая во всех аспектах своей жизни была воплощением духа бегинок [\[1\]](#). Компьютер, на котором написан этот манускрипт, куплен на её щедрый посмертный дар. А также в память о её приёмной дочери Тине, которая своей краткой жизнью принесла много радости Пэм и всей нашей семье.

...

*Скажи, смеясь пустому страху: Иовий,
Не различишь моей и вашей сил:
Лишь страх богами небо населил.*

Бен Джонсон, английский драматург, «Сеян», 1603 [\[2\]](#).

*Мы не знаем, насколько сильны, пока не приходится защищаться от всего зла
этого мира.*

Метхилда Магдебургская, бегинка с 1230 по 1270 гг.

Действующие лица

Бегинаж

НАСТОЯТЕЛЬНИЦА МАРТА — лидер бегинок, из Фландрии.

ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА МАРТА — пожилой врач, давняя подруга Настоятельницы Марты.

ХОЗЯЙКА МАРТА — казначей бегинажа, острая на язык.

ПРИВРАТНИЦА МАРТА — суровая местная бегинка.

КУХАРКА МАРТА — фламандка-повариха.

БЕАТРИС — бегинка из Фландрии.

ПЕГА — местная бегинка огромного роста, бывшая проститутка.

КЭТРИН — местная бегинка-подросток.

Поместье

АГАТА/ОСМАННА — младшая из трёх дочерей Роберта д'Акастера.

РОБЕРТ Д'АКАСТЕР — лорд Поместья, отец АГАТЫ и двух её старших сестёр близняшек ЭНН и ЭДИТ.

ФИЛИПП Д'АКАСТЕР — племянник лорда Роберта и управляющий поместья.

Деревня Улевик

ОТЕЦ УЛЬФРИД — приходской священник.

ДЖАЙЛС — серв, крепостной крестьянин.

ЭЛЛЕН, его пожилая мать.

ДЖОН — деревенский кузнец.

ЛЕТИЦИЯ — старуха, вдова и деревенская сплетница.

ЭЛДИТ, мать маленького Оливера.

Первая семья

ЛУЖИЦА — деревенская девочка.

УИЛЬЯМ — старший брат и мучитель Лужицы.

АЛАН — отец Лужицы и Уильяма.

МА — мать Лужицы и Уильяма.

Вторая семья

РАЛЬФ — отец Марион и двух её братьев.

ДЖОАН — жена Ральфа.

Чужаки

СТАРАЯ ГВЕНИТ — местная целительница, знахарка, колдунья.

ГУДРУН — внучка Старой Гвенит.

АНДРЕА — молодая девушка-отшельница.

МОНАХ-ФРАНЦИСКАНЕЦ — друг и защитник отшельницы Андреа.

ДЕКАН ЕПИСКОПА — доверенное лицо епископа Норвича.

anno domini 1321

В лето господне 1321

Джайлс понимал — они придут за ним, рано или поздно. Неизвестно где, когда и какая его ждала расправа, но он знал, что это случится. Ночью перед его дверью появилась мертвая сова. Джайлс не слышал, как её оставили, они всегда действовали бесшумно. Но на рассвете, выходя из дома на работу в полях Поместья, он нашёл на пороге сову, мокрую от ночного дождя. Это был их знак, предупреждение. Он торопливо похоронил сову до того, как её успела увидеть мать. Джайлс не хотел, чтобы мать знала о случившемся. Она слишком стара и слаба, и видела в жизни слишком много бед, чтобы вынести тяжесть ещё одной. Но с этого времени он ждал — ждал, что сзади набросят на голову мешок, когда мочился у дерева, ждал, что разобьют дубиной затылок, когда шёл по дороге, а ночью ждал, что его вытащат из постели.

Его могли схватить в лесу, в таверне или в церкви. За ним могли прийти рано утром, вечером или среди дня. И как ни старайся быть начеку, где-то, в какой-то час Мастера Совы найдут тебя. Ждать — вот и всё, что тут можно сделать.

Конечно, Джайлс думал о побеге. Несколько раз он чуть было не удрал. Но серв не может уйти без согласия лорда. И даже если вдруг, каким-то чудом удастся добраться живым до города и затаиться там на год, пока его не объявят вольным — он знал, они отыграются на матери. А если не они, то уж лорд д'Акастер точно.

Но с тех пор как мёртвую сову оставили у Джайлса на пороге, прошло уже несколько недель, и когда светило солнце, ему удавалось убедить себя, что Мастера Совы всё же не придут за ним. Он знал, глупо было спать с той служанкой после того, как д'Акастер дал ей разрешение на брак с другим. Теперь девушка вышла замуж, и с тех пор они больше не виделись. Может, то, что они не вместе — достаточное наказание? Джайлс пытался убедить себя, что Мастера Совы удовольствуются этим, но в долгие ночные часы, лёжа без сна, насторожённо прислушиваясь к каждому звуку, он всем нутром чувствовал, что это не так.

И вот, этой ночью, они наконец явились. Столпились в маленькой комнатке, лица скрыты за совиными масками из перьев, одежда спрятана под длинными коричневыми плащами. На минуту Джайлс ощутил что-то вроде облегчения, он почти желал покончить с этим, но тут же его охватил дикий страх, и он с трудом заставил себя не упасть на колени с мольбой о пощаде.

Мать встала перед ним, пытаясь защитить, как часто вставала между ним и разъяренным отцом, когда Джайлс был маленьким. Тогда он прятался за её юбкой, но сейчас мягко отодвинул мать в сторону. Он сделал это осторожно, а гости поступят иначе, и он не хотел слышать хруст её ломающихся костей, ему хватало рыданий, ставших для него пыткой.

— Прошу, господа, прошу, не трогайте его. Он — всё, что у меня есть. Без него я умру от голода. Милостивый боже, сжался... Возьмите меня вместо него. Мне всё равно, что вы со мной сделаете, только не причиняйте боли моему мальчику, умоляю вас.

Опухшие скрюченные пальцы вцепились в рукав Джайлса, как будто она хотела силой вырвать сына из их лап.

— Не волнуйся, старуха. У нас есть для него одно дельце. Так что старая матушка будет им гордиться.

Старуха в отчаянии смотрела на возвышающихся над ней мужчин, переводя взгляд с

одного на другого и пытаюсь понять, который из них говорит, но это было невозможно — рты скрыты под масками, искажающими голос. Она изо всех сил старалась втиснуться между Джайлсом и державшим его Мастером Совы, но тот взмахнул рукой и ударил её по лицу, отбросив к стене коттеджа. Джайлс вырвался, бросился к матери и упал на колени, опираясь рукой о стену, пытаюсь закрыть собственным телом.

— И это ваш древний кодекс правосудия? — возмутился он. — Бить беззащитную женщину?

Он запоздало увидел проблеск металла. В руку вонзился острый железный коготь, пригвоздил к стене. Джайлс закричал. Из его запястья на колени матери потекла кровь. Четыре пары глаз, глубоко запрятанных под перьями совиных масок, невозмутимо наблюдали, как парень всхлипывает и корчится от боли. Наконец, Мастер Совы выдернул коготь и поднял Джайлса на ноги.

— В следующий раз, парень, это будут твои глаза. И после этого ты уже не увидишь, куда мы собираемся нанести удар.

Дрожа от боли, Джайлс позволил им подтащить себя к низкой двери.

— Увидишь своего сына завтра, старуха, в праздник Майского дня. У него там будет самое почётное место. А теперь иди в постель. Смотри, чтобы твоя дверь была закрыта, и рот тоже.

Джайлс знал — матери не надо объяснять, чтобы держала язык за зубами. Этого никому в здешних местах объяснять не надо. Когда Мастера Совы выволокли его в темноту, он оглянулся. Мать стояла в тусклом жёлтом свете одинокой оплывшей свечи, зажав руками рот. По сморщенным щекам бежали слёзы. Даже скорбь должна быть молчаливой. И когда Джайлс, яростно, как никогда в жизни, взмолился о спасительном чуде, отчаянный внутренний голос сказал ему, что чуда не случится, только не для него, не в Улевике.

Канун Майского дня, 1321

Первая ночь Белтейна [\[3\]](#)

Первый костер бога Бела, костер света. В эту ночь древняя богиня из голубого льда Кэйлич — старуха-властительница тьмы, что правит от Самайна до Белтейна [\[4\]](#), бросает свою клюку под священный куст и превращается в камень.

Кажется, я слышала этой ночью в большом лесу вопли умирающего. Но сейчас не уверена — может, слышала, как труп восставал из мёртвых. Он вопил пронзительно и жалобно, но не просил о пощаде. Он вызывал Смерть на поединок, запрокидывал голову и требовал страданий, будто хотел, чтобы демоны утащили его в ад. Если это был человек, должно быть, он безумец. Если долго смотреть на луну, можно сойти с ума. А сегодня луна кругла, как живот беременной женщины, и люди должны бояться её еще сильнее.

Я никогда не смогу рассказать другим женщинам, что видела, даже Пеге. Как я объясню, что делала там, в лесу, в полночь одна? Я не лунатик, не как тот сумасшедший. Я пошла в лес не для того, чтобы меня там убили, хотя прекрасно осведомлена об опасностях. Один Господь знает, сколько смертоносных тварей копошится в той древней роще. Ядовитые гадюки, дикие кабаны, волки, даже олень во время гона может убить. И будто одних зверей недостаточно, есть еще воры и разбойники, охотящиеся на любого, забредшего в их владения.

Пега, хоть она выше любого мужчины, ни за что не войдет в лес после наступления темноты. И никто из деревенских женщин. Говорят, голодные призраки, как туман скользящие среди деревьев, сожрут тебя, стоит лишь наступить на то место, где кто-нибудь умер. А за прошедшие века сотни людей умерло в этих лесах, не оставив и следа.

Мне пришлось собрать все остатки храбрости, чтобы пойти в этот лес, но что было делать? Аронник [\[5\]](#) надо собирать при полной луне, только так у этой травы будет сила вернуть способность к деторождению. Я не рискнула попросить помощи ни у кого из лечебницы. Мы связаны обетом celibата, таково правило, а зачем женщине, не живущей в браке, пытаться восстановить способность рожать? Но я это делаю, я должна.

Над верхушками деревьев плыла луна, заливая светом листву, превращая ветки в жуткие выбеленные кости. Я вздрагивала в ужасе от каждого скрипа и писка, но заставляла себя идти всё дальше и дальше вглубь леса. Мне нельзя возвращаться с пустыми руками. Аронник всегда нелегко найти, при солнечном свете или под луной. Пега зовёт его дьяволовой колючкой. Эта травка любит темноту, влажные места среди древесных корней, а её пёстрые листья отлично маскируются.

Я поняла, что оказалась недалеко от реки — слышался шум бегущей по камням воды. Я повернула назад, зная, что этот цветок не растёт по берегам, предпочитая глубокую лесную тень. Потом, когда сама луна раздвинула белыми пальцами травы, обнажив бледные черешки, я его увидела. Я опустилась на колени на влажную землю, достала нож, чтобы выкопать корни, и тут услышала новый звук. Не рычание зверя. Это был человеческий голос.

Сердце дико застучало, я вскочила на ноги, стараясь не шуметь, и прислонилась спиной к шершавому стволу дерева для защиты. Моя рука крепко сжала нож, я оглядывалась, пытаюсь понять, откуда доносился голос, но ничего не могла разглядеть. Говорят ли голодные призраки прежде, чем напасть?

Осторожно ступая, я попыталась незаметно уйти с того места, где услышала звук. Я прислушивалась, задерживая дыхание, но за мной не было шагов. Может, мне просто почудилось. Я осторожно кралась, молясь, чтобы меня не выдала хрустнувшая под ногами ветка. Я подошла к краю поляны, похожей на озеро ртути, раскинувшееся под ногами. Оно плескалось вокруг огромного зелёного дуба с таким толстым стволом, что его едва смогли

бы обхватить шестеро мужчин. В стволе виднелось дупло, глубокое и тёмное, как склеп, и хотя оно было открыто небу, ни единый луч лунного света не проникал внутрь.

Внезапно я снова услышала голос. Он шёл откуда-то прямо передо мной. Вместо того чтобы убежать от опасности, я наткнулась на неё.

— Для Яндила, владыки подземного мира, я проливаю кровь белого оленя. Прими её, как мою кровь. Пей.

Голос звучал не дальше нескольких ярдов от меня, но поляна казалась пустой. Руки стали липкими от пота, несмотря на ночной холод, а сердце колотилось так яростно, будто вот-вот выскочит из груди. Хотелось бежать, но я слишком боялась, что меня заметят, если пошевелюсь.

— Для Тараниса, владыки этого леса, я обнажаю плоть белого оленя. Прими её, как мою плоть. Ешь.

Дрожа от страха, я вцепилась в ствол дерева, чувствуя, что если отпущу его, мне не устоять на ногах. Потом я увидела какое-то движение. Через серебристую поляну ко мне ползла чёрная тень, и это был не человек. Над его грудью возвышалась длинная узкая морда с парой ветвистых рогов, а позади болтались четыре или пять длинных хвостов. Казалось, оно ползло прямо к тому месту, где стояла я. Оно извивалось, тянулось ко мне. Я зажмурилась, стараясь не закричать.

— Дух белого оленя я приношу в дар Рантиполу, владыке воздуха. Прими его, как мой дух. Поглоти его.

Я открыла глаза, слишком испуганная, чтобы бежать. Существо стояло перед зияющим дуплом дуба, спиной ко мне. Теперь, когда его осветила луна, я поняла смысл увиденного кошмара. Нет, это был не монстр. Это мужчина, высокий и крепко сложенный. С его плеч свисала шкура оленя с рогатой головой. Зверя забили совсем недавно, в холодном ночном воздухе от шкуры ещё шёл пар. Кровь влажно сверкала в лунном свете. Я чувствовала её запах.

— Я пришёл к двери трёх миров. Позволь мне войти. Ка! [\[6\]](#)

Человек отбросил с головы капюшон. Потом поднял голову оленя и водрузил поверх своей головы. По его коже и волосам стекала кровь. Схватив дымящуюся шкуру обеими руками, он завернулся в неё, как в плащ. Когда человек поднял голову, оленьи рога вскинулись вверх, словно бросая вызов луне.

— Услышь меня, Таранис, владыка гибели, великая несправедливость совершена с тобой и с нами, твоими слугами. Когда-то твоё создание, порождение отчаяния и темноты, правило этим местом. И эта долина носила его имя. Твой демон нёс всем, кто не повиновался тебе, смерть в этом мире и мучения в мире ином. Каждый человек понимал, как он страшен, и в страхе обращался к тебе и к нам, твоим слугам. Но сто лет назад, в канун Самайна, к этому порогу пришли женщины. Они не сумели убить твоего демона, но изгнали его в сумеречное время, в место теней, где протекают бесчисленные дни и безымянные годы. Сегодня ночью я открываю эту дверь, чтобы найти знание, которое снова вызовет демона. Другие до меня пытались укрыться под шкурой оленя, но гибли прежде, чем прокричит петух, ибо не были достаточно сильны, чтобы выдержать твоё испытание, и за эту слабость ты уничтожил их. Этой ночью умирает старая ведьма Кэйлич. Этой ночью рождается Цернуннос, бог плодородия. Я охотился. Я убил. Я принял его облик и его силу. Он перерождается в эту ночь, и я перерождаюсь вместе с ним.

Человек поднял вверх огромные руки с крепко сжатыми кулаками и закричал,

обращаясь вверх, к звёздам.

— Таранис, владыка ночи, даруй мне знания, чтобы вызвать твоё создание к жизни, дай власть вернуть его и силу, чтобы справиться с тем, что поднимается из темноты! Ка!

Он наклонил голову и одним стремительным движением нырнул в чёрное дупло огромного дуба.

Я в оцепенении смотрела туда, где исчез этот человек, напуганная услышанным, не в силах пошевелиться. Поляна застыла в тишине. Деревья трепетали, затаив дыхание. Внезапно меня охватила паника, и ноги снова смогли двигаться. Они слишком сильно дрожали, чтобы бежать, и мне удалось сделать только несколько шагов, когда позади я услышала громкое шуршание. Как будто налетевший ветер закружил сухие листья, вот только ветра не было. Я ничего не могла с собой поделать и обернулась. Я должна была посмотреть.

Поляну всё ещё заливал призрачный свет, но она не была больше безмолвной и тихой. Земля повсюду вздымалась. Листья, корни и трава поднимались, будто тысяча кротов прокладывала под землёй путь наверх. Земляные холмы выросли всё выше и выше, пока вдруг все они не лопнули, и из них наружу хлынул поток насекомых — жуков, червей, сороконожек, налитых кровью пауков и огромных белых личинок — все твари, что питаются мертвечиной, потянулись из грязи вверх, к лунному свету.

На землю невозможно было смотреть — каждый дюйм кишел жирными насекомыми, и все они сползались к огромному дубу. Крылья жуков щёлкали и шуршали, насекомые роились вокруг ствола, стремясь к чёрной утробе дуба. Они скользили в дупло, где исчез человек, и я слышала, как он задыхается. Потом, когда огромный поток насекомых проник под кору и заполз в дупло, стоны сменились диким криком боли и вызова.

— Я отдаю тебе свою кровь, Яндил, я отдаю тебе свою... кровь!

Голос, идущий из глубины дупла, перешёл в крик, в вопль агонии, как будто все эти могильные твари жрали его, срывая с костей живую плоть.

Майский день

Второй из трех дней костров Белтейна и день святой Вальпургии. Вальпургия родилась в графстве Эссекс (Англия) в восьмом веке. Стала настоятельницей двойного монастыря Хайденхайма (Германия), управляя одновременно монахами и монахинями.

Меня внезапно разбудил громкий лай. Все собаки в Поместье тявкали. И неудивительно — похоже, мимо наших ворот неслась шумная охота. Я выглянула в створчатое окно.

Хотя ещё едва рассвело, на дороге у Поместья толпились чужаки, спешащие на ярмарку, в Улевик. По камням грохотали телеги. Девчушки гнали большие стаи шипящих гусей. Старухи тащили на длинных верёвках блеющих коз, которые путались под ногами уличных торговцев, сгибавшихся под тяжестью тюков с товаром. В длинных тяжёлых повозках, запряжённых волами, среди тюков и бочек сидели на корточках женщины, болтали или пели. Дети бежали рядом, цепляясь за повозки, визжа и смеясь, когда фургон подбрасывало в дорожной колее. Молодые люди перебирались через канаву к насыпи, где распустились жёлтые первоцветы, и бросали букетики хихикающим девушкам в тележках, выпрашивая поцелуи. Хотелось бы мне быть в одной из этих телег, хотелось, чтобы какой-нибудь мальчик осыпал цветами мои колени. Но я знала — никто и никогда не попытается получить мой поцелуй.

Я оделась намного раньше остальных членов моего семейства и нетерпеливо шагала взад-вперёд по огромному холлу. Мне отчаянно хотелось быть там, среди толпы. Но матери и сёстрам требовалось, чтобы каждая складочка на их покровах лежала идеально ровно. Думаю, они делали это для того, чтобы заставить остальных ждать, зная, что Майский день не начнётся без нас, поскольку мой отец, лорд Роберт д'Акастер, был хозяином этой ярмарки.

И наконец, отец возглавил шествие нашей семьи и слуг по Улевику, в сторону Грина. Он с важным видом шёл впереди, широко расставляя толстые ноги, как маленький мальчик, намочивший штаны. Несмотря на холодный день, мясистое лицо уже покраснелось и вспотело от усилий. Мать плелась рядом, держа его под руку, потупив взгляд, словно боялась того, что может увидеть. За ней чинно, рука об руку, следовали мои сёстры-близняшки, Энн и Эдит. Никто не сказал бы, что они мне родня.

Я похожа на мальчишку, как всегда говорила мне мать, слишком маленькая, слишком худая, слишком бесцветная. Волосы у меня каштановые, как у матери, только мои выются, и как обычно, этим утром они отказались держаться в причёске, хотя горничные долго драли их гребешками. Девушки ворчали и ругались, уверенные, что мать накажет их, но им не стоило волноваться. Она всегда и во всём винила меня, так почему бы и не в этом, как обычно?

Волосы Энн и Эдит, конечно же, гладко причёсаны, идеально заплетены и уложены кольцами за ушами, как их закололи горничные. Обе мои сестры унаследовали рыжеватые волосы отца и бледное лунообразное лицо матери. Целомудрие близняшек мать охраняла пуще собственных драгоценностей, поскольку отец требовал, чтобы ни одна из них даже не поднимала на мужчину взгляд до того, как в целости и сохранности не будет выдана замуж. Отец решил сохранить богатство в семье и пообещал одну из моих сестёр своему племяннику Филиппу. Которую Филипп выберет — отцу было неважно. Но тот не спешил выбирать — слишком много удовольствия ему доставляли служанки.

Меня, по крайней мере, не выставляли на продажу. Хотя я всего на год младше близняшек, меня не предлагали никому. Мои милые сестрички никогда не упускали случая напомнить, что я родилась под звездой Демона, и затащить меня в постель не рискнёт даже

старый попрошайка Том. Думаю, в этом мне повезло.

Кузен Филипп отбился от нашей процессии задолго до того, как мы подошли к Грину. Я понимала, что он уже заскучал и искал, с кем бы поразвлечься — он постоянно оглядывался вокруг, подмигивал и строил глазки всем хоть сколько-нибудь сносным женщинам, не обращая внимания на приветствия и поклоны всех остальных. Говорили, что Филипп выглядит в точности, как мой отец в молодости, но на этом сходство и заканчивалось, поскольку отец считал прелюбодеяние величайшим из грехов.

Слуги шептались — удивительно, что лорд Роберт вообще произвёл на свет детей, поскольку никто не видел, чтобы он с нежностью прикасался к моей матери. Отец даже смотрел на неё чаще всего так, словно она вызывает у него отвращение. Он постоянно требовал, чтобы бедный отец Ульффрид читал проповеди о том, как блудники и прелюбодеи будут жариться в самой горячей яме ада, хотя отец Ульффрид пытался возражать, что эта яма предназначена для худших грешников. Но если проповеди предназначались для обуздания appetитов моего кузена Филиппа, то действия они не имели, поскольку в церкви он бывал слишком редко и поучений не слышал.

Из толпы доносились громкие крики — выпустили жертвенного барана, остриженного и смазанного жиром. Молодые парни, уже раздевшиеся по пояс, подталкивали друг друга, собираясь пуститься в погоню, девушки их подбадривали. Когда парни с гиканьем бросились за бараном, тот, как будто предчувствуя свою судьбу, сначала легко обыграл их, пробежав вокруг площади, через тщательно ухоженные огороды, уворачиваясь от визжащих и размахивающих палками и кастрюлями хозяек, чьи травы вытаптывал он и его преследователи. Но баран в конце концов устал, и хотя, будучи загнанным в угол, смело попытался броситься на своих мучителей, лидер стаи юнцов схватил его за рога и швырнул на землю.

Животное украсили венком и привели к церкви. Там ему перерезали горло одним быстрым взмахом, и в подставленный таз потекла дымящаяся кровь. Сияющее лицо и грудь победителя окрасились алым. Он взобрался на лестницу, установленную перед церковной дверью, и вымазал кровью барана зияющие гениталии голой старухи, Чёрной Ану, вырезанной над дверью.

— Ка! — вопили жители деревни, хлопали в ладоши и свистели. Вскоре баран уже поворачивался на вертеле над огнём, в воздух поднимался сладковатый дым.

Я повернулась, чтобы посмотреть на акробатов. Они балансировали с длинным шестом на плечах, а одетая в алое девочка с парой крошечных крыльев, прикреплённых за спиной, ступала по шесту изящно и уверенно, как кошка по стене. Она балансировала, раскинув тонкие руки. Акробаты начали подбрасывать шест на плечах. Девочка подпрыгнула, перекувыркнулась и снова приземлилась на шест, пошатнувшись, но вполне удачно. Деревенские от души хлопали, когда она спрыгнула вниз. Женщины гладили ее золотистые волосы, совали в руки лакомства. Мужчины добродушно щипали за щёку и бросали одну-две монетки. Дети смотрели на неё с благоговейным страхом, как на королеву Маб [\[7\]](#).

Под визг и взрывы смеха появились лицедеи во главе с шутом, который преувеличенно кувыркаясь, спотыкался о невидимые предметы, а потом притворно сердился на смеявшихся над ним и бил их свиным пузырём, отчего те веселились ещё больше.

Через толпу весело проскакал «всадник» на палке с деревянной лошадиной головой, уворачиваясь от детей, которые пытались схватить кусок пирога, насаженный на острие пики. Он дразнил, предлагая пирог, а потом поднимал повыше, где детям его не достать.

Когда удачливому малышу удавалось схватить медовый пирог, шут задирали пикой юбки хихикающих женщин или тыкал в зад тех, кто неосторожно поворачивался к нему спиной.

Появилась «уличная девка», и толпа взревела — она всегда была всеобщей любимицей. На самом деле это был кузнец Джон, который привязал на грудь под платье два наполненных пузыря. Он жеманно улыбался, продвигаясь маленькими шажками сквозь толпу, и притворно возмущался, когда парни пытались ущипнуть гротескный накладной зад. У него в кузнице они бы такого не посмели. «Девка» протиснулась к кузену Филиппу, покачивая бёдрами и трясая перед его лицом массивной грудью.

— Вот тебе загадка, хозяин: я — самый лучший подарочек для женщин, снизу волосат, и раздуваюсь в своём ложе. Хорошенькая девушка тянет меня, трёт мою красную кожу, а я на неё брызгаю белым молоком. Хоть во мне и нет костей, я такой крепкий, что у неё аж слёзы на глаза наворачиваются. Скажи-ка, хозяин, кто я такой?

«Девка» подмигнула толпе и, не дожидаясь ответа моего кузена, выкрикнула:

— Лук, конечно! — Она указала пальцем на пах Филиппа. — Но девушка знает, что ты подумал, проказник.

Толпа завизжала от смеха, но Филипп совсем не казался весёлым. Даже в этот день, когда всё дозволено, ряженые понимали, что нельзя слишком уж искушать судьбу — взглянув на его лицо, они отступили и направились дразнить кого-нибудь другого.

Шум и хохот резко оборвались. Деревенские жители отпрянули, когда вывели святую Вальпургию — гигантскую женскую фигуру с массивным конусообразным телом и раскрашенной деревянной головой, увенчанной короной. Когда святая, раскачиваясь, продвигалась вперёд, голова болталась из стороны в сторону. Ивовый каркас тела плотно оплетала майская зелень, колосья прошлогодней пшеницы и ячменя, так что никто не мог разглядеть скрытого под каркасом человека. Малыши плакали, прячась за матерей, когда чудовищная фигура, покачиваясь, приближалась к ним.

Шестеро мужчин в плащах держали верёвки, связывавшие святую. Они тащили её вперёд и одёргивали назад, как будто это дикий медведь, который мог наброситься на толпу. Лица стражей в коричневых плащах скрывались за покрытыми перьями масками больших рогатых филинов. В гуще перьев мрачно и опасно поблёскивали глаза, устрашающие бронзовые клювы, острые, как косы, сверкали в бледных лучах солнца. Когда Мастера Совы проходили мимо, деревенские женщины прижимали к себе детей, укрывая их юбками.

Процессия продвигалась вперёд, пока не достигла подножия Майского дерева. Там святую привязали, скрутив верёвками. Шут пустился вокруг неё в пляс, но Мастера Совы отогнали его прочь. Подбадриваемый толпой, шут увернулся и легонько шлёпнул святую своим дурацким пузырьком. Мастера Совы вытащили из-под плащей короткие мечи. Они угрожающе окружили шута, вертевшегося посередине, уклоняясь от клинков. Мечи поднимались и опускались, толпа ревела, подбадривая шута.

Внезапно мелькающие клинки замерли, сомкнулись, образуя шестиконечное солнце над его головой. Мастера Совы двигались по кругу, железное солнце вращалось над шутком, и он опустил на колени. Толпа притихла, затаив дыхание. Над площадью разносился только одинокий вой, жалобные мольбы шута. Но над ним не сжалились. Смертоносное солнце опустилось ниже, сомкнулось вокруг шеи, и шут упал замертво.

Шестеро Мастеров Совы, как один, безмолвно повернулись лицом к толпе, нацелив на мечи на сердца жителей деревни. Свирепые совиные лица вглядывались в них свысока, бросая вызов — кто ещё рискнёт приблизиться. Никто не сдвинулся с места. Никто не смел

пошевелиться.

«Девка» протиснулась мимо Мастеров Совы. Они пропустили её. Она хлопотала над распротёртым на земле телом, суежилась, поднимая безжизненные руки и ноги, а потом снова бросая на землю. «Девка» похлопала шута по щекам, открыла ему рот и «вылила» в него содержимое пустой бутылки. Убедившись, что это не помогло, она запихнула ему в рот одну из своих массивных «грудей». Тут шут вскочил на ноги и сделал пару кульбитов, чтобы показать, что он вполне здоров.

Деревенские захохотали — взрыв нервного смеха, такой случается, когда спадает напряжение. Дети катались по земле, изображая поддельные предсмертные муки шута, убедившись, наконец, что всё это только игра. Ряженные скакали по Харроу-Грин ^[8], шут поцеловал «девку», а она вlepила ему затрещину.

Я не заметила, как во всей этой суматохе исчезли Мастера Совы. Возможно, они снова убрлись в лес, а может, сняли маски и коричневые плащи и смешались с толпой. Некоторые деревенские пугливо оглядывались вокруг, словно боялись увидеть их у себя за спиной. У Мастеров Совы не было ни имён, ни лиц. Они могли оказаться кем угодно из жителей Улевика. Кто исчез из толпы на то время, пока здесь были Мастера Совы? Некоторые вопросы задавать нельзя.

Деревенские разбрелись по сторонам, набивали желудок, пили, плясали и снова пили. Только святая Вальпургия оставалась неподвижной. Огромный соломенный каркас опустился на траву. Я знала — внутри него кто-то есть. Святая не могла двигаться сама, хоть деревенские ребятишки и верят в это.

Площадь усеяли кости и навоз, куски пирогов, потерянные ленты, помятые цветы и разбитая посуда. Тени быстро удлинялись, над головой закружились птицы, летящие на ночлег. Внезапно откуда ни возьмись налетел холодный ветерок. Я вздрогнула.

Мастера Совы вернулись так же бесшумно, как исчезли. Я не видела, откуда они появились — как будто они никуда и не исчезали. Те из селян, что ещё оставались достаточно трезвыми, чтобы держаться на ногах, нервно вздрагивали, завидев их. Мастера Совы подхватили верёвки святой и теперь стояли вокруг неё неподвижно, лицом к нам. Споры и смех постепенно затухали. Соседи подталкивали друг друга, пока, наконец, всеобщее внимание не сосредоточилось на шести фигурах в масках сов.

Подружки вытолкнули из толпы подвыпившую девушку с растрёпанными волосами и в заляпанной травой юбке. Она сделала неуклюжий реверанс, потом подалась вперёд, высунув от усилий кончик языка, розовый, как у котёнка. Девушка бросила майскую гирлянду, и та приземлилась точно поверх раскрашенной деревянной короны святой. Поддерживающие её подружки захихикали, уверяя, что такой удачный бросок — знак того, что она выйдет замуж до конца года. Девушка посмотрела на парней. Они глумились, тыча в бок одного из них, который, похоже, искренне молился, чтобы девица промахнулась.

Мастера Совы натянули верёвки и потащили неуклюже переваливающуюся святую через Харроу-Грин в сторону леса, за ними на безопасном расстоянии двинулись все мужчины Улевика, по крайней мере те, что не упились, как свиньи. Женщины смотрели вслед, но не двигались с места. Нас, женщин, в лесу не ждут.

Сердце бешено застучало, ладони стали липкими от волнения. Я почти месяц строила планы, но теперь, когда пришло время, мне не верилось, что я и вправду сумею это сделать. Что если меня заметят? Если мать внезапно хватится и обнаружит, что я исчезла? Но если не попытаюсь — буду попрекать себя этим целый год, прежде чем смогу попробовать снова.

Страдальчески вздохнув, мать подала нам знак, что пора отправляться домой. Она пошла впереди, под руку со старым преданным слугой, в полной уверенности, что все мы безропотно следуем за ней. Две моих послушных сестры так и поступили, а я пригнулась, спрятавшись за телегой. Во всей этой суматохе сборов никто не заметил моего отсутствия в процессии, следовавшей за матерью. В этом преимущество нежеланного ребёнка — никто не обращает внимания, когда ты исчезаешь.

Пока все суетились, я оставалась в своём укрытии, потом подобрала юбки и побежала к лесу, петляя между домами. Ночь опускалась быстро, в небе над голыми чёрными ветвями догорал бледный оранжевый свет солнца. Ни одна хорошая девочка не останется на улице в такой поздний час, но, как всегда говорила моя мать, я не хорошая девочка.

В лесу темнеет рано. На самом деле мрак из леса никуда и не уходит, он весь день прячется среди кривых старых стволов, ожидая часа, когда сможет снова просочиться в луга. Я не видела тропу, но люди впереди зажгли факелы, и мне стало легко следовать за змеёй жёлтого пламени, пронзающей темноту. Мужчины слишком пьяны, чтобы обратить внимание на чью-то тень среди кустарника.

Я увидела, как впереди змея огня свивается в пылающий шар. Я никогда не заходила так далеко в лес, и конечно, никогда не бывала там одна, так что понятия не имела, где мы. Должно быть, где-то у реки — слышался шум бегущей воды.

Мужчины собрались на поляне рядом с огромным узловатым дубом. Они оглядывались, высоко держа пылающие факелы. Я притаилась в темноте среди деревьев и могла смотреть, оставаясь незамеченной. Ни отца, ни кузена Филиппа не было видно, но я знала, что они где-то здесь — они ходили сюда каждый год. Женщинам запрещалось при этом присутствовать. Нам даже не рассказывали, что здесь происходит. Это была мужская тайна, но теперь — нет, ведь в этом году я наконец всё узнаю. Я чуть было не рассмеялась вслух при мысли о том, как удивились бы все эти мужчины, если бы узнали, что в их заповедном лесу девушка — всего лишь в футе от них.

Святая Вальпургия одиноко стояла в центре поляны, вокруг неё горой складывали ветки и хворост. Она больше не двигалась. Должно быть, того, кто «управлял» ею, кем бы он ни был, освободили до того, как мы добрались сюда. Но кто же сидел там, внутри? В мерцающем факельном свете все лица, как маска, скрывала тень. Мужчины всё так же боязливо озирались, всматриваясь в тёмную чащу. Они толпились, пытаясь оказаться в центре группы, как будто, стоя с краю, не чувствовали себя в безопасности.

Я замерла, услышав шелест в кустах за спиной — из тени, не более чем в ярде от меня, молча выскользнул Мастер Совы. Происходящее внезапно перестало казаться игрой. А если меня обнаружат? Что они со мной сделают? Что сделает отец, если узнает, что я здесь? Как глупо было даже думать о том, чтобы идти сюда. Мне отчаянно хотелось уползти прочь, пока меня не схватили, но я не смела даже пошевелиться, боясь, что заметит Мастер Совы. Через мгновение в нескольких ярдах с другой стороны от меня появился второй Мастер Совы, потом ещё и ещё, пока их не стало девять. Они безмолвно стояли, окружив поляну, сливаясь с темнотой, только бронзовые клювы на масках поблескивали в свете огня. Внезапно их заметили деревенские мужчины на поляне. Они теснее сбились вместе, как овцы в окружении овчарок.

Святая неподвижно стояла в гнезде из хвороста. Девять Мастеров Совы немног помедлили, потом вытащили мечи и направились к ней. Деревенские расступились, пропуская их. Мастера Совы выхватили у ближайших мужчин пылающие факелы и высоко

подняли над головами, обернувшись к толпе. В ветвях над поляной завыл ветер, языки факелов закачались, отбрасывая кружащиеся смутные тени. Снаружи круга мерцающего света темнота сгустилась, стала почти чёрной. Все стояли, не шелохнувшись. Низкий, искажённый голос из-под маски совы разнёсся над затихшей поляной. Который из Мастеров Совы заговорил — разглядеть было невозможно.

— Таранис будет признан. Он получит то, что принадлежит ему. Тот, кто стоит у него на пути, кто мешает естественному ходу вещей, навлекает на всех нас проклятие. Позволим ли мы этому произойти?

— Нет! — проревела толпа.

— Допустим ли мы, чтобы это случилось?

— Нет!

— Что мы должны сделать?

— Отдать ему эту святую! Отдать ему святую Вальпургию!

Деревенские мужчины затопали ногами. Мастера Совы стали медленно приближаться, окружая деревянную святую, низко, как хищники, пригибаясь к земле.

— Кровью мы обновляем нашу силу.

— Смертью мы обновляем нашу жизнь.

— Разрушая, мы возрождаем творение.

— Огнём мы делаем жизнь плодородной. Ка!

Скандирование и топот толпы становились всё сильнее, казалось, к ним присоединяются даже деревья. Неожиданно один из Мастеров Совы прыгнул вперёд и воткнул меч в тело святой. Тишину пронзил крик. Когда Мастер выдернул меч, на клинке влажно блестела кровь. Потом Мастер Совы швырнул свой факел в кучу хвороста, вспыхнул огромный костёр, в ночь вырвались дым и языки пламени. Золотые искры взметнулись к вершинам деревьев. Святая Вальпургия извивалась, издавая дикие крики и вой. И в запахе дыма от горящего хвороста явственно чувствовалась вонь горящих волос и поджаривающейся плоти.

Настоятельница Марта

В наших стенах парит беспокойный дух. Он рыщет вокруг с первой утренней молитвы, а с наступлением темноты становится сильнее. Поднявшись с кроватей в полночный час для молитвы, бегинки жмутся друг к другу, ограждённые от живущего в уголках часовни мрака лишь слабым огоньком свечи. На тех, кто служит Святому Духу, снисходит мир. Я всегда сильнее чувствую это на первой утренней службе. Пусть ночь черна, как крылья Сатаны, пусть ветер сотрясает деревянные ставни и дождь стучит по двери — внутри маленькой часовни нашего бегинажа всегда спокойно.

Но не в эту ночь. Сегодня ночью здесь не было мира. Между нами как будто пробежал ледяной сквозняк, я не могла его не заметить. Женщины склонили головы, будто поглощены молитвой, но в них видна была дрожь беспокойства. Они, как лошади, что дёргаются и прядают ушами, чувствуя зверя, рыщущего у конюшни, были напряжены, прислушиваясь к чему-то за нашими стенами.

Даже семь других Март, которых, как и меня, избрали, чтобы управлять бегинажем — зрелые и разумные женщины — выглядели необычно беспокойными. Кухарка Марта, Пастушка Марта, даже наша невозмутимая Привратница Марта — все поднимали головы, оглядываясь на закрытые ставнями окна, как будто тоже ощущали снаружи что-то недоброе.

Я стояла перед коленопреклонёнными бегинками на ступенях нашего святилища, воздев к небу руки.

— Gloria Patri, et Filio, et Spiritu Sancto. Ame...

Послышался жалобный протяжный вой, кто-то царапался в дверь. Некоторые испуганно ахнули, все головы повернулись на этот звук. Пастушка Марта поднялась, торопливо перекрестилась, пробормотав извинения, и направилась к двери. Как только она отворила дверь, в часовню ворвался Леон, её большой и лохматый чёрный пёс. Он увернулся от протянутой руки Пастушки Марты и напрямик помчался в самый дальний угол. Даже это огромное животное было обеспокоено.

Я не слепая, с самых сумерек я видела горящие на вершинах холмов костры Майского дня, парные костры, яркие, как рубины в темноте. А ещё слышала визг и пьяный смех селян, разбредавших по домам после целого дня бесчинств, но эти отвратительные звуки не проникали через стены часовни. Они не должны мешать нашим песнопениям, но женщины тревожились, и хотя я повышала голос и он эхом отражался от каменных стен часовни, мне не удавалось овладеть их вниманием.

— Sed libera nos a malo. Пусть наш благословенный Господь и вправду избавит нас от лукавого в эту ночь.

Я обернулась, ища поддержки у старого друга. Целительница Марта склонилась в тени алтаря, прислонившись спиной к стене и пряча лицо под капюшоном. Она всегда так молилась, когда у неё болела спина. Много лет назад Целительница Марта упала на скользкие булыжники и с тех пор хромала. Боль терзала её день и ночь. Некоторые дни бывали хуже остальных, и тогда она сидела с бледным, как мел, лицом, плотно сжимая губы, будто боялась, что с них сорвётся крик. В иные дни чужой человек ничего бы и не заметил, но когда она думала, что никто не видит — держалась за поясницу, выдавая скрытую боль. При всех знаниях о травах и мазях она не могла исцелить себя. Я каждый день молилась за её здоровье, но ничего ей не говорила. Я знала, что она прикажет мне не тратить лишних

слов.

— Как я могу понять чужую боль, если не почувствую её сама? — говорила она мне. — Думаешь, Кухарка Марта смогла бы готовить для нас такие прекрасные блюда, если бы не была постоянно голодна?

— *Rex Domini sit semper vobiscum*. Да снизойдет на вас благодать Господа.

Женщины начали расходиться. Я быстро подошла к Целительнице Марте и помогла ей встать на ноги. Она тяжело оперлась на мою руку, поднимаясь, а потом оттолкнула её, огорчённая собственной слабостью. Я смотрела на неё сверху вниз. Она всегда была гораздо меньше меня ростом, как и большинство людей — я слишком высокая для женщины — но Целительница Марта с каждым годом сильнее сутулилась и становилась всё ниже. Она прожила на свете по меньшей мере полных семьдесят лет, но хотя у неё были седые волосы, и зубы она потеряла, руки не утратили своих навыков.

Во Фландрии мало было целителей, подобных ей. Она всегда щедро делилась знаниями со своими помощниками, не держа от них секретов, радуясь, когда чьи-то руки резали плоть искуснее, чем она, или готовили какие-то снадобья, неведомые ей. Она заслужила почётное место в «Винограднике», беги́наже в Брюгге, и за прошедшие три года не было ни дня, когда я не упрекала себя за то, что привезла её в это английское захолустье. Впрочем, это была не моя идея.

Со дня основания нашего беги́нажа в Брюгге прошло больше семидесяти лет, и жизнь в общине была приятной и налаженной. В наших стенах жили более сотни женщин и детей. Мы не были одиноки — поселения женщин возникали по всей Фландрии и Франции — в Генте, Антверпене, Котрейке и Лиере. Сотни женщин отвергали женские монастыри и мужей ради свободной жизни в беги́нажах, где они могли работать на себя, учиться и писать.

Но когда леди Джоан де Татишейл завещала нам землю на восточном побережье Англии, у меня не возникло ни тени сомнения, что Бог призывает меня покинуть безопасное место, построенное другими, и подобно первым бегинкам своими руками создать из земного праха надежду на свободу для всех женщин. Мы должны были стать первыми бегинками Англии. Нам предстояло поднять ветер, который потрясёт основы этого королевства, так что в каждом городе и деревне появятся свои поселения женщин.

На совет Март в Брюгге собрались сильные и умелые бегинки, которые так же ощущали этот призыв и были готовы сопровождать меня, но я и не мечтала, что одной из них может стать Целительница Марта. Мы все пытались отговорить её от тяжёлого путешествия по морю, уверяя, что для женщины в возрасте это небезопасно, хотя даже я не смела упоминать вслух её болезнь. Но она остановила взгляд бледно-голубых глаз по очереди на каждой из нас.

— Разве Авраам был моложе меня, когда Господь призвал его в новую землю? — возмутилась она. — В самом деле, кто из вас может сказать, что в новой земле, новом беги́наже, я не буду нужна, чтобы строить новую лечебницу и обучать новых бегинок?

И на этом вопрос был решён, хотя иногда я размышляла, о том, что привело Целительницу Марту в Англию — призыв Бога или зов дружбы.

— Ты пыталась сегодня прогнать демона, Настоятельница Марта? — Целительница Марта смотрела, прищурив глаза, с любопытством, несмотря на усталость. — Признаюсь, я не слышала таких неистовых призывов к Господу с тех пор, как ты воздавала благодарение за эту несчастную землю в тот день, когда мы впервые ее увидели.

— Я была тогда так неистова?

— У бедных ангелов до сих пор в ушах звенит от твоих молитв, — ответила она, улыбнувшись.

Вслед за последней бегинкой мы вышли из часовни в мощёный внутренний двор. Множество неестественно ярких звёзд горело в огромном чёрном океане над нашими головами, как будто они собрались там на великий совет. Группка женщин столпилась вокруг горячей жаровни, они тихо переговаривались с Привратницей Мартой. Пега, местная бегинка, хмурилась и качала головой, обращаясь к своей лучшей подруге Беатрис. Мне редко случалось видеть Пегу такой серьёзной. Эта крупная женщина вечно рассказывала непристойные анекдоты или разносила последние деревенские сплетни, громко над кем-нибудь смеясь. Но сегодня даже она выглядела подавленной.

— Что с ними такое? — спросила я у Целительницы Марты. — Обычно по ночам они у них глаза слипаются, только и могут до кровати добраться.

— Свободный день, подруга. Сегодня они не работали и потому не устали.

— По праздникам тоже не работают, но такого беспокойства это не вызывает. Взгляни на Пегу — если бы я ее не знала, сказала бы, что она чем-то напугана. А еще вчера я бы поклялась, что ее ничем не проймешь.

Целительница Марта нахмурилась.

— Возможно, это из-за костров.

— Костры Белтейна? Глупости! Пеге нечего их бояться. Деревенские водят между кострами скот, чтобы отогнать болезни. Они даже своих младенцев проносят через пламя, чтобы защитить от напастей. Это языческий обычай, отцу Ульфриду давно следует его пресечь. Я так и скажу ему, когда наши пути в следующий раз пересекутся. Но ведь в этом нет никакого зла? Пега родом из этих мест и в детстве наверняка много раз сама проходила сквозь эти костры. Не могу поверить, что она станет бояться чего-то столь знакомого.

Целительница Марта обернулась, вздрогнув от боли, и посмотрела в сторону леса. На мгновение с порывом налетевшего ветра над тёмной чащей взвилось ярко-оранжевое зарево. Чёрные ветки корчились вокруг мерцающего огня. А потом лес снова поглотила темнота.

— Думаю, она боится не очищающих костров, — мягко сказала целительница, — а вон того одиночного огня в самой чаще. Вот что не даёт спать Пеге и остальным. В этом огне есть зло, и могу поклясться, деревенские не расскажут о нём чужакам.

По правде говоря, деревенские почти не разговаривали с нами все последние дни. Недовольство нашим присутствием в деревне, похоже, усилилось. Когда мы приходили в Улевик, чтобы раздать еду или лекарства беднякам и больным, жители деревни демонстративно отворачивались при нашем приближении. Те же, кто принимал еду, брали её украдкой и благодарили шёпотом, боязливо оглядываясь через плечо, как будто ужасно боялись быть замеченными рядом с нами. Я знала, что все в Поместье ненавидят наш бегинаж и с первого дня пытаются от нас избавиться, но молилась, чтобы со временем нам удалось завоевать доверие селян. Однако, похоже, дела шли только хуже.

Целительница Марта энергично хлопала меня по руке.

— Если ты хочешь вылечиться от женских страхов, Настоятельница Марта, то я прописываю честный труд и невинные удовольствия, смешать в равных долях. После холодов берёзовые почки наконец начали распускаться, и я знаю, что Кухарка Марта жаждет сделать прекрасное берёзовое вино, а мне очень нужен берёзовый сок для лечебницы. Думаю, завтра стоит начать сбор. А теперь идём, загоним женщин в постель. Я ещё не встречала живой души, что не боялась бы тебя больше любых ночных кошмаров.

— Да ты надо мной смеёшься!

Целительница Марта улыбнулась.

— Смирю твою гордыню. — Она снова бросила взгляд на женщин вокруг жаровни. — Я буду признательна, если ты пришлёшь ко мне Пегу. Мне нужны её сильные руки, чтобы помочь улечься в постель и втереть немного аммиака и скипидарного масла в мою бедную спину, так она прогреется.

— Я буду рада сама растереть твою спину.

Она в ужасе взмахнула руками.

— Сжался над несчастной старой женщиной! Твои пальцы сдерут кожу с моей бедной спины, они грубее, чем шкура борова. У Пеги мягкие руки. И кроме того, думаю, она будет не против немного посидеть со мной.

Я смотрела, как Пега помогает Целительнице Марте вернуться в свою комнату. Я понимала настоящую причину, по которой Марта попросила о помощи. Ради блага Пеги она изобразит сейчас беспомощную старушку, и Пега доверит ей свои страхи. Целительница Марта владела таким даром. А я не могла заставить женщин говорить со мной, никогда, даже в «Винограднике» в Брюгге, потому что даже там ощущала себя — как это называет Целительница Марта? — чужестранкой.

Мы разъединились, откатившись друг от друга на кровати, и я безвольно лежал, чувствуя, себя полностью обессиленным. Мой член всё ещё слабо вздрагивал, как будто по собственной воле. По груди и между ягодиц стекали струйки пота. Хотя день был не особенно тёплый, в комнате с закрытыми ставнями стояла адская жара.

Было совсем темно, но я не осмеливался зажечь свечу, боясь, что свет будет виден сквозь щели. Кроме того, свет был нам не нужен — мы и так очень хорошо знали формы и контуры тел друг друга. И я не хотел видеть торжество на лице Хилари. Ведь я поклялся, что это больше не повторится. Я дал обещание Богу, но ничего не мог с собой поделать.

Я отодвинулся, внезапно ощутив липкий холодок между бёдер. Меня охватило отвращение. В ответ на моё движение влажная рука Хилари опять потянулась ко мне, погладила ногу, пальцы скользнули между бёдер к паху, касаясь, лаская, уговаривая. Усиливающееся желание снова заставляло меня делать то, чего я не хотел. По позвоночнику поднимался всепожирающий огонь, я почти уступил этим нежным пальцам. Ноги дрожали от прикосновения руки, не повинуюсь мне.

— Нет! Прекрати! — я резко оттолкнул руку Хилари.

— Почему? Ты же только что меня хотел. Что с тобой? Почему после этого ты всегда так раздражаешься?

Плаксивые детские нотки этого голоса разозлили меня ещё больше.

— Я устал, — грубо ответил я.

— Но мне пришлось проделать такой долгий путь. Ты не мог оторваться от меня в Норвиче, а теперь мы вряд ли сможем видеться. Я уже несколько недель не могу думать ни о чём другом. — Рука Хилари скользила по моей груди, поглаживая соски. — Я знаю, ты хочешь меня так же, как и я тебя, Ульфридо.

— Я сказал — хватит! — Я резко отстранился от распростёртого рядом тела и сел на постели, ощутив под босыми ногами холодный колючий тростник. — Тебе не следовало приходить. Я говорил, не приходи больше. Никогда.

Хилари это рассмешило.

— По-моему, это ты пришёл.

Перегнувшись через кровать, я крепко шлёпнул по обнажённой плоти, не беспокоясь о том, куда попал. Пальцы заныли от удара. В темноте раздался судорожный вздох, потом снова смех.

— Хочешь поиграть, да?

— Просто уйди. Убирайся.

Кровать заскрипела под Хилари.

— Если хочешь, можем поиграть в священника и кающегося грешника. Я буду священником или ты? Мне наказать тебя? А тебе станет от этого легче? Снова почувствуешь себя чистым? Или ты хочешь меня побить? Так или иначе, это неважно. Это не исцелит тебя... отче.

Последнее слово было сказано резко, с намерением ранить сильнее, чем удар.

— Убирайся прочь, продажная тварь, — крикнул я. — Убирайся, оставь меня в покое. Не хочу больше тебя видеть. И на этот раз я не шучу.

— Ты этого не хочешь, знаю, что не хочешь. Ты и раньше так говорил, сотню раз, и

каждый раз потом приползал обратно. Ты ничего не можешь с этим поделать. Но будь осторожнее, Ульфридо. Когда-нибудь ты это скажешь, а я поймаю тебя на слове.

Я бросился к Хилари через кровать.

— Ах ты, скотина...

Дверная ручка повернулась, дверь загромыкала, как будто кто-то тряс её снаружи. Но она была заперта и закрыта на засов. Раздался громкий стук. Я замер, сердце колотилось так сильно, что казалось, его слышно даже через стены. Стук повторился, на этот раз настойчивее.

— Отец Ульфрид, идите скорее!

Я сразу узнал голос — это старая Летиция. Увидит, что Хилари здесь — новость разнесётся по всей деревне еще до рассвета.

Внезапно меня прошиб холодный пот, я с ужасом вспомнил, что голый. Я отчаянно попытался нащупать свою одежду, но не смог вспомнить, куда мы с Хилари её забросили. Я боялся пошевелиться: вдруг в темноте наткнулся на мебель и что-нибудь опрокину. Слышала ли Летиция мой крик?

В дверь снова застучали.

— Тут бедная Элен, отец Ульфрид, мать Джайлса. Она совсем с ума сошла. Рыдает так, что скоро потоп случится, и не говорит, в чём дело. Уверяет, что скажет только вам, отче. Джайлс мог бы ее успокоить, да он в лесу с остальными мужчинами, а я туда пойти не смею, особенно этой ночью. Но вы бы могли привести его, отче... Отец Ульфрид?

Ни Хилари, ни я не шелохнулись. Мы ждали, затаив дыхание. Наконец, когда, казалось, прошёл целый час, я услышал за дверью шаги. Она ушла, протопала мимо закрытого окна, и всё стихло. Но всё же я ещё несколько минут не смел двинуться, боясь, что она до сих пор стоит на улице, высматривая в доме признаки жизни.

— Будь всё проклято, где моя одежда? Я никак не найду эту проклятую одежду. Куда мы её бросили? — теперь я вслепую шарил по полу в темноте.

Я почувствовал, как в руки молча сунули мою сутану. Мы оба торопливо оделись, нащупывая в темноте завязки и застёжки. От паники и суеты в комнате стало ещё жарче, по лицу у меня ручьём лился пот, сутана липла к телу, когда я пытался её натянуть. Чулки найти не удалось, и я сунул в башмаки босые ноги. Ни один из нас не сказал ни слова. Я знал — Хилари, как и я, боится, что кто-нибудь застанет нас вместе.

Я подошёл к двери и прислушался. Ничего. Но мы не можем рисковать. Я схватил Хилари за руку, и мы осторожно направились к задней двери, ведущей во двор. За ней была небольшая калитка. Полная луна освещала блестящие каменные плиты. Я взмолился о том, чтобы тень коттеджа скрыла Хилари от посторонних глаз.

Обернувшись к дому, я почувствовал на губах короткий и жаркий поцелуй. Я запоздало потянулся ответить, но тень Хилари была уже у ворот. От этого украдкой вырванного поцелуя одиночество казалось ещё острее. Я понимал, что снова приползу назад, как всегда. Я ничего не мог с этим поделать.

— Я не хотел, — горячо прошептал я. — Прости, мой ангел. Пожалуйста, прости меня. Я так тебя люблю.

Но калитка уже захлопнулась.

Я вернулся в свою опустевшую комнату. В дом ворвался прохладный ветер, подхватывая наши запахи — кислый пот, сладковато-солёный запах заляпанных простыней, слабый след аромата сандалового дерева от одежды Хилари. Через распахнутую дверь комнату заливал

призрачный свет, и я как будто видел в этой постели Хилари — мягкие завитки тёмных волос, блестящие, чёрные, как тёрн, насмешливые глаза, пухлые алые губы, приоткрытые так, что видны белые зубы, кусавшие мою губу — иногда нежно, иногда так яростно, что я чувствовал вкус крови во рту.

На этот раз я ударил себя сам. Я снова и снова хлестал себя по лицу, пытаюсь унять ужасную боль, пронизывающую и снова отдающуюся в паху. Этого демона я не мог сдержать.

Внезапно я почувствовал ненависть к Хилари, большую, чем та, на какую способен человек — за то, что приходится умолять, за то, что я превращаюсь в существо, каких сам всегда презирал и ненавидел. Я всем сердцем желал, чтобы моего тёмного ангела никогда не было на свете, тогда меня никогда бы не соблазнили, я никогда бы не пал, не опустился бы так низко. Я никогда больше никого не любил, но даже сейчас, стоя перед смятой опустевшей постелью, я понимал, что совсем скоро Хилари будет лежать в кровати с другим.

Я знал это с самого начала. Каждый раз, когда мы спали вместе, я чувствовал, что другие были и будут всегда. Эта мысль причиняла мне боль. Мне хотелось хлестать кнутом, бить, рвать на куски и насиловать — снова и снова, пока Хилари не запросит пощады. А я не простил бы и продолжал бить, превращая тело в кровавое месиво. Но я понимал, что даже это не уничтожило бы мою любовь.

Я бежала прочь от поляны, но колючие кусты ежевики цеплялись за юбку, тащили обратно. Я не разбирала пути, не знала, бегу я к деревне или вглубь леса. Таранис был здесь. Здесь, в лесу, находился демон, я его чувствовала. Я видела огромную чёрную тень крыльев, парящую в небе над дымом и пламенем сожжённой святой. Теперь я ощущала на затылке смрадное горячее дыхание. Это было так страшно. Я пыталась бежать быстрее, но цеплялась за деревья и спотыкалась о корни.

Потом он обрушился на меня, накинудся сзади, прижал животом к стволу поваленного дерева. Моё лицо вдавилось в грязь, рот наполнился гниющей листвой, в ноздри проникла вонь разложения, я едва могла дышать. Его горячие голые бёдра тяжело вдавливали меня в шершавую древесную кору. Мои рёбра трещали под тяжестью его груди. Я судорожно хватала воздух, цепляясь за землю и кусты ежевики, не понимая, что раздираю, зная только, что это не его шкура, глаза или крылья.

В лесу повсюду растёт дикий лук, никчёмный и безвредный, но сейчас вонь раздавленного смятого лука отравляла воздух. В моей голове бушевал ветер, каждая частичка тела стонала и выла, но мой рот молчал. Он был забит, заполнен гниющим лесным сором, а лёгкие против моей воли судорожно хватали воздух. Мне хотелось умереть. Заползти в грязь, зарыться в землю, как червь. Но я не могла. Не могла двинуться. Не могла кричать. Тело больше мне не подчинялось.

Чудовище резко рвануло меня за волосы, словно обуздывая кобылу. Оно дёргало мою голову назад и вперёд, как будто хотело сломать шею и покончить с этим. Но на этом всё не закончилось. Железная плоть снова и снова вбивала в дерево мои кости, пока не пронзила меня. И тогда тварь исчезла, а я осталась лежать одна в темноте.

Май. День Святого Креста

Третий и последний день, когда горят костры Белтейна. В этот день хлева покрывают ветками душистой жимолости и рябины, чтобы защитить скот от колдуний.

Я стукнул кулаком по столу.

— Господь Всемогуший, на этот раз вы зашли слишком далеко!

Филипп д'Акастер презрительно ухмыльнулся в ответ, поудобнее устраиваясь в моём любимом кресле. Я изо всех сил старался сдержать гнев.

— Когда я услышал, что забрали Джайлса, думал, вы собираетесь его избить. В худшем случае — заклеить. Но я священник и не могу одобрить убийство.

— Ты будешь одобрять то, что я прикажу, отче. Забыл, за чей счёт живёшь? И кто может вышвырнуть тебя, вот так? — Филипп потянулся вперёд и щёлкнул пальцами в дюйме от моего носа.

Мне не нужно было напоминать. Я очень хорошо знал, кому обязан жизнью. Если бы хоть одно слово Филиппа д'Акастера дошло до ушей его дяди — меня не только отлучили бы от церкви — хорошо, если бы остался в живых. И я молился, чтобы Филипп этого не понял. Грудь как будто сдавило железным обручем, стало трудно дышать. Похоже, теперь это случается всё чаще. Я осторожно опустил на стул, стараясь не выдать боль.

Наклонившись, Филипп небрежно потянул к себе кувшин с моим лучшим церковным вином и плеснул себе так щедро, что когда он поднял кубок, вино пролилось на пол. Он поднёс кубок к свече, чтобы посмотреть цвет, осторожно понюхал, прежде чем сделать глоток. Полдень ещё не настал, но я закрыл и запер на засовы ставни и двери дома. Мне не хотелось, чтобы кто-то из прихожан вошёл сюда во время нашей беседы. Филипп ухмыльнулся.

— Знаешь отче, возможно, то, что ты делал в Норвиче — смертный грех. Но я никого не обвиняю, даже священника. На самом деле я тобой восхищаюсь — говорят, красotka была хоть куда. Сам бы попытался при случае, только я, конечно, не давал обета безбрачия. Но я тебя не виню — это естественно для любого мужчины.

Он неторопливо сделал ещё глоток вина и поставил кубок на стол.

— Но будь осторожен, отче. Тот, кто сеет на чужом поле, пожнёт кучу проблем, Джайлс, без сомнения, это подтвердил бы. Ну, то есть, если бы у него ещё был язык, — он с насмешкой погрозил мне пальцем. — И тебе следовало хорошенько подумать, прежде чем приставать к жене дворянина. Для человека в духовном сане такая охота чересчур опасна. Мужья страшно оскорбляются, когда за их самками таскаются другие самцы, тем паче, если это священник. Надеюсь, ты поставил на этом крест, отче.

Я пристально всматривался в лицо Филиппа — не пытается ли он подловить меня, но не видел ничего, кроме равнодушного желания позабавиться. Я склонил голову.

— Даже священник подвержен искушениям. Но я уже усвоил урок.

— Очень надеюсь, что так, отче. Если такие слухи снова дойдут до ушей епископа, сомневаюсь, что ты отделаешься только потерей церковного сана.

Мучительная боль в груди усиливалась, как будто палач всё сильнее её сжимал. Неужто старая Летиция видела Хилари у моего дома и уже распустила слух? Если она и Филипп узнали — мой смертный приговор уже подписан. Я ощутил, как по лицу стекают струйки пота, и сжал кулаки, чтобы не дрожали руки.

Прошлой ночью я думал, что не смогу сильнее ненавидеть себя, но когда узнал, что Мастера Совы делали с Джайлсом, пока я... К горлу подступила тошнота. Всё из-за Хилари

проклятая тварь... Никогда больше, никогда! Пресвятая Богородица, клянусь, на этот раз всерьёз.

Я видел, что Филипп с любопытством изучает меня, и отчаянно попытался взять себя в руки. Он развалился в кресле, картинно держа кубок в унизанных кольцами пальцах. У него были такие же волосы цвета льна и полные губы, как и у Роберта д'Акастера, черты юного лица ещё не заплыли жиром. Женщинам он казался красивым, но, добиваясь их, Филиппу не было особой нужды полагаться на внешность. В отличие от дяди, увлекающегося только лошадьми и соколами, Филипп обладал ненасытным аппетитом на женщин. Он развлекался повсюду, где хотел, не дожидаясь приглашения — я очень хорошо об этом знал, поскольку выслушивал многочисленные исповеди глупышек.

Я глотнул эля, чтобы смочить пересохшее горло, пытаюсь отстраниться от мыслей о Хилари. Если Филипп увидит хоть тень страха на моём лице, он вцепится, как волк, преследующий зайца, и не отстанет, пока не докопается до причины. Я пытался сохранять спокойствие.

— Я благодарен твоему дяде за покровительство, Филипп, очень благодарен, но ты должен понять, что я священник, у меня есть обязанности перед Богом, так же, как и перед Робертом. — Я постарался подчеркнуть имя — хоть Филипп и строил большие планы, он пока ещё не лорд в Поместье.

— Я несу ответственность за твою душу, Филипп, а убийство — ужасный грех на твоей совести. Я беспокоюсь только о тебе, о том, каким страданиям ты подвергнешься в чистилище, если умрёшь с этим грехом на душе. Но прежде чем освободить тебя от греха, я должен знать, что ты действительно раскаиваешься и готов искупить содеянное. Наказание за такой страшный грех, как убийство, не может быть лёгким.

— Пытаешься выжать из меня побольше золота для церковной казны? Дядя не обрадуется, когда услышит про это, — усмехнулся Филипп. — И вообще — что это за болтовня о грехе и искуплении, отче? Не было никакого убийства.

Мои челюсти и кулаки сжались от этой бесстыдной лжи.

— Я ходил сегодня утром туда, где вы сожгли святую Вальпургию. Пепел ещё тёплый и воняет горелой плотью. И не пытайся меня убедить, что внутри были живые кошки, как в прошлом году. После стольких увиденных костров я вряд ли спутаю с чем-то вонь зажаренной человеческой плоти. И мать Джайлса...

Я заметил в глазах Филиппа искры гнева и понял, что сблотнул лишнего.

— Что именно сказала тебе эта глупая старуха?

— Ничего, уверяю тебя, — быстро ответил я, чувствуя, что краснею как провинившийся школьник. Я сделал ещё глоток слабого эля, поперхнулся и закашлялся. Нельзя было злить Филиппа.

— Как я уже говорил, — спокойно продолжал он, — убийства не было, значит, нет и греха, и нечего искупать. Конечно, имела место казнь, но, как тебе прекрасно известно, отче, казнь — не убийство. Это божественная справедливость.

— Без суда и защиты?

Он улыбнулся.

— О, не волнуйся, отче, суд состоялся. И к тому времени, как мы закончили, как бы это выразиться... допрашивать его, мы слышали много просьб о помиловании, насколько я помню. А после признания вины приговор возможен только один, и сам Джайлс был вполне готов его принять.

Он налил себе ещё порцию вина, ожидая, что я стану его расспрашивать. Я осторожно наблюдал за ним. Роберт д'Акастер имел злой и вспыльчивый нрав, но за последние несколько месяцев я стал понимать, что племянник может оказаться опаснее дяди. Недостаток власти Филипп д'Акастер восполнял хитростью, а хитрость, соединённая с жестокостью — то, чего стоит опасаться в любом человеке, даже в том, у кого пока нет денег или власти, которых он жаждет.

Филипп откинулся в кресле, заложив руки за голову.

— Так или иначе, отче, а жаловаться не меня не стоит. Ты же знаешь, не я глава Мастеров Совы. Я всего лишь скромный служитель, самый надёжный и преданный. Это Аод командует, судит и казнит.

Как я и думал, за всё это отвечал Роберт д'Акастер. Филипп не стал бы выполнять приказы никого другого. Он, конечно, пользовался доверием своего дяди, хотя я подозревал, что преданность Филиппа продлится лишь до тех пор, пока он не станет достаточно силён, чтобы свалить старого оленя.

Филипп резко наклонился вперёд и крепко сжал моё запястье.

— Отче, тебе бы лучше не противиться Аоду. Однажды тебе может понадобится его помощь.

Моё намерение соблюдать осторожность смыло волной гнева. Да как он смеет мне угрожать? Я посвящён в духовный сан, я — глас Божий.

— Могу тебя уверить, Филипп, ничто не заставит меня обратиться к нему за помощью, ни к нему, и ни к кому-либо в вашем языческом братстве, ничто на свете, — я вырвал у него свою руку, — я доверяю только Божьей силе.

— Да неужели? — угрожающе прищурился Филипп. — Я на твоём месте не спешил бы с такими заявлениями, отче. Ты можешь об этом пожалеть.

Я изо всех сил старался сдержать гнев. Безопаснее бросить выяснять подробности убийства Джайлса. Что толку теперь в этом копать? Я не мог предотвратить его смерть, и нет ни единого шанса, что Мастера Совы когда-нибудь понесут за это наказание. Никто из Поместья или деревни не станет свидетельствовать против них, даже несчастная мать Джайлса. Но почему я должен терзаться чувством вины, когда этот ублюдок, ухмыляясь, сидит в моём кресле и пьёт моё вино, не испытывая ни раскаяния, ни сожаления?

— Согласен, Джайлс заслуживал наказания, — я изо всех сил старался сдержаться. — Прелюбодеяние — это грех, как всегда напоминает нам твой дядя, и церковь этот грех сурово осуждает. Но приговаривать человека к смерти за...

Я запнулся, видя, как мрачнеет лицо Филиппа.

— Дело в том, что Джайлс умер без покаяния, а ведь даже приговорённые к повешению имеют право на отпущение грехов перед смертью, чтобы спасти душу, даже если нельзя спасти тело. На этом я, как ваш священник, имею право настаивать.

Филипп улыбнулся, но в его глазах по-прежнему тлел опасный огонек.

— Если тебя только это беспокоит, отче, то в следующий раз я лично позабочусь о том, чтобы ты присутствовал на суде, исповедовал осуждённого и отпустил ему грехи. Я буду на этом настаивать.

— В следующий раз?

— О да, будет и следующий раз, отче, это я тебе обещаю. Мастера Совы господствовали в Улевике задолго до того, как твои трусливые святые ступили на эту землю. И Мастера Совы всегда будут здесь править. Не будь дураком, не думай, что если они наблюдают из

тени, то слабы. Сейчас они сильнее, чем когда-либо прежде. Огонь, вспыхнувший прошлой ночью, никогда не погаснет. Скоро настанет новое время, время Мастеров Совы.

Настоятельница Марта

Зимой во внутреннем дворе по щиколотку грязи — липкой от свиного навоза и птичьего помета, воняющей мочой. Сгребать всё это тяжело, я вспотела, несмотря на пронизывающий ветер, но это нечто вроде послушания для души и тела. Когда навоз полежит некоторое время, он становится хорошим удобрением для почвы, но вонь вызывала тошноту. Мы нуждались в том, что выращивали, поскольку в последние годы урожай был бедный, и припасы таяли ужасающе быстро.

— Нужно обложить кучу тростником и соломой, иначе следующий дождь снова размочит всё по двору, — раздался голос за моей спиной.

Обернувшись, я увидела Хозяйку Марту, торопливо идущую через двор. Острые карие глаза глядели внимательно — как у чёрного дрозда, разыскивающего червей. Я всегда радовалась организаторским способностям Хозяйки Марты, но только не когда она добиралась до меня.

— Слава Богу, ты благополучно вернулась, Хозяйка Марта. Как твоя поездка на рынок Сваффама? Ты получила хорошую цену за ткань?

Её тонкие губы растянулись в некоем подобии улыбки.

— Думаю, неплохую. И это хорошо, нам сейчас нужен каждый пенни.

То есть всё лучше, чем она ожидала, поскольку она не заканчивала торговаться, не убедившись, что вырвала у покупателя последний фартинг.

Хозяйка Марта печально покачала головой.

— По моим расчётам, нам надо купить больше зерна до праздника святого Иоанна. На имеющемся в амбаре мы не дотянем до следующего урожая, учитывая, что этой зимой мы раздавали еду нищим. И уж поверь, цена на зерно ниже не станет.

— Но если даже у нас заканчиваются припасы, бедняки окажутся в худшем положении. Не сомневаюсь, до конца года мы увидим у ворот ещё больше попрошайек.

Хозяйка Марта нахмурилась.

— Эти селяне левой рукой шлют нам проклятия, а правой хватают любую еду, которую мы им по нашей глупости даём. А в благодарность получаем только плевки от их вшивых детишек.

Спорить с ней не стоило. Все женщины в бегинаже чувствовали, как растёт неприязнь к нам со стороны жителей деревни. Я ежедневно молилась, чтобы они ограничились плевками и проклятиями, чтобы их враждебность не переросла во что-нибудь худшее. Я вздохнула.

— Необходимость просить милостыню вызывает обиду у честных людей. Да пошлёт Бог всем нам в этом году больший урожай, чем в прошедшем, чтобы крестьянам не понадобилось просить подаяния.

— Твои слова — да Богу в уши. — Хозяйка Марта переминалась с ноги на ногу, ей не терпелось вернуться к работе.

Хотя эта аккуратная невысокая женщина имела хороший аппетит, она была худой — сплошные кости, постоянное беспокойство и кипучая энергия, казалось, сжигали её плоть. При жизни мужа она держала в своих руках его дело по торговле шерстью. А как же иначе — когда её муж не напивался, то играл или развлекался с проститутками. Только благодаря её тяжелому труду они не голодали и не разорились. И даже теперь она как будто жила в постоянном страхе, что всё рухнет, и не позволяла себе ни минуты покоя.

— Хозяйка Марта, ты нашла время доставить свечи и книгу Андреа?

— Доставила, потому что ты просила. Но я там не задерживалась. Слишком много воров и бродяг слоняется около той церкви. — Она поморщилась. — Андреа притягивает к себе самых отъявленных мерзавцев.

— Грешникам нужнее её милосердие...

Хозяйка Марта фыркнула.

— Может, они и нуждаются в милосердии, только, уж поверь мне, они не его ищут.

— Она передала сообщение?

Внезапно Хозяйка Марта без предупреждения набросилась на курицу, неторопливо прогуливавшуюся по двору, подхватила на руки и умело пощупала пальцами зоб. Курица пронзительно и возмущённо закудаhtала.

— Андреа шлёт тебе своё благословение. — Она запнулась и отвела взгляд. Потом добавила: — Тебе надо бы самой пойти посмотреть на неё, Настоятельница Марта. Она... она очень изменилась с тех пор, как ты в последний раз её видела.

Я нахмурилась.

— Что значит «изменилась»?

Хозяйка Марта поставила курицу на землю и смотрела, как та торопливо удирает, расправляя перья.

— Сходи повидаться с Андреа, — повторила она. — И побыстрее.

Она взглянула на меня из-под густых чёрных бровей.

— Ты же знаешь, я не одобряю того, что она делает — морит себя голодом, когда может себе позволить еду, в то время как другие вокруг неё голодают потому, что у них нет выбора. У меня нет времени на такое эгоистичное сумасбродство. Но мне всё равно жаль эту девушку, и что-то мне подсказывает — ей уже давно нужны друзья.

Прежде чем я успела сказать что-либо ещё, Хозяйка Марта быстро зашагала прочь, к амбару.

Я озадаченно смотрела ей вслед. У Хозяйки Марты всегда было хорошее чутьё на неприятности, приобретённое за годы торговли на рынках и в убогих портах Фландрии, но я не могла представить, с чего она взяла, что именно Андреа нуждается в друзьях.

Андреа, отшельница, жила в крошечной каморке, пристроенной к церкви святого Андрея, и никогда её не покидала. Еду она получала через окошко в наружной стене, а святые дары — через прорезь, выходящую на церковный алтарь. Жизнь, посвящённая исключительно спасению собственной души — даже я такого терпеть не могу, не то что Хозяйка Марта, но всё же я завидовала Андреа, её уверенности, что Господь любит её и полностью одобряет. Я хотела бы хоть раз в жизни почувствовать подобную уверенность.

Когда я в последний раз её видела, Андреа было около двадцати, хотя выглядела она не старше пятнадцати — с длинными, распущенными, как у ребёнка, каштановыми волосами. Такая маленькая, хрупкая девушка с высокими скулами и бледным лицом, заострившимся от скудной еды — чёрствый хлеб и травы. На мраморно-белых руках под прозрачной кожей синими нитями проступали вены. Несмотря на юность, Андреа уже приобрела власть над своим телом, и месячные больше его не оскверняли.

Мужчины, особенно духовный наставник, восхищались ею и ревностно охраняли её клетушку, как будто она редкий и красивый зверек, но священник не отгонял от её окошка зевак и не заставлял умолкнуть крикливых продавцов горячей еды и торговков пивом, раскладывающих товар у стен её каморки. Да эти толпы паломников и не стали бы его

слушать. Они были слишком заняты торговлей жестяными эмблемками и обрывками окровавленной одежды, которые, как уверяли церковники, Андреа носила на теле во время своих видений. Как замуровывают в стенах усадьбы живую кошку, чтобы уберечь от вымирания живущую в доме династию, так и Андреа замуровали в церкви, чтобы сохранить её богатство.

Я резко очнулась от раздумий, схватила грабли и взялась за особенно неподатливый участок засохшей грязи. Стая гусей дружно, как один, обернулась и набросилась на кучу помёта, ссорясь из-за червей и личинок и заново растаскивая грязь. Я замахнулась на них граблями, и гуси со злобным шипением разбрелись по двору в поисках угла поспокойнее.

У моего локтя появилось сморщенное лицо Привратницы Марты.

— Кухарке Марте не понравится, что ты сгоняешь жир с этих птиц, Настоятельница Марта. Там у ворот парень, хочет повидаться с тобой, — добавила она прежде, чем я успела ответить.

— Чего ему нужно?

Она беспомощно пожала плечами.

— Ты знаешь этого мальчика?

Привратница Марта кивнула, но не сочла нужным просветить меня на этот счёт. Эта женщина не отличалась разговорчивостью. Одна из причин, почему её назначили привратницей — мы знали, как хорошо она умеет хранить секреты. Но временами я задумывалась — где заканчивается её осторожность и начинается упрямство.

Я пошла за ней к воротам. Там ждал мальчик лет одиннадцати-двенадцати, переминающийся с ноги на ногу, красный и вспотевший. Лошаденка рядом с ним тоже была в мыле, судя по отметинам на шкуре, мальчик не жалел для неё кнута. Не успела я подойти, как парнишка выпалил своё сообщение:

— Мой хозяин велит вам немедленно к нему прийти!

— Роберт д'Акастер, — пояснила привратница Марта, неверно истолковав мой хмурый взгляд.

— Приказывает мне? В доме болезнь? — спросила я.

Мальчик покачал головой.

— Нет, но если сейчас же не придёте, там случится убийство. Хозяин в такой ярости из-за своей дочки, что если я вас не приведу, он меня скорее всего прибьёт.

— Ерунда! — сказала я. Мальчишки вечно всё преувеличивают. Они не могут просто и ясно сказать правду, как не могут и стоять спокойно и не ёрзать. — Ну, дитя, теперь скажи мне прямо. Чего именно от меня хотят? Если твой хозяин поссорился с дочерью, зачем ему я? Осмелюсь сказать, он вполне способен сам навести в доме порядок.

— Прошу вас, пойдёмте, госпожа. Я не смею возвращаться без вас. — Мальчику, похоже, вдруг стало очень страшно.

Привратница Марта кашлянула.

— Д'Акастер выместит на нём злобу, — заметила она.

Мальчик энергично закивал, как будто хотел десятикратно подтвердить её слова.

Я сомневалась. Я никогда не разговаривала ни с кем из д'Акастеров, хотя у меня несколько раз случались неприятные споры с его управляющим насчёт прав на лес и пастбища, и все их я выиграла. Управляющий не скрывал — Роберт д'Акастер хочет, чтобы мы ушли, однако не может прогнать нас с нашей собственной земли. Тогда управляющий умчался от нас в ярости, и, без сомнения, всё доложил хозяину. Так почему же д'Акастер

послал именно за мной по делу, касающемуся его дочери?

Мальчик напряженно ждал, взглядом умоляя меня согласиться. Меня одолело любопытство.

— Ну ладно, — наконец согласилась я, — если это спасёт тебя от побоев — я пойду.

На лице мальчика отразилось явное облегчение, и он, радостно улыбаясь, вскочил на спину многострадальной лошадёнки.

— Но тебе придётся подождать, пока я возьму плащ и почищу юбку. Привратница Марта, не будешь ли ты так добра оседлать для меня лошадь?

Привратница Марта настойчиво ухватила меня за руку и зашептала:

— Я охотнее суну лицо в нору ласки, чем доверюсь кому-нибудь в поместье. Что, если д'Акастер задумал тебе навредить?

— По какому праву? Я не сделала ничего плохого.

Привратница Марта недоверчиво покачала головой.

— Ему закон не нужен, он сам устанавливает законы. В Улевике затевается что-то плохое, и костры Белтейна прошлой ночью — это только начало. Не стоит ехать навстречу злу.

— Но эти костры наверняка не имели отношения к д'Акастеру. Может, он просто хочет наконец протянуть нам руку дружбы.

— Дружбы? — скептически переспросила она. — Роберт д'Акастер ненавидит женщин, даже собственную жену. Он не примирится и с самой Пресвятой Девой. Держи нож крепче, Настоятельница Марта.

Она повернулась и потопала к конюшням.

— Поспешите, — сказал мальчик, — хозяин терпеть не может, когда его заставляют ждать.

— Ну, что же, — твёрдо ответила я, — придётся твоему хозяину учиться добродетели терпения.

Едва за нами захлопнулись деревянные ворота бегинажа, ветер набросился на нас, словно только этого и ждал — сырой ветер, прилетевший через болота прямо с моря. Но мы говорили друг другу — станет теплее, когда доберёмся до леса, под укрытие кустарника. Другие бегинки неспешно шли по тропинке впереди, смеясь и болтая. Они не смеялись бы, если бы знали, что случилось со мной в лесу в праздник Майского дня. Похоже, сейчас, при свете дня, они уже забыли о кострах Белтейна. Они напоминали кучку маленьких детей — когда Настоятельница Марта сказала, что беспокоиться не о чем, они ей полностью поверили. Они легковерны настолько, что принимают все её слова. Они не видят её насквозь, как я. Но я заметила, что Пега ещё беспокоится из-за костров, хоть и говорит, что волноваться не о чем.

Мы с Пегой просунули палки в верёвочные ручки пустых кадок и взвалили их на плечи. Она шагала впереди по грязной дорожке, так что передо мной покачивался широкий, как у быка, зад. Мы с маленькой Кэтрин жалко плелись за ней, делая по два шага на каждый шаг Пегги. Деревянные шесты сильно давили мне на плечи. Пега — самая высокая женщина, какую я когда-либо видела. Привратница Марта говорит, деревенские прозвали её «Великаншей из Улевика».

Поскольку я намного ниже, весь вес нагруженных шестов приходится на меня, но я не собиралась доставлять ей удовольствие и просить идти помедленнее. Она будет дразнить меня этим весь остаток дня. После множества копыт и колёс, проехавших по на ярмарку, дорога совсем раскисла. Я несколько раз споткнулась и старалась делать маленькие шаги, но Пега явно не боялась упасть. Никто и ничто не могло сбить её с ног, если она сама не позволит, а в юности она это делала так часто, что заслужила репутацию самой доступной женщины в деревне, по крайней мере, так говорила злая старая сплетница, Привратница Марта.

Мы добрались до рощи последними. Другие бегинки уже рассеялись среди деревьев, расчищали заросли вокруг стволов. Почки начинали распускаться, ветки берёз дрожали в ярко-зелёном одеянии. Дети и некоторые из женщин с хихиканьем и визгом играли в догонялки, бегая друг за другом, как будто и у них внутри тоже играл живительный сок.

Пега улыбнулась.

— Лучше начать, потом мы все можем к ним присоединиться. Двигай задницей, девочка, — крикнула она Кэтрин, — давай, сверли эти дырки.

Бедная малышка Кэтрин едва успела догнать нас, но послушно подбежала к ближайшему дереву и тщетно попыталась воткнуть бурав в кору. Она никогда не понимала, что Пега ее дразнит.

Пега ухмыльнулась и локтем оттолкнула её в сторону.

— С дороги, девчонка, с такой скоростью мы тут до праздника урожая провозимся. Если бы моя мамаша произвела на свет хилое создание вроде тебя — сразу утопила бы.

Пега откинула в сторону и подвернула свой серый плащ. Из-под её ремня что-то выпало. Я подняла — это оказалась рябиновая ветка, обвитая побегом жимолости.

— Настоятельница Марта разозлится, если узнает, что ты это носила.

Наша вечно недовольная настоятельница категорически запретила в дни Белтейна носить амулеты от ведьм и злых духов.

— Ага, но чего Настоятельница Марта не знает, то ей и не повредит. — Пега подмигнула, взяла веточку и сунула в свою кожаную торбу. — Небольшая дополнительная защита никогда не помешает, а я чувствую, нам понадобится любая, какую сможем получить.

— Это из-за костров прошлой ночью? Привратница Марта говорила, они означают для нас беду для нас.

Значит, я не ошиблась — Настоятельница Марта, как обычно, не знала, о чём говорит.

— Кому-то эти костры принесли беду. Это точно было предупреждение. — Пега бросила Кэтрин бурав и взяла огромной рукой тростниковую трубку, чтобы вставить в дыру. — В деревне что-то затевается, а если деревенским станет не по себе, мы первые, на кого они набросятся. Они к любым чужакам относятся с подозрением, так всегда было. Не спорю, у них хватало ума брать деньги бегинок, пока строился бегинаж, да и кто их за это осудит, вы же платили за работу втрое больше, чем д'Акастер. Но это только сделало их более подозрительными. Они не понимают, как это — дом женщин, не монашек и не шлюх. И хотя мужчин на нашем пороге не было с тех пор, как закончили строительство, это им не мешает сплетничать. Чего они не знают, то придумают, не сомневайся. Кто-то должен предупредить Настоятельница Марту.

— Не жди этого от меня, — сказала я Пеге. — Ты отлично знаешь, меня никто не слушает. Да и всё равно, Настоятельница Марту никто не разубедит, это ты тоже знаешь. Сказать ей «нет» — все равно что бросить перчатку в лицо. С первого же дня Поместье пытается избавиться от нас, а она и ухом не ведёт.

Пега нащупала в своей торбе кусок воска и стала слишком энергично его разминать.

— Может, бегинаж и не подчиняется законам Поместья, но в этих краях есть люди, живущие по собственным правилам, и для них нет никаких ограничений. Никто с ними не связывается. А кто посмеет — проживёт лишь столько, чтобы успеть пожалеть об этом.

— Но если они нарушают закон... — сказала я.

Пега нетерпеливо покачала головой.

— Если бы ты родилась в этих краях — знала бы, что здесь есть другие силы, слишком могущественные, чтобы подчиняться, по крайней мере, не закону или церкви. Этим древним силам поклонялись на холме, где стоит церковь святого Михаила, задолго до того, как её построили. И эти силы могущественнее, чем д'Акастер или даже сам король. Ничто и никто не может сопротивляться им, даже Настоятельница Марта.

— Но теперь на этом месте стоит церковь, и никто больше не поклоняется по старым обрядам. Уже много веков это христианская земля.

— Для некоторых — нет. Не для Мастеров Совы.

Пега обернула размягчённый воск вокруг тростинки, чтобы та держалась на стволе, и наклонила её. Почти сразу в подставленную снизу бадью начала капать мутная жидкость.

— Мастера Совы всегда жили в этой долине. Мерзкие они люди, кое-кто говорит, что колдуны, заклинатели лошадей [\[9\]](#). У них огромная власть над зверями и людьми, могут на ходу остановить бегущего жеребца или заставить упрямца скакать. Они могут видеть в темноте, там, где обычные люди — как слепые. Много лет назад, прежде чем появились д'Акастеры, здесь правили Мастера Совы — наказывали любого человека как хотели, даже предавали смерти. Но когда в долине появились церковь и Поместье, власть Мастеров Совы закончилась, настало время законов короля. Однако народ Улевика продолжает втайне обращаться к Мастерам Совы, если нужно что-нибудь уладить. Ссоры из-за женщин и споры,

которые они боятся вынести на суд Поместья или церкви — ведь все знают, что стоит им пожаловаться, и тебя заставят заплатить не меньше, чем обидчика. Кроме того, ни д'Акастер, ни священник не понимают проблем Улевика, поскольку те связаны с правами или спорами, уходящими корнями в прошлое. — Пега нахмурилась. — Но в последнее время пошли разговоры о том, что Мастера Совы не только заговаривают лошадей или умирят драки. Говорят, они снова берут в руки прежнюю власть, и даже больше. Прошло почти сто лет с тех пор, как они в последний раз пытались это сделать, и никто в здешних краях никогда не забудет случившегося. — Она передёрнула плечами и перевела взгляд на лес. — Знаешь, я ненавижу д'Акастера и весь его мерзкий выводок, но попомни мои слова, Беатрис: сила и власть любого лорда — ничто в сравнении с тем, на что способны Мастера Совы.

Я вздрогнула. Человек, надевший шкуру оленя той ночью, был одним из них? И он намеревался вернуть эту силу и власть? Если так — он потерпел поражение. Я слышала его предсмертные крики. Никто не выжил бы с теми тварями. У меня мороз шёл по коже от одной мысли о них. Мне очень хотелось рассказать всё Пеге, спросить, что она об этом думает, но как я могла? Я не сумела бы объяснить, почему очутилась в лесу той ночью.

— Значит, Мастера Совы собираются нас убить? — испуганно прошептала малышка Кэтрин. Казалось, она сейчас расплачется.

Пега усмехнулась.

— Не волнуйся, девочка. Тебе не о чем беспокоиться, пока я рядом. Я любому, кто попробует тебя обидеть, яйца оторву и отдам тебе, будешь играть в шарики.

Кэтрин залилась краской и захихикала, умудряясь выглядеть одновременно испуганной и довольной.

У Пегги всегда была мерзкая усмешка и злой язык в придачу, но её невозможно не любить. Не думаю, что она раскаивалась в прошлых грехах, хоть Марты и верили в это. Чтобы раскаяться, нужно сожалеть, а Пега никогда ни о чём не жалела. Как корова рождается на свет, чтобы давать молоко, так и Пега родилась, чтобы доставлять удовольствие. От одного взгляда на завлекательную щель между её передними зубами и могучую грудь мужчины превращались в молочных поросят — у девственниц не бывает подобных форм. Пега торговала собой, и её тело словно для этого и было создано. Это давало её семье пропитание, да и всё остальное тоже. Не от деревенских парней — те считали, что могут получить девушку за подарок с ярмарки, а то и задаром. Но торговцы и церковники могли заплатить за её услуги, и Пега заботилась о том, чтобы они платили. Когда она пришла в беги́наж, чтобы присоединиться к нам, совет Март дал ей имя Пега, в честь почитаемой святой девственницы. Новое имя и новая жизнь, возвращение невинности. Но, думаю, в некотором смысле Пега никогда её и не теряла. Мне кажется, невинность может быть только внутренней, её нельзя отдать.

С другой, стороны, Кэтрин происходила из хорошей и знатной семьи, и если бы её мать не умерла так рано, осмелюсь сказать, эту девушку держали бы дома взаперти, до самой брачной ночи. Но после смерти матери отец Кэтрин решил, что если она до совершеннолетия будет жить с нами, у неё больше шансов сохранить невинность, чем если она останется под одной крышей со своими братьями и их беспутными кузенами. Судя по тому, что я слышала об этой банде юных чертенят, в усадьбе не осталось ни одной девушки, заслуживающей так называться. Только если бы отец Кэтрин хоть раз встретился с Пегой, он дважды подумал бы, прежде чем отправлять её к нам для сохранения невинности.

— Оставьте эти крышки, привяжете позже, — окликнула нас Молочница Марта. —

Если не пойдёте сейчас — еда закончится.

Из каждого достаточно толстого берёзового ствола торчала теперь тростниковая трубочка для драгоценного сока, а большинство бегинок уже уселись на кучи палой листвы и со здоровым аппетитом набросились на еду.

Кухарка Марта не обращала внимания на плохие урожаи. По её мнению, виноделие оправдывало застолье, и огромная корзина, стоящая на земле, казалась бездонной. Из неё появлялись ломти хлеба, пироги, большие и толстые, как ладони Пеги, целые цыплята с хрустящей золотистой корочкой, глазированные мёдом и специями, маленькие коричневые голуби, завёрнутые в ломтики копчёной свинины, толстые клинья белого молочного сыра, сушёные абрикосы и инжир, и большие фляги с элем и сидром.

Животы наполнялись, и улыбок становилось всё больше. Одна из женщин вытащила дудку и стала наигрывать, а те, кто не слишком отяжелел, чтобы двигаться, подпевали ей. Вокруг плясали дети — большинство не в такт музыке, но это никого не волновало.

Я прислонилась спиной к дереву. Деревья укрывали нас от холодного ветра, я наелась и почти засыпала.

— Почти так же хорошо, как раньше, в «Винограднике», — пробормотала я, зевая.

— Расскажи мне ещё про Брюгге, — попросила Кэтрин. Я и забыла, что она здесь. Девочка любила слушать истории про «Виноградник». Я иногда думала — не кажется ли ей, что там был не «Виноградник», а рай. А может, так и есть.

— Там так хорошо. У нас было всё, что только пожелаешь. Внутрь заходил канал внутрь, доставлял воду для туалетов и мытья прямо к двери. Собственная церковь, дома, лечебница, библиотека с книгами, кладовые с травами и наливками, сыроварни, полные масла и сыра. Осенью воздух так наполнен ароматами вина и мёда, яблочного и грушевого сидра, что сразу клонит ко сну, стоит ступить за порог. И любая женщина может пройти по мосту и войти в ворота под вывеской «Sauvegarde» — место спасения.

— Так зачем же вы покинули такое райское место? — спросила Пега, и в её голосе явственно слышалась ирония.

Одному Богу известно, сколько раз задавала я себе этот вопрос за те три года, что мы провели здесь, в Англии. Полагаю, отчасти причина в жёстком порядке и постоянстве бегинача, от которых мне всегда не по себе, но вряд ли я смогу объяснить это Пеге.

Я снова входила в дом чужой женщины. Я читала ярлыки и списки припасов, написанные чужой рукой. Я боялась что-то изменить — всё так аккуратно, упорядоченно, прочно. Незачем было это менять, только чтобы сделать своим, а это не моё. Мою жизнь всегда писали руки других женщин — сначала моей матери, потом его матери. Рука свекрови была повсюду. Её указания про бельё в шкафу, её порядок в садике с травами, её рецепты, заполняющие целые полки, её слова, её добродетель, её плодовитость, нависающая надо мной, как берёзовая розга над ребёнком. От этого не было Sauvegarde, не было спасения.

Поэтому, когда пошли разговоры про создание нового бегинача в Англии, я немедленно вызвалась добровольцем. Я поняла, что в «Винограднике» останусь одной из многих бегинок, а в новом бегиначе смогу стать Мартой. У меня будет своё дело, там я смогу устроить всё по своему вкусу. Думаете, у Настоятельницы Марты были какие-то более возвышенные побуждения? Только не говорите, что она призвана Богом, как она сама всех убеждает. Честолюбие — вот что её позвало. Я, по крайней мере, достаточно честна, чтобы признаться в своих желаниях — я лишь хотела чего-то, пусть маленького, но своего

собственного, а не власти, к которой стремилась Настоятельница Марта.

Как бы то ни было, через год мы отплыли из Фландрии. Я никогда не бывала на борту мореходного судна, но хозяйка Марта знала, что к чему. Она повсюду следовала за матросами, проверяя каждую верёвку и каждый узел на наших пожитках. Моряки ругались, но её это не останавливало.

Вы не поверите, как ужасно воняет в трюме, будто у тебя под носом тысяча тухлых яиц. Мне стало плохо ещё до того, как мы отошли от причала. Стоило нам выйти из прибрежных вод в открытое море, разразился шторм. Все успокаивали друг друга, мечтая об Англии, где на сочных зелёных лугах пасётся скот и на солнце играют дети, но я могла думать только о том, как трясёт и качает корабль, и слушать рассказы матросов о водоворотах, таких огромных, что могли поглотить гору, и левиафанах, способных снести полкорабля одним взмахом хвоста.

Меня обдавало ледяными брызгами, я промокла и задыхалась. Я цеплялась руками за борт, и меня рвало, снова и снова. Я думала, что утону. Я молилась о том, чтобы утонуть — просто чтобы покончить с этим. Ночь переходила в день, а день — в бесконечную ночь, но однажды утром я наконец проснулась от крика чаек. Мы вошли в маленькую гавань, воняющую гнилыми морскими водорослями и рыбьими внутренностями. Там не было жилья, только кучка рыбацких хижин на осклизлой деревянной набережной. Вокруг простиралась огромная тёмно-зелёная равнина солёных болот, и всем там было наплевать на нас. Низкий, поросший лесом горный кряж за болотами отмечал край твёрдой земли. Мы прибыли в Англию.

Улевик теснился у леса, нищая деревня на самом краю христианского мира. Мы шли по ней, и угрюмые женщины мрачно смотрели на нас из тёмных дверных проёмов лачуг, которыми побрезговал бы и скот. Кривоногие дети копошились среди куч мусора и дрались со свиньями и собаками за какие-то грязные объедки. Даже разбитая дорога вела из Улевика в никуда, доходила только до заросшего липким илом ручья и внезапно обрывалась, как будто бежала прочь из деревни и в отчаянии бросилась в мутную воду. А к западу от этой навозной кучи лежала наша погружённая во мрак земля.

Нас было всего двенадцать, двенадцать женщин из чужой страны. На месте нашего дома мы нашли холм, поросший низкорослым кустарником, да несколько драных тощих коз — сырая пустошь, затерянная между дремучим лесом и деревней, похожей на крысиное гнездо.

Кухарка Марта, не скрываясь, зарыдала, увидев это место, слёзы так и лились по её толстым щекам. Остальные смотрели молча, как будто пытались снова вызвать из своих надежд воображаемых тучных коров и похожих на херувимов детей. Даже Настоятельница Марта на этот раз притихла. Она наклонила голову, и капюшон скрывал её лицо. Молилась ли она, или была в отчаянии — сказать невозможно.

Постепенно все женщины обратили безрадостные лица к ней. Настоятельница Марта подняла голову и замерла, глядя вверх, на огромный бастион белых облаков, возвышающийся над плоской равниной, потом встрепенулась, закатала рукава и энергично похлопала Кухарку Марту по толстой спине.

— Вера, Кухарка Марта, вера и тяжёлая работа, вот что всем нам нужно, — сказала она с каким-то мрачным весельем. — Работа всегда побеждает демона отчаяния.

Если Настоятельница Марта не ошибалась, то среди нас, должно быть, не осталось ни единого демона — за прошедшие три года мы трудились достаточно тяжело, чтобы одолеть целый легион.

Пега ткнула меня посохом. Женщины вокруг торопливо собирали вещи и направлялись к дороге, ведущей в бегинаж. Теперь ветер продувал рощу насквозь, позади клубились багряные облака, а дневной свет, сгущаясь, превращался в зеленовато-жёлтые сумерки. Пега кивнула в сторону кадок, понемногу наполнившихся соком.

— Лучше привязать крышки покрепче. При такой буре они недолго продержатся.

Я придержала верёвку вокруг одной из кадок, а ловкие пальцы Пеги туго её завязали. Меня всегда завораживали руки Пеги. Пальцы правой кисти соединялись друг с другом кожаными перепонками, как у тюленя или выдры. Однако этот дефект не мешал ей работать — даже с перепонками ее руки были куда искуснее моих. У Привратницы Марты тоже были перепончатые пальцы, а у многих жителей деревни — перепонки на обеих руках. Пега утверждала, это знак того, что носитель перепонки происходит из старинного деревенского рода. Мне кажется, она гордилась этим знаком, он указывал на её принадлежность Улевику.

— Кто это там с Настоятельницей Мартой? — Кэтрин пристально смотрела на дорогу.

Я обернулась. В сторону бегинажа рысцей скакали две лошади. Относительно фигуры в сером плаще на более крупной лошади сомнений не было — Настоятельница Марта ездилa с той же мрачной решимостью, с какой говорила, ходила или молилась. Но я не узнала второго всадника.

Пега пристально смотрела им вслед, пока всадники не исчезли за поворотом.

— Отсюда не разобрать. — Она дала Кэтрин легкий подзатыльник. — Пошли, малышка, чем скорей попадёшь домой, тем скорее узнаешь.

На нас упали первые капли дождя, резкие и колючие, и мы поспешили к бегинажу. Дождь тем временем уже лил ручьём, такой холодный и сильный, что дыхание перехватывало. Промокшие насквозь юбки хлопали по лодыжкам. Сквозь сплошную стену дождя я едва разглядела наши ворота. Пальцы окоченели, а платье прилипло к телу и обернулось вокруг ног, как мокрые водоросли.

Привратница Марта суежилась у открытых ворот. На голову она напялила перевёрнутое ведро, чтобы защититься от потока воды. Она звала нас, отчаянно размахивая руками, как будто думала, что мы бежим недостаточно быстро.

— Входите, входите! Кухарка Марта приготовила для вас горячий эль. Вы не поверите, кто приехал, чтобы присоединиться к нам! Пега, тебе это точно не понравится!

Настоятельница Марта

Мальчик, слуга д'Акастера, скакал рядом, так быстро, как только могла его лошадёнка. Несколько раз ему приходилось останавливаться и ждать, пока я его догоню. Но несмотря на его мольбы, я не собиралась гнать лошадь галопом. Как я ему и сказала, такое безрассудство на скользкой грязной дороге неизбежно приведёт к тому, что кто-то переломает ноги — либо мы, либо лошади. Никакое срочное дело не стоит такого риска.

Несколько женщин и детей, сажающие бобы в огороде Поместья, бросили работу, чтобы поглазеть на нас — думаю, больше для того, чтобы распрямить спины, чем из любопытства.

— Прошу, поторопитесь, госпожа, — просил мальчик. — Смотрите, вон Поместье. Теперь недалеко.

Я посмотрела куда он указывал. Перед нами на небольшом возвышении стояла внушительная сторожевая надвратная башня, защищённая высокими деревянными воротами с железными умбонами и острыми шипами поверху. Такие ворота больше подошли бы осаждённому замку, чем поместью в захолустном уголке Англии, куда вражеская армия могла забрести только по ошибке. На крик мальчика привратник уныло поплёлся открывать ворота, а потом поспешил обратно к дымящемуся очагу.

Двор за воротами был почти пуст. Я мельком увидела нескольких служанок, скрывающихся в тёмных дверных проёмах или крадущихся в тени по своим делам, но стояла необычная тишина. Даже собаки и куры, копошащиеся в грязи, похоже, не заинтересовались нашим прибытием. Кухня, пекарня и конюшни были неплохо обустроены, но дырявые крытые соломой хижины в углу двора свидетельствовали о том, что Роберт д'Акастер обращал больше внимания на удобства своих породистых лошадей, чем слуг.

В отличие от жилья прислуги, прочные серые стены Поместья были щедро украшены, хотя вряд ли «украшение» — подходящий термин для резных гротескных изображений людей и бесов, гримасничающих так, будто они превратились в камень именно в тот момент, когда кричали «убирайтесь прочь!». Фигурки людей напоминали те, что на деревенской церкви, но на главном доме Поместья между искривлёнными человеческими телами были вырезаны изображения собак, волков, львов и хищных птиц, терзающих жертвы, несомненно, чтобы напомнить всем взирающим — на земле есть силы, которых надо бояться больше, чем Сил Небесных.

Паж пробежал мимо меня вверх по каменной лестнице снаружи здания, в огромный холл. Он пробормотал что-то перед распахнутой дверью, потом промчался обратно вниз, как будто боялся, что его настигнет стрела.

Непонятно, к кому он обращался — когда я вошла в огромный, длинный, но узкий холл, он тоже показался пустым. Стены покрывали гобелены с батальными и охотничьими сценами, кровавые раны на телах людей и животных, закопчённые дымом во время долгих зим, запеклись и стали бурыми. Воск ночных канделябров всё ещё свисал жёлтыми водопадами с острых выступов стен, на длинном столе стояли чаши и блюда с объедками, но слуги, похоже, не спешили убирать этот беспорядок. Только огонь в камине горел вовсю, пламя ревели, как будто кто-то постоянно и неистово ворошил поленья.

На помосте в дальнем тёмном углу холла что-то шевельнулось. На шесте за самым большим и богато украшенным креслом сидел сокол. Наверняка во время трапезы это кресло занимал сам лорд д'Акастер. Птицу удерживали длинные путцы, но клобук не закрывал

голову. Сокол наблюдал за мной блестящими янтарными глазками с чёрными зрачками. Уверена, д'Акастер развлекался кормлением птицы во время обеда, но я слышала, что некоторые люди держат сокола поблизости, опасаясь убийцы. Этих созданий обучают бросаться в лицо тому, кто имеет глупость нападать на их хозяина.

Птица яростно захлопала крыльями — из-за гобелена появился человек, должно быть, там скрывалась потайная дверь. Он направился через длинный холл ко мне. Я узнала лорда Роберта д'Акастера, мы довольно часто виделись, но мне никогда не представлялось случая поболтать с ним. Что ж, пусть подойдёт, я не собираюсь бежать ему навстречу.

— Вы не спешили, госпожа, — рявкнул он.

Он не предложил мне сесть или выпить и даже не поздоровался. Я просто стояла, ожидая, когда он подойдёт достаточно близко, чтобы поддержать вежливую беседу. У меня не было намерения повышать голос.

Не берусь судить о том, каким сотворил человека Господь, но сейчас я не могла не думать, что каков бы ни был замысел, его невозможно распознать под грузом дряблой плоти, свисающей с костей хозяина дома. Возможно, в юности Роберт д'Акастер и был красив, но сейчас остатки его волос цеплялись за голову редкими клочьями, как у линяющих кур, а маленькие глазки почти исчезли в живописных складках раздутого лица.

Он приблизился, и нахмурясь уставился мне в лицо. Но если он надеялся, что я дрогну, его ждало глубокое разочарование — я оказалась на добрых полголовы выше. Явно не привыкший, чтобы женщина смотрела на него сверху вниз, д'Акастер быстро отступил назад и зашагал туда-сюда передо мной. Иногда рост — это преимущество.

— Ты заберёшь мою дочь, — приказал он. — Я хочу, чтобы она тотчас же убралась из этого дома.

За спиной слышались приглушённые всхлипы. Обернувшись, я увидела бледную женщину с мягким безвольным лицом, сгорбившуюся на краешке скамьи в нише окна. Пухлые пальцы, унизанные кольцами, так нервно терзали носовой платок, будто она не признавала, что делают руки, глаза опухли от слёз, а нос блестел и покраснел на кончике. Похоже, она долго плакала.

Разъярённый д'Акастер обернулся к ней.

— Я знал, что это твоё Богом проклятое отродье никогда не найдёт себе мужа, с того самого дня, как это жалкое создание сделало свой первый вздох. Господи, да лучше бы ей не родиться! Надо было мне сразу же её утопить, едва взглянул, но нет, у меня для этого слишком доброе сердце. Я её растил, кормил, одевал — и вот как она мне отплатила!

Его лицо побагровело от крика, а жена вжалась в стену, будто хотела с ней слиться. Казалось, он сейчас задохнётся от собственного гнева. Д'Акастер сделал паузу, чтобы перевести дыхание, и взревел, словно приказывал охотничьей собаке.

— Агата! Ко мне! Сейчас же!

Что-то едва заметно мелькнуло в галерее над нашими головами.

— Да, ты, девчонка. Я знаю, что ты там. Спускайся немедленно.

Он снова начал мерить комнату шагами и бил кулаком по ладони до тех пор, пока девушка не оказалась у подножия узкой лестницы.

— Ко мне! — щёлкнул он пальцами.

Девочка осторожно приблизилась к отцу, крепко обхватив себя руками. На вид ей казалось не больше тринадцати, но что-то в её лице наводило на мысль, что она старше. Дорогое платье цвета бургундского вина было заляпано и порвано, на него налипли опавшие

листья, ещё больше листвы запуталось в копне распущенных каштановых волос. Она была заметно напряжена и напугана, но несмотря на всё это, высоко держала голову, подбородок вызывающе торчал вперёд. Девушка благоразумно остановилась вне досягаемости отцовской руки. Она даже не взглянула на меня и смотрела перед собой, словно отгораживаясь от всех.

— Посмотрите на эту маленькую шлюху, — разорялся д'Акастер, кружа вокруг неё. — И это моя дочь. Вот кого я пригрел на своей груди. Я одевал, кормил и нянчил эту гадину, эту дьяволицу. И знаете, чем она отплатила мне за доброту? Я скажу вам. Развратом. Она без всяких причин нападает на своих благонравных сестёр. Отказывается заниматься женским рукоделием. Она тупая, своевольная и непослушная. И как будто всего этого недостаточно! Я и без того пожалел о том, что лёг в постель с её матерью, и тут вдруг узнаю — она ничто иное, как деревенская потаскуха.

Девушка, по-видимому, оставалась равнодушной к этому перечню множества её грехов. Большую часть лица скрывали растрёпанные волосы, но когда на него упал свет из окна, я мельком увидела порез на щеке, мертвенно-бледной, в лилово-синих кровоподтёках. Девушка не походила на демона, но дьявол может принимать многие с виду невинные формы, даже обличье ребёнка.

— Только взгляните на неё — такая бесчувственная, что даже не плачет от стыда. Бегает ночами по лесу, как течная сука. А на рассвете приползает назад, к моему порогу. — Он снова обернулся к жене. — Это всё твоих рук дело.

— Но я была уверена, что она где-то в Поместье, — всхлипнула леди д'Акастер. — Думала, вернулась с праздника Майского дня вместе с сёстрами. Раньше она никогда не выходила без сопровождения, клянусь.

— Клянись чем угодно, но я не позволю этой шлюхе остаться под моей крышей даже на одну ночь. Не потерплю, чтобы она развращала своих невинных сестёр или чтобы на них легла тень её позора. С этого момента у меня только две дочери. — Он схватил со стола три кожаных мешочка с монетами и сунул мне, так резко, что я охнула, когда его кулак ткнул меня в живот. — Тут всё её приданое. Больше я не намерен тратить на неё ни пенни, и не просите. — Потянув девочку за руку, он с размаху сунул её маленькую ладонь мне, как будто обручая нас. — Забирайте эту дьяволицу, и чтобы она никогда больше мне на глаза не показывалась.

— Что же мне с ней делать, чего вы хотите? — спросила я.

— Да хоть воронам скормите, мне всё равно.

Он щёлкнул пальцами, жена покорно поднялась и вслед за ним направилась вглубь холла.

— Будь хорошей девочкой, Агата, — пробормотала она, проходя мимо дочери. Но ни разу не оглянулась, даже подойдя к двери в конце холла.

Я чувствовала в своей руке сжатую в кулак маленькую холодную ладонь, потом дверь хлопнула, и Агата высвободилась. Она стояла у стола нахмурившись, обхватив руками плечи. Нам следовало поговорить, но это могло и подождать. Сейчас главное — увести её из этого дома, чем скорее, тем лучше. Может, конечно, девочка и такая, как описал её отец, но на попечении этого человека я не оставила бы даже бешеную собаку.

— Ты соберешь вещи сейчас, — спросила я, — или мне позже послать кого-нибудь за ними?

— Я ничего не хочу от этого... от этой жирной жабы.

— Агата! — строго сказала я. — Ты обязана уважать отца, ведь он дал тебе жизнь.

Она посмотрела на меня.

— Вы слышали, чего стоит для него моя жизнь — не дороже падали.

Я подняла три увесистых мешочка.

— У многих деревенских девушек нет ни пенни за душой. Смотри, как тебя ценят.

— В ваших руках — стоимость гордыни моего отца, это не моя цена. Он не хочет, чтобы люди болтали, будто он беден и ничего за мной не дал.

Я увидела в этих зелёных глазах такую холодную ненависть, что подумала — может, её отец прав и она на самом деле демон. Однако приручить можно даже дикую кошку. Это нелёгкая задача, но я уж точно справлюсь не хуже д'Акастера. Бог отдал Агату в мои руки, чтобы я привела её к нему, и я решила сделать это во что бы то ни стало.

В маленьком гостевом зале бегинажа было жарко и душно. Все моё тело болело, в висках стучало, все суставы и мышцы протестовали против необходимости стоять, ноги дрожали. Но Настоятельница Марта не обращала на это внимания. Она с прямой спиной стояла перед пустым столом, сжав руки за спиной.

— Итак, Агата, тебе следует понять, что бегинки не приносят вечных обетов, но ты должна соблюдать celibат, пока живёшь здесь, а также подчиняться правилам этого сообщества и слушаться Март, избранных для управления бегинажем.

Я смотрела на её рот, наблюдала, как шевелятся губы над острыми зубами, как прыгает вверх и вниз родинка на подбородке. Мне хотелось выкрикнуть — хватит болтать! Если это монастырь, просто закройте меня в келью и оставьте в покое.

— Ты свободна приходить и уходить, когда хочешь, но тебе следует присутствовать на воскресной мессе в церкви, а также на ежедневных молитвах в нашей часовне. Мы, бегинки, учимся, пишем и преподаём, заботимся о больных и немощных, самоотверженно трудимся в нашем сообществе и в пользу бедных. Мы собственным трудом добываем себе пропитание и одежду и не пользуемся людским подаянием или деньгами церкви.

В комнате было слишком тепло, и я почти задохнулась. Образы и лица ускользали, растворялись прежде, чем я успевала их уловить. Огонь, взвивающийся выше человеческого роста, чей-то крик, хлопанье чёрных крыльев надо мной. Я не могла шевельнуться. Я была сломлена. Его вес всё ещё меня придавливал, я не могла освободиться. И только это останавливало меня от того, чтобы разразиться бранью. Я изо всех сил пыталась сосредоточиться на ее словах. Не думать о прошлой ночи. Ни о чём не думать.

Настоятельница Марта нахмурилась. Губы сжимались плотнее. Голос зазвучал резко, как лай цепного пса.

— Твои личные вещи, приданое и всё остальное, что ты принесла в бегинаж, остаётся твоим, и ты сможешь забрать всё это, если решишь уйти. Но если...

Я уловила только одну фразу.

— Я могу уйти?

Настоятельница удивилась.

— Это бегинаж, а не монастырь. Разве я не сказала тебе, что мы не даём вечных обетов?

— И я могу забрать деньги, что отец вам дал?

Это был глупый вопрос. Девушкам не принадлежит их приданое. Его забирают мужья или настоятельницы.

— Мы не даём обета бедности. Это твои деньги, но пока ты здесь, тебе не следует ни жить в роскоши, ни чрезмерно себя ограничивать. Обе эти крайности — признак гордыни. Хозяйка Марта, она же хозяйка нашего общего кошелька, сохранит для тебя деньги, и ты можешь брать их у неё, когда пожелаешь. Как знать, может, они ещё понадобятся тебе для приданого.

— Не говорите глупостей! Вы же знаете, этого не будет!

В деревне всякий знает, что мне никогда не выйти замуж. Сёстры дразнили меня этим с самого рождения. Никто меня не возьмёт, и я очень этому рада. Я просто счастлива. Если меня кто-нибудь ещё хоть тронет, я его убью. Клянусь, в следующий раз убью. Я плотно прикрыла глаза, ощутив, как шею обжигает зловонное дыхание той твари. Мне стало плохо, я

испугалась, что сейчас меня вырвет, и крепко прикусила кулак, пытаюсь сдержаться.

Настоятельница Марта еще больше распрямилась.

— Что ж, Агата, раз ты понимаешь только грубость, придется быть с тобой грубой.

Её резкий, как пощёчина, тон вывел меня из кошмара, и я была почти благодарна за это. Я сделала глубокий вздох и взглянула на неё так холодно, как только могла. Какая ещё грубость? Она считает, будто могла сказать что-то, чего я не слышала тысячу раз от отца? Как бы там ни было, больше я никому не позволю никому причинять мне боль.

— Запомни хорошенько, Агата. Если тебя выгонят отсюда с позором, останешься только с тем, что на тебе надето. Всё остальное ты потеряешь.

Я чуть не рассмеялась. Вот, значит, как? Я знала, всё это слишком хорошо для правды. Как бы она не называла это место, оно не что иное, как монастырь. Она пристально смотрела на меня, пытаюсь смутить, но я не отвернулась, не дрогнув встретила тяжёлый взгляд её тёмно-синих глаз.

Подойдя к двери, Настоятельница Марта окликнула кого-то невидимого.

— Не будешь ли ты так любезна попросить Кухарку Марту прийти к нам?

Мы ждали, молчание нарушали только потрескивание огня и дребезжание ставней на ветру. Наконец, дверь отворилась, отчего по комнате закружились клубы дыма, и к нам ввалилась маленькая толстуха. Несмотря на холодный ветер, лицо у неё было румяное, лоснящееся от печного жара.

— Кухарка Марта, это Агата, она будет жить у нас.

Кухарка Марта широко улыбнулась и торопливо прошла вперёд.

— Добро пожаловать, дитя, мы тебе очень рады.

Я чуть не вскрикнула, когда она заключила меня в свои мощные объятия, едва не задушив могучей грудью.

— Она будет под твоей опекой. — Настоятельница Марта помедлила. — Она очень в ней нуждается, так что ты уж постарайся.

Я хмуро смотрела на Настоятельница Марту. Меня ни на минуту не обманули её заботливые речи. Они означали «Следи за ней, контролируй её и заставь подчиняться. Эту дикую кошку надо приручить».

Но если я это поняла, то Кухарка Марта, очевидно, нет — она переводила взгляд то на меня, то на Настоятельница Марту, как будто ждала от неё ещё каких-то слов, но в конце концов кивнула и стала подталкивать меня к двери.

Прежде чем мы дошли до двери, Настоятельница Марта окликнула меня:

— И ещё кое-что, Агата. На субботней службе в часовне ты получишь новое имя, в знак начала новой жизни с нами.

Я увидела проблеск надежды.

— Я могу сама выбрать себе новое имя?

— Конечно, нет. Мы никогда в жизни не выбираем себе имён, их нам дают. Марты выберут для тебя подходящее имя после долгих молитв и размышлений. Это будет дар тебе от них.

Меня снова затопило отчаяние. Здесь или в отцовском доме — никакой разницы.

Придерживая юбки над адской грязью, мы с опущенными головами прошмыгнули под проливным дождём к длинному низкому зданию. Кухарка Марта усадила меня на скамейку у огня и, стряхнув дождевые капли с плаща, извлекла из мешка кусок горячего пирога.

— Ешь, дитя, пока горячий. Даже у ошипанного цыплёнка не такие бледные щёки. Не

знаю, что имела в виду Настоятельница Марта, говоря подобные вещи, но даже слепому видно, ты на грани обморока. Как можно выслушивать нотации на пустой желудок?

От пряного медового запаха я внезапно почувствовала, как изголодалась. Я откусила огромный кусок жирного сладкого теста с мягкими запечёнными фруктами внутри и тут же жадно проглотила.

— Осторожнее, дитя, не то обожжёшься.

Кухарка Марта отвернулась, чтобы поворошить огонь. Руки у неё были в ямочках, как поднимающееся тесто, и покрыты шрамами от сотни мелких ожогов, возможно из-за многолетней стряпни. Никто не назвал бы её миловидной — нос картошкой, рябой и шершавый, на щеках красные прожилки вен. Но у неё были весёлые глаза, а копна седеющих кудрей отказывалась укладываться в причёску, как и у меня.

Я огляделась. Мы находились в вытянутой комнате. У стен расставлены узкие деревянные кровати, между ними — простые деревянные сундуки, окованные железом. Вокруг длинного стола в центре комнаты, заваленного горой книг и перьями, стояли грубые скамейки. Мне хотелось взглянуть на книги, но я побоялась их брать. На другом конце комнаты — несколько канделябров с сальными свечами вокруг распятия, уже приготовлены на ночь. Ночь! Скоро снова станет темно. Я вздрогнула и поплотнее запахнулась в плащ. Бока и живот болели. Шаркая ногами, я почувствовала запах тимьяна от устилающего пол сена. Мне так хотелось наполнить тело острой чистотой этого запаха. Говорят, тимьян изгоняет червей, которые грызут мозг и вызывают безумие. Но ничто не могло изгнать этого червя. Он был внутри. Демон был внутри меня, и я ничего не могла сделать, чтобы прогнать этот ужас из своего тела. Я сделала ещё глоток воздуха, но аромат рассеялся и не вернулся.

— А здесь ты будешь спать, дитя, — Кухарка Марта указала на кровати у двери.

Как долго она говорит? И что ещё она сказала?

— Думаю, эти четыре кровати свободны. Можешь выбирать, какую захочешь. В сундуках лежат платья и серые плащи, ты наверняка найдёшь подходящий для себя. Можешь положить туда свою одежду, хотя её надо бы почистить, прежде чем убирать. — Она подошла ближе и повернула к свету моё лицо. — Какой ужасный порез. Как это случилось?

Я отстранилась от её прикосновения.

— Ничего, просто царапина.

— Идём, я попрошу посмотреть на рану Целительницу Марту. У неё много мазей, которые помогут тебя подлечить.

— Не трогайте меня. Я сама справлюсь. — Я слышала, что кричу, но не могла сдержаться. — Уйдите, оставьте меня одну!

Кухарка Марта казалась испуганной. Она неловко протянула руку, как будто хотела успокоить меня, но отдёргнула. Я чувствовала себя больной, каждую частичку тела как будто жгло. Мне хотелось забиться в какой-нибудь тёмный угол, подальше от всех.

— К тебе скоро присоединятся другие дети. — Кухарка Марта, переваливаясь, направилась к двери. — Не унывай, ты скоро найдёшь друзей.

Я подождала, пока за ней закрылась дверь, потом выбрала кровать в углу, подальше от занятых, и легла, свернувшись клубком под плащом. Постель была жёстче, чем та, к которой я привыкла, но, по крайней мере, кровать слишком узкая, чтобы делить её с кем-то. Весь день я как будто бродила в кошмарном сне. Мне было так больно, что я мало беспокоилась о том, куда меня отправили и что будет дальше. Сейчас, в незнакомой постели, я внезапно осознала, что оказалась одна среди чужих людей и совершенно не знаю, как быть и чего они

от меня хотят. Горло сдавил страх. Я всегда стремилась сбежать из отцовского дома, но теперь, когда это случилось, хотелось туда вернуться. Там я хотя бы знала, что делать. Но я не могла вернуться. Отец отрёкся от меня и выбросил на улицу, как служанку. У меня нет больше ни дома, ни семьи. Нет ничего, кроме этих женщин-иностранок. Настоятельница Марта, Кухарка Марта, Целительница Марта — кто они? Отец говорил, они монашки какого-то богатого ордена. Он так считал потому, что они разбрасывали деньги, как помои свиньям. Сам он всегда находил причину урезать плату наёмным работникам и презирал тех, кто вёл себя иначе.

Он говорил, что всё знает про эти богатые монастыри. Их богатство — от приданого знатных женщин, слишком уродливых для замужества. Вот семьи и прячут их в монастырях, где эти несчастные занимаются рукоделием и молятся о душах отцов и братьев, пока не сморщатся от старости и тихо не умрут. Но когда я впервые увидела этих женщин, то сразу поняла, если они и монашки, я никогда таких прежде не встречала. В год их приезда выдалось плохое лето, холодное и дождливое. Зерно не созревало, дождь и ветер сбивали его в грязь, и оно гнило на корню. Слуги из Поместья проклинали женщин-иностранок, что привезли с собой эту дьявольскую погоду. Я впервые увидела их на мессе в церкви святого Михаила, в деревне. Они стояли рядом, в одинаковых серых платьях из тяжёлой шерсти и серых плащах, в наброшенных на голову капюшонах. Я не могла отвести от них глаз — они стояли так тихо. Мои сёстры Эдит и Энн старательно молились, заметно шевеля губами, чтобы все это видели. Все в церкви что-то бормотали себе под нос, как мои сёстры — все, кроме этих женщин. Их губы оставались неподвижными. Старый священник, тот, что служил до отца Ульфрида, тоже наблюдал за ними, и, похоже, был недоволен. Деревенские старались держаться от них подальше — знали, что в Улевике опасно быть не таким, как все.

Во дворе раздался удар колокола. Прежде чем я успела подняться, дверь распахнулась и в комнату вместе с ветром ворвалась девочка, пронеслась к своей кровати и ничком упала на неё, задыхаясь и смеясь, а за ней вбежали другие.

— Я выиграла, выиграла, — крикнула она, села на кровати и тут заметила в углу меня. Подружки обернулись вслед за её взглядом. Мы рассматривали друг друга. Я знала — мне следует заговорить, объяснить своё присутствие, но обращённые ко мне серьёзные лица девочек напоминали враждебные взгляды детей прислуги, которые всегда бросали игру при моём приближении.

— Ты Агата? Кухарка Марта сказала, что ты здесь, — раздался голос от двери. — Я — Кэтрин.

Девочка стряхнула воду с плаща. Она выглядела лет на пять-шесть старше остальных, примерно моего возраста. Жидкие каштановые косички, обрамляющие узкое меланхоличное лицо, делали его ещё длиннее. Она напомнила мне отцовского волкодава.

— Я думала, здесь всех зовут Марта, — раздражённо сказала я.

— О нет. Тут у всех бегинские имена — не прежние имена, конечно, а дар бегинок. Но если бегинку избирают для устройства бегинажа, её называют Мартой, в честь святой Марты, которая работала для нашего Господа. — Кэтрин говорила так торопливо, что я едва разбирала её слова. — Настоятельница Марта — главная, Кухарка Марта ведёт кухню, Пастушка Марта заботится об овцах...

— Я не тупая, сама догадалась.

Похоже, она обиделась, как и Кухарка Марта, и я ощутила лёгкое чувство вины, но меня это не слишком беспокоило.

Кэтрин прикусила губу.

— Ты из Улевика, да?

— И что с того?

Кэтрин смущённо оглянулась на других детей, но те, похоже, потеряли ко мне интерес. Они сгрудились у дальнего конца стола, поглощённые игрой в кости. Кэтрин приблизилась и робко посмотрела на меня.

— Я слышала, кое-кто из бегинок говорил о костре в лесу, о... Мастерах Совы. Кто они такие?

— Никому не известно, кто они, в том-то и дело. Иначе зачем бы им носить маски? — Я вздрогнула, пытаясь не вспоминать эти покрытые перьями маски вокруг костра.

— Но почему совы?

— Не знаю! Думаю, потому, что совы приносят несчастье в тот дом, на который садятся. Мастера Совы так и делают.

— Пега говорит, совы пожирают души умерших младенцев, если те не были крещены, — прошептала Кэтрин.

— Чего ты меня спрашиваешь? — взорвалась я. — Спроси у Пеги. Я не из деревни. Прекрати задавать дурацкие вопросы, я не желаю на них отвечать.

Колокол зазвонил снова, и Кэтрин вскочила.

— Вечерня! Нам нельзя опаздывать.

Меня так раздражало серьёзное выражение её лица, что я готова была проигнорировать это заявление, но в памяти эхом звучали слова Настоятельницы Марты — тебя с позором отошлют отсюда... Если выгонят отсюда — куда мне идти? У меня нет ни денег, ни ремесла, чтобы заработать на жизнь. Что случается с девушками вроде меня? Одной мне не выжить.

Кэтрин нетерпеливо переступала с ноги на ногу, держась за железное кольцо полуоткрытой двери. Дождь снаружи барабанил по грязному внутреннему двору. Проходящий через густые облака свет быстро угасал.

Если меня отсюда выгонят...

Там, за стенами внутреннего дворика, в глубоком лесу, должно быть, уже темно. Деревья сгущаются, ветки, как стены тёмной пещеры, заслоняют небо. Из этой живой тюрьмы не выбраться, выхода нет. Не убежать от колючих кустов ежевики, вонзающих когти в юбку, от корней, оборачивающихся вокруг лодыжек, тянущих вниз, в удушливую вонь прелых листьев. И где-то там, в лесу, меня караулит та тварь, ждёт, когда я выйду за ворота бегинача. Я чувствовала у лица взмахи его крыльев, холодные когти рвали мою кожу. Демон ждал где-то там, в темноте, ждал моего возвращения.

Май. Воздвижение или Праздник Креста

Святая Елена обнаружила семь старых крестов. Чтобы узнать среди них настоящий, она растянула на каждом кресте по трупу, и тот, на котором труп ожил, был признан настоящим — крестом, на котором умер Христос. Этот день известен также как несчастливый — время, когда следует избегать вступления в брак, нельзя отправляться в дорогу или считать деньги, чтобы избежать бед от злых духов.

Мой старший брат Уильям набрал полную горсть свиного навоза и, ухмыляясь, обратился к своему приятелю Генри:

— Смотри, спорим, я сумею попасть ей прямо в нос.

Генри фыркнул.

— Отсюда в неё попадёт даже твоя дурёха-сестра, а ведь она девчонка. А ты попробуй встать дальше, за тем столбом, тогда и попади.

Уильям ответил презрительным взглядом и отступил назад.

Малышка Марион, заметив, что происходит, попыталась отклонить голову, но закованному в колодки не особенно удобно двигаться. Из носа у неё текло ручьём. Она вертелась на неудобном сидении — узкой деревянной планке. Из-за колодок вокруг лодыжек она не могла откинуться назад, а деревяшка была такой острой. После прошлого раза у неё несколько дней чернел большой рубец на заднице, хуже, чем от удара хлыстом.

Уильям прицелился, и Марион снова зарыдала.

— Уильям, прекрати, не надо! — закричала я, не сумев сдержаться.

Уильям с ухмылкой обернулся:

— Хочешь, чтобы я это вместо неё в тебя бросил, Лужа? Он снова поднял кулак, целясь на этот раз в мою сторону.

Генри захихикал.

— У твоей младшей сестры морда и так мерзкая, никто и не заметит разницы.

— Ага. Иди сюда, мерзкая морда.

Я бросилась бежать от него через Грин. Я знала — он это сделает. Я уже ждала влажного шлепка по спине.

— Сейчас же брось это, мальчик.

Я остановилась и оглянулась, прикрывая рукой лицо — на случай, если Генри бросится вдогонку. Высокая леди держала запястье Уильяма, заставляя разжать руку. Навоз выпал. Женщина потянула руку возмущённо вопящего Уильяма вниз и тщательно вытерла с обеих сторон о траву, как будто он был испачкавшимся младенцем.

Я уже видела эту леди раньше, в церкви. Она из дома женщин. Ма зовет их «чужаки» — это потому, что они так странно одеваются.

— Ненормально, когда кучка женщин обитает вместе, без мужчин, — говорила Ма. — Так живут только ведьмы да монашки.

Я видела монашек из монастыря святого Альфегия — ходили по деревне, поджав губы, собирали деньги. Они двигались медленно, молча, никогда не улыбались, как будто вечно страдали от головной боли. А когда эти женщины шли по деревне, они всегда смеялись — все, кроме этой. Эта всегда выглядела так, будто съела кислое яблоко.

Леди позволила Уильяму подняться, но не отпустила его руку. Он покраснел.

— Ну, мальчик, для кого ты это приготовил?

Уильям переводил взгляд с меня на Марион и открывал рот, как огромный жирный карп, но не мог произнести ни слова.

— Говори громче, мальчик, я тебя не слышу.

Женщина напоминала огромную цаплю — серый плащ, седые волосы, серое платье. Нос у неё был острый, как клюв.

— Ей... В колодках, — пробормотал Уильям.

— Тогда стыдись, мальчик. Она всего лишь маленькая девочка. Благословенный Господь учит нас проявлять жалость к заключённым. Разве Он не сказал, чтобы лишь тот, кто сам без греха, бросил камень?

— Это не камень, — надувшись ответил Уильям.

— Не дерзи, мальчик. А теперь иди и занимайся своими делами, а её оставь в покое, слышал?

— Вы не можете меня заставить, — ехидно сказал Уильям.

— Зато я точно смогу.

Кузнец Джон схватил Уильяма за ухо, тот подпрыгнул и снова завопил — он не заметил, как Джон подошёл сзади. Уильям получил по заслугам — Джон тянул его за ухо так, что мой брат поднялся на цыпочки. Я зажала руками рот, изо всех сил стараясь не захихикать.

— Этот парень не обидел вас, госпожа?

— Просто хулиган, ничего такого, с чем я не могла бы справиться. Но скажите — этот ребёнок в колодках — чем она заслужила такое наказание?

— Начала собирать шерсть раньше третьего колокола. — Джон отпустил ухо Уильяма, но крепко сжал его плечо толстыми волосатыми пальцами.

— Несправедливо наказывать за это такую малышку, — сказала леди. — Ей же самое большее лет шесть-семь.

— Достаточно, чтобы знать закон. Она попадаетеся не в первый раз.

— И надолго она здесь?

Джон пожал плечами.

— До вечернего колокола. Может, и дольше, если к тому времени её отец не заплатит штраф.

Хотя Марион уже это знала, она завывала так громко, что слышно было через весь Грин.

— Нельзя держать там ребёнка из-за отцовского долга, — возмущённо сказала женщина.

— Тут уж или её, или его. А как он сможет заработать денег на оплату долга, если будет сидеть здесь? — ответил Джон.

Леди вздёрнула подбородок так, что мне показалось, у неё голова может оторваться.

— Тогда я заплачу этот штраф, но чтобы ребёнка немедленно освободили. Должно быть, её отец очень беден, если приходится отправлять такую малышку собирать жалкие ошмётки овечьей шерсти ради заработка. Вы усугубляете их бремя этими податями, тогда как должны проявлять к ним милосердие.

— Я тут совсем ни при чём. Приказы отдаёт управляющий д'Акастера. — Он махнул рукой в сторону имения. — Можете найти его там, он пьёт в «Большом дубе». Филипп его зовут, если пожелаете подать какие жалобы.

— Тогда я поговорю с ним.

Леди пронеслась через Грин. Она шла так быстро, что плащ развевался у неё за спиной, словно она летела, как ведьма.

— Если меня спросите, — сказал Джон вслед, — так вы зря теряете денежки. Их семье всё не впрок. Этот паршивый ребёнок опять попадёт в колодки, ещё до конца месяца.

Но серая леди не стала ему отвечать.

Джон схватил Уильяма за шиворот и хорошенько встряхнул.

— Слушай, парень, отец с тебя шкуру сдерёт, если узнает, что ты связался с этими ведьмами. Неизвестно, что происходит там у них, за стенами. Если эти женщины затащат к себе парнишку вроде тебя, его никто больше не увидит.

— Я их не боюсь, — сказал Уильям, но я понимала, что ему страшно — лицо у него покраснело и покрылось пятнами.

— А надо бы. Эти женщины могут сделать с тобой такое, что тебе и не снилось, парень. Например, нос у тебя сгниет и отвалится. Лучше держись от них подальше.

Он ещё раз встряхнул Уильяма и зашагал прочь, по пути пнув ногой колодки.

— Можешь перестать реветь, Марион. Филиппа д'Акастера обмануть не так легко, как эту глупую старуху.

Разозлённый Уильям потопал в мою сторону.

— Ты над чем это смеёшься, Лужа? — Он попытался дать мне затрещину, но я увернулась, и это его ещё сильнее разозлило.

— Просто так, — быстро ответила я и пошла к дому.

Уильям последовал за мной.

— Я ещё отплачу этой старой метле, вот увидишь. Я этих старух не боюсь. Чего они могут сделать?

— Например, вылечить руку кузену Стивену, помнишь? Ма говорила, он её точно потеряет. Кости прям торчали наружу, а они вылечили. Когда он свалился с крыши — кричал, как ошпаренная свинья, так они и боль остановили. Даже старая знахарка Гвенит так не может.

Уильям фыркнул и швырнул камень в стайку копошащихся кур, которые с кудахтаньем бросились в разные стороны.

Я очень осторожно, раскинув руки, чтобы не упасть, пошла по поваленному дереву вдоль дороги, но бревно откатилось, и я соскользнула.

— Зачем ты это делаешь? — Уильям подозрительно смотрел на меня.

— Просто так. — Я резко остановилась, а потом быстро пошла дальше по дороге.

— Есть какая-то причина. Ты это делала по дороге сюда, и вчера тоже.

— Нет.

Уильям ехидно ухмыльнулся.

— Я знаю, почему ты это делаешь. Воображаешь себя той акробаткой, что ходила по шесту в Майский день.

— Вовсе нет. — Я чувствовала, что краснею, и попыталась побежать, но Уильям схватил меня за косичку.

— Точно, воображаешь. Вот погоди, расскажу Генри, он описается. Мелкая Лужица решила, что может ходить по шесту, а ещё думает, будто у неё золотые кудри и все от неё в восторге.

— Отвяжись! — крикнула я.

Он стал выкручивать мне руку и шаркать по лицу концом моей косички. Я ненавидела, когда он так делает, и попыталась вырваться.

— Неплохая идея — пустить тебя на шест. С таким личиком, как у тебя, все решат, что у нас тут дрессированный хорёк!

Я выдернула свои волосы у него из рук и изо всех сил бросилась вперёд. Я слышала, как он громко хохочет, догоняя меня. Мне так хотелось, чтобы его посадили в колодки. Я бы тогда бросала в него навоз и гнилые овощи — всё, что удастся найти. Я привязала бы гнилую

рыбу у него под носом и кидала на голову пауков, червей и жуков, а он извивался бы в колодках. Я дождалась бы, когда он как следует проголодается и захочет пить, и съела большое сочное яблоко прямо перед его носом. Потом бы я запустила ему в ухо уховёрток, они прогрызут мозг и выберутся через ноздри наружу, а он будет кричать снова и снова. А потом я... я придумаю для него что-нибудь другое, ещё хуже, чем всё это.

— Тебе не следовало приходить, отче. — Ральф поплотнее укутал пледом плечи.

В доме было холодно. От утопанного земляного пола тянуло сыростью. Слабый огонь в очаге, для экономии топлива прикрытый дерном, почти не прогревал комнату, служившую всей семье кухней, гостиной и спальней. Я поднырнул под пучки сухих трав и лука, свисающие со стропил.

— Джоан сказала, ты не смог прийти на мессу из-за лихорадки. Я рад видеть, что тебе лучше.

Ральф сгорбившись сидел в кресле в дальнем углу комнаты. Я изрядно удивился, увидев его не в постели. Мне когда-то случалось страдать от болотной лихорадки, и я тогда не мог даже голову с подушки поднять.

— Не надо было ей беспокоить тебя, — проворчал Ральф. Он бросил взгляд на жену, стоявшую спиной к запертой двери. Я обернулся, пытаюсь разобрать, что она отвечает Ральфу — явно не предназначенное для моих ушей. Я не заметил у него обычных симптомов лихорадки, но в слабом свете единственной оплывшей свечи его лицо трудно было рассмотреть. День ещё только клонился к закату, но ставни на окнах уже были плотно закрыты.

— И... — я помедлил, — этим утром я видел в колодках Марион, твою маленькую дочь. Джоан закрыла лицо руками.

— Управляющему д'Акастера не следовало сажать её в колодки. Она всего лишь ребёнок. Я знаю, ей нельзя было выходить так рано. Но она такая маленькая, что только так может собрать хоть крохи. Потом старшие будут отталкивать ее и заберут всё. Не знаю, как мы заплатим этот штраф... Будто у меня и так мало забот. Ральф... болен, — она умолкла, испуганно взглянув на мужа.

— По-моему, штраф заплатили, — сказал я ей. — Я слышал, заплатила глава дома женщин.

Джоан недоверчиво и удивлённо посмотрела на меня.

— Почему?

— Я знаю, что они добрые женщины. Должно быть, пожалела ребёнка.

— Нам не нужно подачек от таких, как они, — рассердилась Джоан. — Я тысячу раз говорила детям не приближаться к ним. С чужаками опасно общаться.

— На сей раз, Джоан, думаю, тебе следует быть благодарной, и я надеюсь, ты не станешь отказываться от милостей церкви. — Я открыл свою корзину. — Я принёс тебе немного баранины, Ральф. Думаю, Джоан сварит из неё бульон, если ты не можешь есть твёрдую пищу.

Джоан рванулась вперёд, взять мясо.

— Ты добрый человек, отче, что бы там ни говорили.

— А что обо мне говорят, Джоан? — мрачно спросил я.

— Ничего, отче, — торопливо ответила она, — деревенские сплетни. Мы с Ральфом на них внимания не обращаем.

— И всё же я хотел бы услышать.

Джоан одёрнула юбку.

— Да просто пустая болтовня, ты же знаешь, отче. Я слышала разговоры, что твоё

прежнее место в Норвичском соборе было по всем статьям лучше. Вот люди и удивляются, почему ты его оставил... ради прихода вроде нашего.

— И они знают ответ?

Мою грудь снова сдавил тугой обруч.

— Говорят... ну, кое-кто говорит, что тебя сюда отправили из-за... — она растерянно обернулась к мужу, но тот не пришёл на помощь. — Потому, что тебя поймали... прошу прощения, отче, в постели с... с монахиней, вот что говорят.

Она подхватила подол фартука из мешковины и закрыла им лицо, не смея даже взглянуть на меня.

Я не смог удержаться от смеха. Они оба глядели на меня в изумлении.

— Нет, уверяю вас, меня не ловили в постели с монахиней. Да и нигде меня с монахиней не ловили.

Несмотря на облегчение, в груди у меня по-прежнему болело. Обычно эта боль проходила в течение нескольких часов. С тех пор как попал в эту несчастную деревню, я чувствовал себя так, будто меня преследует какая-то ужасная тварь, готовая наброситься в любой момент. Каждый раз, глядя в глаза деревенским, я задавался вопросом, не узнали ли они, не пустил ли декан епископа слух. Он делал такие вещи с большим удовольствием, если они служили его цели.

Джоан пристально смотрела не меня, очевидно, ожидая каких-то объяснений.

— Меня не отправляли сюда из-за монахини. Я пришёл к вам потому, что, как Христос, хотел служить тем, кто нуждается во мне. Меня не благословляли служить приходящим в собор богатеям.

Джоан попыталась улыбнуться.

— Мой Ральф так и говорил соседям. Он им сказал — да, Ральф? — он сказал, тебя не отправляли сюда в наказание. Ясно же, сказал Ральф, что если бы тебя поймали на чём-нибудь таком, то забили бы кнутом, а то и чего похуже.

Мои плечи дрогнули, а шрамы на спине внезапно опять стали гореть под грубой одеждой. Я заставил себя улыбнуться.

— Как хорошо знать, что у меня есть друзья в Улевике.

Ральф казался таким погружённым в свои мысли, что трудно было даже сказать, слышал ли он меня. Я никогда не видел его таким несчастным. Обычно он жизнерадостный человек, полный жизни, несмотря на все трудности. Я не мог понять, отчего он так внезапно изменился. Я оглянулся в поисках скамейки и подтащил её поближе к нему, но он тут же отстранился.

Джоан протянула было руку, словно хотела меня отодвинуть, но остановилась.

— Тебе не стоит слишком приближаться, отче... чтобы не заболеть.

— Христос меня защитит, — возразил я.

— А твои слова насчёт Джайлса, отче, это правда? — встревоженно спросила она.

Я взглянул на Ральфа — может, именно это так его расстроило? Не думаю, что эти двое были друзьями, но, может, Джайлс был... родственником. Я до сих пор не мог разобраться в запутанном клубке родственных отношений в деревне. Но мне незачем спрашивать, что за слухи узнала Джоан. Все деревне уже известно, что одного из их соседей мучили, а потом протащили перед ними на празднике в чучеле святой, всем на потеху. И раз каждый мужчина и каждая женщина в Улевике знали имя того, кто кричал, умирая в огне — это, несомненно, дело рук самих Мастеров Совы. Я вздрогнул. К горлу подступила желчь. Будь

они прокляты, и Хилари, и мерзкий ублюдок Филипп. Не я должен чувствовать вину. Это их вина, их всех.

— Гореть им в аду! — выпалил я, а потом, увидев испуг на лице Джоан, попытался сдерживать гнев. — Было совершено зло, огромное зло, и те, кто его сотворил, поплатятся, если не в этой жизни, то в следующей.

Лоб Джоан морщился в тревоге.

— Но ведь никто не понял, что этот бедный мальчик внутри святой Вальпургии. Мой брат там был, и он клянётся, что не догадался.

— Мастера Совы знали. Без сомнения, знали и другие, — мрачно сказал я.

— Но ты не будешь... Ты не станешь отлучать нас от церкви, да, отче?

Я внимательно посмотрел на неё, прежде чем ответить.

— Большинство жителей деревни так невежественны, что не понимали происходящего, в это я готов поверить, но теперь вы всё знаете. И кто из ваших соседей окажется на месте Джайлса в следующий раз? Может, и кто-то из вашей семьи. Вам, деревенским, надо держаться вместе, надо избегать дьявольских ритуалов Мастеров Совы.

Джоан с опаской бросила взгляд на дверь, как будто опасалась, что кто-то нас услышит.

— Но если Мастера Совы забрали парня только за то, что он переспал с той девушкой, значит...

— Если кто-то угрожает тебе, Джоан, тут же приходи ко мне. Церковь защитит тебя, обещаю. — Я кивнул в сторону двери. — А теперь оставь нас. Мне нужно исповедовать Ральфа, если он готов к этому таинству.

Она кивнула, неуклюже изобразила что-то вроде реверанса и, бросив на мужа ещё один тревожный взгляд, приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы проскользнуть, и быстро захлопнула её за собой.

Я вынул из своей сумы толстую сальную свечу, зажег от чадающей тоненькой свечки и поставил на грубый столик в углу. Рядом достал серебряную коробочку со святыми дарами.

Ральф говорил унылым тихим голосом, отвернувшись от меня и оставаясь в тени. На исповеди он не признался ни в чём, чего не говорил раньше — гордыня, лень — не думаю, что он и вправду был в этом виновен, но он судил себя строже, чем большинство людей.

— Прощаю тебе грехи твои во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь.

Я поднял оплывшую свечу, чтобы поднести её поближе к Ральфу, и собрался положить в его рот гостию [\[10\]](#), но зацепился рукавом за край стола, и свеча наклонилась. Несколько капель горячего воска пролились на руку Ральфа.

— Прости, Ральф! Должно быть, я обжёг...

Я вдруг понял, что он не дрогнул, не отдёргнул руку. Три капли белого воска лежали на его коже, но он не чувствовал ожога. Он увидел, что я смотрю на руку, и тут же потупился. С запоздалым вскриком он поспешно натянул на неё одеяло.

Я отшатнулся. Я не хотел этого, но Ральф заметил моё отвращение, и лицо у него стало испуганным. Теперь я слишком хорошо понимал, чем на самом деле болен этот несчастный. Да помилует его Бог! Я ничего не смог сделать в этот ужасный момент осознания и лишь неподвижно стоял со свечой в дрожащей руке. Ральф сгорбился в тени, его подбородок почти касался груди. Мы оба молчали. Мне нечего было сказать, чтобы утешить его.

Я собрался с мыслями и торопливо завершил начатое. Потом потушил свечу и сунул назад в суму. Я знал, он не хочет, чтобы я произнёс то страшное слово, я и сам не мог заставить себя его выговорить. Думаю, мы оба верили, что если это слово останется

невывказанным, то каким-то образом останется и надежда.

— Да пребудет с тобой Господь.

На это не последовало ни ответного движения, ни привычного «аминь», только отчаянная мольба в его глазах.

Я вышел и устало прислонился к закрытой двери. Джоан говорила со старой вдовой Летицией, которая уселась массивным задом на стену колодца и, очевидно, выкладывала новую сплетню. Джоан обернулась на звук закрывающейся двери, нашла взглядом моё лицо. В её глазах было то же страдание, та же безмолвная мольба, что и у Ральфа. Но прежде чем я успел что-нибудь сказать, Летиция с трудом слезла с колодца и заторопилась ко мне.

— Ну, как он, отче? Вот бедняжка. А я как раз говорила дорогой Джоан, у меня есть кое-что от лихорадки, по рецепту моей старой матушки, сделано из лучших белых маков. Мой покойный муж, упокой Господь его душу, очень верил в это средство. Под конец он постоянно его пил, даже если не хворал. Говорил, только оно ему и помогает от головной боли. Уж так он страдал от этих болей. Знаешь, странно в это время года подхватить лихорадку, но все времена года перевернулись вверх тормашками, с тех пор как появились эти чужестранки. Чужаки всегда приносят несчастье. Когда я была маленькой, в деревню пришли проповедовать какие-то монахи, дикого вида свора. Звали себя блаженными. Мастера Совы быстро с ними разобрались, но когда монахи исчезли, поднялся крик — пропали трое детей. Их вся деревня искала, но так и не нашла ни волоска. Я думаю, чужаки утащили детишек, чтобы продать в Лондоне или во Франции, или ещё в каком-нибудь гиблом месте. Эти женщины ведь из Франции, да? Не удивлюсь, если они сглазили твоего мужа, Джоан, потому он и хворает. Скоро я тебе это точно скажу.

Летиция потянулась мимо меня к дверной щеколде. Я увидел испуганное выражение лица Джоан и, крепко схватив старуху за руку, оттащил её от двери.

— Он только что уснул. Пусть отдыхает. Но если у тебя найдётся час свободного времени, тут есть семья, которая не отказалась бы от твоей помощи.

Крепко стиснув пухлую руку, я потащил Летицию по улице. Может, мне и удастся отвлечь её сегодня, но она непременно вернётся. Я думал о том, как долго Джоан сможет удерживать эту дверь запертой от Летиции и всей остальной деревни.

Настоятельница Марта

— Пошёл вон! — приказала я. — Убирайся вон, сейчас же. — Я строго указала упрямцу на открытую дверь трапезной.

Леон, лохматый чёрный пёс Пастушки Марты, дружелюбно разглядывал меня, как будто не мог поверить, что я обращаюсь именно к нему, и продолжал отступать к Пастушке Марте, сидящей за длинным обеденным столом. Он плюхнулся на пол перед очагом и подкатился поближе к её ногам, в ожидании, что сейчас ему почешут живот.

Учительница Марта и Кухарка Марта обменялись улыбками. Обе знали, что эта паршивая собака не обращает внимания ни на кого, кроме хозяйки.

— Может, разрешим ему остаться? — попросила Кухарка Марта. — Ты же знаешь, бедняжка начинает выть, если мы оставляем его снаружи.

— При условии, что он не будет лизать свои... Ладно, только не позволяйте псу бродить по комнате, — проворчала я.

Вот уж в самом деле бедняжка! Ростом с осла и такой же упрямый. Но настаивать на том, чтобы выгнать Леона, бесполезно. Мы только потеряем время, пытаюсь его выставить, а мне хотелось поскорее начать очередное заседание совета Март, назначенное на сегодняшний вечер. До вечерней службы оставалось меньше часа, а мне хотелось подготовиться к приёму этой девочки, Агаты, нашей новой бегинки.

Целительница Марта прихрамывая вошла в трапезную, пошатываясь под тяжестью корзины. Она аккуратно извлекла из неё несколько флаконов масла, разложила на столе напротив каждой из нас и облегчённо опустилась на ближайшую скамью.

— Что это там у тебя? — спросила вошедшая Хозяйка Марта. Она, как всегда, прибыла последней.

— Я назвала это маслом от блох, но, осмелюсь сказать, я намерена подыскать для него более приятное название.

Целительница Марта выглядела более усталой, чем обычно, лицо у неё вытянулось, а голубые глаза полузакрыты, как будто она готова уснуть прямо сидя.

Я потянулась, налила из кувшина немного эля и дала кубок Целительнице Марте. Она кивнула в знак благодарности, жадно отхлебнула, потом махнула рукой в сторону бутылок.

— Ягоды можжевельника и семена дельфиниума, раздробленные в масле, чтобы уничтожить вшей, и ещё немного розмарина. Розмарин вшей не убивает, но поднимет дух.

— Уверяю тебя, Целительница Марта, у меня совершенно нет вшей, — твёрдо сказала я. Но Целительница Марта в ответ, как обычно, всезнающе улыбнулась.

— Поверь, Настоятельница Марта, та старая женщина, которую мы приняли в лечебницу этим вечером, кишит ими. Я должна намазать этим каждого, кто общался с ней или её дочерью, иначе вши распространятся по всему бегиначу.

Измученного вида женщина привела свою старую мать к воротам бегинача и умоляла нас забрать её — по её словам, та совсем выжила из ума. Старуха уже не раз сбрасывала с себя одежду, и часто её обнаруживали бродящей голой по деревне. Она принимала внуков за своих давно покойных сестёр и братьев и пыталась посреди ночи готовить им еду. Дочь не спала по ночам, боясь, как бы старушка не спалила дом вместе с ними. Я близко наклонялась к дочери, чтобы поговорить о её старой матери так, чтобы та не слышала. Целительница Марта права — если вши есть у матери, наверняка есть и у дочери. Я знала

такие дома — все спят в одной кровати или укрываются одним одеялом на полу, чтобы согреться. От одной мысли об этом у меня начался зуд, я стала чесаться, прежде чем это поняла, и заметила, что то же самое происходит с остальными.

Целительница Марта засмеялась.

— Ну вот, что я вам говорила? Вам нужно намазаться этим маслом с головы до ног, и выстирать всю одежду. Даже если вы не подцепили вшей, от этого будет только польза.

Я попыталась сменить тему, чтобы отвлечься от вшей.

— А сколько народу сейчас в лечебнице, считая и эту старую женщину?

— Семеро, заняты почти все койки. Надо добавить под лечебницу ещё комнату, чтобы стало попросторнее.

Уголком глаза я уже видела, как Хозяйка Марта качает головой. Целительница Марта тоже это заметила.

— Вот увидишь, к нам приведут и других, а если и кто-то из бегинок зимой заболит, нам не хватит места, чтобы их выхаживать. — Она указала на пузырьки с маслом. — Если кровати стоят слишком тесно, по бегинажу распространятся не только вши.

— А откуда вы собираетесь брать на это деньги? — язвительно спросила Хозяйка Марта. — Даже если сделать всё самим, за материалы платить всё же придётся. Новая лечебница — не единственное, что нам необходимо. Список нужд у меня длиннее, чем руки у карманника.

Юная Учительница Марта деловито нахмурилась.

— Но если на Варфоломеевой ярмарке в этом году дадут хорошую цену за шерсть... думаю... я уверена, мы сможем построить новое помещение. А благодаря неустанной заботе Пастушки Марты к августу у нас будет шерсть на продажу. Не многие в здешних краях могут этим похвастаться, так что шерсть должна принести нам больше, чем в прошлом году.

Учительница Марта всегда с легкостью признавала чужие успехи. Боюсь, и детей она тоже слишком захваливала, а для них это не особенно полезно.

На лице Пастушки Марты застыло что-то среднее между гримасой и смущённой улыбкой. Она очень не любила находиться в центре внимания. Думаю, на самом деле она была бы намного счастливее, если бы могла провести всю жизнь с животными, не имея дела с людьми. Но нам следовало поблагодарить Пастушку Марту. Пастбище, такое зелёное и пышное после зимних дождей, ввело всех нас в заблуждение. Попадая туда, голодные овцы мгновенно заболели и дохли из-за паразитов и копытной гнили. Пастушка Марта вовремя заметила первые признаки болезни и немедленно отогнала овец на верхнее пастбище, где трава была беднее. Божьей милостью и благодаря бдительности Пастушки Марты, большая часть наших овец уцелела, но Поместье и деревенские жители упорно держались за пастбище побогаче и поплатились за это.

Хозяйка Марта нетерпеливо цокнула языком.

— Даже если мы получим хорошие деньги за шерсть и одежду, урожай в прошлом году был так плох, что накопить денег на новое помещение не удастся. Особенно если мы намерены кормить всех бездельников, что приходят к нашим воротам просить подаяния. — Она бросила на меня свирепый взгляд, как будто это я их приманиваю.

Целительница Марта успокаивающе погладила руку Хозяйки Марты.

— Понимаю, понимаю, дорогая, но всё же мы не можем отворачиваться от больных, не можем бросить без помощи тех, кто приходит среди ночи к нашему порогу — вроде того ребёнка, что Привратница Марта нашла неделю назад. Что стало бы с тем малышом, если бы

мы не дали ему приют?

Привратница Марта оглянулась при упоминании своего имени, хотя её руки продолжали крутить веретено. На рассвете она нашла ребёнка, подброшенного к нашим воротам, тощего как скелет, с огромным раздутым животом и покрытыми болячками лицом и руками.

— Ребёнок точно не из Улевика, у него на руках нет перепонки. Наверняка отродье каких-нибудь бродячих торговцев. За ним не вернутся. — Привратница Марта плюнула на пальцы и завязала узелком пряжу. — Мне кажется, Целительница Марта правильно говорит — нам нужно больше места.

— Та юная девушка, Агата... — нерешительно начала учительница Марта. — Поскольку отец, лорд д'Акастер, отослал её сюда, может, мы могли бы попросить у него денег на постройку...

— Мы, бегинки, никогда ничего не просим, — строго ответила я. — Если Бог сподвигнет мужчину или женщину принести нам дар по собственной воле — мы можем это принять. А д'Акастер...

Привратница Марта перебила меня, недоверчиво покачав головой.

— Если ты собираешься ждать, когда этот старый скупердяй предложит нам денег — прождёшь до Судного Дня. Он на благотворительность и тухлого яйца не даст, особенно нам. Если уж нам нужно новое помещение, лучше положиться на Хозяйку Марту и её острый язык, чтобы получить с торговцев хорошую прибыль.

И на этот раз я с ней согласилась. Я не стала говорить другим Мартам, как позаботился лорд Роберт об Агате, как предложил скормить её воронам. А по его обращению со мной в тот день было ясно, что он с радостью поглядел бы, как нас, болтающихся на виселице, станут клевать птицы. Я понимала теперь, что все наши попытки наладить отношения с Поместьем были обречены с самого начала. Разве можно иметь дело с таким человеком? Нам оставалось только молиться, чтобы вражда не превратилась в войну.

Целительница Марта лучезарно улыбнулась остальным.

— Раз все мы согласились, что в этом году нам нужно новое помещение, это значит, принять такое решение сподвиг нас сам Бог. Будем уповать на то, что Он поможет Хозяйке Марте торговать.

Но Хозяйка Марта решительно взяла последнее слово.

— Вам известно, что я никому не позволю превзойти меня в торгах. Но прошу всех заметить, что в отличие от нашего благословенного Господа, я не могу накормить пять тысяч душ несколькими хлебами и рыбами, а потому лучше бы тебе прекратить раздавать милостыню всем бродягам, просящим подаяния, Настоятельница Марта. А что касается тебя, Кухарка Марта — помни, имеющиеся припасы придётся растягивать до следующего урожая, если мы станем экономить деньги, вырученные за одежду на майской ярмарке в Сваффхаме.

Я уже открыла рот, чтобы возразить, но Целительница Марта погрозила мне пальцем, её усталые глаза заблестели.

— Ты её слышала, Настоятельница Марта. Мне нужна эта лечебница. — Целительница Марта подмигнула мне — ей снова удалось мягко склонить на свою сторону остальных Март.

Собрание прервалось, но прежде чем я успела удалиться в часовню, Привратница Марта преградила мне путь и отвела к очагу. Что-то ощутимо беспокоило её, и на этот раз пальцы пожилой женщины не крутили веретено. Как только комнату покинули другие бегинки, она

заговорила.

— Насчёт девочки д'Акастера. Ей больше некуда пойти? Должно быть, есть и другие места, где её бы приняли.

Я в изумлении смотрела на неё.

— Агата? Зачем ей куда-то уходить? И что, по-твоему, мне с ней делать? Отослать в монастырь?

— Вся деревня знает — эта девочка родилась под Звездой демона [\[11\]](#). Любая такая девчонка принадлежит дьяволице Лилит. — Привратница Марта пристально смотрела на умирающее пламя в очаге. — Некоторые в бегинаже думают, что её появление — дурная примета. Вместе с собой она повсюду приносит проклятие. Кое-кто из нас будет спать спокойнее, если девочку отошлют в монастырь, подальше от этой долины, туда, где она не сможет никому причинить вреда.

— И какой же вред способна причинить юная девушка, Привратница Марта? Она христианка и принадлежит только Богу, одному ему. Ни один демон не может её коснуться. А сегодня вечером мы перед Богом дадим ей новое имя.

Я похлопала её по плечу.

— Брось, Привратница Марта. Ты не хуже меня знаешь, что любая женщина, придя в бегинаж, освобождается от груза прошлой жизни, вплоть до рождения.

— Есть кое-что, от чего нелегко избавиться.

Привратница Марта взяла палку и с отсутствующим видом начертила узор в золе угасшего очага. Я вгляделась, пытаюсь увидеть контур. Это оказался круг с крестом внутри. Привратница Марта поняла, куда я смотрю, и поспешно стёрла знак.

— Подумай об этом, — пробормотала она. — Сегодня день, когда Сатана и его демоны были низвержены на землю, чтобы творить зло. Это предупреждение для всех, кто имеет глаза, чтобы прочесть знак. Попомни мои слова, сделать Агату бегинкой именно сегодня — означает навлечь беду. Молись, чтобы всем нам не пришлось сожалеть о том дне, когда мы дали этой девочке имя бегинки.

Я боялась даже за закрытыми воротами бегинажа. Как я ни была измучена, но в первую ночь уснуть не удалось. Я слишком страшилась того, с чем могла встретиться в своих снах. Я неподвижно лежала, прислушиваясь к каждому пisku и лаю в долине. Мне не удавалось прогнать ужас из своих мыслей — огонь, крики, весь тот кошмар, когда я пыталась вырваться из лап монстра, всей тяжестью прижимающего меня к земле.

Весь следующий день я не решалась даже перейти через открытый внутренний двор — знала, что где-то рядом, под тёмной сенью леса, прячется в тени эта тварь, ожидая, когда я сделаю хоть шаг наружу. Хотя бегинки-чужестранки и были вполне дружелюбны, деревенские бегинки провожали меня ледяными взглядами, куда бы я не шла, как будто я какая-то лазутчица. Для них я — дочь Роберта д'Акастера. Временами я чувствовала, что они с радостью вышвырнули бы меня за ворота на растерзание этому чудовищу.

Но этим вечером, в церкви, я наконец почувствовала себя в безопасности, впервые с той ночи в лесу, а может, и впервые за всю жизнь. В безопасности — потому, что я оказалась в неопределённом состоянии. Моё старое имя осталось за дверью часовни. Оно не вошло вслед за мной, бегинки его не пустили. Я стала безымянной, лишённой отражения и тени. Без имени тот демон не может меня найти. Я не принадлежала больше ни к миру живых, ни мёртвых. Без имени меня не могут позвать ни вверх, на небо, ни в ад. Если сейчас я умру, то стану тенью, блуждающей над землёй. И никто меня не узнает. Я хотела остаться такой навсегда. Хотела стать невидимой.

Часовня бегинажа оказалась маленькой, простой и красивой, совсем не похожей на приходскую церковь святого Михаила. Поверх алтаря из белого камня, украшенного искусно вырезанными плодами граната и пчёлами, лежала жертвенная плита из темно-зеленого камня. Зелёный камень пронизывали алые капли, как брызги крови на лоснящемся листе кувшинки. Стены часовни были почти полностью закрыты картинами. Сияющая Пресвятая Дева Мария была изображена над алтарём в короне из золотых листьев, золотые звёзды окружали её воздетые руки. Другие стены украшали сцены из жизни женщин в серых плащах и платьях, должно быть, бегинок.

Сама служба тоже отличалась от тех, на которых я бывала прежде. На ней не было ни капеллана, ни священника. Перед алтарём, сложив на груди руки, стояла Настоятельница Марта. В колеблющемся свете свечи её лицо больше не казалось строгим. Голос звучал радостно, слова поднимались вверх, словно могли пронестись через крышу часовни. Отец Ульффрид во время службы всегда торопился — как скучающий школьник, повторяющий латинские склонения, которому хочется поскорее покончить с ними и идти играть. Но эти люди молились, как ласточки, парящие в вечернем небе. Мне были знакомы слова, но я не думала, что можно произносить их так. По моей спине пробегала дрожь. Это казалось чем-то таинственным и прекрасным.

Трое бегинок поднялись и, устроившись на низких скамейках, взяли за музыкальные инструменты. Одна била оленьим рогом по барабану, задавая ритм. Другая, постарше, щипала струны цимбалы, а третья, с флейтой, вступила в мелодию чуть позже, как ребёнок между танцорами. К ним присоединились другие женщины — запели молитвенный гимн, не торжественно и не монотонно. Их песня легко лилась, как бурная река, бегущая по камням. Музыка стихла так же постепенно, как и началась. В мерцающем свете свечей повис

последний затухающий всхлип и тоже умолк.

Настоятельница Марта подозвала меня кивком, и внезапно чувство безопасности испарилось, я ощутила нарастающую панику. Я знала, что на меня сейчас устремлены глаза всех присутствующих, хотелось выбежать за дверь, но снаружи я окажусь в полном одиночестве. Я подошла к ней, шаркая ногами и глядя в пол. Мои ноги всё ещё дрожали, а к рёбрам до сих пор больно прикоснуться. Что она собирается делать здесь, на виду у всех? Я будто со стороны наблюдала, как настоятельница Марта с помощью пучка иссопа окропляет меня водой. Но я не чувствовала падающих капель. А потом она произнесла моё новое имя — Османна.

— Добро пожаловать, Османна, — отозвалось эхо из глубины часовни.

Я оглянулась посмотреть, к кому это обращаются. Это не моё имя. Оно взято взаймы и висит на мне, как серый бегинский плащ.

Я знала, кто такая Османна. Принцесса, сбежавшая от родителей, чтобы жить в лесу. Епископ провозгласил ее невестой Христовой, а потом оставил на поругание садовнику, которому полагалось ее защищать и кормить. Как они могли выбрать это имя? Почему из всех имен святых надо было взять именно это? Они что, не понимают, что со мной произошло?

Настоятельница Марта нагнулась и приколола к моему платью маленький жестяной значок.

— Это кабан, символ благословенной святой. Когда святая Османна жила отшельницей в лесу, она приютила кабана, которого преследовали охотники. Она закрыла зверя своим телом, и тот не напал на неё. Когда епископ, охотившийся на кабана, увидел, как Османна чудом приручила свирепого зверя, он обратил её в христианство и крестил. Пусть этот знак твоей тёзки защитит и сохранит тебя, Османна.

Я хотела сорвать значок и втоптать его в пыль. Какой от него теперь толк? Уже слишком поздно. Будь у меня сила Османны ударить садовника так, чтобы он ослеп, я не стала бы молиться за его исцеление. Я бы хохотала над тем, как он ползает на коленях среди колючих зарослей. Я вырвала бы еду из его рук и отняла воду, поднесённую к губам. Мой шёпот загнал бы его в болото, а пение отправило в ледяную реку. Я мучила бы его в безводной пустыне, я молча бросила бы его в стылых тёмных землях. Пусть поймёт, что он со мной сделал. Я не Османна.

Июль. День святой Эверильды

Эверильда, благородная дама из Уэссекса, основала монастырь для восьмидесяти монахинь в Йоркшире. Умерла в 700 г. н.э

— Если вы сию же минуту не встанете, останетесь без завтрака, — закричала Ма.

Я откинула одеяло и вздрогнула. Ещё даже не рассвело, но Ма уже широко распахнула дверь и ставни на окнах, чтобы сэкономить свечи. Уильям сидел на скамье, шаркая ногами, всё ещё зевал и тёр сонные глаза. Мы знали, что она не шутит насчет завтрака.

Сухой, плоский и твердый хлеб раскрошился, едва Ма попыталась его нарезать. Она глядела, словно старалась решить, что с ним делать. Наконец, собрала обломки на разделочную дощечку и поставила между нами. Это не настоящий хлеб. Ма размалывала понемногу старые сморщенные бобы и горох и смешивала с измельчёнными корнями айра, но в этом хлебе, наверное, и бобов почти не было. Она повернулась к очагу, чтобы зачерпнуть похлёбку из висящего над огнём большого железного котелка. Жидкая похлёбка состояла в основном из листьев щавеля и противно пахла.

Когда Ма отворачивалась, Уильям корчил рожи.

— Бесполезно так крутить носом, мой мальчик, — Ма умела видеть всё, даже когда мы думали, что она не смотрит. — Тебе придётся привыкнуть к этому или голодать. Это всё, что будет у нас на столе до следующего урожая.

— Спорим, отец такого не ест, — проворчал Уильям, с отвращением принимаясь к похлёбке.

— Ничего, вернётся домой и будет есть, как и мы все. — Ма обернула руку подолом юбки и сняла с огня котелок. — С нынешними ценами его заработка на солеварне не хватает, чтобы покупать зерно до Лугнасада [\[12\]](#).

Ма плотно сжала губы. Я знала — она злилась не на отца, а на Мастеров Совы. Они забрали целую миску соли в уплату за то, что окуривали наш дом горячей веткой с купальского огня для изгнания злых духов. Ма говорила, соль вдвое дороже вяленой рыбы и зерна, которыми расплачивались другие с нашей улицы. А призраки продолжали поглощать нашу еду.

Ма бросила в свою миску немного раскрошенного хлеба, и стала давить, чтобы хлеб размяк. Она ткнула ложкой в нашу сторону.

— И чтобы никто из вас не смел брать хлеб у Летиции. Эта старая сплетница отдаст вам последний кусок из своей миски, если попросите, но она делает хлеб безумцев из мака и семян конопли, иногда из других сорняков, когда больше ничего нет. А я не хочу, чтобы вы это ели, понятно?

— Уверен, на вкус он лучше этого, — прошептал мне Уильям, прикрывая рукой рот.

— Может, и так. — Слух у Ма был острый, как у кошки. — Но он сведёт вас с ума. Случалось, поев его, взрослые мужчины тонули в болоте, думая, что идут по твёрдой земле. Кузина моей матери бросилась с церковной башни, сказав, что умеет летать. Она, правда, стала чудной после того, как муж утонул в море, но её доконал хлеб безумцев, так что берегитесь.

Она соскребла остатки похлёбки и хлебных крошек в рот и отодвинула миску.

— Детка, мы с Уильямом пойдём на сенокос. Бейлиф требует начинать с рассветом, пока держится сухая погода. Проверь, чтобы воды и дров хватило для ужина, и приготовь новую свечу до темноты, а то мы не вернёмся, пока не стемнеет. Потом собирайся и ступай работать, слышишь?

Мне не хотелось собирать собачье дерьмо ^[13]. Это нечестно. Уильяма же не заставляют. Провести день на тёплом лугу с сеном гораздо приятнее, чем весь день подбирать какашки на жарком солнце.

— Почему мне нельзя пойти с вами на сенокос? — заныла я.

— Ты же не хуже меня знаешь, бейлиф не станет тебе платить, ты слишком мала ростом, чтобы бросать сено в телегу. Ты будешь работать задаром. — Ма заматывала волосы длинной полоской ткани, чтобы прикрыть от пыли. — Работая на дороге, ты хоть что-нибудь получишь, и проверь, что несёшь кожевнику полное ведро, иначе у него будет повод не заплатить.

— Но, Ма...

— Ты всё слышала! Закончил, Уильям? Тогда марш за дверь.

Дом опустел. В открытую дверь забрела маленькая коричневая курица, вспорхнула на стол, как будто понимала, что Ма ушла. Это Брида, моя любимица. У неё осталась белая метка на крыле после того, как кошка выдрала перья. Когда перья снова отросли, они оказались белыми, как шрам. Ма говорила, не стоит давать курам имена, иначе я буду плакать, когда им свернут шею. Но я ни за что не позволю свернуть шею Бриде. Я собрала в ладонь немного крошек горохового хлеба с деревянной дощечки. Брида искоса посмотрела на руку, блеснула яркими чёрными глазками и стала клевать крошки. Она гортанно клокотала, как всегда, когда была чем-то довольна.

Я осторожно держала ладонь перед Бридой в длинном тоненьком лучике света, только начинавшем пробиваться сквозь окно. Пальцы у меня уродливые. Теперь я знаю. Никогда о них не задумывалась, пока не появились акробаты. У той девочки были длинные красивые пальчики, смыкавшиеся вокруг шеста, а когда она, балансируя, поднимала руки, пальцы распускались в воздухе, как раскрывающиеся цветы. И обе руки у неё одинаковые. А мои разные. Два средних пальца на правой руке соединены перепонками, как у Ма и отца. Почти у всех в нашей деревне одна рука отличается от другой. У д'Акастеров — нет, но отец говорит, что ещё поколение назад они были чужаками, так что они не в счёт, а у большинства деревенских перепонки есть. Отец говорит, это чтобы отличать правую руку от левой в темноте.

Ма считает, что это знак нашей принадлежности к деревне. Однажды она рассказала мне о своём дяде, он был моряк. Он всё время плавал во Францию и как-то ужинал там в трактире, а этот чужестранец подходит к нему и говорит: «Ты из Улевика. Должно быть, мы кузены». Понимаешь, рассказывала Ма, он из-за руки моего дяди так сказал. Ма говорит, не важно, куда тебя занесло, ты никогда по-настоящему не покинешь Улевик, пока у тебя есть эти перепонки, они всегда приведут обратно, как амулет.

А на пальцах Уильяма перепонки нет. Это единственное, чем он меня никогда не дразнил. Думаю, ему хотелось бы иметь перепончатые пальцы, как у Генри и других друзей. Я иногда замечала, как он засматривается на отцовские перепонки, а потом прячет свою руку под мышку, как будто стыдится. Мне кажется, Уильям счастливчик. Я бы хотела руки, как у той девочки-акробата, тогда я могла бы убежать далеко-далеко и перепонки никогда не затащили бы меня назад.

Огромные тучи мух роились над ведром и жужжали вокруг моей головы. Я старалась покрепче закрывать рот, чтобы не проглотить одну из них. Мухи ползали по лицу, рукам и ногам, заставляя чесаться чуть не до крика. Большая часть собачьего дерьма валялась в деревне, но мальчишки всегда пытались отобрать у меня лучшие куски. Иногда они

отнимали ведро и опустошали в своё. Жаловаться Ма бесполезно.

«Учись сама постоять за себя», — вот и всё, что она скажет. Поэтому я уходила из деревни так далеко, как осмеливалась, вдоль по дороге, ведущей к дому женщин. Ма говорит, чтобы я к нему не приближалась, но по лесной дороге из деревни иначе не пройти. Ма говорит, чтобы я хотя бы не ходила туда без Уильяма, он за мной присмотрит, чтобы я не потерялась. Меня передёрнуло от одной мысли об этом. А старая Летиция говорит, раньше в лесу охотилось жуткое чудовище. Я знаю, оно и сейчас там — иногда по ночам перед сном я слышу его крик.

— Ты не могла бы выполнить моё поручение, детка?

Я резко обернулась, чуть не опрокинув ведро. За спиной стояла одна из этих серых леди с корзинкой в руках. Ещё толще, чем старая Летиция. Он неё пахло мёдом, жареной свининой и пряностями, как от чего-то съедобного.

— Некоторые из бегинок и все дети сейчас на сенокосе. — Она показала в сторону луга на склоне холма. — У них с собой лук, хлеб и сыр, но я уверена, этого не хватит. Дети ужасно проголодаются после такой работы. Поэтому я испекла для них противень свежих лепёшек. Может, будешь хорошей девочкой и отнесёшь их на луг? Если я полезу туда — растаю, как кусок сала на огне. Она засмеялась, и её живот заколыхался под тяжелой серой юбкой. На лице выступили капли пота, как будто она уже начала таять.

Я пошевелила пыль пальцами ног.

— Надо набрать полное ведро, а то Ма разозлится.

— Сколько тебе платят за ведро?

— Пенни. — Я боялась взглянуть ей в лицо. Старая Летиция говорила, никогда нельзя смотреть в лицо ведьме, не то она тебя сглазит.

Она порылась в маленькой кожаной сумке на поясе и вытащила монетку.

— Вот тебе пенни. А если постараться и поможешь там управляться с сеном, заработаешь ещё один. Ну, теперь иди, да смотри, не съешь по пути все лепёшки.

Я подняла взгляд, забыв, что нельзя на неё смотреть. Она ещё улыбалась, даже глаза прищурились в улыбке.

— Мне можно съесть одну?

В животе у меня заурчало.

Женщина открыла корзинку и сунула лепёшку мне в руку. Она была ещё тёплая и сочилась мёдом. Я слизнула мёд с пальцев, стараясь не потерять не капли, и откусила огромный кусок. Ма велит держаться подальше от дома женщин, но я же не входила внутрь, так? Я оглянулась на пустынную дорогу. Если я никому не скажу, никто и не узнает.

— Давай, детка, двигай задницей, — крикнула Пега.

Османна пристально смотрела с холма вниз, на лес. Похоже, она не догадывалась, что Пега к ней обращается.

— Клянусь, я её придушу, — проворчала Пега. — Мне придётся сделать две ходки, чтобы отвезти сено вниз, в сарай, а если она не поторопится, мы проторчим здесь до полуночи.

— Будь снисходительна к этому ребёнку, — попросила я, — она же не привыкла работать в поле.

— А, ну тогда пусть привыкает поскорее. Народ Улевика тащил на хребте несколько поколений д'Акастеров. Пора уже хоть одному из них узнать, что хлеб добывают потом и мозолями.

Пеге, способной одной рукой закинуть на забор дохлую овцу, легко говорить, но не всех нас воспитывали для работы в поле.

Жара сделала всех раздражительными. Воздух стал густым и знойным. Внизу, под нами, в жарком мареве мерцали поля, похожие на огромное озеро подёрнутой рябью воды. Даже здесь, на вершине холма, ни один лист ветвистых деревьев не шевелился от ветра, они стояли сонно и неподвижно. Полдень ещё не настал, но одежда уже прилипала к спине, а руки болели.

Я совсем не обязана работать в поле, как и остальные Марты, у каждой из них есть своя служба. К этому времени я могла бы уже стать Мартой, но Настоятельница Марта с самого начала настроена против меня. Знаю, это она меня не допускает, и не важно, что говорят остальные. Я вот что скажу — Настоятельница Марта может считать, что управляет бегинажем, только это не так. У всех нас есть своё мнение, и я перед ней пресмыкаться не стану. Прошло время, когда мной помыкали другие женщины.

Над лугом зазвенел громкий смех. По крайней мере, дети счастливы, благослови их Бог. Они любят собирать снопы сладкого и тёплого сена, хотя больше разбрасывают, швыряясь друг в друга, чем собирают. Для них это не работа, они просто счастливы возможности уклониться от уроков.

Только малышка Марджери держалась застенчиво. Она остановилась позади нас, с пальцем во рту и глядя вниз, на склон холма и реку, сверкающую под тусклым солнцем.

— Откуда вытекает река, Пега? — спросила она.

— Река вытекает из ручья, ручей из маленького ручейка, а тот — исходит из пруда Ану, далеко отсюда, на больших холмах. Там они все начинаются.

— А что это — пруд Ану? — спросила Марджери.

— Там живёт Чёрная Ану. Она даёт жизнь реке. Река вытекает между её ног. Разве ты не слышала о Чёрной Ану?

Марджери покачала головой и улыбнулась, ожидая продолжения.

— Она из племени фей — наполовину женщина, но у неё ноги козы, только их никогда никто не видит, она прячет ноги под одеждой. Днём она крепко спит в чёрном пруду и просыпается в ведьминском ночном свете. Одежда у неё зелёная, как болотная тина, а за спиной развеваются серебряные волосы, сияющие в темноте. Она так прекрасна, что никто, хоть раз взглянув на неё, не может отвести глаз. Только это просто колдовство, на самом

деле она — высохшая старая карга с чёрным, как болотная топь, сердцем. Если кто-то посмеет приблизиться к её логову, Ану привлекает его танцем, пока человек не запутается в её волосах, а после утаскивает в глубину пруда и топит. А потом... — Пега протянула длинные руки, сгребла Марджери и зашипела ей в ухо: — она вонзает в него зубы и выпивает всю кровь. — Она ущипнула Марджери за шею, и малышка побежала прочь, вопя от восторга и ужаса.

— Османна, — снова прикрикнула Пега. — Тащи сюда тележку для сена, быстро!

Бедняжка вздрогнула и обернулась к нам, сжав кулаки, как будто собиралась броситься в драку. Османна всегда кажется насторожённой, готовой защищаться. Постоянно оглядывается, даже когда говоришь с ней, как будто боится неожиданного нападения.

Пега рассерженно покачала головой, а Кэтрин, всегда готовая броситься на помощь Османне, потащила тележку вверх по склону. На маленьких лугах не набрать целый воз, поэтому мы пользовались тележками.

Я радовалась, что для Кэтрин наконец нашлась подруга. Когда Османна только появилась, Кэтрин провела её по бегиначу, познакомила со всеми, как будто представляла ко двору. Кэтрин рада была показать каждый дюйм бегинача. Но лицо Османны застыло, как будто она боялась радоваться. А бедняжка Кэтрин так старалась. Она даже пыталась рассказать Османне историю колодца.

— Вода чудесным образом начала бить из-под земли. Настоятельница Марта прочла молитву и сказала: «Копайте здесь». И люди стали копать, хоть и не поверили её словам, и тут же из земли хлынула вода. Всех охватило такое благоговение, что они упали перед ней на колени.

Несколько я помню, дело было не совсем так. Настоятельница Марта вовсе не святая, и я не могу представить, чтобы хоть кто-то из деревенских опустился на колени перед одной из нас, даже если бы вместо воды из колодца потекло вино. Но я не прерывала рассказ Кэтрин.

— И теперь свежая и чистая вода течёт каждый день. Чудесная чистая вода, ты ведь пробовала? — горячо продолжала Кэтрин.

Но Османна вздрогнула и отвернулась, плотно охватив себя руками, как брошенный ребёнок. Я попыталась обнять её, как обнимала других сирот, но она отшатнулась, словно решила, что я собираюсь её ударить.

Пега подняла толстый сноп сена, растёрла в пальцах несколько стебельков и скривилась.

— Его будет чертовски трудно высушить, и к тому же мы опоздали с заготовкой, весна была отвратительно дождливая. Нельзя больше откладывать, жара вот-вот кончится.

Небо подёрнулось дымкой, диск солнца окрасился в бледно-жёлтый цвет примулы, как будто на него набросили вуаль. Для сушки травы нужны либо палящее солнце, либо сильный ветер, а у нас нет ни того ни другого, только эта удушливая, парящая жара.

— Может, зима и не выдастся суровой, — сказала я. — Если сено заплесневеет, этой зимой мы лишимся скота, в холодную зиму — наверняка.

Пега покачала головой.

— По моим расчётам, уверена, зима не будет холодной. За плохим урожаем сена всегда следует сырая зима. Но для нас это — благословение Божье, потому как, думаю, повсюду опять случится плохой урожай.

— По-твоему, сырая зима — благословение? — удивилась я.

— Ты предпочла бы холодную? — Пега ловко связала охапку сена и бросила её Османне. — Холод не страшен, когда ты уютно устроилась в тёплом доме, во Фландрии, но попробовала бы ты здешний холод, когда ветер с моря продувает насквозь. Однажды, когда я была маленькой, река крепко замёрзла. И болота тоже, даже рядом с морем. Холод держался долгими неделями. Мы жили тогда на лесном конце Улевика. Волки пришли из леса прямо на окраину деревни. Они так грызлись и скреблись о двери, что от этих звуков холодела в жилах кровь. Мать стучала палкой по горшкам, чтобы отогнать их прочь. Вскоре после этого мы слышали крики, как будто убивают девушку, но никто не посмел выйти посмотреть. Наутро снег повсюду был в крови и шерсти, кругом отпечатки огромных лап, а в Поместье пропала коза. Её утащили волки.

— Слава Богу, лишь козу, — сказала я, перекрестившись.

— Можешь так думать, но мой брат пас тогда коз в Поместье. Он всего лишь ребёнок, ничто против волчьей стаи. — Пега заговорила громче и оглянулась через плечо, посмотреть, слушает ли Османна, но та не обращала на нас внимания. — Бейлиф привязал моего брата в хлеву рядом с лесом и задал ему хорошую трёпку. А потом оставил его там связанным на всю ночь, по приказу д'Акастера. На следующее утро, едва рассвело, я прокралась туда, чтобы принести ему немного поесть. Я обнаружила его без сознания. Он чуть не умер от холода и страха, что волки вернутся. Бедный малыш.

Она бросила сердитый взгляд на Османну, как будто та в этом виновна, но Османна, не глядя на Пегу, продолжала подбирать снопы сена, хотя наверняка слышала её слова.

Я подошла к Османне и громко сказала:

— Если их просто бросать, они сползут, когда понесём вниз. — Потом чуть мягче добавила: — Не обращай внимания на Пегу. Язык у неё едкий, как лимон, но сердце доброе. На самом деле она тебя не винит.

Османна смотрела на меня с непроницаемым лицом, будто не понимала, о чём я. Потом нагнулась и положила сноп на место.

— Вот так? — спросила она.

Я кивнула и отвернулась, смирившись с поражением.

— Спасибо, Беатрис.

Шёпот за моей спиной прозвучал так тихо, что я подумала — может, показалось. Когда я снова обернулась, Османна склонилась за новым тюком сена, ничем не выказывая, что она что-то говорила. Я тихонько улыбнулась.

Пега сделала большой плоток из меха с элем, прежде чем протянуть его мне. Потом подняла большую корзину лепёшек, которую Кухарка Марта поручила принести тощей деревенской девчужке. Зерна в наших амбарах оставалось немного, но Кухарка Марта неустрашимо продолжала печь.

— Вот, — Пега протянула Османне корзину. — Будь добра, девочка, раздай это детям.

Кэтрин и Османна пошли за детьми. Пега с отвращением посмотрела им вслед.

— Османна — настоящая дочь своего отца. От неё не услышишь больше дюжины слов, и те холодные, как зад нищего зимой.

— Целительница Марта говорит, она просто застенчивая.

— Целительница Марта не станет слушать дурных слов даже о самом рогатом. А я скажу — если рыба воняет, не стоит притворяться, что не чуешь запах, иначе она испоганит всё рагу. Османна не глупа. Она нарочно всё портит, чтобы её больше ни о чём не просили. Однако она рада сидеть целый день с книжкой, а Настоятельница Марта только её

поддерживает.

Пега ещё раз презрительно оглянулась на Османну. Та не могла услышать, но всё ещё смотрела на нас, как будто знала, что мы её обсуждаем.

— Ты только посмотри на неё, — нахмурилась Пега. — Выглядит, как будто у неё под носом вонючая помойка. Не думаю, что она может смотреть на нас свысока. Слышала, отец вышвырнул её вон из дома за разврат. Я бы расцеловала эту драную кошку, если это правда, только я так не думаю. У любого, кто попытается затащить её в постель, хрен отмерзнет.

Пега легко болтала о связях мужчин и женщин, я никогда так не умела. Она знала о мужчинах всё. Это отражалось на её лице, когда она говорила о том или ином мужчине — негодяе, причинившем ей боль, или добром и ласковым, при воспоминании о котором в её глазах появлялась материнское тепло. Был один, память о котором даже спустя годы заставляла её вздыхать и рассеянно улыбаться. Однажды я спросила, как его звали, но она покачала головой и отвернулась.

— У них нет ни имён, ни лиц.

Женщина, зная много мужчин, больше не любопытна. Но когда ты была только с одним и его постель оказалась холодной и жёсткой, ты не перестаёшь гадать — может, другой был бы добрее или же всё это и вправду твоя вина, как неустанно повторял мой муж.

Меня винули все — и его мать, и священник, и лекарь. Все твердили, что я бесплодна только по своей вине, и в том, что муж не любит меня, я тоже виновна, и в том, что я его раздражаю. Она повторяли это столько раз, что я поверила — должно быть, так и есть. Покинутая супружеская постель и пустая детская кроватка за ней — и во всём виновата только я. Иногда, глядя на мужчину, я представляла, что он меня любит. Но преступно даже думать об этом, мысль — такой же грех, как и поступок. Это я усвоила вместе с катехизисом на коленях у матери.

Но боль привязывала меня к греху, тупая бессмысленная боль, грызущая изнутри. Иногда она утихала, и я думала, что всё позади. А потом я видела женщин, поглаживающих ладонями округлившийся живот, или слышала шорох ветвей тисового дерева на погосте, скрипящих, будто внутри дерева плачет ребенок. Тогда боль возникала снова, и я понимала — отчаянное желание держать на руках своего ребёнка никогда меня не оставит, даже если доживу до почтенного возраста Авраама и Сары.

Пега пристально смотрела через мое плечо, на кущу вязов выше по склону холма. Над ней, хрипло крича, разлетались чем-то напуганные грачи, как будто удирали от кошки или сокола. Пега постояла, прикрывая глаза от солнца, потом быстро перекрестилась. Обеспокоенная её поведением, я тоже поднялась на ноги и проследила за её взглядом.

Под деревьями неподвижно стояла девочка, лет двенадцати на вид, с гривой пылающих рыжих волос, рассыпанных по плечам, в одной лишь тоненькой, грязной и рваной рубашке, слишком короткой, открывающей бледные ноги.

— Это просто нищенка, — я попыталась успокоить Пегу.

Вечно любопытные дети заинтересовались, куда это мы смотрим. Они стояли, с опаской глядя на девочку, как будто это какой-то странный зверь.

Пега трижды плюнула на кончики пальцев.

— Это Гудрун, она не нищенка.

— Старая Летиция говорит, её мать была ведьма.

Я глянула вниз, удивлённая слабым тоненьким голоском. Деревенская девочка, та, что принесла лепешки, спряталась за юбку Пеги, плотно прижав край подола к лицу, будто

боялась смотреть на нищенку.

— Летиция говорит, её мать могла превращаться в серую кошку с огромными жёлтыми глазами. Кошка каждую ночь кралась от одного хлева к другому, высушивала у коров молоко и растворяла неродившихся телят. А потом один из деревенских поймал серую кошку в капкан и отрезал ей язык. Хотел повесить, но она исцарапала его и удрала. А прямо на следующий день родила дочку.

— Нехорошо так говорить, — резко сказала я.

Девочка пожалала плечами.

— Та женщина умерла, и серая кошка больше не приходила. Летиция говорит, Гудрун родилась немой, ни слова сказать не может. Это потому, что её матери отрезали язык. Так что она точно была ведьма.

Пега всё ещё глядела на Гудрун, как будто боялась отвернуться. Девочка посмотрела на нас. Она выглядела такой беззащитной и невинной — в рваной одежде, с нежной как у младенца кожей. Солнце, пробиваясь сквозь листья, играло на рыжих волосах, и в них поблёскивали нити золота.

— Бедная малышка, — тихо сказала я. — Кто же теперь о ней заботится?

— Бабка, старая Гвенит, — ответила Пега. — У неё тоже есть колдовские способности, но в отличие от дочки, она их не использует во вред. Она вроде как хорошая. В этих краях к ней многие ходят за приворотом или лечением. Она может избавить от бородавок, и много чего ещё.

— А отец Ульффрид не против?

Я не могла представить священника, спокойно относящегося к присутствию в деревне знахарки.

— Сомневаюсь, что он знает. Никто из деревенских ему не скажет, он же чужеземец. Старуха Гвенит живёт далеко, у реки, где долина сужается. Приходит в деревню только когда ей надо купить горшок или ещё что. Говорят, её прабабка — одна из пяти мудрых женщин, избавивших Улевик от монстра, что держал всю деревню в страхе.

— Что... что он делал? — внезапно побледнев, Османна шагнула вперёд. Бедная девочка не привыкла к тяжелой работе в такую жару. Настоятельнице Марте не стоило от нее этого ждать.

Пега нахмурилась.

— Старики говорят — хоть это и было за много лет до их рождения — говорят, монстр налетал сверху и хватал деревенских, как добычу, и не только детишек, а и вполне взрослых мужчин. Жрал их живьём, срывая зубами мясо с костей, пока люди кричали от боли, и раздирал животы, чтобы добраться до внутренностей. Люди страдали не только от нападений монстра. Где бы ни появлялась его тень — случались страшные беды. Дома поражала проказа, а их обитатели сгнивали, превращаясь в труху, посевы на полях засыхали, пересыхали колодцы, и коровники загорались сами по себе. Унять чудовище удавалось, только отдавая ему скот. Под конец в Улевике его почти не осталось.

Дети в ужасе смотрели на Пегу, разинув рты и широко открыв глаза. Я поняла, что, должно быть, выгляжу точно так же. Это о нём говорил тот человек, умерший в лесу в майскую ночь? «Твоё создание, порождение отчаяния и тьмы, несущее смерть всем, кто противится тебе».

— Говорят, если бы не те знающие женщины, вся деревня погибла бы. Слава Богу, с тех пор чудовище не прилетало, и Его милостью этого больше никогда не случится.

Девочка под вязами подняла обнажённые руки и указала пальцем на грачей над своей головой, от которых уже потемнело небо. Птицы собирались вокруг неё, исступлённо хлопая рваными крыльями. Грачи кружили взад-вперёд, опускаясь всё ниже, но не касались её, и она не шевелилась.

— Но Гудрун не знахарка, — сказала Пега. — В ней то же зло, что и в её предках. Может, она и немая, но тоже может говорить с дьяволом. Смотри, вот опять.

Я вгляделась, куда она указала. Пониже рыжей гривы волос, на плече Гудрун, я увидела что-то большое, лоснящееся и чёрное. Ворон. Крепкий клюв был так близко от уха девочки, что казалось, птица что-то ей шепчет. Присутствие ворона пугало грачей, но не ребёнка. Сам ворон, как и его хозяйка, не выказывал никакого страха перед кружащими птицами. В молчании девочки и ворона среди кружащих грачей было что-то пугающее.

Пега кивнула в сторону Гудрун.

— Там что-то не так. За все эти годы я ни разу не видела, чтобы она или её бабка обращали внимание на других людей. Гудрун не подходит к людям и никому не показывается на глаза. А мы здесь уже три года. Так почему она взялась наблюдать за нами сейчас? Больше того, почему она позволила нам себя видеть?

Пега снова перекрестилась и вместе с деревенской девочкой, всё ещё цеплявшейся за её юбку, повернулась к своим снопам сена.

Я опять взглянула в сторону деревьев. Девочка и её птица исчезли. Место казалось теперь совершенно пустынным, как будто никого там и не было кроме кружащихся грачей. Пот на моём теле вдруг стал холодным и липким. Меня била дрожь.

Они встали передо мной, перекрывая путь. Я развернулась, но они оказались позади, окружили меня хороводом бледных лиц. Кулаки крепко сжимали факелы. Я чувствовала жар пламени на лице. Я отступала, задыхаясь от дыма, боясь, что пламя опалит мне волосы. Мои сёстры, Эдит и Энн, тоже участвовали в этом круговороте. Их болезненно-желтоватые лица плыли на меня. Губы раздвигались в ухмылке. Бриджет, наша молочница, повар, горничная, покойная кормилица, немая старая попрошайка — все были здесь. Эдит поднесла клеймо к моему лицу. Я дёрнулась назад, но за спиной меня ждало ещё больше факельщиков.

— Ну, Агата, ты ведь не боишься маленького огонька? Святая Агата непременно защитит тебя от пламени. Разве ты не названа в её честь? Именно в честь неё.

Они кружили вокруг меня и смеялись. Ожерелье глаз поблескивало в свете факелов.

— Отпустите меня. Пожалуйста, дайте мне уйти.

— Почему, малышка Агата? Ты же не стыдишься носить такое славное имя? Тебе стыдно, Агата? Они хохотали громко и хрипло, как грачи над кронами вязов. — Нечего стыдиться. Все мы знаем, почему тебя называли Агатой. Это каждый знает. Видела, как все оборачиваются, когда ты проходишь мимо? Куда бы ты ни пошла, повсюду об этом шепчутся. Потому что все знают, Агата. Все знают. Ты умрёшь старой девой, Агата, даже если за тобой в приданое станут давать всё золото королевства.

Они визжали от смеха. Эдит ухватила спереди моё платье.

— Покажи нам, давай, покажи всем, почему тебя называли Агатой.

Они все стали хватать меня, пытаюсь разорвать одежду.

— Покажи нам, Агата. Покажи своё имя.

Я проснулась с криком и поняла, что дерусь с клубком одеял, пытаюсь освободиться. Ночь стояла удушающе жаркая, я взмокла от пота, по лицу сбегали мелкие капли. Несколько минут я лежала неподвижно, пытаюсь перевести дыхание. Перевернувшись, я почувствовала влагу между ног и от облегчения чуть не закричала снова. Это наконец случилось. Я зря волновалась. Все будет хорошо.

Я выскользнула из постели и прокралась к двери. Она скрипнула, когда я ее открыла, и Кэтрин тихонько пискнула во сне, как котенок. Внутренний дворик заливал лунный свет, на крытых тростником и соломой крышах бегинача поблёскивало серебро, но из-под ставен плотно закрытых окон не пробивалось ни единого лучика. Все спали. Я вздрогнула, испугавшись чего-то призрачно-белого, скользнувшего над головой, но оказалось, это всего лишь амбарная сова, живущая в молотильном сарае.

Я перебежала через двор, к уборным. Фонари там горели всю ночь, на случай, если кому-то понадобятся. Я присела у шершавой стенки, сунула пальцы между ног, а потом поднесла поближе к жёлтому огню фонаря. На пальцах не было ничего, кроме пота. Должно быть, должно! Я пробовала снова и снова, но крови не было. Прошло три луны, а крови все нет.

Оно растёт во мне? Я встала и медленно ощупала живот. Он не казался раздутым, но когда живот беременной женщины начинает расти? Я изо всех сил вдавила в живот кулаки. Если оно там, я должна раздавить его. Должна убить. Я не могу носить в себе отродье демона. Со мной такого не может случиться. Я повернулась и всем весом прижалась к стене, вдавливая кулаки в живот так сильно, что почти вскрикнула. Кровь пойдёт, я ее заставлю.

Кровь вымоет это из меня. Я не должна думать о нем. Если я не буду думать, оно не сможет расти. Я не позволю ему жить во мне. Я не позволю ему жить.

Июль. День Марии Магдалины

Считается, что в этот день всегда идет дождь, потому что Мария Магдалина стирает свою одежду, собираясь в Сент-Джеймс на ярмарку.

Настоятельница Марта

Отец Ульффрид опаздывал. Обычно он неукоснительно пунктуален, но колокол приходской церкви святого Михаила давно отзвонил, а служба все не начиналась. Церковь была необычно многолюдна, и собравшиеся начинали беспокоиться. Обычно они слонялись туда-сюда, болтая и смеясь, обращая мало внимания на мессу, но в этот день все с волнением оборачивались на открывавшуюся дверь, будто ждали какую-то высокую особу.

Дверь снова отворилась, и наконец вошел отец Ульффрид, но не один. Он тащил за собой какую-то несчастную развалину, человека со связанными длинной веревкой руками. По внезапной тишине я поняла, что именно его ждали жители деревни. Лицо человека было скрыто капюшоном. Но я видела, как деревенские отпрянули при его приближении. Белые пятна на коже его рук и гнилостный запах не оставляли сомнений. Некоторые бегинки помоложе тоже подались назад, и я неодобрительно нахмурилась, жестом велев им стоять на месте. На ступенях алтаря прокаженный упал на колени и шепотом исповедался у ног священника. Я была в ярости. Не было никакой необходимости устраивать зрелище из исповеди. Неужели отец Ульффрид считал Господа настолько глухим, что позаимствовал сотню человеческих ушей, чтобы выслушать страдания единственной души? Одна женщина даже руку приставила к уху, чтобы лучше слышать.

— Все знают, что если спать с женщиной во грехе, возникнет проказа, — громко сказала она соседке.

— Ага, или если во время месячных, — ответила ее подруга.

— А что если и то и другое сразу?

— Тогда будет сыпь и проказа — чешется, а пальцев, чтобы почесать, и нет, вот наказание! — И обе закудахтали от смеха.

Казалось, исповеди не будет конца, словно человек боялся, что если он остановится, на него падет топор. Наконец, оборвав его на полуслове, отец Ульффрид поднял руки и провозгласил отпущение. Он взял веревку и потащил прокаженного в дальний угол церкви. Там стояли плотницкие козлы с наброшенной поверх чёрной тканью, образуя что-то вроде гробницы. Отец Ульффрид указал на них. Несчастный упирался, словно его толкали в бездну ада, но отец Ульффрид был непреклонен. Он втащил прокажённого внутрь, как собаку в конуру, и тот скрючился под чёрной тканью, похожий на тень, в надвинутом на лицо капюшоне.

Месса продолжилась, но я не могла больше слушать. Чёрная ткань не давала покоя моему духу. Я чувствовала угнетающий озноб рядом с этой гробницей, как будто Лазарь всё ещё погребён в каменной пещере и окрик «выйди вон» был только насмешкой над его стенающей душой. Пробил колокол, все вкусили Тело Христово, а тень внизу, в чёрной гробнице, сжалась ещё сильнее.

Когда месса кончилась, отец Ульффрид снова дёрнул верёвку и чуть не силком выволок человека из убежища. Едваждавшись, пока несчастный поднимется на ноги, священник зашагал из церкви, ведя прокажённого за собой. Паства высыпала вслед за ним, но держалась на безопасном расстоянии. К тому времени, как мы добрались до двери, толпа уже образовала широкий круг у отверстой могилы.

Прокажённый стоял в могиле, склонённая голова чуть возвышалась над краем. Отец Ульффрид подождал, пока все соберутся, потом поднял лопату, воткнул в земляной холмик и

высыпал землю прокаженному на голову. Несчастный пошатнулся, схватившись руками за края ямы, чтобы не упасть. Толпа ахнула и отпрянула, как будто мертвец пытался выбраться из могилы. Священник дважды бросил на человека землю, потом провозгласил: «Умри для мира и снова воскресни для Бога». Позади толпы закричала женщина, но никто не обращал на неё внимания.

Отец Ульффрид снова дёрнул за верёвку, приказывая человеку выбраться из могилы. Тот старался, но яма была слишком глубока. Он пытался выкарабкаться, земля всё время осыпалась, а люди только наблюдали за его беспомощной борьбой. Мне хотелось столкнуть их к нему в яму.

Я прошла вперёд через толпу зевак, бесцеремонно отталкивая тех, кто не спешил уступать дорогу. У ног священника лежала лестница могильщика. Я подняла её, опустила в могилу и протянула руку прокажённому. Тот инстинктивно поднял свою в ответ, но прежде чем я успела её схватить, отдёрнул, боясь ко мне прикоснуться. Собрал все силы, он сам вскарабкался по лестнице, и пошатываясь встал возле могилы. Его одежда покрылась грязью. Начинался дождь. Мокрая земля размазывалась по измождённому лицу, но он не пытался её смахнуть. Я протянула руку, чтобы вытереть рукавом его лоб, но отец Ульффрид схватил меня за руку и попытался оттащить в сторону.

— Ты что, женщина, с ума сошла?

— Если святая Вероника была безумна, утирая лицо нашего Господа, то я охвачена этим безумием.

— Господь не гнил от греха.

— Господь сам принимал прокажённых, отец Ульффрид.

— Ты смеешь сравнивать себя с Христом?

Отец Ульффрид резко отвернулся, не дожидаясь ответа, и, дёргая за верёвку, направился к дороге, ведущей в сторону леса. Прокажённый на верёвке пошатывался и спотыкался, как слепой. Я пошла следом. Оглянувшись, я увидела позади группу бегинок. За нами следовали только они — толпа деревенских, убедившись, что развлечение окончено, побрела по домам.

Наконец, отец Ульффрид остановился у камня, отмечающего границу церковного прихода. Он ослабил верёвку, обернулся и взглянул в лицо прокажённого. Лицо отца Ульффрида казалось мрачным и напряжённым, он быстро наклонился к прокажённому и что-то сказал, слишком тихо, чтобы я могла слышать. Человек встретился взглядом со священником, потом обернулся, устремив тяжёлый взгляд в сторону деревни.

Отец Ульффрид отступил от него, откашлялся и заговорил, достаточно громко, чтобы все слышали.

— Ты избран Христом, поскольку уже в этой жизни страшно наказан за многочисленные грехи. Тебе следует ежедневно благодарить его за этот дар страдания. Ты это понимаешь?

Человек не отводил взгляда от деревни, как будто хотел запечатлеть её в памяти. Отец Ульффрид нетерпеливо дёрнул верёвку, привлекая его внимание.

— А теперь хорошенько запомни правила, по которым отныне тебе придётся жить. Тебе запрещено входить в церковь, в таверну, пекарню или в любое другое место, где собираются христиане. Тебе нельзя мыться в ручье и пить из него, кроме воды, что нальют в твою чашу. Ты не смеешь прикасаться к еде, одежде, колодцам — ни к чему, до чего могут дотронуться добрые христиане. Ты никогда не должен ходить босиком. Когда покупаешь еду, никогда не отдавай монету в руки торговца, клади её в миску с уксусом. Нельзя есть или пить с другими,

только в обществе подобных тебе. Запрещена близость с любыми женщинами. Запрещено подходить к детям. Если ты встретишь кого-нибудь на дороге, должен отступить в сторону и предупредить, чтобы прохожий к тебе не приближался. Тебе нельзя ходить по узким улицам или переулкам, чтобы случайно не задеть доброго христианина. Тебе следует стучать в колотушку, предупреждая добрых христиан о своём приближении. Когда умрёшь, тебя похоронят за границей прихода, и пусть Бог своей милостью даст тебе сил смиренно переносить страдания.

Последние слова он пробормотал, как будто хотел поскорее с этим покончить. Возникла длинная пауза. Священник и прокажённый не смотрели друг на друга, не двигались и не произносили ни слова.

— Ральф, ты же знаешь, я не... — начал отец Ульффрид.

Он с трудом проглотил комок в горле, не сводя глаз с верёвки в руках. Теперь, закончив повторять заученные слова, он, казалось, изо всех сил пытался найти свои. Но слов не было. Наконец, он просто бросил верёвку, осенил прокажённого крестом и молча пошёл назад, в сторону церкви святого Михаила. Прокажённый остался растерянно стоять, глядя на деревню. Он явно понятия не имел, что теперь делать и куда идти. Дождь стучал по листьям, я плотнее запахнула плащ, а прокажённый, казалось, не замечал воды, бегущей по лицу.

Бегинки и дети жались друг к другу в нескольких шагах от меня. Я знала, что рано или поздно этот день настанет, как это произошло с нашими сёстрами в Нидерландах. Некоторые из них тоже это понимали. Но на их лицах я видела нерешительность. Мои слова, обращённые к ним, должны звучать уверенно. Если я стану запинаться или дам им время на раздумье, это лишь увеличит их страх перед ужасной болезнью.

— Целительница Марта, возвращайся поскорее в бегинаж. Приготовь для него место в лечебнице. Кухарка Марта, ты тоже иди, и детей забирай с собой. Растопи огонь и приготовь хорошей еды, твоя горячая похлёбка нужна ему не меньше целебных травяных отваров Целительницы Марты. Ступайте, и поторопитесь. Остальные остаются со мной, вы нужны мне здесь.

Беатрис схватила меня за руку.

— Неужто ты собираешься привести его к нам... в бегинаж. Ты же слышала, что сказал отец Ульффрид — это запрещено...

— Священник может это запрещать, но наш Господь приказывает это сделать. И если среди вас есть те, кто не знает, кому следует повиноваться, пусть с этого дня больше никогда не переступают наш порог, они недостойны носить плащ бегинки.

Я взглянула на потрясённые лица и отвернулась, чтобы дать им возможность сделать то, о чём говорила. Они не давали обета подчиняться мне или кому-то ещё. Я не могла их принуждать, не могла даже настаивать, если большинство Март станут мне возражать. Но если я не могу сплотить этих растерянных женщин ради общей цели, то всё, чем мы занимаемся, не имеет смысла. Этот бегинаж рухнет и распадётся.

Прокажённый стоял там, где его бросил священник, безжизненно сгорбившись, как повешенный на невидимой удавке. С запястья всё ещё свисала верёвка. Я взяла его за руку, и несчастный вздрогнул, как будто испугался, что я собираюсь его ударить.

— Не волнуйся, я только тебя отвяжу. Меня зовут Настоятельница Марта. Как отец Ульффрид называл тебя?

Он что-то пробормотал в ответ, но я не разобрала его слов.

— Говори громче, ты же наверняка знаешь своё имя.

— Его имя — Ральф. — Османна подошла к нам поближе.

— Уверена, он и сам может ответить. — Я вздрогнула, обнаружив её так близко, и ответила слишком резко. — По-моему, я велела всем детям уйти с Кухаркой Мартой.

Она вздёрнула подбородок.

— Я не ребёнок, а остальным ты приказывала остаться.

Я сдержала улыбку — эта девочка оказалась смелее всех остальных вместе взятых.

Я обернулась к прокажённому.

— Ральф, мы забираем тебя в бегинаж. Там ты найдёшь приют, тёплую постель, лекарства от твоей болезни, какие удастся найти, а также и хорошую еду, чтобы наполнить живот.

Его глаза испуганно округлились, рот изогнулся в злой улыбке, и я чуть отшатнулась от него, но взглянув снова, увидела только страдающего изгоя и ничего больше. Я рассердилась на себя за этот испуг. Быть осуждённым на то, чтобы никогда не почувствовать прикосновение руки другого, неприкаянно бродить, пока не освободишься из тюрьмы своей жизни, видеть жизнь и слышать её, но никогда больше не принять в ней участия. Этот приговор невозможно вынести. Я приняла решение — с нами будет иначе.

— Идём, Ральф, куда ещё тебе идти? Тащиться от деревни к деревне, спать в канавах, выпрашивать объедки, от которых отказываются свиньи. Неужто сказки, что ты слышал о нас, страшнее этого? В бегинаже ты, по крайней мере, останешься близко от дома. При упоминании дома слёзы навернулись на помертвевшие глаза Ральфа. Он проглотил комок в горле, пытаясь заговорить. Наконец, не глядя на меня, едва заметно кивнул в знак согласия. И мы отправились домой.

Сгорбившись, шаркая ногами, не поднимая глаз от грязной изрытой дороги, Ральф поплёлся за мной. Я могла бы привести его хоть прямо в ад, и он не возразил бы, он был уже там. Позади нас, в полном молчании, как скорбящие за гробом, следовала маленькая группа бегинок. Я старалась как можно дальше обойти деревню, опасаясь реакции селян при виде возвращающегося прокажённого. Но последняя часть пути пролежала мимо дальних домов, их никак не обойти. Я надеялась, что дождь удержит внутри их обитателей, но дети, не боясь промокнуть, играли прямо перед нами, на дороге.

Завидев нас, дети с криком бросились домой, поднимая тревогу. Жители деревни выглядывали из своих домов, собирались на дороге. Сворачивать было некуда. Я выпрямилась во весь рост и уверенно шла вперёд, глядя перед собой, чтобы они поняли — я не позволю перекрыть нам путь. При нашем приближении деревенские начинали свистеть и кричать. В нас летели гнилые овощи и яйца. О мою грудь разбилось тухлое яйцо, желудок сводило от вони. Неожиданно Ральф остановился, и идущие сзади женщины чуть не налетели на него. Он дрожал.

Он не мог сдвинуться с места, и я взяла его за руку и потянула за собой, сделав женщинам знак не останавливаться и держаться рядом. И тут я почувствовала, что кто-то тянет Ральфа с другой стороны. Маленькая рука Османны крепко подхватила его под руку. Я поймала её взгляд и одобрительно улыбнулась. Если когда-нибудь она сумеет справиться с собственным духом так же, как сейчас сжимала руку этого несчастного — она станет настоящей бегинкой.

Кто-то плюнул мне в лицо. Отвратительная слюна стекала по щеке, но я чувствовала уверенность — они не посмеют приблизиться и дотронуться до нас, боясь заразы. Я лишь молилась, чтобы они ограничились швырянием яиц, лишь бы никто не поднял камень. Все

бегинки были уже покрыты грязью и навозом, сыпавшимися на нас со всех сторон. Деревенские громко кричали, пока мы шли между ними, лица искажали страх и злоба.

Наконец, крики позади утихли. Как только мы миновали дома, их обитатели, казалось, утратили к нам интерес. Только несколько детей ещё бежали за нами, держась не безопасном расстоянии. Дети выкрикивали оскорбления и швыряли грязь, но были слишком далеко, чтобы причинить нам вред. У ворот бегинажа я решилась оглянуться. Никто уже нас не преследовал. Я позволила себе облегчённо вздохнуть и с силой втолкнула Ральфа внутрь. Теперь мы в безопасности, но надолго ли?

Я сел ужинать, и тут все началось. Снаружи было темно и тихо. Мне следовало бы сообразить — слишком тихо. Ни пьяного смеха мужчин, плетущихся домой из таверны, ни шумных ватаг юнцов, собирающихся где-то поблизости. Это должно было заставить меня насторожиться, но я слишком устал и проголодался, чтобы что-то заметить.

После вечерни я ушёл из церкви позже обычного. Ничто меня там особенно не задерживало, да и церковь была почти пуста, но я остался помолиться и потерял счёт времени. Мне было о чём молиться в тот день. Изгнание Ральфа, те безрассудные женщины, что бросили мне вызов и повели его назад, в деревню, а больше всего — тоска по Хилари, заставлявшая меня лежать без сна долгими одинокими ночами, проклятое болезненное желание, в котором я не смел признаться ни одной живой душе.

Девушка, готовившая для меня, уже ушла домой, оставив ужин на столе, рядом с незажжённой свечой — окорок на косточке, сыр и маленький бобовый хлебец. Насколько я помнил, мяса на кости осталось заметно меньше, чем было после обеда, в полдень. Придётся снова поговорить с ней об этом.

Я отрезал кусок окорока, когда послышался грохот, так неожиданно, что я дёрнулся и нож скользнул по пальцу. Боль от пореза на мгновение заглушила шум, но когда я осмотрелся в поисках тряпки, чтобы остановить кровь, звуки раздались снова. Шум шёл откуда-то с улицы. Плотно завязав порезанный палец, я осторожно приоткрыл ставню оконца и выглянул наружу. Грохот немедленно стал громче. Он звучал так, будто сотня кузнецов одновременно колотит по наковальням. В дальнем конце улицы я увидел огни покачивающихся факелов.

Я поспешно бросил свиную ногу и натянул ботинки, стараясь не задевать пульсирующий от боли палец. Я схватил посох, поскольку не знал, с чем встречусь, и осторожно прошёл по тёмной пустынной улице.

Подойдя поближе, я увидел толпу, в основном, мужчин и мальчишек. Некоторые держали горящие факелы, но у большинства в руках были железные горшки, клещи, щипцы, утюги и разные другие куски металла, и они яростно ими стучали. Дети размахивали над головами трещотками для отпугивания птиц. Все сгрудились вокруг одного дома, вытаптывая травы и овощи, ломая ягодник, подбираясь к закрытым дверям и окнам. Во всём этом хаосе и темноте я только через несколько минут разобрал, чей это дом. Это был дом Ральфа.

Я узнал одного из мужчин, стоящих рядом, и схватил за руку.

— Алан, что происходит? — мне пришлось кричать, чтобы он услышал сквозь грохот.

Он неохотно обернулся и проревел мне в ухо:

— Просто немного пошумим, отче. Тебе не о чем беспокоиться.

— А почему у этого дома?

Он потряс головой, не разобрав вопрос из-за грохота.

Я бесцеремонно схватил его за руку и оттащил в сторонку. За ним последовал его сын, Уильям, непрерывно колотивший в трещотку. Я рассерженно выхватил трещотку у него из рук, мальчишка с негодованием взглянул на отца, явно надеясь, что тот вмешается, но Алан ничего не сделал.

— Что это значит, Алан? Ральфа там нет, ты же знаешь.

— Зато там его жена и дети.

— И вы их пугаете? Почему? Что они вам сделали?

— Это для их же пользы, — Алан шаркал ногами. — Предупреждение, чтобы убирались отсюда. Надо сжечь этот дом. Только так можно избавиться от заразы.

— Вы не сожжете дом, мучая их уши.

— Три ночи грохота убедят их убраться. Если не уйдут на третью ночь — дом сгорит, хоть с ними, хоть без. Но если у них есть хоть капля ума, к тому времени они будут уже далеко.

— Это же ваши соседи, Алан. Ты всю жизнь знал Джоан, вы вместе выросли.

Он пожал плечами, и я понял, что зря теряю время.

— Хотя бы отправь домой сына, Алан. Незачем ему в этом участвовать.

— Мальчик должен учиться.

Уильям, явно удивлённый моими словами, широко улыбнулся.

— А как же твоя дочь, Алан, ей тоже нужно учиться? — Я кивнул в сторону кустов, за которыми скрылась тень. Я видел, что она следует за отцом и братом, и понял, что те до сих пор этого не заметили.

— Я же говорил тебе оставаться дома с матерью! — рявкнул Алан. — Марш домой, девчонка, и чтобы к моему возвращению спала, не то пожалеешь.

— Да, — крикнул Уильям, — убирайся вон, Лужа, это мужское дело. Ты тут не нужна.

Я бросил Алана, поспешил к дому и расталкивая толпу продрался к порогу. Я нашёл перевернутую кадку и влез на неё, чтобы меня увидели все, собравшиеся вокруг. Я поднял руку, призывая к молчанию. Пара человек передо мной перестала стучать, остальным потребовалось время, чтобы меня разглядеть. Шум постепенно стих.

— Все вы слышали мои слова в церкви. Ральфа поразила болезнь, потому что он виновен в грехе похоти. Он сознался. Но Бог не карает невиновных. Джоан и дети не сделали никакого зла.

— Она так же виновна, как и муж! — выкрикнул кто-то из толпы. — Она скрывала болезнь, прятала его в доме, врала, что это лихорадка. Она позволяла своим детям играть с нашими и не сказала ни слова.

— Верно, — поддержал другой. — Если бы Летиция не влезла к ним в дом, пока Джоан не было, мы ничего не узнали бы. Если хочешь знать, отче, ей повезло, что она получит только немного стука и шума.

— Но я говорил, — продолжил я, — что вам незачем опасаться Джоан или её детей. Я сам осмотрел их, на них нет ни следа болезни. Вам не нужно их сжигать.

Алан протолкнулся вперёд.

— Это всё годится для тебя, отче, у тебя нет детей, тебе не о ком беспокоиться. А моя жена говорит, ей не будет покоя, пока каждое бревно и каждый камень этого дома не превратятся в пепел.

— А д'Акастеру это известно? — возмутился я. — Это всё же собственность Поместья.

— Думаешь, мы такие идиоты — делать это без его согласия?

Кто-то позади толпы громко завопил:

— А те женщины провели Ральфа назад, через всю деревню, и это после того, как ты сказал, что ему даже ступать сюда запрещено. И ты собираешься это терпеть?

Юный Уильям настойчиво дёргал край моего облачения.

— Мой отец сказал, Мастера Совы быстро избавились бы от этих женщин, едва взглянув

на них, так, отче?

В толпе раздалось бормотание в знак согласия, люди закивали.

Я стиснул зубы. В этой деревне сплетни разносятся быстрее воды при паводке. Я понимал, что думают люди: если священник не может заставить слушаться даже женщин, почему мы должны ему подчиняться?

— Они не подчиняются нашей церкви потому, что дом женщин стоит за деревней. Эти женщины взяли к себе Ральфа из христианского милосердия. Это доброе дело, только очень неразумное. И я не сомневаюсь, они ещё пожалеют о своём поступке.

— Значит, говоришь, ты ничего сделать не можешь, — сказал Алан. — Мой парень прав — если ты не можешь, то Мастера Совы — вполне могут.

Тут все разом заговорили, и мне пришлось повысить голос, чтобы перекрычать их.

— Если Ральф войдёт в деревню, я с ним разберусь. Но пока он остаётся в доме женщин, он вне деревни, и вам нечего бояться за своих детей. И если вы и вправду заботитесь о ваших семьях, то не станете обращаться к Мастерам Совы. Сила их — нечестива и опасна, и чем скорее порядочные люди вроде вас поймут, что в деревне им не место, тем лучше. Нет ничего сильнее Бога и церкви. Если поверите в это — вам больше не понадобятся Мастера Совы.

Алан упрямо покачал головой.

— А, ладно, отче, ты чужак и ничего не понимаешь.

— Я понимаю, что тот, кто не веряет себя воле Христа и церкви, попадает в лапы дьявола. Мастера Совы пошли против божьих законов, — я строго взглянул вниз, на сына Алана. — А ты, Уильям, знаешь, что случается с теми, кто водится с дьяволом?

Мужчины смотрели на меня с вызовом и рассерженно переговаривались. Я чувствовал, как в них растёт ярость. Бороться было бесполезно. Если д'Акастер дал разрешение сжечь дом или даже приказал Мастерам Совы это сделать — что вполне возможно, если он решил, что Ральф виновен в распутстве — тогда я не в состоянии это предотвратить. Самое большее, я могу убедиться, что Джоан и детей нет в доме, прежде чем его охватит огонь.

— А теперь расходитесь. Я поговорю с Джоан, постараюсь убедить её уйти и без этого грохота. И если услышу, что кто-то наложил лапы на этот дом, прежде чем семья Ральфа его покинет — этот кто-то будет отвечать перед Богом.

Жители деревни глядели друг на друга. От толпы стали отделяться маленькие группы по два-три человека, и постепенно все разбрелись по тёмным улицам, большинство — в сторону таверны «Старый Дуб».

Я обошёл вокруг дома Джоан и убедился, что никто не скрывается в тени. Даже в темноте видно было, что сад уничтожен, всё сломано или втоптанно в грязь. Я постучал в дверь и стоял, дрожа от холода, прислушиваясь к звукам внутри дома. Дул холодный ветер, а я так торопился, услышав грохот, что не набросил плащ.

— Джоан, это отец Ульффрид, открой дверь. Не бойся, все ушли.

Последовало долгое молчание, потом послышался скрежет, как будто от двери оттаскивают что-то тяжёлое. Наконец, дверь чуть приоткрылась.

— Я один. Впусти меня, Джоан.

Дверь открыли ровно настолько, чтобы я мог протиснуться внутрь, тут же захлопнули и заперли на засов. Передо мной предстала Джоан, укутанная в дорожную одежду. За юбку цеплялись два маленьких сына и дочь Марион, испуганные, с заплаканными лицами. Джоан пыталась поднять на плечи тяжёлый узел.

— Неужели ты собралась на ночь глядя в дорогу, Джоан?

— Нас предупредили, отче, — лучше уйти этой ночью, а не то... будет хуже.

Как и Ральф, она старалась не смотреть мне в глаза.

— Согласен, оставаться здесь на ночь небезопасно. Идём ко мне, немного поедите и отдохнёте. Дети, должно быть, умирают от голода.

Она решительно покачала головой.

— Большое спасибо, отче, только мы уйдём этой ночью. У меня есть кузина в Норвиче, может, она нас примет. Это далеко, и там не слышали про... — она умолкла, не сумев произнести это слово.

— Но это в многих милях отсюда. Нельзя женщине путешествовать в темноте и одной. Кругом полно всяких бандитов и сумасшедших. Бог знает, что они могут сделать с одинокой женщиной. А что насчёт твоего брата в деревне, может, он вас примет?

— Чтобы и его семью вместе с нами сожгли? Он и близко к нам не подходил с тех пор, как все узнали, и я не виню его за это. Ему нужно думать о собственных детях.

— Тогда ты должна пойти со мной. Никто не посмеет обидеть тебя в моём доме. Обещаю, я помогу тебе добраться до Норвича. Я...

— Так же, как помог моему мужу, отче? Так, как ты защитил Ральфа?

Услышав ярость в материнском голосе, дети испуганно сжались, они цеплялись за её ноги и прятали лица в её юбках. Малышка Марион расплакалась.

— Ральф был твоим другом, отче. Он всегда защищал тебя, что бы ни говорили о тебе, он в это не верил. А ты... ты протащил его через всю деревню, как зверя. Ты связал его. Заставил его стоять в могиле, пока засыпал землёй. И ты объявил его мёртвым, отче. Живого человека, моего мужа... ты сказал, что он мёртв, перед его друзьями, перед соседями, семьёй... перед его собственными детьми. Ты сказал им, что отец умер.

В первый раз за этот вечер она взглянула прямо на меня, в глазах блеснули слёзы ненависти, и она гневно смахнула их рукой. Если бы она ударила меня кулаком в живот, мне не было бы больнее. У неё нет права ненавидеть меня после всего, что я сделал, пытаюсь защитить её и Ральфа.

Ещё в тот день, когда пролил на руку Ральфа горячий воск, я понял, что у него страшная болезнь. Я пытался сохранить тайну, но как только об этом пронюхала мерзкая сплетница Летиция, скрываться стало невозможно. Не успел я прочесть «Отче наш», как новость разнеслась по деревне. Если бы я не объявил при всех Ральфа умершим, как наказывает церковь, д'Акастеры донесли бы на меня епископу. Филипп только этого и ждет. А епископ Салмон поступил бы просто — если я так или иначе не исполню свой долг, на этот раз меня ждёт более суровое наказание, гораздо более суровое.

— Джоан, поверь, я не хотел этого делать. Но у меня не было выбора. Я должен поступать, как требует закон. Если бы я отказался, это сделал бы другой. Деревенские могли бы взять дело в свои руки. По крайней мере, теперь он в безопасности.

— Не благодаря тебе, — резко ответила Джоан. — Может, те женщины, что забрали его, и чужестранки, но они друзья ему, больше, чем ты когда-либо был. Я неучёная, отче. Я не умею читать, но понимаю, что такое милосердие. Оно есть у этих женщин, что бы о них не говорили. Та, их главная, да в её мизинце больше доброты, чем во всех вас, священниках, вместе взятых. Остаться в твоём доме? Я скорее позволю перерезать себе горло на дороге, чем проведу ещё ночь в Улевике.

Джоан подхватила детей и потащила к двери. На пороге она обернулась.

— Знаешь, отче, надеюсь, сплетни о тебе и той монашке окажутся правдой, тогда гнить тебе в аду, где всем вам, священникам, и место.
Она шагнула в темноту и исчезла.

Настоятельница Марта

Я всегда любила утренние часы, слабый рассветный свет, робкое начало нового дня. Ещё не прозвонили утреню, в бегинаже тишина и всё погружено в сон. Я стояла на коленях на покрытом камышом полу, глядя на деревянное распятие над кроватью.

— Свят, свят, свят Господь Саваоф. Господи, пошли благодать Твоего Духа на тех, кто мёрзнет и голодает...

Раздался резкий стук в дверь. Дверь распахнулась раньше, чем я успела встать с колен. В комнату ворвалась Привратница Марта, задыхающаяся и взволнованная.

— Идём скорее, Настоятельница Марта, посмотри, что у ворот.

— Кто там в такой час? Или кому-то так срочно нужна помощь Целительницы Марты, что подождать нельзя? Сейчас начнется утреня. Проведи их пока в гостевой зал.

Она покачала головой и потянула меня за рукав.

— Прошу, Настоятельница Марта, идём быстрее.

Пальцы у неё дрожали, и я встревожилась. Что в этом мире могло так её напугать?

Привратница Марта, женщина из местных, вдова, не умела читать и писать, но идеально подходила для службы, к которой привёл её Бог — невозмутимая, практичная, такую трудно напугать. Чтобы она так встревожилась, должно произойти нечто ужасное.

Не теряя времени, я поспешила за ней через пустой двор, в одной рубашке и плаще. Она остановилась, не подходя к воротам, и махнула рукой, что-то мне показывая.

Это лежало на пороге. Я подошла ближе. На решетке из ивовых прутьев лежала распятая амбарная сова с раскинутыми крыльями. Клюв сжимал блестящий побег тёмного плюща, другие во множестве обвивали плетёный каркас. Перья и листья трепетали от утреннего ветра.

Привратница Марта застыла в воротах, как будто боялась, что эта мерзость может взлететь прямо ей в лицо.

— Ты видела, кто это оставил?

— Она молча покачала головой, не отводя взгляда от распятой птицы.

— Но ты знаешь?

Кивнув, она ответила так тихо, что мне едва удалось расслышать:

— Мастера Совы.

— Зачем они оставили такое у ворот бегинажа?

Она повернулась и поглядела в сторону лечебницы.

— Ты взяла к нам прокажённого. Для деревни он умер. Никто не должен давать ему убежище. Это... эта птица — проклятие Мастеров Совы.

Она задрожала и закрыла лицо руками, словно хотела защититься от колдовства.

— Лист плюща — символ Святой Троицы. Как может это растение навредить нам, Егс слугам?

— У нас издавна плющ считают знаком дьявола, — угрюмо пробормотала она. — Он убивает тех, вокруг кого обвивается.

— Но мы же не верим в старые рассказы, так, Привратница Марта? А теперь принеси мне охапку самого сухого хвороста и головешку из очага. И не говори ничего остальным. Ни слова об этом, поняла? Ничего это не значит. Я не хочу, чтобы дурацкие слухи пугали детей.

Она кивнула и торопливо ушла. Я закрыла за ней ворота, оглядев кусты и деревья по

обеим сторонам дорожки. Они наблюдают? Пускай. Они в самом деле думали, что нас можно напугать и мы выгоним Ральфа? Тогда они недооценили меня.

Привратница Марта вернулась, чуть приоткрыла ворота и просунула факел и палки.

— Я зажгла его от свечи в церкви.

— Могла бы взять огонь и из кухонного очага, он точно так же горел бы, — резко ответила я, раздражённая её страхом, но крепко схватила головешку, благодарная за то, что сделала Привратница Марта.

— Иди внутрь и закрой ворота. Не позволяй никому их открывать, пока я не вернусь. И не звони в колокол к утрени, пока я не скажу.

Я с трудом оттащила от ворот раму с совой. Она оказалась тяжелее, чем выглядела, но мне удалось стянуть её с дорожки на обочину, в заросли сорняков. Я завалила её сухим хворостом и сунула в кучу факел. Перья тут же загорелись, вспыхнули и сморщились в облачке едкого дыма, потом появился запах горячей птичьей плоти. В воздух взвились клубы синего дыма, сворачивающегося в спираль на ветру. В бледно-розовом утреннем свете за деревьями показались другие столбики дыма — от кухонных очагов в далёкой деревне. Мир просыпался. Далеко, в церкви, ударил колокол к утрени. Этим утром наш колокол прозвонит позже. Я не буду ничего объяснять. Ивовый каркас трещал, пожираемый пламенем. Переплетения плюща расправлялись и снова изгибались по траве в жаре костра, тлели, но не горели. Плющ не горит.

Август. День святого Варфоломея

Покровитель кожевников, ибо с него живьём содрали кожу, прежде чем обезглавить

Настоятельница Марта

— Попомни мои слова, затевается что-то плохое, — пробормотала Привратница Марта, бросив мрачный взгляд на гостевой домик.

— Но они никак не объяснили тебе, зачем пришли? — спросила я, следуя за ней через двор.

— Придётся тебе самой спросить. Они отказались мне сказать, — она потопала назад к воротам, явно очень обиженная.

Я с минуту смотрела ей вслед, пытаюсь подготовиться к встрече незваных гостей. Мне удалось лишь выведать у Привратницы Марты, что это мужчина и женщина, назвавшиеся матерью и дядей затворницы Андреа, они прибыли узнать, не найдётся ли у меня нескольких минут встретиться с ними. Я понимала, должно быть, это что-то серьёзное. Вряд ли Андреа просто послала их передать мне привет, и как только я вошла в гостиную — сразу поняла, что Привратница Марта не ошиблась, предсказывая неприятности.

Женщина сидела на краешке стула, беспокойно оглядываясь, пальцы теребили жёлтый платок, обрамляющий морщинистое лицо. Седой мужчина, так похожий на неё, что я сразу поняла — это её брат, беспокойно ходил взад-вперёд по тесной комнате. Стоял жаркий день, и его лицо покрылось капельками пота, но он казался слишком взволнованным, чтобы спокойно сидеть. Глядя на пыльную одежду и измученные лица, я поняла — эти люди проделали длинный путь, чтобы встретиться со мной, и не стала задавать вопросов, предложив им сначала лёгкое угощение.

Женщина меня поблагодарила. Она покачала головой, глядя на блюдо с холодной бараниной и сыром, налила немного вина, крепко держа чашу обеими руками, как будто боялась, что она выскользнет из её пальцев.

И только предложив мясо и вино дяде Андреа, я поняла, что в комнате ещё кто-то есть. Человек в грубой серой рясе с белым кушаком неподвижно стоял в тени. По скромной серой рясе я поняла, что это францисканец. Руки, скрытые рукавами, он сжимал перед собой, голова склонялась, как в молитве.

Дядя Андреа вытер пальцы и обернулся ко мне с мрачным лицом, как будто больше не мог скрывать плохие вести.

— Мы пришли сюда с деликатным вопросом... — начал он. — Мы получили весть из Норвича, от епископа Салмона. Епископ просит нас немедленно забрать Андреа из отшельнической кельи.

Я изумлённо смотрела на него.

— Может, вы неверно поняли посланника? Или, возможно, он перепутал слова? Церковь святого Андреа на всё пойдёт, лишь бы удержать её в келье. Она приносит большую прибыль этому приходу. Многие паломники приходят к церкви, только чтобы посмотреть на неё, и платят хорошие деньги за свечи, еду, эль и ночлег, не говоря уж о разных реликвиях. Она привлекает паломников, на которых держится половина церковной торговли. Церковь не может желать, чтобы вы забрали Андреа.

Мать и дядя Андреа смущённо переглянулись.

— Андреа живёт теперь в непрерывных молитвах, — осторожно пояснил дядя. — Она не прерывается даже для того, чтобы благословить паломников. Не двигается, не говорит. Она не... Она отказывается от еды. Говорит, что ей не нужно другой пищи кроме Тела

Христовая, которое она ежедневно получает.

Мать нетерпеливо прервала его:

— Но она становится такой округлой и полной от этой святой пищи, всякий скажет, что сам Господь её питает.

— Так в чём же тогда дело? — спросила я.

Эти двое снова обменялись смущёнными взглядами, после чего мать Андреа поднялась и, отвернувшись, принялась внимательно разглядывать что-то за окном, предоставив брату возможность ответить.

— Всегда находятся сомневающиеся в праведности святых. И вот, говорят... хоть, понимаете, сам я этого и не слышал... что, молясь, она всё толстеет, уже вдвое больше стала, заполнила всю келью. Не знак ли это наполнения духом?

— Можно бы поинтересоваться, каким духом, — осторожно предположила я.

— Разве она не причащается ежедневно, и разве при этом может быть дух не от Господа? — подал голос из тени францисканец.

Я совсем забыла о его присутствии и подпрыгнула от неожиданности.

— Абсурдный аргумент, — ответила я, смиренно склонив голову и понимая всю безрассудность своего заявления.

Однако в словах францисканца была логика, и я понимала, как они могли действовать на окружающих. Достаточно, чтобы в соседнем приходе нашёлся один завистливый священник, понимающий, что теряет из-за неё торговую прибыль, и нашептал в уши епископу, и тогда на благочестие Андреа могут посмотреть совсем иначе.

Я оглянулась, ожидая, что двое других что-нибудь добавят, но они молчали.

— Итак... зачем вы пришли ко мне? — наконец спросила я.

Дядя Андреа едва заметно вздохнул с облегчением, как будто хотел, чтобы я перешла к этой теме, приличия не позволяли затронуть её самому. — Моей племяннице нужны уход и забота, но она отказывается возвращаться домой. Она настаивает, что должна оставаться при церкви, а это невозможно. Никакая другая церковь не возьмёт её, мы уже пытались... И мы подумали, может, удастся уговорить её переехать сюда, вы ведь такие же, как она. Не приютишь ли ты её, Настоятельница Марта?

В его глазах была такая усталость, что я поняла — он провёл много времени, убеждая Андреа или моля за неё других. Сделав вид, что хочу налить ещё вина, я отвела глаза от его умоляющего взгляда. Андреа здесь? Об этом не может быть и речи. Наши истинные цели, весь наш образ жизни совсем иной, чем у неё. Как мы можем давать убежище отшельнице, женщине, решившей укрыться от мира, выставляющей напоказ свою набожность, в то время как мы стараемся скрывать нашу жизнь? Что, по его мнению, мы будем с ней тут делать? Если она так поглощена собственными медитациями, что даже не разговаривает, как она сможет стать бегинкой? Или он думает, мы пристроим к часовне келью и замуруем её там? Чтобы среди нас жила женщина, не вносящая никакого вклада в дело, не интересующаяся ничем, кроме собственной души и только ожидающая, когда другие её накормят — это против всех наших правил.

Однако церковь, которой она так верно служила, оставила её. Как с ней могли так поступить после того, как поощряли её «благочестивую» жизнь? А священник, её духовник, что пытался убедить нас, будто заботится о её благополучии, где он теперь, почему её не защищает?

Я смотрела на побеленные стены комнаты, ослепительные на ярком солнце, но видела

не белизну стен, а тень единственного слова, вырезанного над воротами «Виноградника» в Брюгге — «Sauvegarde», что значит «убежище». Кем бы ни была Андреа, мы должны дать ей убежище. Мы не вправе закрыть перед ней ворота.

Три пары глаз встревоженно наблюдали за мной.

Я заставила себя улыбнуться.

— Если Андреа больше некуда идти, мы с радостью примем её здесь.

— Гадина трусливая! Сатанинская вошь!

Хозяйка Марта не переставала яростно ругаться с тех пор, как мы покинули Варфоломеевскую ярмарку. Мне казалось, она давно исчерпала запас всевозможной брани в адрес гильдии ткачей, но выяснилось, что это не так.

— Все они пиявки-кровососы, ни один ни разу за всю жизнь ничего доброго не сделал.

Телега тряслась по подсушенным солнцем колдобинам дороги, разбитой множеством других колёс. Мы обогнули человека, тащившегося впереди с коровой на верёвке, и наша повозка опасно наклонилась. Человек помахал кулаком нам вслед — телега и копыта лошадей обдали его облаком удушливой пыли. Даже в добром расположении духа Хозяйка Марта ненавидела плестись позади, а в гневе правила телегой еще яростнее. Мы подпрыгивали по колеям и колдобинам, и сидящая рядом с Хозяйкой Мартой Пега вцепилась обеими руками в край жёсткого деревянного сидения. Я скрючилась в телеге за узлами с одеждой и шерстью, глядя назад, на убегающую дорогу. Хотя зубы у меня стучали, но так, по крайней мере, я не видела всех поворотов и приближающихся путников, а только те опасности, которые удалось благополучно миновать.

У Хозяйки Марты были веские причины для дурного настроения. Наша телега должна быть сейчас загружена едой, вином и зерном, в котором мы отчаянно нуждались, чтобы дотянуть до следующего урожая, но мы возвращались не с провизией, а со всеми тюками одежды и шерсти, что брали с собой на ярмарку.

Мы встали с рассветом и после трёх часов зубодробительной тряски по дороге прибыли на ярмарку — и тут же узнали, что по приказу аббата нам запрещается торговать. Группка мужчин стояла неподалёку, слушая, как Хозяйка Марта пытается спорить с распорядителем ярмарки. Они ухмылялись и подталкивали друг друга локтями. Хозяйка Марта сердилась всё больше, и улыбки становились шире, но в итоге поделаться с запретом так ничего и не удалось.

— Полегче, женщина, — предупредила Пега, когда телега резко накренилась на камне. От того, что ещё и колесо придётся чинить, наши дела не улучшатся.

Хозяйка Марта сердито взглянула на нее, но немного ослабила поводья, и лошади замедлили шаг. Движение причиняло мне боль, и я попыталась встать на колени, чтобы размять затёкшие ноги.

— Хозяйка Марта! — негромко окликнула я.

Но ни одна из них не обернулась.

Пега поерзала на неудобном, слишком узком сидении.

— Думаю, это только начало. Я уверена, за этим стоят Мастера Совы. Они пытаются прогнать нас, сделать так, чтобы никто с нами не стал торговать. Я ждала чего-то подобного с тех пор, как они оставили знак у наших ворот.

Хозяйка Марта казалась изумлённой.

— Как ты про это узнала?

Пега не ответила. Не знаю, зачем Хозяйка Марта её спрашивала. Откуда Пега всё узнавала — оставалось тайной, только она всегда узнавала. Хотя, если Хозяйка Марта тоже слышала о мёртвой сове, должно быть, это обсуждали на совете Март. Обычное дело для Настоятельницы Марты — обсудить проблему с избранными, а остальным ни слова не сказать об опасности, которой подвергались мы все.

Хозяйка Марта покачала головой.

— Это всё вина только гильдии ткачей. Мы продаём одежду дешевле и лучшего качества. Они нас всегда ненавидели. Ты же видела тех людей, что стояли и ухмылялись, это они и были, у всех эмблемы гильдии. Аббат не может позволить себе с ними ссориться, у него в этих землях огромное стадо овец. Эти ткачи поставляют толстеньких каплунов на его стол и золото в его казну, так что он только подпоясается и спляшет под их дудку.

— Ага, мы все знаем, под чью дудку этот аббат пляшет, — согласилась Пега. — Только непонятно, почему именно сейчас? Ткачи с самого начала были против нас, но до сих пор они нас не беспокоили. Мы продаём не так уж много шерсти, чтобы стать реальной угрозой им или аббату. Как мне кажется, кто-то подталкивает их, наверняка Мастера Совы. Не бывает так, что они оставляют на пороге свой знак, а потом ничего не делают. Если один из Мастеров Совы состоит в гильдии или у них есть власть над кем-то из её членов, то им довольно просто настроить ткачей против нас. И если ткачи в кармане у Мастеров Совы, значит нас погонят не только с Варфоломеевской ярмарки. Мы не сможем торговать ни на одной ярмарке или рынке в округе.

— Да неужели? — резко ответила Хозяйка Марта. — Что же, у меня есть ещё пара тюков в рукаве. Им меня не обыграть, это я вам обещаю.

Теперь лошади бежали медленнее, и повозка мерно покачивалась. Я ощутила подступающую волну тошноты, задыхаясь среди тюков шерсти. Я неуклюже вскарабкалась наверх, уселась на возвышении, держась обеими руками за борта телеги, и попыталась сосредоточиться на уплывающем назад пейзаже.

На заливных лугах алые маки покачивались среди ромашек и лиловых колокольчиков. На полях уже созревала пшеница, ужасающе медленно превращаясь из зелёной в золотую. Урожай запоздал, но зато колосья налились от дождей. Ни в деревне, ни в Поместье ещё не приступали к сбору урожая, но наш был уже скошен и сложен в полях. Через пару дней он подсохнет на жарком солнце, и можно будет молотить зерно. Это первый хороший урожай с тех пор, как мы здесь. Мы все искренне молились пять раз в день, как наказывал Папа, но урожай снова и снова оказывался плохим. Но в этом году Бог, кажется, наконец услышал наши молитвы, и дни снова стали теплее.

Если Хозяйка Марта станет гнать в том же темпе, скоро мы окажемся дома, в бегинаже, и что за радость нас там ждёт? Разгрузка тяжёлых тюков шерсти и одежды, грязные постели из лечебницы и свиньи, ждущие, когда их накормят объедками. Мне так хотелось пойти в поле, почувствовать под ногами траву, согреть спину на тёплом солнце — всего несколько минут покоя, прежде чем мы вернёмся в шум и бесконечные заботы бегинажа.

Крепко держась за борт трясущейся телеги, я сказала:

— Хозяйка Марта, не могла бы ты остановиться? Меня тошнит от тряски. Высадите меня здесь и езжайте, я хочу прогуляться пешком.

Хозяйка Марта неохотно потянула вожжи, и колёса телеги со скрипом остановились.

Пега обеспокоенно оглянулась.

— Я пойду с тобой, Беатрис.

— Нет, нет, — поспешно ответила я. Мне хотелось пойти одной, чтобы не слышать ничьей болтовни. — Езжай с Хозяйкой Мартой. Не стоит ей ехать одной с полной телегой, это небезопасно.

Я вылезла и хорошим шагом направилась за телегой по дороге. Пега пару раз встревоженно оглянулась, и я помахала в ответ, чтобы её успокоить. Телега катилась вперёд

по дороге, всё больше отдаляясь, пока не исчезла за рощицей на повороте. Теперь, когда они благополучно скрылись из вида, я сбавила шаг и ноги сами понесли меня на нераспаханный луг. Я сбросила башмаки и чулки и наслаждалась успокаивающей прохладой травы под ногами. Невидимая ни с дороги, ни со стороны домов, я бросилась в высокую траву и лежала на спине, глаза на грачей, лениво летающих над деревьями вдали. Вокруг цветов тихо жужжали насекомые. Бабочки с лиловыми глазками на крыльях порхали от одного цветка к другому.

Моя мать как-то сказала, что бабочки — это души некрещённых детей, которые не могут войти ни в чистилище, ни на небо, ни в ад. Старайся никогда не убивать бабочек, сказала она, ведь это значит убить ребёнка.

Я закрыла глаза. Сквозь веки проникал красный солнечный свет. В «Винограднике», в Брюгге, летом прохладно. Наши стены окружал канал, проходивший под лодочными воротами, вода блестела, играя на солнце. Дети плескались у берега, смеялись и бегали босиком по холодной мокрой траве. Иногда и я бегала с ними. Там всегда было много малышей, как ромашек на лугу. Только это были чужие дети. Не мои.

В последний раз я думала, что это можно изменить, лёжа в постели, задыхаясь от жара ревущего огня. Вокруг суетились женщины, шептались о чём-то. Пальцы срывали мою одежду, мяти живот. Новая боль, резкая и острая, не такая, как раньше, поток горячей жидкости, бегущей по бёдрам, жестокая нарастающая агония, которая никак не прекращалась, накатывала волнами, разрывала на части. Я закричала. И всё не могла остановиться, даже когда боль ушла.

В комнате потемнело. Я дрожала от холода, несмотря на кучу наваленных на меня одеял. Когда я снова открыла глаза, женщины ушли. Я звала их, чтобы принесли моего ребёнка, но никто не возвращался. Я слышала его плач. Я видела кровать, покачивающуюся, будто он рассерженно колотил по ней кулачками. Я сползла с кровати и упала на колени. Пол подо мной наклонялся, как плот в открытом море. Цепляясь пальцами, я медленно, дюйм за дюймом, поползла к кровати. Она была пуста.

Я взвыла. Я выла, пока они наконец не прибежали. Мне зажимали рот, пытаюсь заставить остановиться, но так и не принесли моего ребёнка. Они даже не дали мне его поддержать. Повитуха клялась, будто ребёнок дышал, и она окрестила его, чтобы священник позволил положить его в фамильный склеп. Но мы обе знали, что это неправда. Он уже больше недели не шевелился у меня внутри. Повитуха дала мне вызывающее схватки зелье уже после того, как началась горячка, но никому об этом не сказала. Едва взглянув на младенца, священник понял, что она лгала. А мой муж наотрез отказался на него смотреть. И моего сына не похоронили в фамильном склепе.

Та повитуха была доброй женщиной. Она сказала моему мужу, что ребёнок родился слишком рано, но я носила его дольше, чем других, и следующий, она уверена, родится живым. Но следующего раза не случилось. В ту же ночь муж взял к себе в постель мою служанку, и больше уже ко мне не приходил. Месяцами я держала пустую кровать рядом с собой, но даже когда качала ее, в глубине души понимала, что она так и останется пустой навсегда. До сих пор я просыпаюсь от плача ребёнка и скрипа качающейся колыбели. Пега ворчала, чтобы я шла спать, это ветер воет в стропилах дома или мыши в соломе пищат. Но иногда по ночам мне снится, что я слышу не ветер, это мой ребёнок царапает тоненькими пальцами в закрытые ставни, пытаюсь ко мне вернуться.

Я почувствовала, что кто-то приближается, и перекатилась на живот. Через луг

танцующей походкой шла девочка с гривой спутанных рыжих волос. Я уже видела её — Гудрун, немая ведьма. Я пригнулась ниже, прячась в траве. Но она блуждала в собственном мире — дула на шары одуванчиков, смотрела на пушистые облака, плывущие над головой. Она протягивала руку за охапкой цветов и дула на них, отправляя пушинки в синее небо.

Жаркое солнце уже начинало опускаться за мягкие контуры холмов. Девочка повернулась лицом к нему. Она стащила через голову рубашку, и та упала на землю. Потом, обнажённая, стала танцевать. Она медленно двигалась по кругу с раскинутыми руками, обращёнными к солнцу, как ребёнок, тянувшийся к матери. Она вертелась всё быстрее, горящие рыжие волосы развевались, руки раскидывались шире, спина выгибалась. Под белой кожей заметно двигались рёбра. Потом, бросив кружиться, она подпрыгивая побежала по лугу, смахивая лепестки алых маков, падающие головокружительными спиралями в золотистую траву. Бабочка присела отдохнуть на её протянутую руку, на кончики пальцев, слегка покачиваясь вместе с маками, как будто под лёгким ветром. Ещё одна бабочка спустилась на её плечо, другие — на спину, на кончик клубничного соска, на плечи, ягодицы, бёдра, и множество — на рыжие волосы. Голое тело покрывали нежные красные и лиловые крылья, кожа вздрагивала в такт их взмахам. Девочка осторожно опустилась на колени перед заходящим солнцем. Поднятую голову окружало пламя рыжих волос. Она медленно вытянула вверх покрытые бабочками руки, как будто приносила свету древнюю клятву.

Меня внезапно охватил ужас. Я чувствовала вину и стыд, как будто подсматривала за парой, совершающей запретные и противоестественные действия. Как будто, глядя на них, я грешила сама. Не думая о том, что могу испугать девочку, я поднялась на ноги и бросилась прочь от этих бабочек и алых маков. Я со всех ног бежала с нагретого солнцем луга и не оглядывалась назад.

Я увидела пробегающую мимо серую леди. Она не заметила меня, неслась по дороге в сторону дома женщин, как будто бы за ней гналась Чёрная Ану. Глаза у неё были странные, тёмные, но сверкающие, словно из них исходил яркий лунный свет. Думаю, это Гудрун её заколдовала. Я видела, как Гудрун плясала на лугу, как развевались её волосы. Она была совсем голая. Уильям и другие мальчишки летом купаются голыми в реке. Но я никогда не видела, чтобы девочка раздевалась на улице.

Может, это ведьмы так колдуют. Летиция говорит, когда ведьма встряхивает волосами, она вызывает большой шторм в море. Мой отец знал про шторма. Он часто их видел, когда работал на солеварне, за болотами. Он говорил, волны становятся серыми, потом бурыми, потом встают на дыбы, как змеи, выше человеческого роста, и обрушиваются на берег. Он говорил, нужно считать волны. Первые восемь будут невысокими и не причинят вреда, но девятая схватит тебя и утащит так далеко в море, что даже тела никогда не найдут.

Ворота бегинажа открылись, выбежали три женщины — великанша Пега, толстуха, от которой пахнет мёдом, и ещё тощая страшила, которая никогда не улыбается. Они пронеслись мимо меня на дорогу, где стояла Беатрис, тяжело дыша и держась за бок.

— Беатрис, мы так волновались, — воскликнула толстуха. — Мы думали, ты вернулась час назад, но ты не пришла к вечерне. Хозяйка Марта сказала, что тебе стало нехорошо, и я решила, ты свалилась где-нибудь по дороге. Они не должны были тебя оставлять. С тобой всё хорошо?

Она приложила руку ко лбу Беатрис, как делает Ма, если думает, что я заболела.

Беатрис отстранилась.

— Я устала и присела отдохнуть. Должно быть, я задремала.

Высокая и тощая нахмурилась.

— Ты думаешь, что задремала? — резко спросила она. — Я всегда знаю, спала я или нет.

Пега обняла Беатрис и повела к дому, двое других пошли следом. Ворота за ними с грохотом захлопнулись, и тут над высоким забором мелькнуло что-то призрачно-бледное. Я подпрыгнула от испуга, но это оказалась всего лишь амбарная сова, летящая охотиться.

Уже поздно. Солнце опустилось за вершины холмов, лес почернел, сильный порыв ветра заставил меня отвернуться. Со стороны болот к холмам по чёрному небу неслись тяжёлые тучи. Ма наверняка уже меня ищет. Я подобрала тяжёлое ведро с собачьими какашками и попыталась бежать по дороге к деревне, но ведро било меня по ногам. Попробовала, не останавливаясь, сменить руку, но споткнулась и упала, растянувшись на острых камнях. Колени обожгла боль. Они казались мокрыми, но в темноте не разобрать, текла ли кровь.

Я попыталась встать и увидела красный свет впереди, на дороге. Это было пламя факела, оно быстро двигалось в мою сторону. Я отползла на обочину и спряталась в пересохшей канаве. Мне не хотелось вступать в канаву босыми ногами — на дне могли прятаться змеи или куницы, но сейчас я больше боялась того, что приближалось по дороге. Я прижалась к краю канавы и смотрела, затаив дыхание. По дороге беззвучно двигались четыре смутных фигуры с огромными, как у святой Вальпургии, головами и без ног.

Может, это духи, злые духи, изгнанные из нашего дома, голодные, охотящиеся за

добычей. Сердце стучало так громко, что я боялась, как бы они его не услышали. А вдруг они меня почуют? Уильям говорил, Чёрная Ану не может увидеть маленьких девочек, а унюхать может.

Я едва дышала, а эти создания всё приближались, пока не оказались прямо передо мной. Пляшущее на ветру пламя факелов освещало их тела, и я увидела, что на месте лиц у них огромные клювы и перья. Я зажала руками рот, чтобы не закричать. Они сошли с дороги, легко и быстро двинулись по траве, и я поняла, кто они такие. Это Мастера Совы.

Я выкарабкалась наружу. Камни и грязь царапали ободранные колени, но я не вскрикнула. Пригнувшись пониже, я добежала до поворота и спряталась за кустами. Далеко впереди раскачивался факел, алое пламя стелилось за ним. Потом он остановился. Факел покачался из стороны в сторону, как будто зажигая три других. Четыре факела разделились и двинулись дальше. Мастера Совы шли через поле, где сушилось зерно в снопах. Это единственное поле, где урожай уже собрали, и оно принадлежало дому женщин.

Один из Мастеров Совы в развевающемся по ветру плаще высоко поднял факел. Он коснулся снопа на дальнем углу поля, сразу же взвился дым и вспыхнуло яркое пламя. Я хотела побежать к воротам, предупредить женщин, что Мастера Совы жгут их поля, но не смела пошевелиться. Уильям говорил, даже если просто сказать кому-то, что видел работу Мастеров Совы, они придут за тобой ночью и отрежут язык.

Я смотрела, как Мастер Совы проводит пламенем факела по следующему снопу, но тут небо озарила белая вспышка и раздался оглушительный гром. Застучали капли, крупные и твердые, как град. Огонь на снопах вспыхнул и погас, будто задутая свеча. Точно как говорила Летиция, юная ведьма встряхнула волосами и вызвала шторм. Но что будет, если ведьма танцует?

Опять гром, как будто все горы мира столкнулись друг с другом. Я вскочила. Мне было все равно, видят ли меня Мастера Совы. Я забыла о своем ведре. Я просто бежала. Позади меня на болотах завывал ветер, пришедший с моря. Я бежала быстрее, чем когда-либо в жизни, поскользываясь в грязи, шлепая по ледяным лужам, но не останавливалась. Я хотела только одного: поскорее добраться домой, к маме.

Сентябрь. День святого Эгидия

Покровитель калек, прокаженных и кормящих матерей. В Провансе он заслонил собой олениху от стрелы короля Вамбы и остался навсегда покалеченным.

— Беатрис, погоди минутку, — окликнула меня Целительница Марта, когда я выходила из церкви после дневной молитвы.

Если я не послушаюсь, она даст поручение кому-нибудь другому. День был солнечный, первый ясный день после недели проливных дождей, и я не хотела проводить его в доме, помешивая над огнем какое-нибудь вонючее зелье, или мыть испачкавшую белье старуху. От сбора камышей бывают порезы и мозоли, но я хотя бы смогу почувствовать на лице солнце. Но Кэтрин потянула меня за рукав, и потому я уже не могла притвориться, что не заметила. Целительница Марта хромала к нам, подзывала меня, держась за спину, боль глубоко впечаталась в морщины на ее лице.

— У меня закончилась настойка норичника, а самой идти некогда, в лечебнице полно больных. Может, принесёшь мне немного, Беатрис? Кажется, дальше по берегу был хороший участок с травами. И если найдёшь заодно и герань Роберта, принеси тоже, сколько сможешь.

Любопытная, как всегда, Кэтрин подошла ближе.

— Вонючка Боб? Эта трава, Целительница Марта?

Целительница Марта снисходительно улыбнулась.

— Это она, детка. Почему бы тебе не пойти с Беатрис, поучиться искать её. Боюсь, с таким количеством пациентов мне и дальше придётся просить других собирать для меня травы.

Собирать травы Целительнице Марте мешали не больные, а её спина. Иногда она еле ноги таскает, но слишком гордая, чтобы в этом признаться.

Кэтрин просияла и унеслась за торбами для трав, пока Целительница Марта не передумала. А я, хотя и хотела найти предлог побыть на улице, обиделась на ее просьбу. Я — не Марта, и поэтому все подряд раздают мне поручения, будто ребенку.

Настоятельница Марта позволила мне верить, что по мере роста общины найдется роль и для меня. Мне казалось, раз Целительница Марта становится все слабее, я займу ее место. Сначала под ее руководством, конечно, а позже сама стану Целительницей Мартой. Но она и не думала меня учить. Я нужна им в качестве Марты, хотя, похоже, никто этого не понимает. Настоятельница Марта уже на закате своих дней. Не думает же она, что будет жить вечно? И кто тогда ее заменит? Целительница Марта еще старше. Кухарку Марту интересуется только еда. Хозяйка Марта едва высиживает молитвы, торопясь вернуться к своим делам. Учительница Марта много знает, но не может справиться даже с детьми, не то что с целым бегинажем. У кого еще кроме меня достаточно навыков и энергии, чтобы управляться с таким хозяйством? Но я даже не Марта, как я могу стать следующей Настоятельницей Мартой?

Кэтрин вернулась с нашими плащами, и мы вышли из ворот, направляясь к мелкому ручью. Ветки деревьев висели низко, листва промокшая и тяжелая. Когда мы повернули к реке, я старалась не смотреть на деревенские поля, где полегло вбитое дождем в грязь зерно. Мы тоже понесли потери, но наше зерно было сжато и связано в снопы, так что большую часть удалось спасти. Два снопа обожгло молнией, но дождь погасил их прежде, чем загорелось все поле.

Мы с Кэтрин сняли обувь и чулки, чтобы перейти реку, хихикая, как дети, и цепляясь

друг за друга в попытках удержать равновесие на скользких камнях. Нам пришлось задрать юбки до бедер, чтобы не намочить подол. После дождей вода была глубокой и очень холодной. У меня заломило кости, и последние несколько шагов я пробежала, почти падая от спешки, а Кэтрин смеялась.

Мы плюхнулись на берег. Я упала на спину в сырую траву и смотрела, как Кэтрин вытирает ноги подолом юбки. Солнце светило ярко — приятное, не обжигающее тепло. После унылых дождей я наконец чувствовала на лице его лучи, мне хотелось танцевать от удовольствия. Такое наслаждение — быть на воле, дышать свежим воздухом, наполненным запахами парящей земли и смятой травы. Я почти забыла за чем меня послала Целительница Марта. По синему небу неслась огромная стая скворцов, их крылья радужно переливались, как масло на воде.

— Я могу летать над землёй и реками, над лесами и селениями, могу плыть на ветру.

Кэтрин испуганно подпрыгнула, и я поняла, что, видимо, произнесла это вслух. Она смотрела на меня, как на сумасшедшую.

— А ты разве не хотела бы быть птицей, Кэтрин?

Кэтрин решительно покачала головой. — Какой-нибудь мальчишка пальнёт из рогатки, сломает мне крылья, и я как мясо попаду в горшок Кухарки Марты. Мне не хочется. — Она стояла, переминаясь с ноги на ногу. — Разве нам не пора идти? Путь долгий.

Я неохотно села, вытерла ноги краем платья.

— Кэтрин, ты хочешь остаться бегинкой?

Она выглядела изумлённой, как будто ответ так очевиден, что ей непонятно, зачем я это спрашиваю. Потом смущение обратилось в тревогу.

— Настоятельница Марта сказала?.. Знаю, я не такая умная, как Османна, но я буду стараться, правда.

— Не принимай так близко к сердцу, дитя. Настоятельница Марта ничего не говорила, и я знаю, ты станешь по-настоящему хорошей бегинкой. Ум — не единственный возможный талант. У тебя тоже есть свои дары — вера, доброта — и ты много работаешь.

Кэтрин растерянно смотрела на ромашку, с которой обрывала лепестки, один за другим, как будто гадала о любви.

— Но Османна читает разные книги. Я там даже слов не понимаю, а она может обсуждать их с Учительницей Мартой, даже с Настоятельница Мартой. Я сама слышала. Что значит — Бог един в трёх лицах и Троица есть единый Бог? Османна не раз пыталась объяснить, но я знаю, мне этого никогда не понять, так что я просто притворяюсь, будто понимаю. — Её глаза наполнились слезами. — Мне просто должны говорить, что делать.

Я погладила её волосы.

— Османне не стоило даже думать о таких вещах в её возрасте.

Настоятельнице Марте следовало бы хорошенько подумать, прежде чем заставлять Османну читать такие книги, тем более, обсуждать их с ней. Бедная девочка бледная и худая, как будто половину ночей не спит. Настоятельница Марта никогда меня не слушает, но я поговорю с Учительницей Мартой, скажу, чтобы не перегружала Османну книгами. Кто-то должен присмотреть за этим ребёнком.

— Идём, Кэтрин. Поищем, где растёт норичник. Как думаешь, куда лучше пойти?

Она сразу оживилась.

— Вот сюда, — она опять заговорила уверенно, с этой задачей она могла справиться.

Мы шли вдоль изгибающейся реки, против течения, часто обходя берег из-за топей с

камышами. Осень приближалась чересчур быстро, как будто, обманутая бурей, она слишком рано решила, что настала её пора. Но мне по-прежнему не доставало солнца, холоду и темноте ещё слишком рано снова смыкаться вокруг нас. Ещё противнее была мысль о времени, которое вскоре придётся провести за замачиванием этого камыша — целые часы в жаре и удушающей вони, помешивание горячего сала в котлах, жжение в глазах, больные руки, покрытые мелкими волдырями от брызжущего жира.

Прежде, будучи хозяйкой в доме мужа, я просто послала бы за свечами мальчишку. Я вообще не задумывалась о них, разве что присматривала, чтобы ни одна не оказалась в котомке какой-нибудь шустрой служанки. В Брюгге наши сестры, державшие пчел, сами делали свечи из воска, пахнувшего медом, тимьяном и свежесобранными яблоками. И будто сладости самого воска недостаточно, они смешивали его с розмариновым, лавандовым и розовым маслом, и даже зимой наши комнаты наполняло дыхание теплого, сонного лета. Я знаю, грешно оглядываться назад. Но я повторяю этот грех снова и снова, как пьяница, что не в силах отказаться от вина. Не знаю, зачем я это делаю, воспоминания приносят мне лишь боль.

Река всё глубже уходила в расселины холма, вода низвергалась пенным потоком с валунов и камней. Долина круто поднималась вверх, и вскоре, чтобы идти вдоль берега, пришлось взбираться на скалы. На солнечном свете в брызгах разбивающейся о камни воды играла лёгкая радуга. Но мы не видели и следа трав, необходимых Целительнице Марте.

Я вскарабкалась на холм у излучины реки и взглянула на долину. Далеко внизу простиралась равнина, жёлто-зелёные участки пастбищ чередовались с тёмно-коричневыми полосами уничтоженной бурей пшеницы. Река, извиваясь, скользила по равнине, поблёскивая на солнце сквозь кусты и деревья. Вдалеке земля переходила в изумрудные с коричневыми краями болота, а за ними виднелась тёмно-синяя линия моря, сливающаяся на горизонте с бледно-голубым небом. Здесь было так спокойно, только с шумом разбивалась о камни вода да кричали стервятники, кружащие в тёплом воздухе, едва шевеля крыльями. Обернувшись к реке, я заметила поросль из тёмно-зелёных листьев.

— Норичник, — окликнула я Кэтрин, показывая на траву. — Немного, но начало положено.

Она нахмурилась.

— Но это же ранник.

— Как ни назови, это то, что просила Целительница Марта. Ты собери этот, а я пойду дальше, может, найду ещё. Будь осторожна, не порежься листьями. Срезай их, не пытайся срывать. Стебли у них жёсткие, ты можешь порезать пальцы.

Я двинулась вверх по реке и вскоре потеряла Кэтрин из вида. Я нашла ещё одну поросль норичника, но листья оказались все в дырах и плесени. А потом увидела ещё одну, выше по склону, она выглядела лучше. Я продолжала взбираться наверх, зная, что Кэтрин последует за мной или будет сидеть и ждать моего возвращения. Я наслаждалась одиночеством. Ни звука колокола, ни криков детей. Впереди с шумом неожиданно взвился вверх жаворонок, как будто он, как и я, радовался свободе в этот день. Я добралась туда, где река пробивалась через скалу и бурным потоком падала на другую сторону, но на изгибе реки берег переходил в длинную отмель, поросшую жёсткой травой.

Я так сосредоточилась на поиске трав, что сначала не заметила домик. Только что здесь ничего не было, и вдруг, сделав шаг, я его увидела, как будто дом в одно мгновение вырос из-под земли. Дом притаился за выступающими голыми скалами, так что не был замечен ни сверху, с

вершины холма, ни снизу, из долины. Глинобитные стены потрескались и были залатаны зеленоватой грязью и навозом. Тростник на крыше много лет не поправляли, и он сполз, оставив дыры заплесневелой соломы, похожие на стригущий лишай. Казалось, дом покинут много лун назад. Но через дверь тянулась тонкая струйка синего дыма от очага с горящим торфом.

В доме явно кто-то жил. Но только отшельник, безумец или разбойник поселился бы так далеко от людей. Одинокий куст шиповника, росший в расселине скалы рядом с домом, был весь покрыт маленькими связками сухих цветов, лентами, обрывками одежды, зубами и костями, ярмарочными игрушками и кусочками жести. Всё это свисало с веток, как благодарственные приношения в церкви. Но креста не было, значит, это не место поклонения христиан. Это не жильё отшельника, и у меня нет желания встречаться с обитающим здесь сумасшедшим или преступником. Я повернула назад, стараясь идти по своим следам, ступая осторожно, чтобы не привлечь внимание того, кто мог находиться в доме.

— Что привело тебя сюда, госпожа?

Я резко обернулась. У огня стояла старая женщина, она словно появилась из дыма. Я испуганно перекрестилась, и она ехидно ухмыльнулась в ответ. Яркие, похожие на ягоды терновника глаза блеснули на сморщенном, как сухое дикое яблоко, лице. Старуха казалась отвратительной. Коричневая, как грецкий орех, кожа почти сливалась с грязным коричневым платьем.

— Я не хотела потревожить тебя, матушка. Я была... — шаркая ногами, она подошла ко мне, и я потеряла голос.

— Хочешь заполучить мужчину в свою постель? — хрипло спросила старуха.

Залившись краской, я покачала головой и отступила назад, когда она приблизилась ко мне. Но она только рассмеялась, откинув голову и показывая два последних почерневших зуба.

— Может, у тебя был мужчина, а теперь ты хочешь, чтобы в твоём животе не стало его семени?

Она вытянула длинную тощую руку и прижала к моему животу, смеясь ещё громче. Рука через одежду обжигала, как лёд. Я отшатнулась.

— Нет, дело не в этом, — сказала она. — В твоём животе смерть, госпожа. Окаменевшие дети. Вот оно что, потому ты и пришла — окаменевшие дети.

Я отшатнулась, как будто она меня ударила. Почему она так сказала? Никто здесь не знал. Мне хотелось бежать, но ноги словно приросли к земле.

Она кивнула в сторону украшенного куста шиповника.

— Да теперь к моему порогу чаще приходят, чтобы получить детей, а не избавиться от них. И как говорят, ни у коров нет приплода, ни у овец и свиней. Земля больна. Люди забыли старую жизнь. Хотят взять от земли слишком много, а потом удивляются, почему она оборачивается против них. Но они знают, старая Гвенит может помочь им произвести потомство. Что ты мне принесла? Дар за дар.

— Мне ничего не нужно, — сказала я, наконец обретя голос. Я забрела сюда случайно, собирала травы.

Гвенит — я уже слышала это имя, но не знала...

— Ничего не приходит случайно. Раз ты не искала меня, значит понадобилась ей. Она способна позвать разными путями. Должно быть, она увидела что-то в тебе, — старуха

тяжело посмотрела на меня. — Ага, я тоже это вижу. — Она указала на хижину. — Идём к ней.

Мне этого совсем не хотелось, но под пристальным взглядом старухи я подошла к двери и нырнула внутрь. Рваный серый свет проникал сквозь дыры в соломенной крыше. Утопанный сырой земляной пол вонял мочой. С потолочных балок свисали пучки сухих трав, но их отвратительный запах не делал воздух приятнее. Лежанку из прошлогодних листьев папоротника возле угасающего очага покрывала куча тряпья. Я догадалась, что это старухина постель, жёсткая и холодная для старых костей. На закопчённых камнях у очага стояли железный чайник и несколько глиняных горшков. В доме не было ни сундука, ни даже скамейки, чтобы присесть.

Той, к кому привела меня сюда старая Гвенит, не было видно. Старуха, должно быть, заговаривается, совсем не удивительно, когда живёшь одна в таком месте. Может, вообразила, что в доме её ждёт давно умершая мать. Старики часто впадают в детство, им кажется, будто их близкие рядом и всё ещё живы. Словно призраки приходят за ними, чтобы увести за собой. Я повернулась к двери.

Уже на пороге меня остановил чуть слышный шорох. Я резко обернулась, сердце застучало, я отчаянно пыталась понять, что это, и боялась пошевелиться. Когда глаза привыкли к тусклому свету, я увидела, что угол хижины отгорожен куском ткани, как занавеской. Звук исходил оттуда. Я осторожно приподняла ткани кончиком ножа и ахнув отскочила назад.

В углу, поджав ноги, сидела девочка в тонкой рваной рубашке, спутанные рыжие волосы рассыпались по плечам. На бледном лице горели кошачьи зелёные глаза. Это была Гудрун. Она сидела совершенно неподвижно, но при этом всё её тело извивалось и корчилось. Я разглядела, что именно движется, и содрогнулась от ужаса. Тело покрывали гадюки. Они сплетались вокруг неё, скользили в волосах, оборачивались вокруг шеи. Чёрно-жёлтые браслеты обвивали запястья. Девочка поднесла их к лицу, её розовый язычок замелькал, высываясь изо рта и снова прячась, а змеи касались его своими языками. Внезапно она посмотрела прямо на меня. Губы раздвинулись, как в улыбке, но изо рта не исходило ни звука.

Я бросилась прочь из хижины и побежала с холма вниз, той же дорогой, как шла сюда, спотыкаясь и скользя на склоне, почти не обращая внимания на колючие ветки, цепляющиеся за одежду и ноги.

— Что случилось, Беатрис? За тобой как будто гнались демоны ада.

— Меня напугала старуха, она живёт там, наверху.

Кэтрин взглянула вверх, на склон холма.

— Наверное, старая Гвенит? Пега говорила, она живёт неподалёку, но я никогда не знала, где именно. Пега сказала, у неё есть дар ясновидения. Говорят, к ней опасно подходить близко. — Она испуганно посмотрела на меня. — Она тебя не прокляла?

Я покачала головой.

— Там была ещё старухина внучка.

Глаза Кэтрин удивлённо расширились.

— Ты видела Гудрун вблизи? Обычно она убегает прежде, чем кто-нибудь приблизится. Какая она?

Я покачала головой, вспоминая, что видела. Змеи! Это были настоящие змеи? Трудно что-то разглядеть в том полумраке. Кому не случалось, идя в полутьме по дороге, увидеть

стоящую на пути старуху, которая вблизи оказывается сломанным деревом? Может, это был просто морок.

— Я... я не очень хорошо разглядела. Идём, ты же не хочешь опоздать к вечерне?

Я знала, что от страха опоздать хоть куда-нибудь, Кэтрин забудет о своём любопытстве.

По дороге к бегинажу мы увидели направляющуюся к воротам торжественную процессию. Четверо мужчин несли на носилках укутанное тело. Серый монах уверенно шагал впереди. Позади них безмолвно шли несколько женщин, одетых слишком хорошо для деревенских, но и не из Поместья. Не слышно было никаких стенаний или плача, только тяжёлое молчание. Маленькая печальная группа скорбящих выглядела жалко. Должно быть, тело принадлежало древнему старику, пережившему друзей и родственников.

Я схватила Кэтрин за руку и оттащила назад.

— Дождёмся, когда они повернут к церкви. Перейти дорогу похоронной процессии — плохая примета. Помолимся за отошедшую душу, кем бы она ни была.

Но, к моему удивлению, процессия не свернула к деревне. Вместо этого они подошли к входу в бегинаж и опустили носилки на землю. Монах потребовал впустить их, Привратница Марта, появившаяся изнутри, решительно захлопнула перед ними ворота, но они ждали, и мы тоже ждали, не желая приближаться, пока они не уйдут. Вскоре к ним вышла Настоятельница Марта с несколькими бегинками, которые занесли носилки внутрь. Монах и плакальщицы развернулись и медленно, той же дорогой, двинулись обратно, поддерживая друг друга, как в великом горе.

Кэтрин озадаченно посмотрела на меня.

— Почему они принесли к нам этот труп?

— Должно быть, я ошиблась, и это не покойник, а кто-то очень больной. Нам лучше поторопиться, Кэтрин. Целительнице Марте могут понадобиться эти травы.

Настоятельница Марта

Привратница Марта позвала меня, как только её острые глаза заметили процессию на дороге. Через окошко в воротах мы смотрели, как те люди медленно приближаются к нам. Даже отсюда я видела, что Андреа завёрнута с ног до головы, как мёртвая. Возможно, они боялись, что соберутся зеваки, если её узнают, или она сама попросила закрыть лицо, чтобы не смотреть на внешний мир. Казалось, процессия почти не приближалась, они еле ползли, как будто проделали долгий путь. Они несли святую женщину, но шли безрадостно, тяжёлой походкой. Должно быть, мне не всё о ней рассказали. Наконец, носилки поставили у моих ног. Завёрнутая фигура выглядела огромной, совсем не та тень женщины, которую я помнила. Может, это ошибка? Кого они к нам принесли? Я вопросительно взглянула на францисканца.

— В последнее время Андреа очень изменилась, — только и сказал монах.

То же самое говорила мне и Хозяйка Марта после Майской ярмарки. Надо было послушаться и ещё тогда навестить Андреа.

Бегинки перенесли Андреа в отдельную комнату, которую мы ей приготовили, и подняли на кровать. Она стонала, как будто каждое движение причиняло ей боль. Я отослала женщин, мы остались вдвоём с Целительницей Мартой, и я сняла покров с лица Андреа. Создание под ним было неузнаваемо.

Я поспешно перекрестилась. Господь милосердный, как молодая, красивая, набожная женщина могла дойти до такого! Андреа вся отекала, конечности раздулись так, что она не могла сжать пальцы. Тонкое, нежное лицо распухло, будто ее покусал целый рой пчел, глаза едва открывались.

Целительница Марта размотала повязку на голове Андреа. Остатки волос шевелились от вшей. В гноящихся ранах кишели личинки. Когда мы с Целительницей Мартой повернули её на бок, чтобы разрезать и снять грязные тряпки, то увидели, что спина тоже покрыта глубокими ранами из-за того, что она неделями лежала без движения на соломенном тюфяке. Кожа под мышками воспалилась и мокла. Андреа задыхалась так, что больно было смотреть.

— Теперь ты среди сестёр, ты в безопасности, Андреа, — сказала я, но вряд ли она слышала или понимала, что мы делали.

Она стонала, когда мы трогали её руки и ноги, чтобы вымыть, но не смотрела на нас, хотя глаза двигались. Она глядела на свет, проникающий через узкое окно, губы всё время бормотали странные слова и звуки, но не человеческую речь. От неё исходил странный запах, тошнотворный и сладкий, заполняющий комнату, пропитывающий мою одежду и волосы.

Теперь я ясно понимала, почему от Андреа хотели избавиться. Она больше не привлекала паломников. Зачем нужен медведь в клетке, если он больше не развлекает толпу? Толпе любопытно глазеть на хорошенькую девушку, наблюдать, как она хлещет себя кнутом или падает наземь в исступлении. Им неинтересна чистота души, только красивая оболочка, а внешней красоты в Андреа больше не осталось. Священников ее душа заботила еще меньше, им были нужны лишь деньги. И как только она перестала их приносить, Андреа тут же вышвырнули вон. Может, они уже нашли кого-нибудь посимпатичнее на ее место. Как может человек, ежедневно прикасающийся к плоти и крови Господа нашего, быть таким

жестоким? Даже у последнего слуги в Поместье есть солома для сна и место у очага, когда он слишком слаб для работы. Могли бы нанять какую-нибудь добрую женщину ухаживать за ней — любому дураку ясно, что это ненадолго.

Перед вечерней в кухню влетела Кэтрин. Она просто задыхалась от возбуждения — новая гостья оказалась не обычной прокажённой или калекой.

— Она не больна, — благоговейно прошептала Кэтрин, — она святая. Я слышала, как Целительница Марта сказала, что дух ее уже оставил этот мир.

— Как это она не больна, если она умирает? — перебила Османна.

— О нет, она не умирает. Она покидает свое грешное тело, — Кэтрин произнесла «покидает» так, будто пробовала на вкус новый фрукт. — Так сказала Настоятельница Марта, — торжествующе заявила она.

— Андреа ничего не ест, но ее питает любовь Господа и Святой дух, превращающийся в мед у нее во рту. И от ее тела исходит сладкий аромат, как от розы после грозы.

— Ты его нюхала? — спросила Османна.

Кэтрин удрученно помедлила.

— Только Мартам позволено ее видеть.

— Она должна быть очень красивой, если она святая, — сказала малютка Марджери. — У нее длинные волосы до пола, как у святой Катерины?

— Думаю, да, — просияла Кэтрин. — И, наверное, золотистые.

Османна уже открыла рот, чтобы возразить, но я предупреждающе покачала головой. Хотела бы я, чтобы она научилась больше радоваться жизни, как Кэтрин. Османна вела себя, скорее, как старуха, чем беспечная девочка, будто из нее вырвали юность. Лицо ее выглядело еще более изможденным, чем прежде, словно она вообще не спала. Мне хотелось обнять и утешить ее, но Османна никого к себе не подпускала.

Я с рассвета сидел за столом в десятинном амбаре, ожидая посетителей. Деревенские плелись один за другим, мяли в руках шапки. Некоторые несли мешки или корзины, но полупустые. Многие совсем ничего не принесли. И все говорили одно и то же.

— Урожай пропал, отче. Не могу я заплатить церкви десятину. Осталось так мало, что этой зимой нам самим не прокормиться.

Так обстояло дело не только с зерном. В июне они не смогли полностью выплатить десятину сеном, а та малость, что принесли, сгнила в моём сарае. Много овец передохло от глистов, холодная весна убила половину ягнят, поэтому десятина овец, шерсти и шкур оказалась гораздо меньше должной. То же и с курами и яйцами. Много месяцев одна и та же история — они не могли платить полную десятину. А некоторые не могли заплатить ничего.

Одним из первых явился Алан с большой глыбой соли, завёрнутой в мешковину. Он со стуком опустил её на длинный деревянный стол.

— Соль, отче. Мой долг.

Я полистал страницы книги счетов, отыскивая его имя.

— Ты должен две глыбы соли в год за десятину, Алан, а весной ты ничего не приносил.

Я откинул край мешковины. Насколько я заметил, конус соли почти на треть меньше положенного. Я взглянул на Алана. Плотный, крепкий мужчина, по общему мнению — хороший работник. На солеварне ему удалось подняться до самой искусной работы — вываривать соль из морской воды и выбирать готовую соль в нужный момент, пока она не испортилась и не стала горькой [\[14\]](#).

— Этого недостаточно, Алан. Десятину отдают не мне, а Богу. Утаивать, то, что должен Богу, — страшный грех.

Алан сложил мускулистые руки на груди и нахмурился.

— Напрасно ты думаешь, что дождь портит только урожай. Без солнца и ветра соль не выступит на песке. Нам тоже нужна сухая погода, чтобы соль затвердевала. В этом году мы не работали почти половину времени, и в прошлом тоже. А когда могли — трудились как волы, дни и ночи без сна. — Он подался вперёд, положил на стол огромные руки, обмотанные, как у многих работников, грязными тряпками, чтобы защитить во время тяжёлой работы. — И дело не только в погоде, отче, ещё в муке. Нам нужна мука и овечья кровь, чтобы очищать соленую воду, но если овцыдохнут, а урожая нет, цены растут и нам приходится платить, сколько запросят, ведь без этого соли не сделать.

— Я понимаю, как это тяжело, Алан, — сочувственно сказал я, — но...

— Нет, отче, не понимаешь! — зарычал Алан. — Что ты знаешь о том, каково потеть над котлами день и ночь, в пару и дыму от костров? Думаешь, это легко?

Он развязал узел на левой руке, медленно снял заляпанную ткань и поднёс огромную ручищу к моему лицу. Кожа на ладонях отслаивалась, между пальцами пролегли глубокие мокнувшие трещины. Он перевернул руку. Суставы всех пальцев покрывали незаживающие язвы.

— Вот что делает соль, отче — высушивает кожу так, что она трескается и не заживает. Ты чувствовал когда-нибудь, как соль щиплет открытую рану, отче? Когда узнаешь, поймёшь, что значит тяжело.

Но мне случалось это узнать. Я очень хорошо помнил, как щиплет соль. Раны на спине

снова горели, я опять ощущал, как грубые частички соли втираются в ободранную плоть, жжение становилось невыносимым, я чувствовал, что теряю сознание, но боль не отпускала, не давала забыться. Я смотрел на руку Алана и думал, каково это — день за днём ощущать такую боль, день за днём работать этими пальцами, преодолевая жжение. Алан с неуклюжей поспешностью опять перевязал свою руку, как будто устыдится того, что показал мне свои раны.

Я окунул перо в чернильницу.

— Я запишу, что ты полностью расквитался с десятиной, Алан. В Норвич я отсылаю только четверть, той соли, что ты принёс, хватит для уплаты. А потом... потом ты принесёшь для прихода, что сможешь, когда дела пойдут лучше.

Его это покорило, должно быть, он почувствовал себя просящим и униженным. Он ушёл, не взглянув на меня.

Алан оказался далеко не последним, кому мне в тот день пришлось говорить такое. Я знал, что должны принести из каждого дома. Всё тщательно записывалось в приходную книгу — чем владел хозяин подворья, где работал и какие у него запасы. Каждый огород, участок земли, полоска в поле, скот и мастерские в Улевике учтены и оценены. Церковь подсчитала, сколько можно вырвать у каждой семьи, но расчёты основывались на тучных годах. Не делалось скидок на случай, если урожай окажется плохим или скот погибнет. Отдавать десятину от всего, что произведено и заработано, достаточно трудно и в хороший год. В тяжёлый — отдать десятую часть от почти ничего означало голодную смерть.

Близился вечер, черед жителей деревни и их оправданий почти закончилась, и я остался один. Я полистал страницы книги счетов. Цифры в длинных столбцах не особенно точны. Если кто-то проверит эти записи... нет, они не станут. Епископ не станет беспокоиться о нищем приходе где-то на задворках. Даже в лучшие годы то, что церковь святого Михаила посылала в Норвич, должно быть, составляло самую малость от десятины, собранной с остальных. Сам епископ интересовался только богатыми приходами, которые имели гораздо больше возможностей его обмануть. Он никогда не сможет держать достаточно писцов, чтобы проверять записи каждой мелкой и захудалой деревенской церкви.

Господи, сколько же епископ продержит меня в этой ссылке? Я не годился для работы приходского священника. Ну что я знал о стоимости свиней или о цене каких-нибудь паршивых кур? Я отбыл наказание за грех с Хилари. Разве я ещё не достаточно страдал? И если не удастся сделать так, чтобы епископ снова взял меня в собор, меня забудут и оставят гнить здесь до конца моей несчастной жизни, как случалось с другими.

Я ещё помнил запахи оживлённых улиц Норвича, рынки, пахнущие приправами и рыбой. Я слышал крики торговцев и хозяек, уговаривающих прохожих отведать фруктов в меду и сладкой маринованной селёдки, булочек с корицей и сладостей с ароматом розовой воды. Я чувствовал нежность мускусного масла, которое слуги втирают в распаренные после бани тела. И Хилари. Нежные руки на моих ягодицах. Язык, скользящий по моему бедру до...

— Это всё, что ты собрал, отец? Епископ будет очень разочарован.

Я резко оглянулся. В угасающем сумеречном свете, у двери, прислонившись к стене стоял, скрестив руки, Филипп д'Акастер и с любопытством меня разглядывал.

— У епископа Салмона есть сострадание, — ответил я. — Ты же знаешь, случился неурожай. Люди не могут заплатить десятину с того, что не получили.

Он пожал плечами.

— Кажется, деревенские без проблем заплатили налог Поместью. Мастера Совы отлично им в этом помогают.

Он медленно прошёл по сараю и уселся на край стола, глядя на меня сверху вниз. Я поспешно захлопнул книгу счетов.

— Мастера Совы могут и тебе помочь собрать десятину, отче. Скажи только слово, и они легко наполнят твой сарай.

— Чтобы собрать десятину, не нужны угрозы и запугивание. Жители деревни в основном добрые и честные люди, заплатят, когда смогут. — Я поднялся со скамьи, крепко сжимая в руках книгу. Нелегко говорить спокойно и уверенно перед ухмылкой Филиппа. — И, насколько я понимаю, Филипп, ты можешь приказать Мастерам Совы, чтобы прекратили угрожать дому женщин. Я знаю, что случилось на Варфоломеевской ярмарке, всей деревне это известно. Я говорил своим прихожанам и скажу тебе: если эти женщины станут противиться святой церкви, я, как избранный Богом священник, просто обязан с этим разобраться. Но до тех пор, пока они не создают проблем и занимаются добрыми делами, мне незачем с ними ссориться.

— Даже если они тащат через всю деревню прокаженного вопреки твоему приказу? — Филипп соскользнул со стола и обошел сарай, ощупывая и заглядывая в полупустые мешки. — И я слышал, сегодня дом женщин принял еще одну гостью прямо у тебя под носом, отшельницу, которую выгнал епископ Салмон. Будем надеяться, это не дойдет до его ушей, отче. Ему может показаться, что твоя власть здорово пошатнулась. — Он вернулся и встал передо мной, широко расставив ноги в своей обычной надменной манере. — Я знаю, ты надеешься на прощение, отче. Хочешь вернуться на свою уютную должность в соборе, и кто может винить тебя за это? В городе удобное жильё, хорошее вино, полно красивых женщин — Мастера Совы могут помочь тебе вернуть всё это. Через несколько месяцев или даже недель ты снова будешь лежать в уютной постели. Конечно, будешь ли ты в постели один — твоё дело. У меня и в мыслях не было подталкивать божьего человека к распутству. — Он щёлкнул пальцем по книге счетов. — Тебе нужно только попросить, отче, и сразу всё закончится. Подумай об этом.

Он подмигнул мне и вышел из сарая.

Женщины, зевая, разбрелись из часовни по своим кроватям, и я задула свечи. Наконец, когда вся часовня, кроме неугасимой лампы над алтарём, погрузилась в темноту, я закрыла дверь и, уставшая, направилась в свою комнату. Эти драгоценные часы между вечерними и утренними молитвами значили для меня больше, чем просто сон — возможность побыть одной, без болтовни и суеты, целый день наполняющих наш двор. Меня постоянно дёргали за рукав с сотней проблем, и мне весь день хотелось хоть на час о них забыть.

Обычно мне было хорошо среди коленопреклонённых женщин, собравшихся вокруг в слабом мерцании свечей, но этой ночью даже их тихое дыхание отвлекало меня от молитв. С другой стороны двора сквозь ставни комнаты Андреа пробивался тоненький луч света. Она уже десять лет как закрылась от мира, проводя каждое мгновение в единении с Господом. Ей даже не нужно было беспокоиться о том, кто будет ее кормить, и уж тем более — кто накормит самих кормящих.

Моя сестра Элеанор была такой же. Ребенком она понятия не имела, как появляется еда на столе или чистые скатерти в шкафу. Она просто протягивала руку, ожидая, что они там, и так и оказывалось. Я вела отцовский дом, и хорошо вела: счета в порядке, хороший стол для гостей, чистые простыни, и слуги не доставляли ему проблем. При этом он и десяти слов за день мне не говорил, но весь светился, когда муж сестры привозил ее к нам, что случалось не так уж часто. Визиты Элеанор стали еще реже, когда парализованный отец слег. Она говорила, что от вони ее тошнит и молоко в груди киснет. Это опасно для беременных и кормящих, говорила она, а она постоянно находилась в одном из этих состояний.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я так старалась обеспечить бегинаж всем необходимым и принять всех, от кого отказались люди. Но на каждом повороте встречались препятствия, и порой, да простит меня Господь, мне казалось, что их чинит не дьявол, а сам Бог. Неужели Господь так ревнив, что наказывает нас за то, что мы уделяем больным и несчастным время, которое могли бы провести в молитвах? Трудно в это поверить. Или всё-таки я неправа? Этой ночью я даже не могла найти слов для молитвы.

Я внезапно проснулась, наклонилась вперёд, пытаюсь встать. Ноги окоченели и не гнулись. И всё ещё темно. Должно быть, я заснула, стоя на коленях у кровати.

Привратница Марта подхватила меня под локоть и помогла, я с трудом поднялась на ноги.

— Что... в чём дело? — спросила я.

— За дверью ждёт серый монах, тот, что приходил с Андреа, — прошептала она. — Я сказала, чтобы уходил и пришёл после утрени, но он настаивает, хочет говорить с тобой сейчас, Настоятельница Марта. Он не сдвинется с места.

— Я думала, он вернулся домой вместе с матерью Андреа. Что ему могло понадобиться среди ночи?

Привратница Марта, как обычно, пожала плечами. Но она зевала, и мне стало ясно, что на сей раз её это совсем не интересовало — лишь бы монах отошёл от ворот, чтобы она могла вернуться в тёплую постель.

Я завернулась в плащ и вслед за светом от фонаря Привратницы Марты направилась к воротам. Забрав фонарь, я выскользнула наружу, приказав ей запереть за мной калитку. Если

за воротами ждала беда, я не хотела впускать её внутрь.

Ночное небо затянули облака. Я держала фонарь прямо перед собой, но видела лишь деревья и тени. Когда одна из теней заговорила, я обернулась с колотящимся сердцем. Лампа высветила только длинный нос под низко надвинутым капюшоном.

— Настоятельница Марта, прости, что беспокою в такой час, но для всех лучше, чтобы никто меня здесь не увидел. Нас никто не услышит?

Я поняла, он подумал о Привратнице Марте. Я прошла немного вперёд по дороге, и посетитель удостоверился, что мы одни, потом нетерпеливо обернулась.

— Чего ты от нас хочешь? — Я еле таскала ноги от усталости и была не в настроении любезничать. — Привез к нам ещё одну больную страдающую душу?

— Нет. Я принёс вот это.

Он протянул маленькую деревянную коробку. В мерцающем свете лампы я увидела распятие, вырезанное на крышке.

— Для Андреа, — сказал монах. — Тело Господа нашего. Семь облаток. Ты должна давать их ей каждый день после исповеди. Это единственная пища, которую она примет.

Я отшатнулась.

— У тебе даже в руках не должно их быть! Где ты это взял?

— Прошу, Настоятельница Марта, не спрашивай. Лучше тебе не знать. Но ты должна взять их, ради Андреа. Ты же знаешь, ваш священник не станет причащать ее каждый день, более того, очень возможно, он вообще ей откажет, как только узнает, что её прогнали из собора святого Андрея и услышит, что про нее говорят. Но ей нужно причастие, иначе она умрёт духом так же, как телом.

— Да ты понимаешь, о чём просишь? — возмутилась я и вдруг поняла, что испуганно оглядываюсь по сторонам, хотя знаю — поблизости никого нет.

— Я не могу давать Андреа тело Господа, и ты тоже не можешь. Разве ты не видишь, брат? Я — женщина. Ты не хуже меня знаешь, что только рукоположенный священник вправе совершать это таинство. Для тебя, монаха, решиться на такое — большой грех, но для меня... Разве ты не знаешь, что наказанием за такое кощунство может стать порка и тюрьма, а то и похуже?

Он всё протягивал мне коробку, как будто я ничего и не говорила.

— Настоятельница Марта, мне известно, что твои сёстры-бегинки в Нидерландах поступали так и прежде, когда священники отказывали им в таинствах. И я прошу, чтобы ты сделала это не от своего имени, а как слуга Господа помогла нуждающейся душе. Как это может быть грехом? Самый младший из слуг может подать дичь гостям на королевском пиру, хотя сам не владеет ни оленем, ни лесом. Разве первые христиане не делили хлеб и вино, подавая друг другу? Ты знаешь, какова любовь Андреа к Господу. Ей не нужно посредничество священника, она выше этого. Её душа постигла в любви священного жениха, он снизошёл к ней, и посредник им не нужен. Ради блага её и своей души, не разделяй Андреа с Господом.

Я вздрогнула и поплотнее запахнулась в плащ. Свет от фонаря плясал на коробке, и распятая фигура на крышке как будто протягивала ко мне руки. Мои пальцы коснулись коробки, я сжала ее и вскрикнула. Коробка была тёплой, как будто фигура на крышке вырезана из живой плоти.

Францисканец спрятал в рукавах руки, словно сообщая, что теперь они пусты и невинны.

— Я буду приходить каждую неделю в этот день и час, чтобы пополнить коробку. После полунощной оставляй её в окошке для милостыни на наружной стене, с незакрытым засовом. Dominus vohiscum. Господь да пребудет с тобой, Настоятельница Марта.

— Et cum spírítu tuo. Так же и с тобой, — не задумываясь ответила я. А потом он ушёл, скользнув в темноту, и растворился, как тень.

Дорога опустела. Если бы не коробка, которую я крепко сжимала в руках, то я поклялась бы, что спала и говорила с призраком во сне. Только деревья шумели над моей головой. Летящие облака заслонили луну, и ночь вдруг стала ещё темнее.

Я поспешила назад к воротам и тихо стучала, пока Привратница Марта не впустила меня внутрь. Сейчас, слишком сонная, она даже не потрудилась спросить, что случилось, но, без сомнения, завтра к ней вернётся любопытство. Мне нужно придумать какое-то объяснение, только не сейчас. Я слишком устала, чтобы думать об этом.

Вернувшись в комнату и заперев дверь, я огляделась в поисках укромного места, куда можно спрятать коробку, и сунула под какое-то покрывало на полке. Руки ужасно дрожали. Я села на корточки у очага, сунув руки под мышки, чтобы они так не тряслись.

Почему францисканец попросил меня о таком? У него не было никакого права взваливать на меня эту ношу. И всё же Андреа зависела от меня. Ее душа, всё, за что она отдала свою жизнь, было ради одного — умереть в милости Божьей. Если отказать ей сейчас в святых дарах, вся её жизнь будет потрачена впустую. Я не могу просто на это смотреть. Я не могу не давать ей того, в чем нуждается её душа. Но я женщина, я не могу никого причащать. Это запрещено, это немыслимо. И всё же... всё же я — единственная, кто может ей это дать.

Сентябрь. День святой Османны

Османна из Бриака, ирландская принцесса, уплывшая в Британию, чтобы избежать замужества. Умерла приблизительно в 650 году, покровительница города Фериси.

Был день моей святой, поэтому меня освободили от всей работы. Настоятельница Марта велела мне молиться в церкви. Я попыталась, но в тишине голову наполнил всё тот же ужас, что и каждую ночь, когда я без сна лежала в темноте. У меня была лишь одна молитва: «Прошу, пусть сегодня пойдет кровь. Пожалуйста, пусть всё закончится».

Ночью, лежа в кровати, я ощупывала живот. Он увеличивается? Я пыталась не есть. Беатрис заметила и начала соблазнять меня нежными кусками мяса со своей тарелки и медовыми лепешками, которые впихивала в меня в поле. Она была добра ко мне. Но после еды я бежала в отхожее место и вызывала рвоту. Я голодала, но мне нужно было уморить это внутри меня, не дать ему расти. Я не позволю ему питаться мной. Я должна его убить!

От внезапного порыва спертого воздуха лампада над алтарем закачалась, и ко мне понеслись тени. Не в силах больше это выносить, я распахнула дверь и выбежала на слепящий солнечный свет.

На пяточке травы во внутреннем дворе стояла добротная каменная голубятня. Её достроили за прошедшие несколько недель взамен старой, деревянной, разрушенной бурей. Она была прочная, сухая, с хорошими толстыми стенами, с углублениями для птичьих гнёзд и насестом наверху. Туда вели каменные ступени, чтобы, только протянув руку, ухватить голубя, не подозревающего, что его ждёт нож Кухарки Марты. Я обнаружила, что за голубятней хорошо прятаться от ветра и от взглядов остальных женщин.

Но обогнув ее, я почти налетела на Ральфа, сидящего на моем любимом месте, прислонившись спиной к каменной стене. На коленях у него лежала девочка-калека, ее голова покоилась на сгибе его руки. Крошечные пальчики порхали у лица, будто пытались что-то схватить.

Однажды утром Привратница Марта нашла на пороге ребенка, едва прикрытого какой-то тряпкой. Маленькое тельце было настолько скрючено, что девочка не могла ни сесть, ни контролировать движения рук или ног. Удивительно, но Ральф привязался к ней с первого взгляда.

В первые дни пребывания в бегинаже Ральф часами сторбившись сидел у огня, не говорил и не ел. Целительница Марта пробовала поднять его дух с помощью лавандового масла, но без толку, пока не появился этот ребенок. Теперь прокаженный часами гладил ее по голове, кормил и рассказывал сказки, будто изливая на нее любовь к утраченной семье. Свободной рукой Ральф протягивал голубям хлебные крошки. Люди шарахались от его перебинтованных рук, пряча свои за спину, но птицы охотно к нему слетались.

— Ей нравятся голуби, — не глядя на меня сказал Ральф. — Послушай, как она смеется. Думает, что они прилетают к ней, бедная малютка. Мы кормим птиц каждый день, да, Элла?

Я присела рядом с ними.

— Ее зовут Элла? Я не знала.

— Я так ее зову. Мне говорили, Элла означает «всё». Оно очень ей подходит, ведь она — всё, что есть у меня, а я — всё, что есть у неё. Если у нее и было другое имя, она все равно его не скажет. Вообще-то не думаю, что ей давали имя. «Дьяволово отродье», вот как называла ее одна старая карга в лечебнице. — Он повернулся ко мне, взгляд горел гневом. — Что это за Бог такой, что насылает подобное на невинного младенца? Священники говорят, дитя наказано за грехи родителей. Я-то проклят за то, что грешил, хотя многие из тех, кто

похуже меня, до сих пор живы-здоровы. Но какой хозяин станет пороть младенца за воровство отца?

— Например, мой отец. Я видела, как он собственными руками отхлестал мальчишку, чтобы наказать его мать: та призналась, что беременна, а муж ее больше года как умер.

— Разве от Бога мы не можем ожидать большего милосердия, чем от твоего отца? — прошептал Ральф, будто опасаясь быть услышанным.

Что сделал бы отец, узнай он о демоническом отроде внутри меня? Он порол не только мальчишек. Как-то, когда я была маленькой, отец, скандаливший из-за чего-то с управляющим, заметил мою улыбку. Я думала о своём, а он решил, что я смеюсь над ним. Он потребовал розгу, швырнул меня на скамью и выпорол перед всеми домашними. Потом заставил поцеловать его в губы в знак моей любви к нему. Я до сих пор чувствую вкус своих слёз, бегущих по жирным влажным губам. Я возненавидела его, не за порку, а за этот поцелуй. И ещё сильнее ненавидела себя — за то, что боялась его.

Pater noster, qui es in coelis. Отец небесный, сущий на небе. Произнося это, я каждый раз опять чувствовала вкус лжи, вкус того поцелуя. Голос внутри меня кричал: «Нет, только не отец». Я не стану просить отца. Я никогда не назову Его отцом.

Ральф пристально смотрел на малышку, покачивая её, осторожно поглаживая щёку, прижавшуюся к его плечу. Элла прикрыла глаза, тихое постанывание сменилось мурлыкающими звуками, казалось, она пыталась повторить пение птиц или колыбельную матери. Маленькие пальчики сжимались и разжимались в такт музыке, слышной ей одной.

— Ты слышал что-нибудь о своих детях? — спросила я и тут же пожалела о собственной глупости.

Глаза Ральфа наполнились слезами, и я поспешно отвернулась, притворяясь, что ничего не заметила. С той ночи в лесу я не могу больше плакать и злюсь, когда вижу чужие слёзы. — Голос Ральфа стал хриплым. — Я ночи не сплю, представляя, что они умирают от голода в какой-нибудь канаве. Что моей несчастной Джоан пришлось торговать собой, чтобы накормить их, или продать в работы бедную маленькую Марион.

— Пега говорит, она забрала детей к своей родне в Норвич. Ты же знаешь Пегу — раз она так говорит, значит, так и есть. — В его голосе слышались слёзы, и я старалась не смотреть.

— Только когда она расскажет обо мне, родня их не примет, побоятся, что они принесут с собой болезнь.

Я не хотела больше его расстраивать.

— А может, она сказала им, что с тобой произошёл несчастный случай.

Его лицо чуть посветлело от этой мысли.

— Да, ты права. Моя Джоан честная женщина, но она всё сделает, чтобы защитить детей. Родня не откажет вдове, а она и есть вдова, это чистая правда. Я ведь умер, так и отец Ульффрид говорил. — Он кивнул сам себе. — Почему бы ей и не выйти снова замуж, она всё ещё красива. А её муж, конечно, будет хорошо обращаться с детьми — ради неё. Она не выйдет за злого человека.

— Конечно, нет. Она выйдет только за хорошего человека вроде тебя. А дети скоро вырастут, у них появятся свои семьи, — я старалась говорить повеселее, чтобы разогнать его печальные мысли.

Но он опустил глаза, лицо совсем померкло.

— А что если их дети родятся такими, как Элла? Говорят, Его проклятие доходит до

седьмого колена.

Он крепче прижал к себе Эллу, та удивлённо открыла глаза, и Ральф стал укачивать её, бормоча что-то на ушко. Потом он положил ребёнка рядом с собой, неловко управляясь большими руками распахнул рубаху и обернулся ко мне. Его грудь охватывали кожаные ремни с железными заклёпками, затянутые так туго, что врезались в плоть и ранили при каждом движении. Плоть вокруг ремней побагровела и опухла. Каждый раз, когда он прижимал девочку к себе, ее непроизвольные движения, наверное, вгоняли металл глубже в тело.

— Я ношу их днем и ночью, — сказал он, с трудом опустив рубашку, и снова баюкая ребенка на груди.

— Но зачем, Ральф? — Я не могла поверить увиденному.

— Ради моих детей, — ответил Ральф, будто это было ясно и глупцу. — Господь сочтет меня достаточно наказанным и пощадит моих малышей.

Я слышала, как матери заслоняли собой детей от рук мужа, но не представляла мужчину, испытывющего такую нежность к детям, что готов заслонить их собой от десницы Божией. Уж точно не мой отец. Господь проклял меня еще в утробе матери, и если это случилось за грехи отца, то отец добавил и свое проклятие за то, что я их несусь.

— Здесь сегодня тихо, Османна. Почти никого.

Ральф говорил так спокойно, что я засомневалась, не привиделся ли мне тот ужас под его рубашкой. Элла снова закрыла глаза и спокойно лежала у него на руках.

Мгновение я не могла собраться с мыслями.

— Да... да, тихо. Большинство отправилось на берег искать ракушки и собирать водоросли, чтобы высушить их на корм козам. Сена на всю зиму нам не хватит.

— Ты не захотела пойти с ними? Я думал, ты была бы рада провести день у моря, — Ральф с сожалением вздохнул.

Мне стало стыдно. Я могла выходить, но проводила время внутри, а он, должно быть, мечтал пройтись по берегу или взобраться на холмы, или побродить по местам, где бывал в детстве, но не мог и шагу ступить за ворота.

— Сегодня день моей святой. Мне полагается проводить его в размышлениях.

— Благослови тебя Господь. Жаль, что... — вдруг он сунул мне полусонного ребенка. — Подожди, подожди здесь.

Он с трудом поднялся и захромал к лечебнице.

Элла заворочалась у меня на руках. Она поняла, что я не Ральф, на лице появилась тревога. Тельце ее было даже легче, чем казалось с виду, как сушеная рыба, прозрачная и костлявая, но голова была тяжелой.

Ральф вернулся, хромя и спотыкаясь. Скоро ему понадобятся костыли. Следующим летом он не сможет носить Эллу, если, конечно, она доживет. Он положил возле меня сверток из промасленной ткани, опустил обратно на траву и забрал Эллу.

— Это тебе. Подарок на именины.

— Я... я не могу это принять, — от удивления я покраснела и запинаясь.

— Прошу, возьми. Моя Джоан принесла мне узел с вещами в ту ночь, когда ушла из деревни. Я ее не видал. Был бы рад, если бы она позвала меня, но думаю, она не посмела. И я не виню её. Это было спрятано внутри одеяла. Открой.

Я развернула, скорее из любопытства, чем от желания принять подарок. Это оказалась книга, переплетённая в телячью кожу, с прекрасным золотым тиснением. Я оглянулась.

Ральф с интересом наблюдал за мной.

— Правда, красивая? Ты можешь её прочесть?

Я кивнула.

— Торговцы дали бы за неё хорошие деньги. Почему бы твоей жене не продать её? Она наверняка очень нуждается в деньгах.

— Бедняжка Джоан всегда её боялась. Мне дал эту книгу один человек в уплату за работу. У него не было серебра, но он сказал, нам дадут за неё больше, чем он был мне должен.

— Тогда зачем...

— Я же сказал, моя жена боялась. Тот человек сказал, что книга еврейская, из Франции. В этих краях когда-то тоже были евреи, но давно, до твоего рождения. Мой отец говорил, что когда их изгнали из Норвича, они бросили много вещей, которые не смогли унести. — Он пожал плечами. — Многие из них так и не попали на корабли, погибли в болотах. Но говорят, теперь их изгоняют и из Франции. Так что, может, сгинувшим в болотах, ещё повезло.

— Но почему твоя жена побоялась продать эту книгу?

Он покачал головой.

— У еврея украсть нельзя, всё их добро принадлежит теперь королю, а изо всех книг людей короля интересовали только гроссбухи ростовщиков. Кроме того, люди короля не всегда приходят первыми, и кто знает, что было у еврея в доме до того, как его разграбили. Нет, моя Джоан боялась потому, что слышала, будто еврейские книги полны колдовства и чёрной магии. Она думала, если кто узнает, что мы владели этой книгой или пытались её продать, нас могут обвинить в колдовстве. Говорила, что я дурак, раз взял её. Но тот человек сказал, это священная книга.

— Я не знал, что с ней делать, — продолжил Ральф. — Жена даже сжечь её не могла — если книга священная, это навлекло бы проклятие Бога, а если чёрная — могло вызвать демона. — Он с тревогой смотрел на меня. — Это ведь не колдовская книга? Жена считала её причиной моей болезни. Мы оба читать не умеем, а она не велела мне показывать книгу никому.

Я осторожно полистала страницы.

— Это не еврейская книга, написана не на их языке. Я не могла бы прочесть на еврейском. А это я могу читать. Это французский. Означает «Зеркало... чистых душ». Не знаю, почему тот человек назвал её еврейской... Разве что её купил еврей-книготорговец или кто-то оставил в залог еврею-ростовщику. Я слышала, они охотно берут у христиан книги. Так или иначе, она не могла причинить тебе вред: в ней говорится о Боге.

Его рот изогнулся в кривой ухмылке, но меня это больше не пугало. Я знала, что он так улыбается.

— Значит, это хороший подарок на именины. Возьми её, нам с Эллой она не нужна, а больше отдать некому. Я не забуду твою доброту в тот день, когда вы привели меня сюда. Ты смелее любого мужчины в деревне, хотя сама ещё ребенок. Я часто вспоминаю, как ты взяла меня за руку и закрывала, когда...

Он поднёс к лицу руку, как будто опять хотел защититься от комьев грязи и навоза.

— Если бы не ты и Настоятельница Марта, благослови её Бог... — Он поднялся и резко сказал: — Возьми это в знак благодарности.

Потом крепко прижал к себе Эллу и быстро захромал прочь. Я не успела вернуть ему

книгу.

Настоятельница Марта

Я пришла в келью Андреа одна, приняла её исповедь и отпустила грехи, оказавшиеся настолько за гранью моего понимания, что страшно слушать. Грехи души, погрузившейся в бездну смирения, души, которая с такой обжигающей ясностью ощущает своё падение, что больше не может порицать себя и всё же порицает. Как можно слушать такое? Я не могла наложить на неё такого наказания, какому ещё не подверг её собственный дух. Я с трепетом положила ей в рот гостию, и дух Андреа воспарил, как жаворонок. Она лепетала от счастья, и эти звуки вгоняли меня в дрожь. Глаза на раздувшемся лице сияли от восторга. Я выползла из комнаты и попросила Целительницу Марту посидеть с Андреа — я больше не могла.

Целительница Марта взглянула мне в лицо, потом на плащ, плотно запахнутый, чтобы никто не увидел моей ноши. Я никому не решалась рассказать о своём поступке. Мне хотелось разделить с Целительницей Мартой это бремя, хотелось быть уверенной в том, что поступила правильно, но я этого не сделала. Если я согрешила — должна ответить сама. У меня был выбор, я сама так решила, и теперь незачем обременять этим знанием Целительницу Марту. Кроме того, я уверена — даже если здесь нет греха перед Богом, это смертельно опасно для меня и для любого, кто знает о моем поступке.

Я хмуро смотрел, как длинный тонкий палец скользит по колонкам цифр в десятинной приходной книге. Наблюдать за этим невыносимо, но ещё хуже оставить его в одиночестве. Если я буду в церкви, может, сумею его отвлечь.

— Не желаете немного вина, декан? [\[15\]](#)

Он не поднял взгляд.

— Насколько я могу судить по этим записям — просто удивительно, что тебе удалось приберечь хоть немного вина, отец Ульффрид.

Он плотнее запахнул отделанный мехом плащ. Дождь охладил вечерний воздух, но всё же не настолько, чтобы понадобилось такое тяжёлое одеяние. У него был болезненный вид человека, мёрзнувшего в любую погоду. Несколько раз он подносил приходную книгу к свече, чтобы разобрать какую-нибудь запись, потом обмакнул перо и стал писать на собственном пергаменте. Скрип пера, казалось, отражался от каменных стен, заглушая все остальные звуки.

До сих пор я только раз сталкивался с деканом — он сидел в полной готовности на скамье прямо за епископом Салмоном, когда тот допрашивал меня из-за Хилари, и я снова и снова переживаю это в ночных кошмарах. Время от времени он наклонялся вперёд, выдвигаясь из тени, и что-то бормотал на ухо епископу. Этот шёпот пугал меня больше, чем поток гневных слов Салмона.

Когда его лицо затеняла высокая спинка епископского кресла, я думал, что декан — человек зрелых лет, но теперь, в своей ризнице, видел, что ему не более тридцати, однако кожа у него была восковая, бледная, как у заключённого, который провёл долгие годы в подземелье. Длинное узкое лицо выглядело так, будто его мать сжимала ноги, пытаясь помешать ребенку появиться на свет. Скулы острые, глаза глубоко посажены в тёмные впадины. Во всех движениях сквозило напряжённое высокомерие, и ничего удивительного, что при виде него любой человек надолго лишался сна.

— Я... удивлён, что вас послали проверять десятинные книги, декан. Я думал, возможно, рив епископа...

— Ты думал? Или ты надеялся? — ответил он, проводя пальцем по другому столбцу. — Должно быть, мой визит стал для тебя большим разочарованием.

— Нет, нет, это, конечно, большая честь... но я не понимаю, отчего вас заботят такие вещи.

Он ответил, не поднимая глаз от приходной книги.

— Меня волнует всё, что беспокоит его преосвященство епископа. А он беспокоится о тебе, отец Ульффрид. — Он захлопнул приходную книгу и наконец поднял взгляд на меня. — Похоже, твои прихожане не особенно охотно платят десятину.

— Но они же не могут отдать то, что не собрали, урожая нет, декан. По дороге сюда вы наверняка видели поля. Урожай зерна уничтожен, да и с сеном не сильно лучше. Должно быть, в других приходах в этих краях то же самое?

— Именно так, отец Ульффрид. Как ты и сказал, пострадали все приходы в епископстве, — он улыбнулся, но глаза оставались серьёзными.

— Значит, вы понимаете все сложности, — с некоторым облегчением сказал я.

— Очень хорошо понимаю, отец Ульффрид. Я понимаю, что другие священники,

прилежно служащие церкви, собирали десятину, как обычно и вовремя, несмотря на... сложности.

Я удивлённо посмотрел на него. Как же им удалось? С языка чуть было не сорвались слова о том, что в это невозможно поверить, но я вовремя остановился.

— Но, декан, как они могут дать десятину от урожая, если урожая нет?

Чего он от меня хотел — чтобы я рвал лохмотья со спины нищего? Видит Бог, я не жаждал попасть сюда, но если кто-то неожиданно оказался закован в цепи — он не может не испытывать сострадания к другим несчастным, страдающим в том же подземелье.

Он внимательно изучал меня, сомкнув кончики длинных пальцев.

— Отец Ульффрид, ты, должно быть, забыл, что церковь принимает шерсть и зерно в качестве десятины только из сострадания к беднякам. Чего на самом деле в первую очередь требует церковь — так это денег. Если эти люди не могут платить десятину зерном и скотом, значит обязаны заплатить деньгами. Если ты, отче, сравнишь свои записи и счета своих предшественников, найдёшь много подтверждений тому, что десятина собиралась своевременно и полностью, независимо от того, хорош или плох урожай.

— Но со всем уважением...

Он жестом приказал мне замолчать.

— О да, уважение — это корень проблемы, уважение людей к церкви. Думаю, что ты, отец Ульффрид, согласишься, отлучение нескольких самых упрямых послужит уроком для всех остальных в этом приходе. В конце концов, что для них или для их детей простая десятина от дохода в сравнении с вечностью в адском огне?

— Но если урожай погиб, где им взять...

— Это случилось потому, что они не отдали Господу принадлежащее Ему по праву. Он наказал их плохим урожаем. Если бы они честно и щедро отдавали десятину — не пострадали бы. В такие времена тебе следовало посоветовать им удвоить усилия, чтобы отвести от себя Его кару. — Он резко встал, сунул приходную книгу под мышку. — Идём, покажешь мне десятинный амбар. Надеюсь, с таким ничтожным количеством собранного ты не допустил ошибок в подсчётах.

Живот скрутило.

— Вам совершенно незачем беспокоиться об этом в такую ночь, декан. Все записи в порядке, уверяю вас. Вы можете промокнуть насквозь под ливнем, а я никогда не прощу себе, если вы подхватите простуду.

Он уже направлялся к двери.

— Благодарю за беспокойство, отец Ульффрид, но уверяю тебя, это не проблема. Я рад пострадать на службе святой церкви, уверен, что и ты тоже. Пожалуйста, будь так любезен, принеси фонарь и ключ.

Снаружи лил дождь и было так темно, что не разглядеть даже церковный двор. Я поплотнее запахнулся в плащ и поднял фонарь, освещая декану путь через лужи. Я молился, чтобы декан поскользнулся и сломал шею, но по дороге он только пару раз наступил в лужу, замочив ноги, что, вероятно, не улучшило его настроения.

Я возился с амбарной дверью, пытаясь повернуть в замке огромный ключ. Наконец, дверь поддалась, и декан поднял фонарь повыше. В его дрожащем свете огромное пустое пространство, где хранилось ничтожно малое количество припасов, казалось ещё больше.

— Понимаете, мы потеряли некоторое количество шкур из-за заражения чёрными жучками. Заражённые шкуры пришлось сжечь, чтобы не испортились остальные.

— Значит, они были плохо высушены или неправильно хранились. За это отвечаешь ты, отец Ульффрид. — Он методично щёлкал длинными пальцами. — Ты должен позаботиться о том, чтобы церкви отдавали только самое лучшее. Если люди считают, что священник слишком небрежно собирает десятину, они пытаются подсунуть что похуже. Вот почему тебе следовало бы настаивать на оплате монетой, отец Ульффрид. Деньги никогда... как ты сказал? Ага, никогда не поражают чёрные жучки.

Он мерил шагами амбар, подсчитывал мешки и тюки — только для того, чтобы продлить мои мучения. Он уже давно понял, что количество не совпадает с записями. Этих овечьих шкур и шерсти никогда и не было. Он знал это ещё до того, как вошёл в амбар. Вопросом оставалось лишь то, что он теперь предпримет. По крыше барабанил дождь, через щели под дверью задувал ветер, но не сквозняк заставлял меня дрожать.

В конце концов, закончив кружить по амбару, декан направился к столу, уселся и открыл приходную книгу. Бледный палец снова заскользил по столбцам. Я ждал, знакомая боль в груди нарастала с каждой медленно ползущей минутой.

Он наконец поднял глаза.

— Как ты наверняка знаешь, отец Ульффрид, между запасами в амбаре и записями в книге имеется значительное расхождение.

Я изо всех сил старался справиться с нарастающей паникой и говорить спокойно.

— Как я уже объяснял, шкуры...

— И ты, конечно же, можешь также объяснить отсутствие сена, овощей, бобов и прочих припасов, которые, похоже, исчезли. Что с ними случилось, отче — долгоносики, мыши, потоп, пожар? Наверное, всё сразу. Похоже, с тобой приключилось большое несчастье, — он помолчал, задумчиво поглаживая подбородок. — Однако, поскольку ты служишь Господу, мне, конечно, следует верить твоей приходной книге, тому, что в ней правдиво и точно перечислено всё полученное тобой для святой церкви.

У меня перехватило дыхание. Я надеялся, что он не ничего не услышал, но он улыбнулся — должно быть, прочёл облегчение на моём лице.

— Совершенно точно, — тихо повторил он. Значит, ты доставишь его преосвященству епископу четверть десятины, записанной в твоей приходной книге. И неважно, есть это в амбаре или нет.

Он умолк, а я ощутил, как улетучивается страх. Всё не так уж плохо. Я уже подсчитал — того, что у меня есть, хватит, чтобы отослать десятину в Норвич и наскрести на жизнь, только придётся исключить из расходов милостыню и ремонт церкви. Это нелегко, но возможно, а деревенские, конечно, заплатят положенное, когда смогут.

Но декан продолжал:

— Кроме того, четверть, предназначенную на поддержание церкви святого Михаила, ты пришлёшь лично мне. Я сам проверю записи в каждом счёте. Ты пришлёшь мне также и четверть из записанного в твоей книге, предназначенную для помощи нуждающимся и нищим в твоём приходе. Просто на хранение, а то, ты же знаешь, всё может достаться тем чёрным жучкам. У тебя есть месяц, чтобы всё доставить. И если окажется, что оставшаяся четверть, предназначенная для тебя, меньше четверти записанного в твоей приходной книге, пустой живот поможет тебе поразмыслить над более тщательным ведением учёта в будущем.

Должно быть, он увидел ужас на моём лице. Даже если отослать всё хранящееся в амбаре, этого вряд ли хватит, чтобы удовлетворить его требования. Где мне взять остальное?

Декан с минуту наблюдал за мной, потом, очевидно удовлетворённый тем, что я понял

смысл сказанного, зашагал к двери. Я поспешил за ним.

— Прошу вас, декан, — умолял я, — дайте мне хотя бы больше времени. Как я сказал, у нас были проблемы, сено поразила плесень. Это не...

— Я не дам тебе отсрочки, отец Ульфрид, но дам небольшой совет. Не забывай о своих обязанностях. Ты можешь заслужить признательность своих ленивых прихожан, позволяя им не платить налог и подать, но благосклонности епископа Салмона ты этим не заслужишь. Запомнив это, ты сможешь в будущем избежать гнева его преосвященства. Ещё одна ошибка, отец Ульфрид, только одна — и пустой желудок окажется самой лёгкой из твоих проблем.

Сентябрь. День сбора дьявольских орехов

Те, кто в этот день собирает орехи, отправятся прямо в ад или сойдут с ума. А незамужние девицы, собирающие в этот день орехи, пожнут урожай бастардов.

Перед рассветом я почувствовала, что оно шевелится. Я неподвижно лежала в постели, молясь, чтобы это оказалось просто ночным кошмаром, но знала, это не так. Все последние недели я пыталась убедить себя, что внутри ничего нет. Но оно есть. Оно живое и движется.

Я пошла вместе со всеми в церковь, на утреню, но молиться не могла. Я думала о существе, растущем в моём животе. У меня внутри жарко билось другое, не моё сердце, я его слышала, и наверное, его могут слышать другие.

«Aufer a nobis, quaesumus Domine, iniquitates nostras...» — «Молим, Господи, удали от нас зло и нечестие...»

Когда настоятельница Марта произнесла эти слова, я во второй раз ощутила трепет крыльев. Наверное, даже через мой живот оно слышало молитвы и сопротивлялось им. Я крепко прижала руки, боясь, что все увидят, как оно шевелится, но чем крепче давила, тем сильнее оно сопротивлялось, и я понимала, мне не убить его даже камнем. Оно било меня крыльями изнутри. Оно рвало мне внутренности. Вот так оно и выберется наружу — прогрызёт себе путь через мой живот. Внутри меня росло чудовище, его надо было уничтожить.

Оглянувшись, я увидела, что Целительница Марта смотрит на меня и хмурится. Я поспешила убрать руки с живота, сложила перед собой и сильно, до боли, сжала — чтобы не тряслись. Нельзя, чтобы она догадалась. Она увидит синяки у меня на животе, поймёт, что я пыталась его раздавить. И тогда меня запрут и свяжут руки, чтобы я не причинила ему вреда. Я оглянулась — лица у всех бегинок были хмурые, как будто они тоже знали. Они заставят меня его выносить. Заставят родить чудовище. Убивать нерождённого ребёнка — большой грех.

В тот день на лугу, когда собирали сено, Пега сказала: «Она может избавить от бородавок и много от чего ещё». Старая Гвенит, вот кто знает, как избавиться от этой твари. Кого же ещё просить? Кто ещё может мне помочь?

Сразу после утрени я выскользнула за ворота. Никто даже не спросил, куда это я собралась, все слишком заняты. Но куда мне идти? Пега говорила, старая Гвенит живёт далеко, за рекой, там, где долина сужается. Но я понятия не имела, где это. Дочери д'Акастера запрещалось бродить по округе. Мне оставалось только идти вдоль реки и молиться, чтобы как-то найти это место.

Я бежала, пока не добралась до брода, боялась, что меня окликнут, позовут обратно, помочь что-нибудь делать в бегинаже, или, ещё хуже, увяжутся со мной. Я пробиралась по скользким камням, ледяная вода плескалась вокруг лодыжек. Когда ноги захлюпали в промокших башмаках, я поняла, что перешла брод, забыв снять чулки и обувь.

Река огибала край леса. Я стояла на другом берегу, но всё же со страхом смотрела на густую чащу. Я знала, демон охотится на свою добычу только в темноте, но даже теперь, при свете дня, не чувствовала себя в безопасности, как будто он мог выскользнуть из тени меж камней или выпрыгнуть из облака. Я бежала по берегу изо всех сил, поскользываясь в промокшей насквозь обуви, пока полоска леса не осталась позади.

Не знаю, сколько прошло времени. Берег сузился и стал круче. Шум падающей воды слышался всё громче и громче, пока не заглушил остальные звуки. Я взбиралась по скользким глыбам на склон холма, обдирая руки и коленки, но медлить было нельзя. За

спиной грохотала по камням река, как будто хотела схватить меня и утащить за собой.

Сначала я увидела старуху, а потом и дом. Конечно, это её дом, кто ещё поселился бы так далеко от деревни? Старуха сидела на корточках спиной ко мне, вытягивая что-то между колен, на сторбленной спине болтался длинный тонкий хвост грязных седых волос.

Мои ноги ещё дрожали от подъёма в гору. Я наконец нашла её, и, оказывается, не знала, чего просить. Может, она и не делает такого. Пега говорила про бородавки и много чего ещё. Может, она вовсе не это имела в виду? Или, если именно это — а если старуха станет вырезать его из меня ножом? Господи, что же делать? Я попятилась.

— Что, девочка, нужно приворотное зелье? Старая Гвенит наклонилась, подобрала с земли палку и поднялась на ноги. В руках у неё болтался освежеванный заяц.

Во рту пересохло так, что я не могла говорить, только покачала головой.

Она поманила меня скрюченным, красным от крови пальцем. Кожа на её лице была коричневая, как головешка, а кости внутри, казалось, ссохлись до размера кошачьего черепа, и сморщенная кожа свисала, как старая кора. Я никогда не видела никого настолько старого.

— Подойди-ка поближе, глаза у меня уже не те.

— Я заблудилась... мне нужно...

— Значит, ты напрасно так высоко взобралась, — старуха рассмеялась резким, скрипучим смехом, сменившимся приступом кашля, и сплюнула бурую жидкость. Потом, тяжело дыша, вытерла рот тыльной стороной ладони. — Все, кто сюда приходит, говорят, что им ничего не нужно, но все чего-то хотят. — Она склонила голову набок. — Ещё одна из этих серых. Но на этот раз ты пришла ко мне, не к моей Гудрун.

Ещё одна? Значит, сюда приходила другая бегинка? Но кто пошёл бы сюда, может Пега? Что же ей было нужно?

Старуха медленно подошла ближе.

— Теперь я вижу, в чём дело. — Она смотрела на мой живот, и я поняла, что крепко нажимаю на него кулаками. Я опустила руки, но поздно.

Старая Гвенит всё смеялась, пока смех не перешёл в кашель.

— Боль на всю жизнь ради пяти минут удовольствия. Разве он стоил этого, девочка?

— Я отбивалась... — я поняла, что сболтнула лишнее. — Меня заставили...

— А, бывает и так. — Насмешка в её карих глазах сменилась сочувственным выражением. — Ты не первая и не последняя. Мужчины думают, что силой могут взять всё, что им нужно, но ничего хорошего так не получишь. Если яйцо разбить, из него не вылупится сокол, останется только грязь в руках. Подумай об этом, девочка. Он не забрал у тебя ничего стоящего.

— Это был не... — я чуть не сказала, что сделавший это со мной — не человек. И внутри меня не ребёнок, а чудовище. Но если старуха узнает, что со мной это сделал демон, она может побояться убивать его потомство, а должна убить. Никому другому не изгнать это из меня.

— Ты можешь... избавить меня от него?

— Ага, могу избавить от всего ненужного. — Она вытерла окровавленную руку о юбку и протянула её ладонью вверх. — А что ты мне принесла? Дар за дар.

— Но я ничего не захватила. Я не успела... не подумала...

Старуха пожала плечами.

— В этом мире ничто не даётся даром.

Она повернулась и поплелась назад, в свою хижину.

Неожиданно для самой себя я бросилась за ней.

— Прошу, подожди. Я принесу что-нибудь, что угодно, всё что захочешь. У меня есть деньги. Сделай это, и я вернусь и принесу, что ты хочешь. Обещаю. Прямо сразу принесу, но прошу тебя, сначала сделай это.

— Рыбка обещает хороший ужин, но пока она плавает в реке, у тебя в животе пусто. Принеси дар, девочка. Тогда сделаю, как ты просишь.

Я не могла вернуться назад с этим внутри. Я чувствовала, как оно растёт, пока я здесь стою. Мне хотелось разрезать ножом свой живот, чтобы вырвать его, но я знала, что не решусь это сделать.

— Нет, нет, пожалуйста, пусть это случится сейчас. Я больше и часа не проживу с этим внутри.

Она с интересом взглянула на меня.

— Ты так сильно его ненавидишь?

Я кивнула.

— Что это у тебя на груди?

Пошарив пальцами, я обнаружила маленькую острую булавку, должно быть, старуха заметила, как булавка блеснула на солнце.

— Кабан, символ Святой Османны.

Старуха нахмурилась, как будто это имя было ей незнакомо.

— Османна жила отшельницей в лесу, она дала приют дикому кабану, когда за ним гнались охотники. Так её и нашёл епископ — он охотился на кабана, и тот привёл его к Османне. Епископ увидел, что она приручила дикого зверя, обратил её в христианство и крестил.

Не знаю, зачем я это рассказывала, разве что хотела продолжить разговор и не дать ей уйти.

— Выходит, кабан не отплатил Османне добром, — старая Гвенит качала головой, словно не могла поверить. — И зачем же ты носишь этого кабана? Ты не приручила своего дикого зверя, иначе не пришла бы сюда.

— Моё имя — Османна. Меня назвали в её честь.

Старуха долго смотрела на меня, плотно сжав беззубые челюсти, рот казался щелью в складках тёмной сморщенной кожи.

— Значит, я возьму это в уплату, — она опять протянула руку.

Я медлила. Имя Османна я возненавидела почти так же, как и Агата, но этот знак был освящён. Без него я чувствовала себя голой, уязвимой. Я не могу оказаться беззащитной, только не здесь. Этот знак — единственное, что охраняет меня от демона. Я со страхом оглянулась на лес. Тощая, похожая на коготь рука всё тянулась ко мне. В третий раз за сегодняшний день я почувствовала, как бьются крылья в моём животе. Я сорвала с плаща серебристую брошь, не думая о рвущейся ткани.

Старая Гвенит ухватила моё запястье и потащила меня к хижине. Для таких хрупких на вид старых костей хватка у неё была удивительно крепкая. Прежде чем глаза привыкли к сумраку, я уже лежала на куче заплесневевшего папоротника, покрытой тряпками, а старуха стаскивала с меня юбку. Мне хотелось оттолкнуть её. Холодные руки с силой нажимали на живот, мяли, давили и толкали.

— Ты упустила время, девочка. Надо было прийти раньше.

Я вцепилась в её руку.

— Нет, прошу тебя! Ты должна это сделать. Избавь меня от него, сейчас же, — умоляла я.

— Хм, я не говорила, что этого сделать нельзя. Но теперь, когда ребёнок уже обрёл жизнь, будет гораздо тяжелее. Травы уже не помогут. Тебе будет больно.

— Пусть, неважно. Только изгони это.

Старуха рассмеялась.

— Легко сказать. Ладно, подожди.

Листья папоротника царапали голые бёдра. В очаге под кухонным горшком ещё тлели угли, светящиеся в полумраке алым, но в хижине было темно и сыро. Как она сказала — одними травами это не сделать? Что это значит? Что она ещё использует? Мне представлялись страшные картины с ножом, и я уже чуть было не встала, когда Гвенит вернулась.

Она толкнула меня обратно, на лежанку.

— Вот так, — и запихнула кусок тряпки мне в рот. — Кусай. Мне здесь не нужны крики. Они пугают Гудрун.

Тряпка воняла застарелым потом, и я ею чуть не подавилась, но мгновение спустя, когда холодные жёсткие пальцы рывком раздвинули мои окаменевшие ноги, я изо всех сил вцепилась в неё зубами. Гвенит опустилась на колени между моих бёдер, не давая сдвинуть ноги. Она склонилась надо мной, я чувствовала кислый запах её дыхания, вонь застарелой мочи от её юбки. В темноте я не могла видеть лица старой Гвенит, различала только блеск глаз, смотревших на меня сверху вниз.

Я ощутила, как внутри меня протискиваются костлявые пальцы, потом по бёдрам туда скользнуло что-то длинное и острое. Я понимала, что это деревяшка, но боль была — как от калёного железа. Я извивалась, пытаюсь вырваться, и старая Гвенит придавила мой живот свободной рукой. Она резко подалась вперёд, в моей голове словно взорвалась яркая белая вспышка. Потом она вытащила палку. Всё кончилось.

Старуха отбросила палку, помогла мне сесть. Я подтянула колени к подбородку и сжала ноги. Изнутри жгла боль. Рот пересох, я вытащила прилипшую мерзкую тряпку, и вместе с ней клочья кожи, по губам потекла кровь, я чувствовала её вкус.

— Это... оно вышло? — простонала я.

— Оно умерло. Терновник убил его, но оно ещё внутри.

— Нет, нет, — закричала я, — вытащи его.

Скользкая рука зажала мне рот.

— Тише! Я же велела не шуметь. Вот, держи. — Она сунула мне в руку узелок. — Это ягоды лаврового дерева. Запомни, их надо хорошенько разжёвывать, не просто глотать. От них начнётся сильное кровотечение, и мёртвый ребёнок выйдет вместе с кровью. Это будет нелегко для тебя, что-то вроде судорог.

Старуха резко подняла голову, прислушалась.

— Кто-то идёт. — Она стащила меня, заставила подняться и втолкнула за рваный занавес, отгораживающий угол хижины. — Сиди тихо, — прошипела она.

Я скрючилась на грязном полу и закусила кулак, чтобы не стонать от боли. Снаружи послышался мужской голос.

— Ну, мать, я слышал, ты послала свою паршивку присматривать за домом женщин.

— Что может мне рассказать бедная малышка Гудрун? — усмехнулась Гвенит.

— Знаю, ты можешь услышать, о чём говорят мёртвые кости. Уверен, можешь выпытать

всё и у немой девчонки. Скажи, мать, чего это ты так интересуешься домом женщин? Думаешь, они помогут тебе справиться с нами? Так что ли?

Я выглянула, отогнув край занавеса. Гвенит и этот мужчина стояли снаружи, прямо у порога. Он был намного выше дверного проёма, и я не могла увидеть его лицо, только длинный коричневый плащ Мастеров Совы.

— Боишься этих женщин, да? — с усмешкой спросила Гвенит.

Он фыркнул.

— Думаю, это ты боишься. Ты теперь единственная знахарка, после того как мы избавились от твоей дочери-ведьмы. Но те женщины не встанут на твою сторону. Они христианки и сделают так, чтобы тебя повесили первой.

— Может, и так. А может, нас связывает больше, чем разделяет, хоть они этого еще и не знают. В их предводительнице живет дух Черной Ану. Их не запугать, как деревенских. Не каждая женщина падает на колени при виде того, что болтается у тебя между ног.

— Ах ты, ведьма... — мужчина занес кулак, но в руках Гвенит сверкнул нож. Он охнул от боли, схватившись за руку.

— Ты меня порезала, злобная старая карга!

— Простите бедную старуху. Руки у меня трясутся, нож то и дело выскальзывает. На вашем месте я держалась бы подальше. Я такая неуклюжая старая развалина. Не удивлюсь, если случайно выколю кому-нибудь глаз, — ее нож все еще был направлен на него.

Он отступил на шаг.

— Было время, когда мы были на одной стороне, мать. И можем быть снова. Вместе мы победим церковь и вернем Улевик древним богам, которые правили долиной. Ты же знаешь, что беды на этой земле не прекратятся, пока не вернутся старые обычаи.

— Вместе? — мрачно усмехнулась Гвенит. — В тот час, когда пролил кровь ночной кошки, ты и на меня поднял руку.

— Думаешь, можно вернуть деревню к старым обычаям без крови?

— Бывает, что кровь для того и предназначена, чтобы пролить, но бывает и запретная, которой нельзя касаться. — Гвенит плюнула наземь. — Если ты пойдёшь той дорогой, к которой стремишься, заведёшь Улевик в такую тьму и разорение, откуда никому из вас не выбраться. — Она опустила нож, но по-прежнему не выпускала его из рук. — Перед праздником Майского дня ты провёл ночь в старом дубе, завернувшись в шкуру белого оленя. Ни один человек не смел сделать этого с тех самых пор, как моя бабка была ещё ребёнком, а последний рискнувший сошёл с ума, и его забрала река, ещё до рассвета. Чтобы выжить в той шкуре и рассказать об этом, нужна необыкновенная смелость, но одной смелости мало, чтобы устоять против него.

— Как ты узнала, мать?

— На человеке остается метка на всю жизнь. Думаешь, если пережил ужасы шкуры, то можешь повелевать им. Но им нельзя управлять, тем более с помощью одних лишь ваших умений. А наши я вам не предложу, так что поразмысли об этом. Вспомни, что вырезано над дверью церкви — Черная Ану, дева, мать и ведьма. Она была древней задолго до появления церкви. Она наша. Без нас у вас лишь половина могущества. Ты не сможешь им управлять. Не будь дураком, не выпускай в мир то, с чем не справишься.

— Твои умения! Знахарские фокусы — зелье, чтобы сжечь кишки какому-нибудь несчастному, заговор, насылающий понос на соседского телёнка или жабий камень, распознающий яд? Думаешь, пучок трав поможет с ним справиться? Железо, кровь и огонь

— вот что его удержит, и у меня они есть. Я Аод, всё это в моих руках.

Он склонился к старухе.

— Говоришь, мать, есть кровь, которую стоит пролить? Смотри, как бы она не оказалась твоей.

Я ненавидела ночи в лечебнице, стоны больных во сне, храп и постоянный раздражающий кашель, на который днем и внимания не обращаешь. Целительница Марта не могла находиться там круглосуточно, иначе сама оказалась бы пациенткой. Но кто-то всегда должен был дежурить ночью, чтобы подать горшок тому, кто не в силах встать, или питьё при лихорадке. Всем нам по очереди приходилось там сидеть — кроме Март с их особыми обязанностями, конечно — нам, простым бегинкам, у которых не было собственных владений.

Я как раз закончила обихаживать больную старуху, когда дверь распахнулась и вошла Целительница Марта, сгибающаяся под тяжестью Османны, повисшей на её плече, скрючившись от боли. С другой стороны Османну поддерживала малышка Кэтрин, бледная от страха.

— Быстро неси лампу, Беатрис, — приказала Целительница Марта. Они с Кэтрин подтащили Османну к кровати в дальнем углу.

Когда я вернулась с лампой, Османна лежала на боку, поджав ноги, но даже в такой позе я увидела, что всё платье пропитано тёмно-красной кровью. Видимо, её опять схватила боль — она крепко прикусила кулак и закрыла глаза.

— Иди спать, Кэтрин, — сказала Целительница Марта, — мы позаботимся о ней.

Кэтрин застыла на месте, испуганно глядя на Османну.

— Она не...

Целительница Марта обняла Кэтрин и подвела к двери.

— Хорошо, что ты помогла привести её, Кэтрин, но теперь постарайся не мешать.

— Она не велела... но я... столько крови... — Кэтрин посмотрела через плечо Целительницы Марты. Похоже было, что сейчас её стошнит.

— Ты всё правильно сделала. А теперь иди, поспи немного. Целительница Марта мягко подтолкнула Кэтрин наружу, в тёмный двор, и плотно захлопнула за ней дверь.

Она вернулась к кровати и попыталась выпрямить ноги Османны, но та снова сжималась и яростно трясла головой.

— Это просто спазмы... месячные.

— Бедняжка, — я погладила мокрые от пота волосы. — Никогда не видела, чтобы от месячных было так плохо. Должно быть, это лихорадка или малокровие. Ты в последние недели почти ничего не ела. Всё эти никчёмные книги...

— Да, спасибо, Беатрис, — отодвинула меня Целительница Марта, — может, пойдёшь посмотришь, не надо ли отвести Хильду обратно в постель? — она кивнула в сторону старухи, которая брела в нашу сторону, явно заинтересованная тем, что здесь происходит.

Кровать, где лежала Османна, как и все остальные в лечебнице, с трёх сторон огорожена довольно высокими деревянными панелями, так что через них трудно заглянуть, и когда я отвела ту женщину в постель, Целительница Марта разместилась с единственной свободной стороны, закрывая Османну от чужих взглядов. Каждый раз, как я подходила ближе, Целительница Марта посылала меня за чем-нибудь — тряпкой, водой или настойкой от боли. Но я слышала стоны Османны и успевала заметить, как её спина изгибается и снова расслабляется, когда боль слабеет.

И тут меня осенило. Я сама испытала такую боль, не раз и не два, а целых семь раз, и

очень хорошо знала, что это означает. Османна потеряла ребёнка. Но как такое возможно? Она сама ещё ребёнок, да и как можно забеременеть в бегинаже? Она никуда не выходила, только если заставляли, и всегда с группой бегинок. Если она носила ребенка — значит, уже пришла к нам с ним. Может, потому отец и отослал её сюда?

Я стояла за деревянной панелью кровати, в тени, когда Целительница Марта заговорила — тихо, чтобы не слышали другие пациенты.

— Османна, почему же ты не пришла ко мне? Думала, мы тебя выгоним, если узнаем? И поэтому решила избавиться от ребёнка?

Сердце у меня упало, я пошатнулась и чуть не ударилась о боковину кровати. Так это не выкидыш. Эта девушка сама пыталась убить своего ребёнка.

— Я не... так получилось, — выдохнула Османна. — Я не могла...

Целительница Марта ещё ниже склонилась над кроватью.

— Послушай, дитя. Я тебя не осуждаю. Если тут и есть грех, то наш. Нам надо было объяснить, что мы никогда тебя не прогоним. Ведь бегинаж — это убежище. К нам в «Виноградник» в Брюгге приходило много женщин, у которых дети не от мужей, или вовсе без мужа. И мы помогали им и растили их детей. Они боялись так же, как ты, и поступили бы так же, если бы им не к кому было обратиться.

— Вы не понимаете, я не... — всхлипнула Османна.

— Дитя, я уже почти пятьдесят лет врач, и понимаю, когда плод теряют непроизвольно и когда это делается умышленно. Я не стану спрашивать, кто это с тобой сделал, надеюсь, это произошло вне наших стен, но ты должна рассказать обо всем, иначе я не смогу тебе помочь. Если не расскажешь, ты можешь лишиться и собственной жизни, поверь.

Османна снова застонала, изогнулась от боли так, что заскрипела кровать, но теперь мне её не было жалко. Пусть мучается, она заслужила.

— Целительница Марта, понимаете, я не смогла бы... не смогла... это не как с теми женщинами... Мне нельзя было это родить. Его надо было изгнать из меня. Это не человеческий ребёнок... Это было чудовище, демон... Он рос во мне. И никто не мог мне помочь... Мне так жаль, так жаль...

— Ну, тише, что сделано, то сделано, — мягко сказала Целительница Марта. Вижу, тебя проткнули чем-то острым, но больше ничего в тебя не попало? Травы или камень? Тебе давали пить какое-нибудь зелье? Никто тебя не осуждает, но ты должна точно рассказать, что случилось.

Я отшатнулась и бросилась прочь из лечебницы, не беспокоясь о хлопнувшей двери. Мне всё равно, если кто-то проснётся, только бы находиться от неё подальше.

Не винить её? Как я могла её не винить? Убивать собственного ребёнка в чреве, что за женщина способна на такое? Разве она не знала, как трудно зачать? Не знала, какое это чудо, не знала, что многие женщины готовы все отдать, лишь бы иметь ребенка? Ребенка, которого ты выносила и родила, крошечную хрупкую жизнь, которую никто у тебя не отнимет.

Я хотела только этого — своего собственного ребёнка. Дети есть у сотен и тысяч женщин, и часто не один или двое, а пятеро, семеро, даже дюжина. А я мечтала об одном, это не так уж много. И вот, Османна отбрасывает мою мечту как ненужную тряпку. Она могла бы отдать его мне. Если она не хотела ребёнка, я бы с радостью забрала его и любила бы больше всех на свете. Она убила ребёнка, который мог бы быть моим. Она убила моё дитя.

Я шумно ворвалась в комнату, которую делила с Пегой, и та заворочалась в кровати.

— Какого чёрта... Это ты, Беатрис?

— Не спишь? — спросила я.

Она что-то проворчала в ответ.

— Ты знаешь, что сделала Османна? Что эта шлюха... — я металась по тесной комнатухе.

— Господи, Беатрис. Сейчас ночь! Прекращай тут топтаться и ложись спать. — Пега натянула на голову одеяло.

Я села на край своей кровати и почти сразу же вскочила — я была слишком зла, чтобы успокоиться.

Пега с усилием поднялась и села в постели, планки кровати протестующе закрипели.

— Ну, в чём дело? — проворчала она. — Можешь рассказывать, зачем разбудила. Ты же всё равно не дашь мне спать.

Я снова села, на этот раз в ногах её кровати, и принялась рассказывать, останавливаясь, чтобы перевести дыхание. Она ничего не сказала, когда я закончила, и на минуту мне показалось, что Пега опять уснула. Огонь в очаге почти погас, я с трудом различала её лицо.

— Ну, что скажешь? — не выдержала я.

— А как девочка, с ней всё хорошо? — серьёзно спросила Пега.

— Что? Да какая разница? Ты что, не слышала? Она же убила своего ребёнка.

— Слышала, — вздохнула Пега. — Бедная малышка. Должно быть, перепугана до смерти.

— Ты не возмущена?

— С чего бы? Многим женщинам приходилось делать такое, и всем это далось непросто. Они прекрасно знали, что могут умереть. А если выживут, то боятся, что их повесят, если все откроется. Мне жаль любую женщину, вынужденную пойти на такое. И только подумай, Османна молчала все это время! Теперь мы знаем, что ее тревожило.

Реакция Пеги меня поразила. Я думала, она будет разгневана, как и я.

— Ты говоришь о дочери лорда д'Акастера, Пега. Забыла, что ее семья сделала с тобой? Эта маленькая паршивка ничуть не лучше своего отца, даже хуже, намного хуже.

Она не успела ничего сказать: в дверь тихонько постучали. Я открыла, и в комнату заглянула Целительница Марта.

— Так и знала, что ты здесь, Беатрис. — Она осторожно вошла в комнату, тронула край моей кровати. — Можно мне присесть?

Я не ответила, и она села, приняв это за согласие. Она тяжело дышала. Я слышала только её хриплое дыхание и яростное биение собственного сердца. Если Целительница Марта хотела от меня извинений за шумный уход — ей придётся долго ждать.

— Беатрис, я пришла попросить тебя вернуться в лечебницу, — наконец произнесла Целительница Марта. — Нужно присмотреть за ними остаток ночи...

— Я пойду, — вмешалась Пега, — все равно теперь не засну.

Я чувствовала, как обе смотрят на меня, и знала, что Целительница Марта ждет моего согласия, но я не могла туда вернуться. Я не могла находиться в одной комнате с этой девчонкой. Они не имели права этого требовать.

— Спасибо, Пега, — Целительница Марта с трудом поднялась с кровати.

Пега ещё раз быстро взглянула на меня, поспешно встала и принялась натягивать юбку поверх ночной рубашки.

— А как Османна... она поправится?

— Беатрис рассказала тебе...

— Что Османна потеряла ребенка. Это нелегко для женщины.

— Да. Ей было очень плохо, и все еще не закончилось. Теперь, когда ребенок вышел, я сумела уменьшить кровотечение, но не остановить. Меня больше беспокоит опасность нагноения. Если в теле начинается заражение, его трудно остановить. Я сделаю всё, что смогу, но прошу ваших молитв в помощь моим трудам и её исцелению.

Я не могла поверить собственным ушам.

— Ты ждешь, что мы будем молиться за нее?! Она заслужила всё, что с ней произошло, и даже больше.

Лица Целительницы Марты в темноте было не разглядеть, я лишь видела, что она покачала головой.

— Это мы ее подвели. Мы не должны осуждать женщину за то, как она поступила от отчаяния. Наша вина в том, что Османна не чувствовала себя в безопасности и не могла признаться и позволить нам помочь ей.

Я вскочила.

— Она хладнокровно убила ребенка. Невинное дитя. Ее нужно повесить. После того что она сделала, ты должна дать ей истечь кровью до смерти.

Пега схватила меня за плечо и грубо толкнула обратно на кровать. Наверное, ей показалось, что я сейчас ударю Целительницу Марту. Может, так и было — мне хотелось расколотить что-нибудь. Я не могла поверить, что они обе ее защищают.

— Она просто напуганная девочка, — мягко сказала Целительница Марта. — Мы могли сделать то же самое в ее возрасте.

— То, что она сделала, ужасно... это зло! Я никогда бы так не поступила. Я отдала бы жизнь за своего ребенка, в любом возрасте.

— Я знаю, Беатрис, — сказала она еще тише. — Но если это можно считать утешением, ребенок Османны все равно бы не выжил. Он... — она поколебалась, прижав руку ко рту. Пальцы белели в темноте. Наконец, она взяла себя в руки, тяжело сглотнув.

— Никогда не видела, чтобы плод был так деформирован. Поверь моим словам, порой лучше малышу не рождаться, люди никогда не будут добры к такому ребенку.

Целительница Марта устало поплелась к двери и остановилась, уже взявшись за щеколду.

— Я никому не могу запретить обсуждать это с другими бегинками, но если в вас есть хоть капля сострадания, вы не станете болтать о том, что случилось ночью. Я виновата больше, чем кто-либо. Может, Марты в Брюгге были правы, и я слишком стара для того, чтобы быть лекарем. Я должна была догадаться обо всем в тот день, когда она здесь появилась, по синякам на лице, царапинам и ее страху. Я была слепа. Даже сейчас Османна не хочет говорить об этом, но я уверена, ее взяли силой. Она страдала больше, чем мы можем себе представить.

— Ты скажешь Настоятельнице Марте? — язвительно спросила я. — Османна её любимица, разве она не должна знать?

Целительница Марта задрала подбородок.

— Нет, Беатрис, ей нет нужды знать. Я скажу только, что Османна больна. Настоятельница Марта обвинит во всем себя, а истинные друзья не добавляют ношу тому, кто и так уже нагружен.

Октябрь. День святого Уилфрида

Уилфрид, рождённый в Нортумбрии и обучавшийся в Линдисфарне, призвал королеву Этельдреду оставить мужа, короля Эгфрида, чтобы стать монахиней. Король изгнал Уилфрида, и тот отправился проповедовать язычникам. Уилфриду посвящены сорок восемь древних английских церквей.

Женщины медленно расходились по своим делам, стараясь не встречаться друг с другом глазами, будто боялись, что с ними заговорят. Они осторожно пробирались между заледенелыми лужами, не поднимая глаз от мерзлой земли. Их дыхание тянулось следом, будто белая вуаль. Каждая с опаской взглянула на окно, у которого я стояла, и тут же отвела взгляд. Они боялись не меня, а этой комнаты. Андреа лежала тихо, но это расстраивало бегинок даже больше, чем ее крики.

Сосульки свисали с оконных створок, поблёскивали на каждой ветке. Даже луна, не закрытая облаками, казалась неподвижной, как будто примёрзла к небу. Ещё только октябрь, не должно быть так холодно. Заморозки пришли слишком рано, перепутав времена года.

Ещё не рассвело. Позади меня на стуле, прислонившись к изножию кровати Андреа и положив руки под голову, дремала Целительница Марта. Огонь угасал, последнее полено уже прогорело, превратившись в серый пепел. Он почти не грел, но я боялась ворошить угли, чтобы не разбудить Целительницу Марту. Лицо у неё было бледное, измученное, и я боялась, что без отдыха она тоже сляжет. И если я сяду, то тоже усну. Мой разум заоченел от усталости, как и тело.

Андреа серьезно заболела почти неделю назад, она сгорала в лихорадке. Мы решили пустить ей кровь, но кровь была бледной, как будто разбавленной водой. Андреа не могла глотать лекарства, а мази, которыми натирала её Целительница Марта, не помогали.

Первые три дня отшельница страдала, как на пыточном ложе. Руки и ноги изгибались, она царапалась и ужасно кричала в бреду. Андреа казалось, что её атакуют демоны, колют ножами руки и ноги, льют в раны расплавленный воск, издеваются над ней, предлагая навоз на золотых церковных дисках [\[16\]](#) и мочу в серебряных кубках. Она плакала от того, что инкубы хватают её за руки и голый вовлекают в свой непристойный танец. И хотя Андреа ни разу не поднялась с постели, её руки и ноги дёргались и трепетали, как будто она скакала и кружилась вместе с ними. С её губ слетали такие кошмарные крики, такой ужас стоял в широко открытых глазах, что даже самый закоренелый безбожник, лишь мельком увидев на её лице разверстую перед ним бездну чистилища, упал бы на колени и каялся до конца своих дней.

Целительница Марта и я постоянно ухаживали за ней, только изредка покидая комнату ради служб в церкви. Нельзя было допускать, чтобы другие бегинки видели агонию Андреа, слышали, как она бормочет эти мерзкие слова. Но как бы я не уставала, когда мне удавалось ненадолго уснуть, крики и визг проникали в мой сон, и я была рада проснуться. Эти мучительные вопли преследовали нас даже в церкви, прорываясь через молитвы и пение псалмов. Я просила женщин по очереди молиться за неё, так что в церкви постоянно, не прерываясь ни днём ни ночью, возносились моления за её душу. Но женщин и не надо было принуждать к молитве — по их испуганным лицам я видела, что мысли всех обитателей бегинажа сосредоточены на страданиях Андреа.

Потом, на четвёртый день перед рассветом, она внезапно затихла. Я открыла ставни и в сером утреннем свете увидела, что глаза Андреа закрыты. Её кожа под моими пальцами была ледяной. Я решила, что ее дух покинул тело, была уверена в этом. Я подошла к двери и тихонько позвала Целительницу Марту. Она быстро подошла и склонилась над Андреа, потом положила пёрышко поверх ее губ, и оно слегка пошевелилось. Она еще дышала, пусть

и едва различимо.

Следующие три дня она лежала, как мёртвая — безвольное неподвижное тело, сомкнутые синеватые веки. Комнату заполнил ужасный холод, пугавший нас больше, чем дикие вопли. Мы так стойко молились о прекращении адских криков, но дрогнули перед этим осязаемым молчанием, исходившим из её кельи и как будто заполнившим каждый уголок бегинача.

Через внутренний двор переваливаясь заковыляла Кухарка Марта с дымящейся миской в руках. За ней семенила Кэтрин, бережно держа другую миску.

Кухарка Марта улыбнулась мне.

— Вот, я принесла вам с Целительницей Мартой хороший горячий суп. Не стой, Кэтрин, неси, пока не остыло. Обещай, что вы это съедите пока горячее, у вас уже который день, считай, и маковой росинки во рту не было. Ну, как она?

Я ожидала ее вопроса. Ради этого Кухарка Марта и покинула свою тёплую кухню, а не прислала кого-нибудь из девочек.

— Она успокоилась, нужно благодарить Бога, ответившего на наши молитвы, он изгнал мучивших её демонов. Ты передашь это всем, Кухарка Марта? Скажи, пусть возносят благодарственные молитвы.

— Мне кажется, Андреа не спит, — тихо сказала Целительница Марта.

Я прикрыла дверь за Кухаркой Мартой и поспешила к кровати Андреа. Руки её были широко раскинуты, глаза открыты, но она не видела нас. Я оглянулась в направлении ее взгляда. Кроме простой побеленной стены смотреть там не на что.

— Смотри... даже на кресте мой Господь, — прохрипела Андреа, — как любящая мать... предлагает Он мне свою благословенную грудь. Он поит меня... из своих святых ран. Его сладкая кровь наполняет мой рот. Он — моя нежная мать, моя дева... Я во чреве его.

Она приподнялась на кровати, протягивая руки. Опухшие потрескавшиеся губы изогнулись в подобии улыбки. Внезапно она обернулась ко мне. Кажется, впервые за много дней она заметила и узнала меня. Она схватила меня за руку и потянула к себе.

— Дай мне Его плоть. Мне нужно... Я должна в последний раз принять Его тело.

Целительница Марта легко коснулась моей руки.

— Остайся с ней. Я принесу причастие.

Она выскользнула из комнаты, закрыв за собой дверь, прежде чем я успела ответить. Мне пришлось рассказать Целительнице Марте о ночном визите францисканца, тайно принёсшего гостию. Несколько дней мы провели вместе, заточёнными в келье Андреа, так что я не могла скрыть это от Целительницы Марты. Неделями я несла это бремя одна, и теперь, признавшись, почувствовала облегчение. В душе я знала, что Целительница Марта меня поймёт, но ждала, что сначала она будет удивлена и испугана. Однако она просто кивнула в ответ, как будто давно всё знала.

Я с трудом опустилась на колени перед кроватью.

— Исповедайся, Андреа. — Но я так не хотела этого слышать. И почему-то я опустилась на колени, как будто исповедь принимали у меня.

Она притянула меня ближе, от кислого холодного дыхания мурашки ползли по коже. Злясь на себя за это отвращение, я наклонилась так, что её губы коснулись моей щеки. Андреа шептала слова исповеди, но я не могла их понять, голова кружилась от усталости. Она призналась в давних грехах пренебрежения и слабости, в которых сотни раз каялась прежде, и тут же заговорила о непристойностях с демонами и скотом, как будто не отличала

воображаемых болезненных иллюзий от того, что на самом деле совершала. А может, это одно и то же.

Что, если её дух уже далеко от лежащего здесь тела? Чьи тогда это грехи? Духи ведь способны улетать и делать зло, даже когда тело сковано цепями. Но если Бог не в силах защитить от демонов тьмы даже благословенную душу Андреа, чего же ждать нам?

— Ego te absolvo a peccatis tuis in nomine Patris. Отпускаю твои грехи во имя Отца...

Я отпустила ей грехи, не понимая в чем они заключаются.

Целительница Марта принесла под плащом маленькую шкатулку и открыла крышку. Внутри лежало тело Христово, четыре кружочка белого хлеба, отмеченные знаком креста с переплетёнными эмблемами страданий Господа — бич, молот, копье и терновый венец.

Я благоговейно взяла одну облатку, а Целительница Марта опустилась на колени, не сводя глаз с тела Христово в моих руках. В глазах у неё мелькнула усталость, потом лицо снова стало спокойным.

Я обратилась к Андреа, произнося благословение, а она изо всех сил потянулась ко мне. Я положила причастие на распухший язык, но Андреа трудно было проглотить даже такую малость. Она откинулась назад и глубоко вздохнула.

Целительница Марта нашла в своей суме маленький флакончик масла и протянула мне.

— Пора. Она очень близка к концу.

Я отдернула руку, как от огня.

— Нет. Я не могу. Не надо.

— Ты против своей воли взялась ее соборовать. Теперь ты должна закончить начатое.

На меня словно лег груз этих слов. Воздух в комнате вдруг стал тяжелым, сгустился, как дым, стало трудно дышать. Я взяла на себя ответственность за её бессмертную душу и втянула в это Целительницу Марту. Я слышала исповедь отшельницы. Но что станет теперь с моей душой?

Я встала между её душой и Богом. Я отпускала её грехи. «...что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе». Но епископ не возлагал на меня руки для благословения, и церковь не окутывала меня своим покровом. У меня нет ни власти, ни защиты.

Целительница Марта смотрела на меня, ожидая, что сейчас я отпущу эту светлую душу к Богу. Но Андреа — не прокаженный, не гулящая девка, умирающая в родах, благодарные за любое мое благословение, лишь бы сократить свои дни в чистилище. Я не смела вмешиваться в такую чистую жизнь, такое таинство.

— Пошли за отцом Ульффридом, быстро.

Но Целительница Марта не двинулась с места. Может, я сказала слишком тихо? Мы молча смотрели друг на друга, а потом она просто сжала мою руку. Кожа у неё была горячая.

— Настоятельница Марта, ты же знаешь, мы сейчас не можем послать за священником. Если он спросит, когда она в последний раз причащалась... если узнает, что ты сделала, тебя арестуют. И кроме того...

Мы обе знали, что будет, когда это откроется — тюрьма, пытки, смерть. И не только для меня — я сделала виновной и Целительницу Марту, покрывавшую моё преступление. Назад пути нет, и нельзя отменить совершенное. Я, как вор, захватила то, что принадлежит только священнику, и вернуть это, как дичь, украденную из угодий короля, не лишившись жизни невозможно.

Целительница Марта снова протянула мне флакон. И на этот раз я взяла его у неё из рук

и помазала тело Андреа, её грудь, руки и ноги.

Андреа внезапно вскрикнула и стала давиться, и я бросилась подставлять миску под её подбородок. Из рта потекла алая кровь и чёрная желчь. Андреа откинулась назад, тело изогнулось, голова безвольно упала. Целительнице Марте незачем было говорить мне, что всё кончено. Мы обе опустились на колени для молитвы.

Целительница Марта первой поднялась на ноги и начала приводить в порядок тело. Я попыталась помочь, но она мягко отстранила меня.

— Оставь это. Сейчас твоё место с остальными женщинами. Расскажи им, как она ушла, они ждут. И нужно подготовить для неё место в церкви. Попроси кого-нибудь помочь мне ее уложить. Я подожду. — Она вытерла рот Андреа пучком соломы, бросила солому в наполненную кровью миску. — Скажи, пусть принесут воды для омовения и ароматических трав. Пега уже помогала мне с этим раньше, она знает, что принести.

Я знала, мне нужно тщательно выбирать слова, чтобы женщины радовались уходу отшельницы в иной мир и в беги́наже не было печали и скорби. Мы будем благодарить за то, что чистая душа Андреа освободилась от груза плоти и ушла к благословенному свету. Да, так я и скажу им.

Я взяла миску из рук Целительницы Марты.

— Лучше избавиться от этого, пока не пришли остальные. Им незачем это видеть.

Я опрокинула миску в огонь. Пламя зашипело и вспыхнуло снова. Миску я начисто вытерла соломой, которую тоже бросила в очаг. Я не дам никому впасть в грех отчаяния. Нельзя горевать о том, кто ушёл прямо в руки Господа. Мой долг — не допустить этого.

— А когда поговоришь с женщинами, Настоятельница Марта, тебе нужно пойти поспать.

Я покачала головой.

— Я много дней пренебрегала своими обязанностями, и сейчас слишком много дел. Ночью отдохну.

— Дела ждали много дней, подождут ещё несколько часов. Глаза у тебя красные, и ты шатаешься, как старый паралитик. — Целительница Марта погрозила мне пальцем. — Иди спать, девочка.

Не знаю, сколько я проспала. Меня разбудил шум голосов за окном. Я услышала топот бегущих ног, крики стали громче. Я выпрыгнула из постели и бросилась во двор. Похоже, там столпились все женщины беги́нажа. Они что-то взволнованно обсуждали, поплотнее запахиваясь в плащи от холода.

Я прикрыла глаза, щурясь от яркого дневного света. Я ещё не пришла в себя от внезапного пробуждения, но ясно было — что-то не так.

Малышка Кэтрин заметила меня и бросилась вперёд, расталкивая толпу.

— Настоятельница Марта, смотри, чудо! Чудо!

Она указала на серебряную тарелку, которую благоговейно держала в руках Учительница Марта. На тарелке лежало что-то маленькое, слегка обгоревшее.

Я присмотрелась поближе. Внутри всё сжалось от ледянящего ужаса. На тарелке лежала маленькая облатка, почерневшая, но с хорошо различимой печатью — гостия из принесённых монахом-францисканцем.

— Откуда это у вас? — спросила я.

— Мы выгребали очаг в комнате Андреа, и это лежало в золе, — возбуждённо выпалила Кэтрин.

— Это гостия, которую приняла в тот день Андреа, — взволнованно сказала Учительница Марта, сжимая тарелку, как будто боялась, что та вырвется из рук. — Её вырвало, когда она испустила дух, и это бросили в огонь, но Бог сохранил для нас освящённую облатку. Всё остальное сгорело, а Его тела пламя не посмело коснуться.

— Это чудо, чудо, — доносилось из толпы.

Дрожа от страха, я всматривалась в толпу, пытаюсь найти Целительницу Марту. Должно быть, она сказала Учительнице Марте, что случилось. Никто больше не входил к Андреа, никто не мог знать о гостии. Я не могла поверить, что Целительница Марта предала меня. Она знала, как это опасно. Она предупреждала меня на этом самом месте. И я верила Целительнице Марте как никому другому, я могла бы доверить ей свою жизнь.

— Настоятельница Марта.

Я обернулась на голос — Целительница Марта тронула меня за локоть.

— Что ты им сказала? Как ты могла...

— Всем, кто знал отшельницу, известно, что её поддерживала гостия, — тихо сказала Целительница Марта, сжимая мою руку. — И в бегинаже нет ни одной женщины, не знавшей о тайных визитах францисканца. Ты же не глупа, Настоятельница Марта. Ты и вправду думала, будто они не догадаются, что к чему? Мне незачем объяснять им, зачем он приходил. Они с самого начала знали, что монах приносил гостию для Андреа.

Целительница Марта задержала на мне взгляд, как будто хотела, чтобы я поняла что-то важное. И я сообразила, что Учительница Марта не упомянула меня, когда говорила о чуде. Она рассказывала мне так, словно я и не знала, что Андреа вырвало. Похоже, она считала, что это не я, а монах совершал последние обряды над Андреа.

— Бегинки хранили тайну визитов францисканца, — продолжала Целительница Марта. — Но если они догадались, зачем он приходил, могли догадаться и другие, в этом и опасность. — Она кивнула в сторону лечебницы.

Я глубоко вздохнула, пытаюсь собраться с мыслями. Руки дрожали, пришлось покрепче сцепить их за спиной. Я подняла голову и посмотрела на толпу бегинок — они затихли, ожидая моих слов. Я заговорила, осторожно подбирая слова.

— То, что сохранилась облатка, упавшая с чистых губ Андреа, это настоящее чудо. Это знак, что мы в безопасности в этих стенах. Бог благословил Андреа, и нам нужно просить у него сил следовать её примеру. Мы найдём подходящий ковчег, чтобы сохранить эту реликвию. Но я настоятельно требую не обсуждать случившееся с посторонними, пока Бог не укажет нам иного. Постарайтесь, чтобы эта история не вышла за пределы бегинажа, иначе францисканец подвергнется смертельной опасности, поскольку монахам запрещено отправление таинств. Кроме того, найдутся и те, кто позавидует нашей реликвии и захочет отобрать её.

На самом деле я боялась вовсе не кражи, но не смела рассказать о реальной опасности. Я просто понадеялась, что страх потерять реликвию заставит их молчать о ней.

— Ну, а теперь — за дело. Осмелюсь напомнить, у всех вас есть обязанности. Учительница Марта, отнеси облатку в часовню и проследи, чтобы ее заперли. А ключи принеси мне.

Жещины минуту стояли молча, потом стали потихоньку, группами, расходиться, тихо перешёптываясь, и наконец мы с Целительницей Мартой остались вдвоём. Мне неловко было смотреть ей в глаза.

— Ты сказала им, что Андреа получала гостию. Больше ты им точно ничего не

говорила?

Целительница Марта вздохнула.

— Ты ещё спрашиваешь — после стольких лет. Ты и вправду думаешь, что я могла бы тебя предать? Я только подтвердила то, что они и так уже знали. А про тебя им неизвестно, хотя подозреваю, Привратница Марта обо всём догадалась. Она знает, что монах не входил в наши ворота.

— И Привратница Марта знает! — ужаснулась я. — Неужели ты думаешь, что она станет держать это при себе?

— Она понимает, как это опасно. Может, она и сплетничает по пустякам, но не об этом. — Целительница Марта подышала на руки, чтобы согреть их. — В тебе так много хорошего, подруга, только зря ты не веришь, что другие могут быть так же умны и преданны делу, как и ты. Ты многого требуешь от себя, но мало чего ждёшь от других сестёр. Научись доверять другим — это единственный способ заслужить их любовь и преданность. Иначе тебе достанется только чувство долга.

— Зато ты уж очень доверчива, — огрызнулась я. — Ты сказала, слух о монахе уже мог дойти до лечебницы. Сколько дней пройдёт, прежде чем о нашем чуде узнает вся деревня?

Она поморщилась.

— Я и не говорила, что чудо надолго останется тайной.

— И что тогда?

— Кто знает? Может, чудо привлечёт к нам удачу, а может, несчастье. Я знаю одно — рядом с чудом никогда не бывает мира и покоя.

Октябрь. День святой Фридсвид

Принцесса из Уэссекса, чей жених, король Мерсии Эльфгар, внезапно ослеп, добиваясь её. Она горячо молилась святой Маргарет, и её слёзы исцелили короля.

— Османна, принеси побольше воды. Нужно ошпарить скворцов на ужин. — Беатрис швырнула мне под ноги два тяжёлых кожаных ведра, я едва успела отскочить.

— Давай я схожу, — Кэтрин прыгнула с кухонной скамейки. — Целительница Марта говорила, Османне нельзя носить тяжести, она может снова заболеть. Кэтрин знала, я ненавижу приближаться к колодцу.

— Больше месяца назад. Теперь она вполне может принести немного воды, — ответила Беатрис, как будто меня там и не было. — Если бы можно было ей доверить ощипать скворцов так, чтобы половины перьев не осталось — я бы и сама за водой ходила. Только она не умеет.

Теперь Беатрис обращалась ко мне только для того, чтобы поручить самую грязную и нудную работу. Думаю, она ночей не спит, выдумывает мне работу похуже. Я подобрала ведра. Кэтрин бросила на меня встревоженный взгляд, и я попыталась успокаивающе улыбнуться. Беатрис притворилась поглощенной ощипыванием маленьких птичек.

С той ночи, когда я наконец избавилась от мёртвой твари, Беатрис не пыталась скрывать ко мне отвращения. Целительница Марта не рассказывала другим бегинкам о случившемся, даже Настоятельнице Марте. Она сказала, что у меня был кровавый понос. Но я уверена, Беатрис обо всём знает.

Однажды ночью, засыпая в лечебнице, я почувствовала, как кто-то склонился надо мной, и услышала тихий голос: «Люди могут простить тебя, Османна, но Бог не простит. Тебе нет прощения за убийство собственного ребёнка». Когда я открыла глаза, рядом никого не было, но знаю, что слышала голос Беатрис. А если Беатрис узнала, я уверена, она сказала Пеге. Беатрис рассказывает ей всё. Пегу я боялась больше — Беатрис хоть и злая, но не особенно умна. А у Пегги острый язык.

Но когда я вышла из лечебницы и столкнулась во дворе с Пегой, она только спросила:

— Ну, тебе уже лучше, Османна?

Я кивнула. Это было почти правдой. Боль в животе уже прошла, в дневное время я забывала о ней, но вспоминала ночью. Иногда я просто боялась спать, каждую ночь эта тварь возвращалась в мои сны. Во сне оно всё ещё находилось во мне, и когти разрывали меня изнутри. Я видела покрасневшие глаза старой Гвенит, чувствовала дикую слепящую боль от того, что она снова выдёргивает из меня ту ветку. Я видела что-то в её грязных руках, но это была не ветка. Она держала перед моим лицом крошечного чёрного извивающегося демона с кожистыми крыльями и крючковатым клювом. Клюв щёлкал, приближался к моему лицу, а я не могла пошевелиться. Я кричала и просыпалась от собственного крика.

Неожиданно Пегга дотронулась до моего плеча. Я отшатнулась, испугавшись какой-нибудь жестокой шутки с её стороны. Но на её лице было странное выражение, почти... не знаю... почти сочувствующее.

— Береги себя, — сказала Пегга и ушла. Может, Беатрис и не говорила ей обо мне.

Я вышла из тёплой кухни и поплелась через двор. После полудня стало облачно и теплее, чем в день смерти Андреа, но ветер дул резкий и сырой. Колодец размещался в уголке двора. Я подняла деревянную крышку и заглянула внутрь. По стенкам, покрытым зелёной слизью, в тёмную глубину стекали капли воды. Каждая капля отдавалась эхом, как удар сердца в огромной груди. Колодец никогда не молчал. Иногда в нём мелькал лучик

света, осколок серебра в чёрной воде, как новая луна в ночном небе другого мира, лежащего там, внизу. А иногда — ничего, только темнота в глубине, казавшаяся всё ближе, когда я смотрела внутрь.

Как яблоко круглый и с чашку всего глубиной,

Но вся королевская свита не сможет его исчерпать.

Я вздрогнула. Откуда приходит в колодец эта плещущая под моими ногами вода? Из холодных чёрных рек, впадающих в подземные озёра? Или из морей, чьи волны бьются там, в темноте? Может, там, в чреве земли, есть и рыбы, и птицы, и звери? Что за сила правит тем миром? Говорят, царство мёртвых пустынно, но что если оно там, под этой водой?

— Ты уже выздоровела, чтобы поднимать такие вёдра, Османна?

Я подпрыгнула от звука голоса, и вода расплескалась мне на ноги. Через двор шла Настоятельница Марта. Она выглядела усталой и обеспокоенной.

— Мне уже намного лучше, Настоятельница Марта, спасибо.

— Хорошо, — рассеянно ответила Настоятельница Марта, — Слава Богу, твоё здоровье поправилось. Значит, мы сможем продолжить занятия. Я стараюсь привести в порядок дела, но нельзя пренебрегать твоим обучением. С тех пор как Андреа оставила нас...

— Что за чудо сохранило причастие Андреа, Настоятельница Марта? Говорят, оно обладает силой.

— Я приказывала это не обсуждать, — резко ответила она, оглядевшись. Но в пустом дворе никого, только копошащиеся куры.

— Вы сказали, нам можно говорить об этом между собой, — напомнила я.

— Я ждала от тебя большего, Османна. Чудо происходит каждый день, когда кусочек обычного хлеба становится плотью Господа. Величайшее чудо в том, что потребляя эту частичку, мы получаем вечную жизнь. Вот, Османна, единственное, о чём нам стоит заботиться.

— Но я всё думаю, Настоятельница Марта — если кто-то причастился раз за всю жизнь, может ли он быть спасён?

Настоятельница Марта кивнула.

— Если этот человек искренне покался и исповедался, то учителя церкви говорят именно так. Многие спасались так на последнем издыхании.

— Но если спастись можно за один раз, тогда зачем мы должны многократно потреблять Дары? В одной книге говорится... — я запнулась, увидев, что она хмурится всё сильнее.

— Потому, что мы снова грешим. Ты же знаешь. Но я удивлена этим вопросом. Что именно сказано в той книге?

— Не... не помню, — пробормотала я, понимая, что она не поверит. Не надо было мне упоминать эту книгу.

Настоятельница Марта подошла ближе, строго глядя на меня сверху вниз. Я как-то забыла, какая она высокая.

— Где ты начиталась этого, Османна? Кажется, не в тех книгах, что я тебе дала?

Я прятала книгу Ральфа в своём сундуке, под бельём. «Зеркалом» ни с кем нельзя было поделиться. В ней говорилось то, о чём я и подумать не могла. Я не знала даже, что можно задавать такие вопросы. Листать эту книгу — как пить краденое вино. Меня пьянил вкус волнения, страха и чувства вины, мне хотелось пить больше и быстрее. Но почитать удавалось не часто.

Он даёт мне свободную волю и не нуждается в моём благочестии. Никто не отнимет у меня моей добродетели, если только моя душа сама этого не пожелает.

Эти слова оказались для меня новыми и сложными, приходилось читать снова и снова одни и те же строки, а так хотелось скорее бежать вперёд. Я боялась читать слишком быстро, чтобы книга не закончилась раньше времени.

Душа становится подобной Богу и так сохраняет то обличье, что изначально даровано ей Тем, кто вечно её любит.

Я чувствовала, что мозг просто взорвётся, если с кем-нибудь не поделиться, и только Настоятельница Марта могла бы понять мой восторг. Но что если она отберёт мою книгу? Нет, это невозможно, только не сейчас, когда я едва открыла её для себя. Я не отдам.

Настоятельница Марта сверлила меня взглядом, но я боялась посмотреть ей в лицо.

— Думаю, ты прочла эту книгу здесь, в бегинаже. Не похоже, чтобы твой отец... Она запнулась, поморщила нос. И тут я тоже почувствовала запах. Дым, но совсем не такой, как дым очагов бегинажа. Ветер доносил его откуда-то из-за стен, но запах становился все сильнее. Вонь была едкой, как... как паленая плоть и волосы. Земля ушла у меня из-под ног.

— Османна, тебе плохо?

Я пошатнулась и уронила вёдра, вода вылилась на наши башмаки. Сильные руки подхватили меня, не давая упасть. Мне было плохо, на меня обрушилась волна холодного страха, хотелось броситься в свою комнату и покрепче запереть за собой дверь, но меня трясло так, что я едва держалась на ногах. Такой же запах стоял в лесу той ночью, запах сожжённой святой. В ушах у меня звучали вопли, я видела уносящиеся вверх языки пламени. Где-то кричали люди. Голоса доносились со стороны ворот.

— Оставайся здесь, — приказала Настоятельница Марта и побежала к воротам.

Но я слишком боялась остаться одна и тоже поплелась на звук голосов. У ворот, глядя на поле, стояла кучка бегинок. Я протиснулась между ними. Над лугами клубилось не меньше дюжины столбов чёрного дыма. Позади них вдали виднелись другие костры с высокими языками пламени, как будто горели огромные кучи дров. Вонь, несущаяся по ветру, заставила меня содрогнуться от отвращения. Кухарка Марта заметила меня рядом и обняла так крепко, что я почти задохнулась

— Что это? — спросила я. Что происходит?

— Спаси нас Бог, дитя, там, говорят, мор скота. Забивают коров, свиней, овец — всех животных на землях Поместья.

— Всех?

— Это закон, дитя. Весь скот нужно уничтожить, а туши и коровники — сжечь, чтобы не дать распространиться заразе. Болезнь убивает животных меньше чем за неделю, и спасти их может только чудо. Даже у выживших шкуры покрываются язвами. Это разоряет хозяев — зачем держать скот, который ни съесть, ни продать.

— А наш скот — его тоже придётся убить? Даже волов?

Кухарка Марта опять меня обняла.

— Настоятельница Марта с Пастушкой Мартой пошли посмотреть, нет ли признаков болезни. Молись, чтобы их не было, дитя.

— Святой Беуно, все святые, спасите нас, — пробормотал кто-то.

— Аминь, — выдохнули все.

— Вот только ударь меня ещё раз, мелкая дрянь, и я тебе горло перережу.

Бейлиф поднял меня в воздух, больно сжимая поперёк живота. Я била пятками по его ногам. А когда передо мной оказалась жирная волосатая рука, вцепилась в неё зубами, и он тут же меня выпустил.

— Чёрт! Ну, сейчас я тебе покажу, маленькая ведьма.

Он попытался опять меня схватить, но я подбежала к Ма и спряталась за неё.

— Ты только посмотри, что сделало твоё отродье, — бейлиф помахал рукой перед носом Ма. — Она заслуживает хорошую трёпку и сейчас получит.

Двое, что пришли с бейлифом, молча усмехались, глядя, как он трёт укушенную руку. Лица и руки у них были измазаны сажей и кровью.

Ма крепко прижала меня к колючей юбке.

— Тронь её хоть пальцем — получишь ещё, и не только укус. Вот увидишь.

Я удивилась. Обычно, если кто-то на меня жаловался, мне всегда от неё доставалось. Я вытерла рот об её юбку, пытаюсь избавиться от вкуса потной руки бейлифа.

Он посмотрел на меня.

— Тогда, хозяйка, держи своё отродье при себе, иначе я за себя не отвечаю. Пошли, — проворчал он тем двоим. — Забьём побыстрее этих свиней. Чем больше времени тратим на споры, тем больше жителей этой паршивой деревни успеют спрятать свой скот. — Бейлиф шагнул к Ма. — Я твою игру понял, женщина. Задерживаешь нас, чтобы дать своим друзьям время увести скот. — Он приблизил к Ма толстое лицо. — Только ничего не выйдет, поняла? Твои соседи не смогут вечно прятать скот. Рано или поздно мы всё найдём. Люди д'Акастера со сворой собак выловят из леса всю скотину, что увели деревенские. Можешь передать своим друзьям: если они заставят нас тратить время на поиски их паршивой животины по всему Улевику, их ждет увесистый штраф, а то и что похуже, намного хуже. Так что лучше бы им отдать все стадо прямо сейчас.

— Вот как? — подбоченилась Ма. — Это не я стою тут и болтаю попусту. Похоже, если кто и теряет зря время, то это ты.

Бейлиф взглянул так, будто хотел убить Ма, а не свиней, но только кивнул своим людям, и все трое пошли к задней двери дома. Я рванулась за ними, но Ма удержала меня.

— Брось, детка, тут ничего не поделаешь.

— Если бы отец был дома, он бы их не пустил.

Ма вздохнула, откинула прядь волос с лица.

— Да, он бы точно попытался. Ему за это голову проломают, и что тогда станет с нами?

За домом пронзительно заверещали свиньи. Ма вздрогнула и плотно закрыла глаза.

— Ма, но почему, зачем они убивают наших свиней?

— Чёрный мор, детка, — она гладила мои волосы, но смотрела в сторону, отсутствующим взглядом. — Если уж он пришел, то всё равно убьет всех свиней.

— Кто этот Чёрный Мор? Он похож на Чёрную Ану?

Я знала про Чёрную Ану — её изображение вырезано над дверью нашей церкви. Она была великаншей, жила в глубоком тёмном омуте наверху холма, там, куда никто не заходит. Лицо у неё зелёное, и зубы тоже, а вместо пальцев — острые когти. А по ночам она приходит в деревню, ищет детей на ужин. Она ничего не видит, но может слышать даже

тихий писк или шёпот. Поэтому в темноте надо вести себя очень тихо, чтобы она не узнала, где ты. Если Чёрная Ану слышит, как какой-то ребёнок шумит или капризничает, она тянется через окно огромными длинными руками, хватает и тащит в свой омут. А потом высасывает всю кровь и кости, а кожу вешает на дуб, сушиться на ветру. Так говорит Ма.

Уильям говорит, он слишком большой, его через окно не утащат, а вот я как раз подходящего размера. Если Ма уйдёт, когда уже темно, и оставит Уильяма присматривать за мной, он позовёт Чёрную Ану, подскажет ей, где я. Ненавижу своего брата. Не могу дожидаться, когда вырасту такой же большой, как он, и тогда я...

— Чёрный мор — это болезнь, детка, — сказала Ма. — Животные покрываются огромными язвами, которые потом чернеют. Если они переходят на лёгкие или кишки — животным конец. Ужасная смерть. Последний раз в этих краях такое случилось, когда ты ещё не родилась. Богом клянусь, лучше бы я тоже еще не родилась.

— Но, Ма, нельзя, чтобы убили наших свиней, нашу Сибли. Не позволяй им. У неё нет никакого чёрного мора, я же кормила её сегодня утром...

— Сколько раз я тебе говорила не давать имён животным? — рассердилась Ма. — Ничего хорошего из этого не выйдет.

— Господи, Пресвятая Дева, помоги нам, — с дорожки за домом послышались громкие причитания. К нам ковыляла толстуха Летиция, обмахивая краем юбки раскрасневшееся лицо. — Они и за вашим скотом пришли, да? — Она заглянула за дом, не дожидаясь, пока Ма ответит. — Лучше и не смотреть, там повсюду кровь, — она подошла к нам. — Клянусь могилой моего дорогого мужа, упокой Господь его душу, мне не пережить этой зимы. Это конец.

Ма бессильно опустила на порог, уронив голову на руки.

— Не знаю, что скажет Алан, когда вернётся и принесёт соль. Не надо нам было ждать. Если бы забили свиней на прошлой неделе, солонины хватило бы на несколько месяцев.

— Кто же забивает свиней во время откорма? — развела руками Летиция. — Лето выдалось плохое, свиньи не набрали вес. Их надо было ещё пару месяцев желудями откармливать, чтобы жиру в них стало как в этой малютке, а она тощая, как нитка. — Так? — Она ткнула меня в пальцем живот. Когда она говорила, на подбородке шевелилась чёрная щетина.

— Без откорма мы бы хоть что-нибудь получили. — Ма стиснула руки. — А теперь ничего нет, ни мяса, ни жира, чтобы на нём готовить. Даже свечи сделать не из чего. Бейлиф сказал, они сожгут все туши.

Ма всхлипнула, плечи у неё затряслись, а лицо исказилось, как будто она старалась не заплакать. Мне стало страшно — Ма никогда не плакала, совсем никогда.

— Ма, не надо, пожалуйста, не плачь, — я попыталась обнять её, но толстуха Летиция оттолкнула меня, и сама обхватила Ма руками.

— Ничего, дорогая, ничего. Не расстраивайся так. Что бы бейлиф ни говорил, всех они не сожгут. Большая часть попадёт в бочки д'Акастера на засолку. Его амбары будут ломиться от свинины. Она оглянулась по сторонам и зашептала:

— Вон тот, высокий, с бейлифом, который косит глазом. Поговори с ним, когда бейлиф отвернётся, сунь монетку. А уж он устроит, чтобы убитая свинья не попала в тележку. — Она постучала по своему носу [\[17\]](#). — Парочка туш так уже потерялась. Но я тебе, конечно, ничего не говорила.

— Мы уже давали деньги Мастерам Совы. Они обещали нас защищать. — Глаза у Ма

покраснели от слёз, но лицо было не печальным, а рассерженным. — Говорили, в этом году больше ничего плохого не случится. Много нам от них пользы. Если они здесь ещё покажутся — кроме блохи в ухо ничего от меня не получат.

— Тише, тише! — замахала руками Летиция. Она проковыляла на угол дома, опять оглянулась, потом вернулась к Ма. — Нельзя так говорить про Мастеров Совы. Никогда не знаешь, кто тебя слушает. Может, и бейлиф один из них. Слышала, что стало со старым Уорреном, когда тот отказался платить? Конечно, кто же не слышал. Его жена говорила про несчастный случай, только все знают, что это не так.

Я вспомнила, что калитка во двор, где старик делал свои горшки и кувшины, вот уже неделю закрыта, но думала, он просто болен.

— А что с ним случилось? — спросила я.

— У малышки длинные уши, — кивнула в мою сторону Летиция.

— Займись делом, детка, — сердито сказала Ма, — принеси воды.

— Но, Ма, что с Уорреном?

— То же будет и с тобой, если не принесёшь воды. Живо марш отсюда — приказала Ма. Она рассердилась, это последнее предупреждение.

Я взяла ведро и поплелась как можно медленнее, стараясь что-нибудь подслушать, но толстая Летиция перешла на шёпот, и мне не удалось расслышать ничего, кроме «разбит и сломан». Визг за домом прекратился. Я оглянулась — Летиция и Ма заняты разговором — и скользнула за дом.

Алая кровь заливала всё вокруг дома, стекала со стен. На земле стояли лужи, как будто прошёл красный дождь. На дороге кучей лежали мёртвые свиньи. Бейлиф склонился над одной. Ноги у неё ещё подёргивались. Постом свинья вздрогнула и затихла. Люди бейлифа бросили последнюю тушу в общую кучу, и она влажно шлёпнулась сверху. Голова откинулась назад, на горле огромная кровавая рана, но глаза ещё открыты. Свинья смотрела на меня.

Бейлиф ещё стоял спиной ко мне, но, должно быть, почувствовал мой взгляд и обернулся. Волосатые руки были в красной дымящейся крови, кровь капала на землю. Он держал длинный острый нож.

— Эй, паршивка, иди сюда, я тебе...

Больше я ничего не слышала. Я бежала, как будто за мной гналась Чёрная Ану.

Октябрь. Канун Дня всех святых. Хэллоуин

Самайн, миры мёртвых и живых сближаются так, что могут пересечься. Ночь, когда встречаются прошлое, настоящее и будущее.

Когда нитка опять выскользнула из игольного ушка, я выругался, в десятый раз за сегодняшний вечер. Льняное облачение порвалось, и я неумело пытался его зашить. В соборе у нас был целый зал, где постоянно трудились мастера, шили и чинили одежду духовенства. В Улевике мою одежду чинила та же девушка, что и готовила, и хотя у неё это выходило не слишком хорошо, всё же в сто раз лучше, чем у меня. Но девушку пришлось рассчитать — одна из многих жертв, на которые я пошел после визита декана. Однако, как бы я не затягивал пояс, нужной суммы собрать не удавалось. Декан полностью получил свою десятину. Выбора у меня не было. Я точно знал — если недодам ему хоть на фартинг — в тот же день окажусь в кандалах в подземелье епископа.

Деревенские не могли или не хотели платить десятину, которую задолжали ещё месяц назад, и у меня оставался только один выход. Чтобы выручить денег, я заложил церковное серебро. Понятно, что это глупо, и обойдётся в итоге гораздо дороже, но я купил себе время. Украшенная драгоценными камнями чаша, резные диски, серебряные канделябры и алтарный крест мы использовали только во время Высокой мессы, на Рождество и Пасху, а в остальное время обходились простой оловянной и медной утварью. Все ценные предметы хранились под замком в ризнице, в огромном тяжёлом сундуке, а ключ был только у меня. Надо только выкупить их вовремя, до Рождественской мессы — и никто ничего не узнает.

Это звучало просто. Но если к Рождественскому сочельнику я не верну церковное серебро, д'Акастер заметит пропажу. Чтобы вернуть заложенную утварь, у меня есть только два месяца. Всего два месяца, а денег не прибавлялось.

Я мог довериться лишь одному человеку во всём мире. Я поклялся, что никогда больше не увижу Хилари, но я и прежде много раз это обещал. Мы оба знали, что я этого не хотел. Если я напишу, Хилари придёт, принесёт денег и выручит меня. Думаю, я этого заслуживаю. Я один понёс наказание за то, чем мы занимались. Я не открыл имя Хилари даже на допросе с пристрастием. Я ни разу не предал моего тёмного ангела.

В дверь громко постучали, я подпрыгнул от неожиданности и опять уронил иголку.

— Отче! Идём скорее. Он пропал! Пропал!

— Сейчас, — сказал я. — Незачем ломать дверь.

Но крики и стук только стали громче. Я нащупал дверную щеколду. Я распахнул дверь — и тут же отскочил, чтобы избежать ударов. На пороге стояла одна из деревенских женщин. Лицо заливали слёзы и грязь, и я не сразу признал её.

— Ты Элдит? — спросил я. — Что случилось? Кто пропал?

— Оливер, мой маленький Оливер. Его нет. Я пошла туда, где... а его нет! Она рыдала, бегая взад-вперёд перед моим крыльцом, как взбесившаяся собака.

На другой стороне дорожки уже столпились несколько женщин. Они жались друг к другу, не решались приблизиться, боясь заразиться безумием.

Я схватил Элдит за руку.

— Ну, госпожа, успокойся. Что толку плакать. Оливер умер, разве ты забыла? Я сам хоронил его три дня назад.

Горе странно действует на женщин. Некоторые отказываются принять смерть ребёнка или мужа. Я знал женщин, оставлявших за столом место для усопшего или стиравших его одежду, как будто мёртвый вернётся и её наденет.

Элдит яростно замотала головой.

— Нет, отче, ты не понимаешь — его тело... оно пропало... из могилы.

— Да что ты? Правда?

— Могила пуста, отец. Я пошла отнести ему немножко мяса и питьё, чтобы Оливер не чувствовал себя забытым на День всех святых... а могила... она разрыта, и тело исчезло. — Она изумлённо застыла, стиснула мою руку. — Отче, а может, он всё же не умер, или... может, Бог услышал мои молитвы и вернул его к жизни? Прошло три дня, отче, понимаешь, три дня... Мне надо домой. Может, он там меня ждёт.

Она подхватила юбки и бегом бросилась прочь.

— Стой! — крикнул я вслед. — Элдит, вернись. Это невозможно. Он не мог...

Но она только понеслась ещё быстрее.

Я подхватил плащ и побежал к церковному погосту.

Оливеру едва исполнилось пять, и в его болезни сначала не было ничего необычного — воспалённое горло, лёгкая лихорадка, слабая тошнота. Мать решила, что это малярия из-за холодной погоды. Но два дня спустя малыш Оливер корчился в агонии, живот у него раздулся, как от водянки, и его рвало кровью. Через неделю ребёнок умер. Мы положили его прямо в промёрзшую землю, завернув лишь в простой саван. Мать не могла купить гроб, она едва собрала денег на подушный налог. Я бросил горсть земли на маленькое тельце и смотрел, как деревенские кидают в могилу комья, а мать воет и трясётся от горя на руках у соседей.

Я только вчера своими глазами видел маленький холмик свежей тёмной земли, окруженный травой и отмеченный маленьким деревянным крестом. Что такое могло привидеться Элдит, заставить усомниться, что её сын там? Бедная женщина рехнулась от горя. Должно быть, пришла не к той могиле.

Я поспешил к церкви. В дверном проёме, под резным непристойным изображением голой старой карги, которую деревенские зовут Чёрной Ану, собралась кучка мужчин. Мартин, церковный сторож, кузнец Джон и ещё двое увлечённо беседовали. Когда я приблизился, они умолкли, подталкивая друг друга, как будто обсуждали меня.

— Мартин, ко мне только что приходила миссис Элдит со странной историей про могилу сына. Она сказала... — мне неловко было даже повторять, — ... что могила разрыта. Должно быть, это неправда.

— Могила пуста, — сухо сказал Мартин.

— Покажи мне её, — потребовал я.

Мужчины переглянулись.

— Ты чего, отец, память потерял? — церковный сторож откашлялся и сплюнул на церковные ступеньки. — Ты же знаешь, где могила, сам хоронил мальчика.

— А ещё я помню, кто тебе платит за работу. Церковный погост — твоя обязанность. Твое дело — следить, чтобы мёртвые покоились с миром. И я хочу проверить, не пренебрёг ли ты своим долгом.

Мартину всё же хватило совести устыдиться. Он взглянул на своих товарищей и неохотно повёл всех за церковь.

Над могилой в дальнем углу погоста нависал разросшийся дуб. Мартин вырыл неглубоко, жаловался, что мешают корни и земля промёрзла. Подозреваю, это потому, что Элдит не дала могильщику монет, которые, как он считал, полагались ему по праву.

Мы подошли ближе, и я увидел, что над могилой больше нет холмика, земля свалена в

сторону. Я заглянул в узкую яму. Во влажной земле на дне отчётливо виднелся отпечаток маленького тела, но само тело исчезло. По моей спине пробежала ледяная дрожь. Неужели, как и сказала Эдит, Оливер восстал из мертвых, не как воскресший Господь, а как призрак, как труп, выбирающийся из могилы, чтобы полакомиться живыми?

— Господи, помилуй, — я осенил себя крестом.

Такое случилось, когда я жил в Норвиче. Недавно похороненный человек вставал из могилы, выходил с кладбища, бродил по улицам и душил всех, кто попадался на его пути. А за ним стаей шли желтоглазые кошки и дико выли, приводя в ужас всех, кто их слышал. В конце концов епископ Салмон приказал раскопать могилу и отрезать трупу голову той же лопатой, которой его закапывали. Когда мертвеца откопали, тело его оказалось жирным и раздувшимся, как пиявка, а когда отрезали голову, из шеи хлынула алая кровь, заполнившая всю могилу.

Может, мальчик стал таким ожившим мертвецом? Похороны были совсем простые, но я прилежно совершил над ним все положенные церковные обряды. У такого малыша не могло быть столь тяжких грехов, чтобы он стал недостоин христианского упокоения.

— Думаете... — я запнулся, — ...возможно, что это ходячий труп?

Могильщик снова закашлялся, сплюнул в чёрную яму.

— Он бы не сумел выбраться, я сам проверял. Раскопал могилу после похорон, когда мать ушла, вбил в пятки парнишке железные гвозди, чтобы он не смог ходить.

Даже не знаю, успокоился я или разозлился.

— Ты потревожил могилу после христианского погребения?

Мартин пожал плечами.

— Так сгубила-то его не малярия. Мальчишка помер от колдовства, ясно, как день. А кто убит с помощью чёрной магии, того не удержать в могиле одними крестами да святой водой.

Остальные дружно закивали.

Кузнец Джон переглянулся с могильщиком, откашлялся.

— Такое дело, отче. Раз тело не само вылезло из могилы, значит, кто-то его забрал.

Я открыл рот от изумления.

— Но зачем? Кому понадобилось красть труп?

Джон здоровенной ручищей почесал коросту на подбородке.

— Как по мне, отче, кто убил, тот и тело забрал. Зачем бы ещё ей насылать свои чары на такого мальчика? Наверняка понадобился труп для чёрной магии.

— Она? Думаешь, женщина из Улевика, одна из овец моего стада, могла...

Джон невесело усмехнулся.

— Она не из твоего стада, отец. Старая ведьма за всю жизнь ни разу в церковь не входила. Душа у ней такая чёрная, что если на эту сморщенную старую шкуру хоть капля святой воды попадёт, она тут же и сгорит, превратится в пепел.

— Это он про старую Гвенит, — пояснил Мартин. — Ноги её ни разу при свете дня в деревне не было, разве на ярмарки приходила, да купить что или продать. Но вот ночью... — он оглянулся на остальных, — ночью — другое дело, по ночам она выползает из своей берлоги, чтобы творить зло.

Остальные что-то одобрительно забормотали.

Джон опять посмотрел вглубь маленькой могилы.

— Такой малыш, как Оливер, совсем лёгкий, даже старуха могла его утащить. Должно

быть, потому она и выбрала в жертву именно его. А ты ведь знаешь, какой канун нынче ночью, отче.

Я мрачно кивнул — мне слишком хорошо известно. Это ночь, когда церковь молится о душах мёртвых, но я знал — деревенские соблюдали не обычаи церкви, а языческие ритуалы праздника Самайн. И Элдит тоже сказала, что пошла к могиле положить еду и питьё. То же самое делали и другие жители деревни на могилах своих близких, хотя я запрещал им это на проповеди. Это ночь, когда ведьмы творят своё зло. Одному Богу известно, что собиралась Гвенит сделать с телом несчастного ребёнка, но какой бы дьявольский ритуал она ни задумала, клянусь, я не допущу этого злодеяния, даже если придётся сражаться с ордой демонов.

— Говорите, Гвенит живёт где-то за деревней? Отведёте меня туда?

Все четверо дружно, как один, отступили назад.

— Нет, отец, меня ты туда не затащишь, — Джон поднял огромные ручищи, как будто хотел защититься от самой мысли об этом. — Только человек в духовном сани, вроде тебя, может идти к дому ведьмы, не боясь её чар. Ты-то знаешь и латинские слова, и святые молитвы для защиты.

— И незачем нам тебя провожать, — пробурчал Мартин. — Река сама приведёт к ней. Говорят, дом ведьмы прямо на берегу, недалеко от вершины холма. Не заблудишься.

— Пойдёшь, отче? — спросил Джон. — Это же ради всей деревни.

Во рту так пересохло, что я не смог ему ответить. В гневе я клялся, что стану сражаться с демонами ада, чтобы остановить ведьму, но когда дошло до дела, меня словно окунули в холодную воду. Какие сатанинские силы способна вызывать старая Гвенит, если эти крепкие мужчины так боялись даже показать мне дорогу к её дому?

Я видел, как экзорцизмом и разоблачением колдунов занимались люди, владеющие этим искусством. Я слышал вой и крики одержимых, видел, как они летали по комнате, как из ртов извергались потоки брани. Но экзорцисты делали своё дело в окружении духовенства и символов веры, а мне придётся идти одному, без всякой защиты. Никто от меня этого и не ожидает... нужны книги, реликвии... я не могу... не стану...

— Путь туда долгий, и подъём крутой. Если хочешь добраться раньше, чем старуха успеет что-то сделать, тебе надо поторопиться. А то она вызовет дьявола... — Джон перекрестился.

Кузнец прав, за помощью посылать некогда. Если ведьму не остановить, один Бог знает, какое зло она выпустит на этих незащищённых людей. Я священник. Сила Бога на моей стороне. А она просто женщина, невежественная старуха, она не сможет противостоять святой церкви.

Я с удивлением понял, что киваю. Мужчины с облегчением переглянулись.

— Да поможет тебе Бог, отец.

Подъём оказался крутым и долгим, хотя я и был к нему готов. Много раз мне приходилось останавливаться, чтобы перевести дыхание, но я боялся слишком задерживаться для отдыха — солнце уже скрылось за холмом. По небу скользили только бледные сероватые отсветы, последние угасающие лучи. Слабая уверенность в своих силах, которую я ощущал в церковном дворе, окончательно исчезла. Боль в груди усиливалась с каждым шагом. Что ждёт меня в этом доме, если, конечно, я вообще туда доберусь? А если старуха уже успела вызвать псов Сатаны — как я смогу встретиться с ними в одиночку?

Я со страхом смотрел на чёрные скалы, торчавшие вокруг, как дьяволовы рога. Я взмок

от холодного пота, и только мысли о страшном зле, которое, возможно, совершится при помощи тела невинного ребёнка, удерживали меня от того, чтобы броситься назад. Но я не мог сказать деревенским, что отступил. Видит Бог, они и так меня почти не уважают.

Дорога превратилась в узкую овечью тропу, петляющую между скалами. Местами путь становился опасным, несколько раз я терял опору, оступался и чуть не падал в бурлящую внизу реку. Я ругал себя за то, что забыл захватить фонарь. Как можно быть таким глупым, отправиться на гору, даже не подумав о свете? Может, в сумраке я уже миновал её дом? Уверен, даже ведьма не станет жить среди этих скал. Тропа под ногами исчезла, теперь я шёл по ровной лужайке. Камни и склон холма окружали меня, как крепостные стены, заслоня даже от слабого света, ещё остававшегося в вечернем небе.

Краем глаза я заметил, как что-то промелькнуло в темноте. Я обернулся. Передо мной в воздухе висел человеческий череп. Я в ужасе замер, а в глазницах черепа внезапно вспыхнуло пламя. Я закричал, отшатнулся, упал и покатился по склону. Земля под головой и плечами исчезла. Я лежал на спине, на самом краю обрыва, повиснув над рекой. На шею летели ледяные брызги, внизу подо мной оглушительно ревела бьющаяся о камни вода. Я судорожно извивался, пытаюсь найти опору и выбраться, но трава скользила под руками, и я медленно сползал к реке.

Но кто-то меня схватил. Я вцепился в протянутую руку и с трудом стал карабкаться назад, на берег, пока, наконец, мне не удалось встать на четвереньки на твёрдой земле. Я задыхался, руки и ноги тряслись. Подняв голову, я уткнулся в вонючую и грязную женскую юбку.

Я кое-как поднялся на ноги. Передо мной, держа череп со светящимися глазами, стояла старая ведьма. Теперь, вблизи, я смог рассмотреть внутри перевернутого черепа горящий трутовый фитилёк. Красно-оранжевое пламя лизало пожелтевшие зубы. Я не смел пошевелиться, боясь упасть в реку. Из головы вылетели слова всех молитв, которые могли меня защитить. Я крепко сжал железный крест на шее, и выставил руку перед лицом ведьмы.

— Убирайся прочь. Я... я священник. Меня хранит Бог.

Старая карга расхохоталась.

— Тебя от реки не Бог спас.

— Какое зло ты собираешься сотворить этой ночью, старуха? Предупреждаю, что бы ты ни затеяла, я собираюсь тебе помешать.

— Значит, пришёл не дать мне разжечь огонь в очаге? Столько хлопот, чтобы помешать бедной старухе приготовить ужин.

— Не ври мне, женщина, — выкрикнул я. — На огне ты варишь какое-то смертельное зелье. Какое зло ты собираешься с ним сотворить? Я указал на череп, и, к своему стыду, увидел, как дрожит моя рука.

Старуха усмехнулась.

— Разве ты не знаешь, на Самайн все очаги должны быть погашены и снова зажжены от особого огня, чтобы мы могли пережить тёмную зиму [\[18\]](#)? — Она подняла вверх наполненный огнём череп. — Ты же священник. Неужто боишься старой мёртвой кости? Какое зло она может тебе причинить?

В незрячих глазах черепа плясал огонь. Я не мог оторвать от него взгляд. Меня так и тянуло подойти поближе к старухе, но никто из нас не двигался. Такой маленький череп вполне может быть и детским. Я плотно закрыл глаза. Святой Михаил и все архангелы, защитите меня.

— Значит, это голова маленького мальчика? Это Оливер... Что ты наделала, старая ведьма? Где остальные части его тела? А плоть, как ты смогла так быстро счистить её с костей, он ведь только три дня как мёртв? — В животе поднималась волна тошноты. — Господи, неужто ты сварила и съела... Ты это сделала? Говори правду, чудовище, говори, что ты сделала с этим ребёнком!

Я прыгнул вперёд, размахивая железным крестом перед этим дьявольским лицом. Крест задел её щеку, старуха опрокинулась наземь, череп выпал и покатился к ногам, рассыпая горящий труп. В одно мгновение юбка старухи вспыхнула.

Я испуганно стоял, глядя, как языки огня вырываются в темноту. Ведьма корчилась на траве, кричала, умоляя помочь. Я не двигался, замороженный жёлтым пламенем. Старуха отчаянно перекаtywалась в траве, пытаясь придавить своим телом огонь. Прошла, кажется, целая вечность. Я стоял неподвижно, старуха каталась по земле, сбивая языки огня, лизавшие её тело. Наконец огонь погас, и мы остались в темноте.

Старуха не двигалась. Я уже решил, что она мертва, когда услышал стон. Я упал на колени, перевернул её на спину. В воздухе повисла вонь горелых тряпок. В темноте невозможно было разобрать, сильно ли обгорела старуха, но я различал блеск направленных на меня глаз.

— Бог наказал тебя за обман, Гвенит. Бог поразил тебя огнём за твои ужасные дела. Ты кричала от боли в огне, представь же, как ты будешь целую вечность кричать в адском пламени, оно в тысячу раз горячее земного огня.

В руках я всё ещё сжимал железный крест. Я поднёс его к губам ведьмы в некоем подобии поцелуя.

— Если ты сейчас солжёшь, твоя душа отправится прямо в ад. Если скажешь правду, я стану молиться, чтобы облегчить страдания, которые тебя ждут. А теперь, Гвенит, я приказываю — скажи, что ты сделала с ребёнком, украденным из могилы. Покажи, где найти его тело, хотя бы кости, чтобы вернуть их скорбящей матери. Не то тебя повесят, я отправлю прямо в ад твою злобную душу.

— Ребёнка... забрали... из могилы? — судорожно выдохнула старуха.

— Ты сама знаешь. Это ты утатила его, ведьма. Это его череп.

Она затрясла головой.

— Нет, нет... это череп моей дочери... матери Гудрун... моя дочь приносит нам огонь... Я любила свою дочь... я сохранила её рядом с нами... не могла оставить её одну в холодной могиле...

— Ложь, — закричал я.

— Подними... череп... Посмотри, это не детские зубы. — Она с поразительной силой ухватила за моё облачение. — Тело ребёнка... не дай им использовать его... Три поколения назад пять женщин-знахарок собрали все свои силы, чтобы отправить ту тварь в сумеречное время. Одной из них была моя прабабка... Они были уверены, что никто больше не сможет вызвать его обратно... Но Аод выдержал испытание в дупле старого дуба... У Аода есть знания... А теперь он получил этого мальчика... Он собирается вернуть чудовище к жизни. Я единственная оставшаяся знахарка... но времени совсем мало. С ним не справиться в одиночку... Теперь осталась только одна возможность остановить Мастеров Совы. Ты должен пойти в Улевик и забрать тело ребёнка прежде, чем Мастерам Совы удастся им воспользоваться... Она застонала. Хватка рук на миг стала сильнее, потом ослабла, и старуха откинулась назад.

Я потряс её.

— Что это за тварь? Что она с нами делает? Говори!

— Иди... скорее. Если ты хочешь помешать злу этой ночью... останови Мастеров Совы, пока ещё не поздно.

Возвращаться назад по той же тропе вдоль реки оказалось ничуть не легче. В обманчивом лунном свете провалы на тропе укрывались в тени. Камни, казавшиеся устойчивыми, выскальзывали из-под ног. Луна освещала пенящийся белый поток, но я едва отличал воду от камней. Пришлось идти медленнее. Несколько раз я поскользнулся, хватаясь за ветки и камни, чтобы не скатиться с холма. Спина и руки были исцарапаны и разбиты, но я мог думать только о том, что делают сейчас в деревне Мастера Совы.

Как я мог быть так глуп, как позволил обмануть себя, заставить пойти сюда? Я должен был понять, что в рассказанной теми людьми истории что-то не так. Ведь могильщик заметил бы открытую могилу задолго до того, как сегодня вечером её обнаружила мать Оливера. Почему же он сразу не пришёл ко мне? Значит, д'Акастер подучил его отправить меня с этим дурацким поручением, просто чтобы убрать с дороги? Или люди и вправду поверили, что тело украла старая Гвенит?

Задолго до того, как дойти до первого дома, я услышал собачий вой. Похоже, были все блохастые дворняги Улевика. Однако улицы пустовали. Сквозь щели плотно закрытых ставень пробивались лучики света, значит, не все жители деревни собрались у огня Самайна. Конечно, женщины и дети прятались за закрытыми дверями, боялись мертвецов или Мастеров Совы. Но несмотря на холодную ночь, ни над одной крышей не вился дымок. Как сказала старая Гвенит, все очаги погашены. Их снова зажгут, когда домой вернутся мужчины и принесут огонь от костра Самайна.

Однако в деревне что-то горело, я чуял запах дыма от горящих дров, а завернув за угол, и увидел. В центре кладбища, прямо перед церковью, разожгли большой костёр, в ночное небо летели алые и оранжевые языки пламени, дерево трещало, выбрасывая красные искры. Множество людей из деревни, мужчины и женщины, плясали вокруг костра, сцепив поднятые кверху руки, тяжело топая в такт ритмично бьющему барабану. Некоторые из танцующих были в длинных белых рубахах, лица закрыты деревянными масками, изображающими человеческие лица, или завязаны белой тканью с прорезями для глаз и рта — как у покойников, вернувшихся, чтобы плясать вместе с живыми.

Наверху семейного склепа д'Акастеров, скрестив ноги сидел барабанщик. Он был голый, только вокруг чресел обёрнута оленья кожа, а на голове — олений череп. Острые рога поблёскивали белым, а голое потное тело казалось бронзовым в свете огня.

Я ворвался в церковные ворота, едва сдерживая гнев. Я кричал, приказывая остановиться, но никто ухом не повел. Танцующие откинули головы, прикрыли глаза, они полностью отдавались ритму барабана. Я был вне себя от злости. Как они посмели исполнять этот языческий ритуал в святом месте, топтать могилы, издеваясь над христианскими останками, лежащими под их грязными ногами? Я ворвался в круг и схватил за руку полную, почтенного вида женщину.

— Сейчас же прекрати это безбожное позорище!

Она оттолкнула меня с такой силой, что я, задохнувшись, упал наземь. Потрясённый её силой, я присмотрелся и понял, что это вовсе не женщина. Все танцоры, которых я принимал за деревенских женщин, оказались мужчинами. На кладбище не было сейчас ни единой женщины.

Мне ни за что не прервать эту пляску — пьяные танцоры слишком захвачены ритмичными ударами барабана, меня никто даже не слушал. Ладно, это подождёт. Потом, в исповедальне, я разберусь с их грехами. Сейчас самое главное — найти тело маленького Оливера.

Я с трудом поднялся на ноги. Если старая Гвенит права и тело собираются использовать для какого-то тёмного обряда, оно должно быть где-то поблизости. И тут я увидел четырёх Мастеров Совы, стоящих в дверном проёме церкви, прямо под резным изображением Чёрной Ану. Они загораживали вход в церковь святого Михаила, как будто что-то охраняли.

Они положили тело в церкви. Может, остальные Мастера Совы сейчас там, внутри, уже совершают над телом свои грязные обряды. Может, они творят эти ритуалы прямо на алтаре. Я обогнул круг танцующих и подошёл к церковной двери, где на страже стояли Мастера Совы. Языки огня Самайна красным светом вспыхивали на коротких мечах в их руках и на бронзовых клювах совиных масок.

— Прочь с дороги! — Я попытался оттолкнуть их, но два меча тут же взметнулись вверх и оказались у моего горла прежде, чем я успел сделать хоть шаг.

— Да как вы смеете угрожать мне, вашему священнику! Вас следует высечь за это!

Мастера Совы не сдвинулись с места. Где-то под масками поблёскивали следящие за мной глаза.

— Что происходит в церкви? Это же дом Божий. Если вы вторглись в священное место, Бог сразит вас и проклянёт навеки. — Я нащупал на груди крест и поднял перед их лицами. — Приказываю вам во имя...

Я почувствовал, что кто-то встал позади, и в то же мгновение увидел, как один из Мастеров Совы указал на что-то своим мечом. Я обернулся, но поздно — крепкие руки уже схватили меня и потащили в круг.

— Да как вы смеете поднимать руку на священника? Вас за это арестуют.

Но люди только смеялись в ответ. Они понимали, что это пустая угроза. Мои руки крепко держали за спиной. Как я мог наказать их, если я не смог бы даже никого опознать — все они в белых одеяниях, лица скрыты за деревянными масками и соломенными париками.

— Ты должен присоединиться к нам, отче, — сказал кто-то. — Иначе мертвецы решат, что ты их не уважаешь.

— Отпустите меня. — Я пытался вырваться, но безуспешно. Меня втолкнули в круг к танцующим. Священнику не справиться с крепкими селянами годами работавшими в поле и сильными, как быки.

Один из Мастеров Совы вступил в круг, нырнув под руки танцоров, и обошёл вокруг костра. В руках он держал соломенную фигуру размером с ребёнка, достаточно большую, чтобы внутри могло поместиться тело малютки Оливера. Они собирались сжечь его, превратить в пепел. А без тела — как он сможет воскреснуть в Судный День?

— Нет, нет! — завопил я. — Не делайте этого с невинным ребёнком.

Мастер Совы обернулся на мой крик, высоко поднял соломенную фигуру, как будто дразнил меня, а потом швырнул в костёр, и солома вспыхнула ярким пламенем. К запаху горящей древесины добавилась противная, едкая вонь, тяжелая и одурманивающая, но не запах горящей плоти — должно быть, внутрь соломенного чучела набили какие-то травы или листья. Из костра повалили клубы густого дыма.

Голова у меня закружилась, стала как чужая. Я больше не хотел сопротивляться. Удары

барабана становились всё громче, казалось, они идут откуда-то изнутри меня. Я вдруг почувствовал, что ноги повинуются ритму, топают в такт со всеми остальными, как будто иначе и быть не могло.

Между кругом танца и огнём мелькали чьи-то очертания. Они казались расплывчатыми и нереальными, и я подумал, что это всего лишь наши тени, но ошибся. Напротив, с другой стороны круга, в свете костра, я видел на земле тени танцоров, но эти фигуры появились с другой стороны от них и двигались с ними вместе. Мы кружились вправо, по солнцу, а те, что в центре, двигались в обратную сторону. Я отчаянно вертел головой, пытаюсь плотннуть свежего ночного воздуха, чтобы прийти в себя, но мой разум только всё больше мутился. Потом тени в кругу начали обретать чёткие очертания.

Внутри нашего круга танцевали не тени. Это были люди. Босоногие девушки с толстыми верёвками вокруг шей плясали с древними стариками, чьи седые бороды свисали чуть не до пола, прикрывая узловатые ноги. Старухи под паутинами вуалей чопорно кружились среди бледных юношей в окровавленных рубахах. В лунном свете, как старые кости, отливали жёлтым загнутые когти древних старух, крепко сжимающих руки детей с чёрными провалами пустых глазниц. Танцующие окружали огонь, а когда их руки в танце поднимались вверх, между пальцами были заметны перепонки. Их становилось всё больше и больше, они присоединялись к кругу, вставали из-под земли, выскальзывали из ветвей тисовых деревьев, выползали из трещин в каменных гробницах — вызванные к жизни мертвецы Улевика.

Языки пламени поднимались выше, к звёздам, как красно-жёлтые змеи. Ритм барабана ускорялся. Топот становился громче. Мы кружились всё быстрее, лица танцоров расплывались перед моими глазами. Пальцы не гнулись, и я уже не мог отпустить протянутую мне в танце чужую руку.

Раздался громкий удар, вспышка яркого света, и круг распался. Люди спотыкались, сталкивались друг с другом и падали. На мгновение я ослеп, потом увидел — деревенские указывают на церковную колокольню. Я тоже смотрел, мигая и щурясь от света.

На плоской крыше круглой башни стоял один из Мастеров Совы, чёрный силуэт на фоне луны и звёзд. На вытянутых, обращённых к погосту руках он держал нечто похожее на рулон белой ткани. Потом Мастер Совы поднял свёрток высоко над головой.

— Сквозь кровь обновляем мы нашу силу. Сквозь смерть обновляем мы нашу жизнь. Сквозь разрушение мы создаем. Огнём мы делаем жизнь плодородной.

— Огнём мы делаем жизнь плодородной, — эхом повторили стоящие внизу, на погосте, жители деревни.

Наверху башни бился, как огромные крылья, плащ Мастера Совы.

— Я призываю Кернунна вдохнуть в него душу. Трёхликая богиня — Блодьювед-девственница, Ану-мать, Морригу-старуха — прошу тебя дать ему тело. Таранис, хозяин погребели, Яндил, лорд тьмы, Рантипол, господин ярости, взываю к вам, прошу пробудить Оулмэна! ^[19] Пробудить Оулмэна! Ка!

Мастер Совы распустил по ветру тускло-белую ткань, которую держал в руках. Я увидел две начерченные алым вертикальные линии, пересечённые множеством горизонтальных отметок. Над ними красовался разбитый на четыре части круг, а внизу — тройная спираль.

Я понятия не имел, что всё это значило, но услышал, как люди завопили от страха. Я решил, что их испугал этот алый символ, но потом, похолодев от ужаса, понял, причина страха — не кроваво-красный знак, а то, на чём он начертан. Мастер Совы держал в руках не

ткань, а кожу, содранную человеческую кожу, судя по размеру и форме — маленького ребёнка.

Я едва успел понять, что увидел, как по толпе пронёсся новый крик ужаса. От церковной двери потянулась тонкая струйка дыма. Мне показалось, что они подожгли церковь, но нет, дым шёл не изнутри. Он выходил из зияющей вагины старой ведьмы, вырезанной над дверью. Сначала дым был белым, но изливаясь непрерывным потоком, он всё больше темнел, превратился в чёрный. Он клубился, постепенно принимая форму головы чудовищной птицы, потом огромных крыльев, широких, как башня церкви. Дым висел в ночном воздухе, мы смотрели, как тень растёт, поднимается над церковью, становится темнее, плотнее и заслоняет звёзды.

Деревенские, стоящие, как заколдованные, с криками бросились прочь. Все рвались поскорее выбраться с погоста, безумно карабкались по стенам вверх, прыгали за ограду, не заботясь о том, куда и как упадут, и бежали подальше от демона. Их крики разрушили чары, удерживавшие меня в этом месте, и я, спотыкаясь, понёсся к воротам.

Я не оглядывался назад.

Ноябрь. День прошения

Третий и последний день Самайна. День, когда христиане собирают милостыню в уплату за молитвы о душах умерших, томящихся в чистилище.

— Ставь одну ногу прямо перед другой, — говорила девочка-акробат на Майской ярмарке. — Почувствуй, как пальцы одной ноги касаются пятки другой. И не смотри вниз. Никогда нельзя смотреть вниз, из-за этого можно упасть.

Я дошла до конца козлов и не упала, но тут надо было повернуться. Это оказалось непросто. Она делала это легко — отодвигала ногу и делала что-то вроде разворота.

— Внимательно гляди на своё бревно, — говорила девочка, — тогда не поскользнёшься. — Смотри в одну точку. Не отводи глаз.

Я взмахнула ногой, пошатнулась и упала.

— Господи, ну что ты ещё задумала, девчонка? — Надо мной, подбоченившись, стояла Ма, рот у неё сморщился, как поросычья задница. Она всегда так поджимала губы, когда собиралась дать мне затрещину.

Я поскорее начала кататься по полу и орать, держась за ногу. Это я хорошо умею. Ма никогда не догадывается, взаправду я плачу или нет.

— Она упражнялась, она хочет стать акробатом, да, Лужа? — ухмыльнулся Уильям.

— Ушиблась, детка? Где? Дай посмотрю, — Ма склонилась надо мной. — Ну надо же, акробатом! И как тебе такая глупость в голову пришла?

— И вовсе не глупость. Я смогу, вот увидишь. А когда акробаты приедут в следующий раз на ярмарку, они заберут меня с собой. Они обещали — если я буду тренироваться и научусь ходить по шесту. Я тогда буду ездить повсюду — ярмарки, замки и всё такое. Девочка-акробат говорила, в замках им бросают даже золотые монеты. И я буду есть молочных поросят каждый день, может, даже дважды.

Уильям за моей спиной насмешливо фыркнул.

— погоди, жирная задница, — сказала я, — вот разбогатею, а ты будешь помирать с голода и приползёшь ко мне просить еды, а я не дам тебе даже кости обглодать.

— Это ты ни косточки не получишь, детка. Постель в канаве и пинок на ужин, вот и всё, что тебе достанется, — Ма потянулась, ощупала мои руки и ноги. — Как думаешь, что случается с девочками, когда они вырастают и их уже больше нельзя подбрасывать на шесте? Становятся воровками или нищенками, а то и чем похуже. А заканчивают они все на виселице. Ты только посмотри на себя! С головы до ног в грязи. Как твоя нога? Можешь ходить?

Уильям подобрался ко мне и зашипел:

— А знаешь, Лужа, где акробаты берут молочных поросят?

— Не называй меня так. Ма, скажи ему.

— Я старший, могу тебя звать, как хочу. И я тебе скажу, откуда у акробатов свинина. Они дожидаются темноты, когда малявки ложатся спать, а потом подбираются к ним и перерезают горло от уха до уха. — Он чиркнул грязным пальцем по моему горлу. — А после рубят на куски и кладут в бочки для засолки. Вот такие у них поросята — глупые мелкие девчонки вроде тебя. Но ты не волнуйся, они тебя сначала откормят, слишком уж ты тощая, задницы даже на пирог не хватит. Он больно ткнул меня пальцем, потом ещё раз и ещё.

— Ма, скажи, чтобы он перестал, Ма, ногу больно! — я попыталась отодвинуться, старательно прихрамывая.

— Я думал, ты другую ногу ушибла, — ухмыльнулся Уильям.

— Ах ты, мелкая... — Ма замахнулась, чтобы дать мне подзатыльник, но я успела отскочить. — Ну, подожди, я до тебя доберусь. Тогда будет тебе ушиб.

Я бегом кинулась за угол дома и уткнулась прямо в живот Летиции. Она отшатнулась, я попыталась обогнуть её, но она схватила меня за шиворот и потащила назад, к Ма.

— Слышала новость? — сказала Летиция.

— Что такое? — спросила Ма, хватая меня за руку.

— Прошлой ночью на погосте напали на двух служанок из Поместья. Они кричали всю дорогу, пока до дома не добрались. Говорят, им еле удалось спастись.

У Ма сделались круглые глаза.

— А они знают, кто напал?

— Хороший вопрос, дорогая. Скорее не кто, а что. — Летиция пугливо огляделась, как будто боясь кого-то или чего-то за спиной, и придвинулась ближе. — Они шли в Поместье, и с церковной колокольни на них набросилась птица, огромная, больше чем кузнец Джон.

— Птица? — шёпотом спросила Ма.

— Ма, больно! — взвыла я. Она всё ещё сжимала мою руку, и теперь прямо вцепилась в неё пальцами. Никто меня не слушал. — Ма!

— Я сказала «птица», потому что у него голова и крылья, как у птицы, совиные, и клюв такой, что вполне может девчонке ногу перекусить, и лапы с огромными чёрными когтями вместо ног, но тело человеческое, а причинное место — как у мужчины, — Летиция подняла брови, — и я слышала, скорее даже как у жеребца.

— Значит, это правда, — вздохнула Ма. — Я слышала, что случилось в Канун всех святых, но они все были пьяные. Нажрались, как свиньи, бегали по деревне, кричали. На следующее утро многие даже встать не могли, не говоря уж о том, чтобы толком рассказывать. Но если видели Оулмэна...

Летиция перекрестилась.

— Мне про него рассказывала сказки старая бабка, а её мать научила. Он не только детей утаскивал, но и взрослых тоже, рвал плоть и ел живьём. Годами его боялась вся деревня, а потом женщинам-знахаркам удалось его усыпить. Но это было почти сто лет назад, может и больше. Я и подумать не могла, что увижу, как он опять возвращается.

— Господи, спаси нас... — Ма крепко прижала меня к себе, чуть не раздавила.

— Аминь... А то ведь в наших краях и знахарок больше не осталось, одна старая Гвенит. Дай Бог, чтобы бабка научила её словам, которые могут связать демона, иначе на этот раз его никому не остановить, даже тем, кто разбудил.

Летиция снова перекрестилась.

— Ты же слышала про малыша Оливера, сына несчастной Элдит? Конечно, кто же не слышала. Тела его так и нет. Бедная женщина почти сошла с ума. Я каждый день к ней хожу, чтобы хоть немного успокоить, сама уже вся извелась. Но после того дня — что ей скажешь? И вправду, тёмные силы забрали тело невинного ребёнка ради своих чёрных дел. — Летиция потихоньку двигалась ближе к Ма. — Хочешь уберечь своих детей, дорогая, — держи их к себе поближе.

Ма повернула меня лицом к себе.

— Вы оба, сейчас же домой, и сидите там. И чтобы теперь никто на улицу не высывался, пока солнце высоко не взойдёт. И обратно возвращайтесь прежде, чем позвонят к вечерне. Поняли?

— Ну, Ма... — занял Уильям.

— Сейчас же оба в дом, и никаких разговоров.

Ма больно шлёпнула меня и подтолкнула к двери. Это было несправедливо. Я не сказала ни слова, это Уильям с ней спорил.

Уильям пнул дверной косяк, но не посмел ничего возразить Ма. Он уселся на пол у очага.

— Глупые девки. Я бы не стал с криком убегать от Оулмэна. Я хочу его увидеть. Пусть даже не думает, что я буду сидеть дома.

— Ага, и я тоже, — я старалась казаться такой же мрачной, как он, и пнула ближайшую скамейку, та опрокинулась, из миски, которую Ма на ней оставила, высыпались на пол бобы. Они раскатились по толстому слою камыша, устилавшего пол. Ма меня убьёт! И зачем она там поставила миску? Я полезла собирать мелкие бобы, но каждый раз, как я хватала один, несколько других проваливались вниз.

— Получишь хорошую трёпку, когда Ма это увидит, — ухмыльнулся Уильям, нарочно расталкивая ногой бобы.

В животе заныло. Я ещё чувствовала, как меня шлёпнула рука Ма. Я подкралась к двери. Можно удрать, пока она ещё болтает с толстой Летицией.

— Эй, ты это слышала? — Уильям бросился к окну.

— Что?

— Крылья, огромные крылья. Слышишь, как хлопают? Видишь ту чёрную тень? Не завидую тому, кто сейчас окажется там один.

Летиция говорила, та птица больше кузнеца Джона, с совиной головой и большими страшными когтями. Только вчера я видела сокола, поймавшего полевую мышь. Он сидел, сжимая в лапе маленькое тельце, рвал шкурку и внутренности крючковатым клювом, красным от крови. Я вздрогнула. Что может сделать птица размером с кузнеца Джона?

Я вышел из уборной — и вздрогнул от неожиданности. Я и не слышал, как этот мальчишка пробрался в мой двор. Уильям, сын Алана, стоял прислонившись к дверному косяку, пожёвывал прутик и лениво шевелил в пыли пальцами босых ног. Он ухмыльнулся, увидев, что испугал меня.

— Если ты принёс письмо, надо стучаться в дверь, — проворчал я. Господи, я же приходской священник. Они считают, что можно вот так просто шляться по моему дому, как будто я простой серв?

— Я стучал, — он даже ветку изо рта не вынул. — А ты не ответил.

— Значит, нечего меня беспокоить.

Люди весь день стучались в мою дверь, особенно эта старая сплетница Летиция, но я не мог никого видеть. Мне до сих пор было плохо от мыслей о ночи Всех святых, а перестать об этом думать я не мог. Но я находил себе оправдание. Соломенное чучело, сожжённое на костре, было набито чёрной беленой. Я узнал её отвратительную непроходящую вонь в углях, оставшихся от костра на следующее утро. Белена одурманивает и приводит в ступор тех, кто ею дышит. Меня отравили, лишили разума — как же я мог справиться с тем демоном? Однако где-то глубоко внутри я понимал, что одурманенным или в здравом уме — мне всё равно не хватило бы духа противостоять чудовищу. Даже столкнувшись со старой Гвенит, я не сумел прибегнуть к помощи священных слов, чтобы защитить себя, а она хоть и ведьма, но всё же простая смертная.

Уильям с ухмылкой наблюдал за мной. Похоже, этот противный ребёнок слышал, что я удра, и здорадствует.

— Чего тебе, мальчик? — проворчал я.

— Ходят кой-какие слухи, может, и ты захочешь знать, насчёт дома женщин. Говорят, у них есть святыня, которая спасает от чёрного мора.

— И что за святыня?

— Одна женщина, Энн... нет, мужское имя... а, вспомнил, Андреа. Она умирала, и её вырвало причастием. Женщины попытались сжечь его, только оно не горело. И они поняли, что это чудо.

— Кто тебе это сказал, Уильям?

— Сестра, вот кто. Она не хотела, но я сказал, если выдаст мне секрет, я не скажу Ма про бобы. Отец говорит, у девчонок и у женщин всегда есть секреты, — он снова ухмыльнулся. — И правда. Сестра говорит, те женщины прячут эту святыню от всех.

Святыня в навозной куче — как это возможно? Если и впрямь случилось чудо, неудивительно, что женщины из бегинача молчат о нём. Они знают, что не вправе хранить святыню. Любые облатки, с чудом или без, можно хранить только в освящённом месте — в церкви или монастыре. А эти женщины даже не монахини, они и прикасаться не должны к Телу Христову, тем более хранить его в своих горшках и кастрюлях. Если слух об этом дойдёт до епископа, он потребует, чтобы святыню тут же отправили в Норвич.

Но как же могло отшельницу Андреа на смертном одре вырвать гостией? Меня не звали её соборовать. Может, они вызвали священника из другого прихода? Если так, он прикарманил плату, который должна пойти в церковь святого Михаила. Это серьёзное оскорбление для меня, как для священника, но кроме того, я нуждаюсь в каждом пенни

платы за обряды и десятины, какой только могу собрать. Мне же как-то надо собрать денег, чтобы выкупить серебро. И как будто этого мало, я узнаю, что какой-то другой священник меня обокрал. Интересно, только один раз? Сколько ещё моих прихожан он исповедал, сколько детей крестил?

Уильям украдкой наблюдал за мной.

— Думаю, этот секрет кое-чего стоит, так ведь, отче? — Он протянул грязную руку.

— Что? — Я и забыл, что мальчишка ещё здесь. — Заходи, найду тебе что-нибудь, — сказал я, не подумав, и тут же сообразил, что в доме, возможно, ни одной монетки не найдётся, чтобы ему заплатить. — Нет, погоди. Хочу ещё кое-что узнать. Кто приносил в дом женщин гостию? Можешь выяснить?

— Конечно, могу, — усмехнулся Уильям. А сколько ты заплатишь?

— Узнай, и заплачу вдвое.

Уильям прищурил глаза, как недоверчивый старый лавочник, подсчитывающий прибыль.

— Сначала заплати за сегодня. — Он прошёл мимо меня в дом, давая понять, что не уйдёт, пока не получит денег.

Мальчишка быстро учится. Но как я могу осуждать ребёнка, если даже собрату-священнику нельзя доверять?

Настоятельница Марта

Когда Божий гнев поражает землю, каждому человеку надо пасть на колени и молить о спасении души. Но даже когда смешались времена года, а скот замертво пал на пастбищах, люди обратились за помощью не к Богу, а к дьяволу, источнику зла. Деревенские, вползающие в наши ворота с просьбами о пище и лечении, принесли с собой это зло и отравили бегинаж своими сплетнями.

Демона, которого называли Оулмэном, видела пара молоденьких глупых девчонок, прибежавших в Поместье с криком, что на них напала какая-то чудовищная птица. Конечно, это чушь. Должно быть, девушки задержались допоздна в деревне, загуляли с какими-нибудь тамошними парнями, вот и придумали историю, чтобы избежать заслуженной порки.

Но сколько бы я не предостерегала женщин против таких разговоров, прекратить их было не легче, чем остановить ветер. Я удвоила усилия, убеждая нашу маленькую общину укрыться в любви Господней. Я уверяла их, что даже если бы такая адская тварь существовала (что, несомненно, не так), мы будем полагаться на Бога, и он защитит нас.

По деревне распространялось безумие, но я утешала себя мыслями о том, что в нашей церкви хранится реликвия Андреа, и её молитвы нас оберегают. Пастушка Марта с любовью вырезала из дерева шкатулку для хранения чудотворных даров, а молочница Марта нарисовала сцены для её украшения. На одной стороне шкатулки предполагалось изобразить рождение Андреа и с парящего ангела-хранителя. На другой — коленопреклонённую отшельницу, молящуюся в келье, в вокруг люди протягивают к ней руки. И наконец, сами чудесные Дары, сверкающие золотом в огне, и бегиннок, стоящих на коленях перед ними.

Бегинки постоянно сновали мимо, благоговейно касались реликвии, поминали Андреа в молитвах и просили у неё помощи. Они верили, что наш скот избежал мора потому, что реликвия Андреа оберегала бегинаж, иначе почему они посланы нам за несколько дней до нашествия болезни? Это означает, что Бог дал Андреа знать о надвигающейся эпидемии, и она, умирая, оставила нам облатку для защиты. Я не обсуждала это с бегинками, но и не возражала, и в конце концов сама поверила в эту историю. В такое изменчивое время всем нужно верить, что мы под защитой.

Через внутренний двор ко мне спешила Беатрис.

— Настоятельница Марта, погоди! Она наклонилась, переводя дыхание, уперевшись руками в колени. — Там пришла молоденькая девушка. Она немая, но видно с ней что-то случилось, она жестами зовет меня за собой, но...

— А куда она тебя зовет? — спросила я.

— Откуда мне знать? — огрызнулась Беатрис. Разве я не сказала, что девочка может объясняться только жестами?

Я подняла брови, удивлённая её тоном.

— Ребёнок показывает в сторону холма, — продолжила Беатрис уже спокойнее. — Она живёт... Пега говорит, она живёт там, наверху, со своей бабкой, старой Гвенит. Похоже, что-то не так. Может, с её бабкой произошёл несчастный случай или она заболела.

— А ты хорошо знаешь эту девочку?

Беатрис покраснела.

— Я... я видела её, Настоятельница Марта... только издали, вот и всё. Даже никогда с ней не говорила.

— Тогда странно, что она пришла именно к тебе.

Лицо Беатрис стало виноватым, как у непослушного ребёнка, которого застали за шалостью. Я удивлённо смотрела на неё, не в силах понять, отчего она чувствует вину за то, что девочка обратилась именно к ней.

— Должно быть, она увидела на твоём лице сострадание и христианское милосердие, а природное чутьё, данное Богом всем бессловесным созданиям, подсказало, что ты не причинишь ей зла, — сказала я. — И я этому рада. Пойдём сейчас же. Позови Целительницу Марту, возьми с собой Кэтрин, пусть поможет принести из лечебницы носилки. Если эта Гвенит где-то лежит, возможно, нам придётся ее нести. Я буду ждать тебя у ворот бегинажа.

— Нет, тебе незачем идти, мы с Кэтрин сами справимся, — поспешно сказала Беатрис.

Похоже, мысль, что я иду с ними, ее взволновала. Но вряд ли можно доверить Беатрис решать, приводить ли Гвенит к нам в бегинаж. А что, если старуха умерла? Беатрис, конечно, не думает об этом и не справится с ситуацией.

— По-моему, мне нужно идти, Беатрис. Я в этом уверена.

И с чего мне пришло в голову обращаться к Настоятельнице Марте? Надо было идти прямо к Целительнице Марте, просить носилки и каких-нибудь трав. Однако она могла всё равно отправить меня к Настоятельнице Марте. Она хранит секреты той маленькой суки-убийцы Османны, а мои — нет.

Я поняла, что сделала глупость, когда Настоятельница спросила, знаю ли я девочку. Я снова увидела гадюк, мелькающий в полумраке маленький розовый язычок, невинную наготу маленького тела, бабочек, трепещущих на смуглой коже, и волосы, яркие, как пламя. Я ощутила, что краснею, и отвела взгляд, боясь встретить взгляд Настоятельницы Марты.

Но теперь, когда мы взбирались вверх по холму, я беспокоилась о старой Гвенит. Девочка не могла ничего сказать, но старуха обязательно вспомнит, что я там была. Что она скажет Настоятельнице Марте? Я пыталась убедить себя, что не совершила никакого греха, но Настоятельница Марта обязательно сочтёт это проступком. Она всегда скажет что-нибудь хитрое, чтобы скрутить тебя в узел и заставить почувствовать вину и никчёмность, даже если ты не сделала ничего плохого.

Гудрун бежала впереди, босые ноги легко и уверенно ступали по камням, как будто не касались их. Время от времени она останавливалась и ждала, но едва нам удавалось ее догнать, опять неслась вперёд, а мы, задыхаясь спешили за ней.

Настоятельница Марта нередко возвращалась, чтобы помочь Целительнице Марте. В тот день Целительница Марта неплохо себя чувствовала, и сначала ей удавалось справиться с силами, но под конец сильным рукам Настоятельницы Марты пришлось ее поддерживать. Поэтому нам приходилось идти медленно, и путь показался вдвое длиннее, чем в первый раз, но наконец мы вышли на плоскую лужайку среди скал, и я снова увидела колючий куст, увешанный тряпками, прядями волос и амулетами, а за ним — домик Гвенит. Гудрун указала на дом и убежала, исчезла за камнями прежде, чем мы успели ее остановить. Настоятельница Марта первой вошла внутрь.

Даже у самых ничтожных созданий есть нора в земле или дупло на дереве для защиты от холода и дождя, но хижина этих несчастных даже на это не годилась. Когда я была здесь в прошлый раз, светило солнце. И хотя дом и тогда казался мне жалким, но, Боже мой, как ужасно зимой не иметь другого убежища от снега, дождя и холодного ветра. Как они прожили в нём так долго?

В углублениях земляного пола стояли зелёные лужи воды. На камнях и плетёных ветках поблёскивали капли слюны. Ужасная вонь застоявшейся мочи разъедала глаза. Старая Гвенит, скорчившись, лежала на кучке гнилой соломы. Лицо у неё было серое, как и укрывавшие её грязные тряпки, скрюченные на груди пальцы такие худые, что, казалось, рассыплются, если до них дотронуться.

Меня поразил вид её ног. Юбка обгорела, как будто она стояла в костре, почерневшая ткань висела лохмотьями, голые ноги под ней покрылись мокнувшими волдырями. На обугленной плоти краснели страшные раны. Целительница Марта оперлась на мою руку, тяжело опустилась на грязный пол рядом со Гвенит и осторожно взяла ее запястье. Не обращая внимания на вонь, она склонилась ниже, потом выпрямилась.

— Должно быть, она стояла слишком близко к очагу и задела юбкой огонь. В ней ещё теплится жизнь, но так слабо, что любой вздох может стать последним. Надо нести её в

лечебницу, здесь я не смогу ей помочь.

— Ты сможешь ее спасти? — вполголоса спросила Настоятельница Марта.

Целительница Марта покачала головой.

— Если бы она была моложе, может, я и смогла бы вылечить эти раны, но она умирает не только из-за ожогов. Это старость. Никакие травы не могут повернуть время вспять, но, по крайней мере, в лечебнице можно укрыть её старые кости мягким одеялом и согреть. Пусть хоть умрёт в тепле, боюсь, его было так мало в её жизни.

Настоятельница Марта кивнула и сделала мне знак взять Гвенит за ноги, а сама подхватила за плечи. Старуха оказалась лёгкой, как мешок с высохшими куриными костями. Я легко могла бы взять её на руки и донести сама. Мы положили стонущую от боли старуху на носилки. Настоятельница Марта укутала её толстым одеялом и велела Кэтрин помочь мне обвязать безжизненное тело верёвкой, чтобы она не упала при спуске с холма. Но Кэтрин боялась прикоснуться к старухе. Она беспомощно стояла, сжимая руки, пока Настоятельница Марта не отстранила её и не помогла мне сама.

Мы были так поглощены заботой о старухе, что никто не заметил, как сзади появилась Гудрун. Немая неожиданно бросилась на спину Настоятельница Марты. Та пошатнулась и упала лицом вниз, а девочка кусала её и рвала на ней одежду. Настоятельница Марта изворачивалась, пытаясь вырваться, но ей никак не удавалось освободиться от цепкой хватки.

— Не стой так, Беатрис. Забери её.

Я попыталась разжать пальцы девчонки, но это оказалось нелегко — хватка у неё была как у коршуна. Наконец, мне удалось оттащить Гудрун от Настоятельница Марты, та задыхаясь поднялась на ноги и ухватила руки Гудрун, удерживая их сзади. Маленькая ведьма извивалась, пытаясь плюнуть, но не могла вырваться. В конце концов она перестала сопротивляться и молча заплакала, худое бледное лицо выглядело несчастным и растерянным.

— Возьми себя в руки, дитя, — приказала Настоятельница Марта. — Бабушка умирает, пусть хотя бы умрет в тёплой сухой постели, с утешением и помощью Христа. Если она придёт в сознание и сможет исповедаться, Бог явит ей свою милость.

Плечи девочки тряслись от рыданий, но она не издавала ни звука. Молчание было невыносимо. Я опустила на колени и обняла плачущего ребёнка, но она отшатнулась, как будто я хотела ударить.

— Тише, детка, — я старалась говорить как можно мягче. — Мы не причиним вреда твоей бабушке. Всё хорошо, теперь всё хорошо. Мы отнесём её в безопасное место, накормим и дадим чистую одежду. И ты можешь оставаться с ней. Ты наешься до отвала, там тепло и сухо. И кто знает, может, скоро она снова поправится.

— Не давай ей ложной надежды, — отрезала Настоятельница Марта, голос у неё стал ещё резче.

Целительница Марта тронула её за плечо, пытаясь успокоить.

— Ну хватит. Слова не важны, ребёнок вряд ли что-то понимает кроме успокаивающего тона и доброго голоса. Беатрис права, полный живот или пустой — это ей понятнее.

В конце концов, срезать тряпки с тела Гвенит пришлось Целительнице Марте и мне. Целительница Марта попросила Османну заниматься лечебницей в ее отсутствие, но эта бессердечная маленькая дрянь постоянно пыталась свалить на меня заботу о Гвенит, говоря, что занята другими поручениями. Должно быть, считает себя чересчур высокородной, чтобы

мыть какую-то несчастную старуху.

Голое тело Гвенит выглядело жалко. В интимных местах уже не было волос, кожа на животе обвисла и пожелтела, как у ощипанной птицы. Руки у неё тоже обгорели, хотя и меньше, чем ноги. Она была холодна, как лёд, но не дрожала. Мы с Целительницей Мартой попытались приподнять её за руки и вымыть, но грязь въелась так глубоко, а сморщенная кожа так истончилась, что мы не решились тереть. Да и зачем? Легче ей от этого не станет и жизнь не продлится.

Целительница Марта смазала лекарственным снадобьем ожоги, натёрла грудь старухи согревающей мазью. Комнату заполнил едкий запах скипидара. Маленькая Гудрун всё это время сидела на корточках у очага и грызла кусок хлеба, смоченный в похлёбке. Она жадно, обеими руками запихивала еду в рот, словно боялась, что кто-то отнимет. Рыжие волосы, освещённые огнём, падали на лицо. Девочка казалась странно спокойной, как будто забыла о существовании старухи, но задрожала и забилась в дальний угол, увидев вошедшую Настоятельницу Марту.

— Ну, как она? — спросила Настоятельница Марта, глядя на Гвенит, как будто поинтересовалась ценой на хлеб. В этой женщине нет ни крошки человечности и сострадания.

Целительница Марта покачала головой — по её мнению, никакое зелье уже не могло удержать Гвенит в этом мире.

— Может, нужно пустить ей кровь? — спросила Настоятельница Марта. — Если бы она хоть ненадолго очнулась, чтобы исповедаться...

— Она так плоха, кровопускание лишь ослабит её и ускорит конец.

— Нет ли какого-то лекарства, чтобы привести её в чувство? — Настоятельница Марта похлопала Гвенит по руке, но умирающая не открыла глаз.

— Попробую дать ей немного тёплого вина с пряностями, если, конечно, она сможет пить — сказала Целительница Марта и прихрамывая поплелась к двери. — Но лучше сама помолись о ней, Настоятельница Марта — чтобы привести её в чувство нужно гораздо больше, чем могу я.

Когда я неожиданно проснулась, маленькая Гудрун склонилась над своей бабкой. Глаза старухи были открыты, она что-то шептала девочке, но я не могла разобрать слов. Целительница Марта, сидящая у очага напротив меня, предупреждающе вытянула руку.

— Дай им немного побыть вдвоём, — тихо сказала она. — Осталось недолго. Османна пошла за Настоятельницей Мартой.

Конечно, это всё Османна. Как только эти двое появятся, тут же оттолкнут прочь бедную маленькую внучку Гвенит.

Целительница Марта укоряюще посмотрела на меня, как будто прочла мои мысли.

— Настоятельница Марта должна знать. Нужно дать этой женщине возможность примириться с Богом. — Она поворошила огонь, и от него в темноту полетели искры. — И, похоже, молитвы Настоятельница Марты были услышаны. Я и не надеялась, что Гвенит сможет говорить.

— А ты уверена, что это не твоё вино ей помогло?

Её морщинистое лицо расплылось в улыбке.

— Скорее всего, и то и другое. Хорошее вино, подкреплённое горячей молитвой, может творить чудеса.

Настоятельница Марта в сопровождении Османны ворвалась в комнату. Она отодвинула в сторону Гудрун и низко склонилась над Гвенит, вцепившись в её тощее плечо.

— Исповедайся, и сможешь сбросить бремя грехов, уходя из жизни. Какое бы зло ты не делала, если расскаешься в этот последний час, Господь по милости своей простит тебя.

Но старуха только слабо усмехнулась.

— Поздно, госпожа. Моих грехов не перечислить.

Неожиданно тощая рука сжала запястья Настоятельницы Марты. Старуха тянула её к себе так яростно, будто хотела утащить с собой в ад.

— Оулмэн... я видела, как он летел... они его разбудили. Священник не успел...

— Оулмэн — просто нелепый слух, пустоголовые молоденькие девчонки вечно болтают глупости. Не трать на это то небольшое время, что у тебя осталось. Тебе следует думать о собственной бессмертной душе.

Старуха снова потянула её к себе.

— Те, кто его разбудил, узнали только половину заклинания... и не могут им управлять... Священник слишком слаб... но ты... в тебе живёт дух ведуньи... Тебя не испугать, ты сильная женщина. Ты... Помни об этом.

Настоятельница Марта возмущённо отдернула руку.

— Во мне дух Христа, как и во всех здесь. И поверь, нас не испугать никакими кознями Сатаны.

Старуха тяжело закашлялась, потом, задохнувшись, откинулась на спину и прикрыла глаза.

— Моя Гудрун... — с трудом выговорила она, — заклинаю... присмотри за ней... не дай им причинить ей боль.

Девочка неподвижно стояла рядом, у кровати. Если она и понимала, о чём речь, то не показывала вида.

— Не дай запереть её в клетке... всё дикое умирает в неволе... Позаботься о ней, и моё благословение будет с тобой. А если бросишь — я прокляну тебя...

Настоятельница Марта опустилась на колени у кровати и попыталась снова, более мягко:

— Гвенит, ради твоей бессмертной души, хочешь примириться с Господом?

— Чего нам мириться? Ни я не говорила с Богом, ни он со мной, и причины для ссор у нас не было.

— Гвенит, мы все рождены в грехе. Мы все оскорбляли Бога. Но тебе ещё не поздно спастись от адского пламени.

Старуха снова открыла глаза, как будто собиралась ответить, но взгляд остановился на Османне, стоявшей позади. Она поманила девочку согнутым, как птичий коготь, пальцем. Османна не шевельнулась.

— Как твоё имя, дитя?

— Ос... Османна, — прошептала девочка.

Гвенит раздражённо махнула рукой.

— Не это имя, дитя. У тебя есть другое.

Настоятельница Марта вцепилась в тощую руку и встряхнула так, будто пыталась вытряхнуть мысли из старухиной головы.

— Гвенит, твоя душа в смертельной опасности. Если умрёшь непрощённой — гореть тебе в муках до самого Страшного суда. Ты должна...

— Скажи мне своё имя, девочка, — выдохнула старуха.

— Я избавилась от старого имени, — краснея проговорила Османна.

— Ты не избавилась ни от чего... верни своё имя... Тебе не будет покоя... пока ты не найдёшь своё имя.

— Она бредит, — проворчала Настоятельница Марта. Она низко склонилась над старухой. — Слушай, Гвенит, ты умираешь. Тебе нужно думать о Боге. — Настоятельница Марта говорила медленно и громко, как с глухой.

— А разве Он когда-нибудь думал обо мне, госпожа?

Глаза старой Гвенит закрылись. Она слабо вздохнула и затихла. Слышалось только потрескивание дров в очаге. Целительница Марта подняла прозрачные голубоватые веки старухи, коснулась глаз, поднесла к ее губам перо. Мне показалось, что прошла целая вечность, но перо не пошевелилось.

Гудрун переводила взгляд с одной из нас на другую, потом на свою бабу. Она медленно вытянула сжатую ладонь, осторожно, одним пальцем, тронула лицо старухи и отдернула руку, словно обожглась. Девочка отшатнулась, широко, как воющая собака, открыла рот, но не издала ни звука. Она застыла на месте, и упала на пол, прежде чем кто-либо из нас успел ее подхватить. Гудрун тряслась и задыхалась, изо рта у неё пошла пена. Мы беспомощно смотрели, не в силах ничем ей помочь.

— Мог бы выбрать для свидания местечко потеплее, — тихонько пропел голос Хилари из-за деревьев.

Я обернулся, но никого не увидел. В роще было пусто. До заката оставалось ещё около часа, но небо закрывали облака, моросил дождь и казалось, уже наступали сумерки.

— Помню, ты говорил, что никогда больше не захочешь со мной видиться, — в голосе Хилари звучала насмешка. — А я — наоборот, что ты сам станешь умолять меня вернуться, не забыл?

— Хватит со мной играть, Хилари. Выходи.

Я подпрыгнул от неожиданности, когда меня хлопнули по плечу.

Хилари рассмеялся, жадно поцеловал меня.

— Но всё же, скажи ради Бога, почему мы должны встречаться в лесу? Если решил, что я стану здесь зимой раздеваться, подумай получше. Тот вонючий склеп в соборе был таким холодным, что я чуть яйца не отморозил, а тут ещё и уховёртки, и колючки под задницей. Забудь. Почему мы не могли встретиться в твоём доме?

— Мы там чуть не попались — помнишь? А теперь стало ещё хуже. Мастера Совы за всем следят, сразу же заметят чужака, начнут задавать вопросы. Любой из деревенских может оказаться Мастером Совы или шпионить для них. Поэтому пришлось здесь. В других местах слишком опасно.

Дождь тихо стучал по мёртвым листьям под ногами, кусты трепетали, и я боязливо оглядывался. Казалось, со всех сторон раздаются шелест и скрип. Никогда не думал, что в лесу бывает так много звуков, всегда считал его тихим и мирным. Да, встречаться здесь — не очень удачная мысль. Старый подлесок мог скрывать дюжину пар следящих глаз или слушающих ушей.

— Бедный мой Ульффридо, да ты весь дрожишь, — Хилари схватил меня за руку. — Ужасно выглядишь. Сядь. Что случилось? — Голос Хилари утратил ленивую тягучесть, в тёмных глазах на этот раз было искреннее беспокойство, которого я не видел уже много месяцев.

Поблизости лежал поваленный дуб. Я полуоперся, полуприсел на огромный ствол. Хилари приподнял полу моей сутаны, его рука скользнула меж моих бедер. Я задрожал, когда его холодные пальцы, мокрые от дождя, легко коснулись моего естества, прошлись по всей длине, нежно охватили яички. Старый приемчик. Он уже много месяцев не был так нежен со мной, и я чувствовал в этом только попытку утешения, а не насмешку. Я страстно жаждал поддаться его прикосновениям, но не смел. Наконец, я собрался с силами, вырвался из его рук и встал.

Хилари ломал на кусочки сорванную ветку.

— Мне есть за что обижаться на тебя, Ульффридо. Сам не знаю, зачем я пришёл. — Он, как раздосадованный ребёнок, оттопырил нижнюю губу. — Прогоняешь меня, потом несколько недель ни слова. А теперь ждёшь, что я прибегу, едва ты щёлкнешь пальцами. Я вообще не собирался приходить.

Он прислонился к поваленному дубу, лениво, как скучающий ребёнок, шаркая ногами по прелой бурой листве. Я чувствовал досаду и гнев. Он понятия не имел, что я пережил за последние несколько дней. На мгновение мне захотелось излить всё, что произошло в канун

Всех святых. Однако тот, кто там не был, никогда не сможет понять весь ужас случившегося. И как мне ответить, если он спросит, что я сделал? Я не смогу признать, что решив сражаться со злом, я просто развернулся и бежал прочь, как трус, вместе со всеми деревенскими.

— Ну, в чём дело? — нетерпеливо спросил Хилари. — Притащил меня в эту поганую деревню, значит, чего-то тебе надо. Говори уже или трахай меня, мне без разницы, только делай что-нибудь. Я не собираюсь сидеть в этой сырости всю ночь.

Я снова разозлился и вскочил.

— Хочешь знать, чего мне надо? Я скажу. Мне нужны деньги.

— Деньги? — недоверчиво переспросил Хилари. — С чего это ты нуждаешься в деньгах? Ты же чёртов священник, что за хрень такая. Хороший доход, дармовое жильё, еда, вино. У тебя всё есть. И спину гнуть ради заработка не приходится. Пробубнил пару молитв на латыни — и все дела, даже пальцем шевелить незачем. Вот бы мне всё так легко доставалось.

Я замахнулся на него, прежде чем успел сообразить, что делаю. Хилари поднял руку, загораживая лицо от удара, и во мне тут же поднялись стыд и досада. Нельзя отталкивать от себя единственного близкого человека. Я опустил руку. Хилари смотрел с презрением — он понимал, что я хотел ударить, но мне не хватило духа.

Я судорожно вздохнул.

— Деревенские не платят десятину. Я отдал епископу Салмону всё, что было в амбаре, но этого мало, и мне пришлось занимать остальное. Я отдал под залог церковное серебро. Его ещё не хватились, но надо выкупить до Рождества, не то д'Акастер поймёт, что оно исчезло. Мне нужны деньги, чтобы вернуть его.

— Мой бедный маленький Ульфридо. Я так хотел бы тебе помочь.

Хилари придвинулся ближе. Я чувствовал запах пота, мускусный аромат масла, которое он втирал в кожу.

— Но это я прихожу к тебе за деньгами, Ульфридо. Ты ведь знаешь, в моём кармане монеты дольше пары дней не держатся, прожигают дыры в кошельке. Такой уж я, ничего не поделаешь.

— Но ты можешь добыть деньги. Те, другие мужчины, с которыми ты... развлекаешься. Они дадут тебе денег, если попросишь.

— Ты что, становишься сутенером? — Хилари придвинулся еще ближе. — И я думал, ты не хочешь, чтобы я развлекал других. Или втайне тебя это возбуждает? Ты лежишь в своей холодной пустой постели и думаешь обо мне с другими любовниками, а, Ульфридо?

Я оттолкнул его.

— Ты же знаешь, мне отвратительно представлять тебя с другими мужчинами, но мне известно, что ты это делаешь. Однажды ты сам с удовольствием сказал мне это в лицо.

Он ухмылялся, ничего не отрицая.

— Пожалуйста, Хилари, если у тебя есть хоть какие-то чувства, помоги мне. Мне больше некого просить. Деревенские не платят положенное, потому что Мастера Совы отнимают у них последние гроши в уплату за так называемую защиту. Моя церковь совсем пуста.

Прислонившись к дереву, Хилари со скучающим видом смотрел на промокшие ветки.

— Должно же там найтись что-то для продажи. Может, какая-нибудь реликвия? Они в любой церкви есть.

— Не в этой, — горько сказал я. — Если бы у меня было что-то священное, деревенские охотно шли бы в церковь, несли свои деньги в обмен на защиту и помощь. Паломники выстраивались бы в очередь, чтобы прикоснуться к мощам. А с моими проблемами было бы покончено. Только чтобы купить священную реликвию, тоже нужны деньги.

Теперь уже я склонился к нему, ласково тронул вьющиеся чёрные волосы.

— Прошу тебя, Хилари. Я сделаю всё, что попросишь, что угодно. Только умоляю, достань мне денег.

Его губы потянулись к моим, язык скользнул между зубов, а рука сжала мне ягодицу, прижав мои чресла к его. По моему телу пробежала дрожь. Мы прижимались друг к другу, ощущая, как нас пронзают прежние порывы страсти. На мгновение мне стало плевать на десятину, Мастеров Совы и прочее... Всё, что имело значение — это совершенное, прекрасное тело, что я сжимал в объятьях.

Хилари наклонил голову, мягкие губы коснулись моего уха.

— Забудь об этой грязной деревне, об их вшивом серебре. Идём со мной, Ульфридо, прямо сейчас. Идём в Лондон, я всегда хотел туда попасть. Только вдвоём. Я никогда больше не буду с другим, клянусь. Я хочу только тебя. В Лондоне никто не узнает, что ты был священником...

— Хилари, думаешь, я уже не сбежал бы, если бы мог? На мне нет цепей, но Улевик — моя тюрьма. Епископ дал мне выбор — пойти сюда или предстать перед судом за то, что мы с тобой делали. Тебе известно, что самое меньшее наказание за нашу преступную связь — увечье, а возможно, и смерть. Так что выбор у меня был лишь один — Улевик. И вырваться отсюда можно только когда сам епископ меня отпустит. Если попытаюсь бежать — меня арестуют, и на этот раз наказания не избежать.

— Раз не хочешь уйти со мной, значит, ты меня не любишь, — Хилари нетерпеливо оттолкнул меня. — Ты такой же, как и остальные — получил что хотел, а потом...

Я схватил Хилари за плечи, яростно встряхнул.

— Слушай, ты, ничтожная самодовольная шлюха, неужто не понял, что декан с самого начала против меня? Он только и ждёт, чтобы я ещё хоть раз оступился, а тогда заставит епископа меня арестовать. Думаешь, это игра, и тебя не касается? Не сомневайся, ты..., если узнают, что я сделал — твоё имя тоже станет известно. Лучше помоги мне, если не хочешь оказаться на виселице с собственными яйцами во рту.

На лице Хилари я увидел страх и ненависть и понял, какую ошибку совершил.

— Хилари, прости... Я не хотел, честное слово, не хотел. Просто я так измучен... и совсем не спал. Я потерял контроль, но ты же знаешь, я не...

Тёмные глаза смотрели презрительно и холодно.

Я попытался обнять его, он оттолкнул мою руку.

— Хилари, прошу, прости меня. Клянусь своей жизнью, своей бессмертной душой, я никогда тебя не выдам. Я всегда буду тебя защищать. Разве до сих пор я этого не делал? Я отказался называть твое имя, когда епископ этого требовал. За это он приказал меня высечь. Ты видел шрамы. Мне до крови исполосовали спину, но я тебя не выдал. Я бы вынес любые страдания ради тебя, но не выдержу, если изуродуют твоё лицо или тело. Я встал на колени на промокшую траву, цепляясь за край его плаща.

— Ты мой ангел, мой прекрасный тёмный ангел. Я всё тебе отдал. Но теперь... только один раз, мне нужна твоя помощь. Никогда больше я не попрошу тебя ни о чём, но сейчас умоляю, Хилари, помоги мне.

— Встань. Ты выглядишь смешно и жалко.

Я с трудом поднялся на ноги, лицо горело от стыда и унижения.

— Я добуду для тебя денег, — холодно сказал Хилари. — Но тебе придётся подождать с месяц, может, полтора. Придётся собирать у разных людей понемногу, иначе станут задавать лишние вопросы о том, зачем мне это понадобилось. А теперь мне пора.

— Но ты же вернёшься, как только... с деньгами?

— Я что, непонятно выразился?

Он улыбнулся — нервно и чересчур ласково, и в глубине души я уже знал, что больше никогда его не увижу. Я перегнул палку, мы оба это поняли. Если у него есть хоть капля разума — он принял сказанное мной как признак опасности, а значит, немедленно уйдёт из Норвича как можно дальше, пока не случилось неизбежное.

Он поцеловал меня перед уходом. Один последний поцелуй. Извечный поцелуй предателя. А чего я ждал? Что Хилари ответит на мои мольбы потому, что любит меня? Ангелы не умеют любить. В них нет ни жалости, ни сострадания. Они для того и созданы, чтобы их любили смертные, и презирают тех, кто им поклоняется. Они существуют только для того, чтобы наказывать нас за вожделение к ним. Они — само искушение и кара. А мы целуем плоть в их руках потому, что мы... смешны и нелепы. Мы не заслуживаем их сочувствия — и не получаем.

Этой ночью я усвоил то, что отпечаталось в моей душе — только слабые выказывают сострадание, и оно их губит.

Вот у декана нет ни к кому сострадания — и Бог наградил его за непреклонность, сделав самым могущественным в епархии Норвича. Без сомнения, он способен подняться ещё выше, даже попасть в Ватикан или ко двору короля. А куда, если посмотреть, завела меня доброта? На место священника в убогой деревне в самом забытом Богом уголке Англии. Из-за моего сострадания десятинный амбар остался заполненным только наполовину, а церковь — полупустой. Моё милосердие заставило меня защищать этих заносчивых фурий из дома женщин перед Мастерами Совы и деревенскими. Моя жалостливость вынуждала снова и снова прощать этого грязного мелкого потаскуна Хилари и пускать в свою постель.

Теперь я вижу — всё, во что я верил, все христианские добродетели — всего лишь презренная слабость. Я не должен больше повторять эти ошибки. Мне надо научиться жестокости у ангелов, любимцев Бога. С этой минуты я должен быть таким же беспощадным, как они.

Хилари говорил про святыню. Нет, мне не нужно её покупать, в этой деревне только я один вправе владеть ею. Святая реликвия — на кухне у ведьм. У женщин нет на неё прав. Гостия освящена церковью. Она принадлежит церкви. Она принадлежит мне, как единственному посланнику Христа на этой вонючей помойке.

Если бы в ночь Всех святых у меня была такая реликвия, я смог бы справиться с демоном. Если сейчас она окажется в моих руках, я сумею отправить его в глубину ада, откуда он и явился. Тогда деревенские не посмеют насмехаться надо мной. Он придут к дверям моей церкви и станут проситься под мою защиту. Дом женщин обязан передать мне святыню. У меня есть на неё право. И я её у них потребую. Я заставлю этих сук отдать ее мне.

Ноябрь. День святой Уинифрид

Уэльская дева, отказавшаяся от ухаживаний принца Карадока. В ярости тот отрубил ей голову, и в том месте, где она упала на землю, забил чудодейственный источник. Её дядя, святой Беуно, приставил отрубленную голову обратно, и Уинифрид ожила.

Настоятельница Марта

Дверь в трапезную внезапно распахнулась, и сальные свечи резко мигнули. В комнату с потоком воздуха влетели опавшие листья. Привратница Марта пронеслась вдоль длинного стола прямо ко мне. Женщины тут же прекратили болтать и затихли в ожидании.

— Настоятельница Марта, у ворот тот священник с поджатыми губами. Он требует тебя, но говорит, что не ступит за наш порог.

— Нам обоим это подходит, — язвительно сказала я, — поскольку я не позволю ему войти.

Я со вздохом отодвинула дымящуюся миску похлёбки со свининой, которую не успела даже попробовать, и встала. Целительница Марта тоже поднялась со своего места.

— Оставайся и заканчивай ужин, Целительница Марта. Мне не нужно сопровождение. Вряд ли моей добродетели грозит опасность.

— Не сомневаюсь, ты вполне сможешь защитить свою добродетель от целой команды матросов с потерпевшего крушение корабля, но думаю, этого священника привело к нашему порогу не вожделение твоего тела, — пробормотала она, не особенно тихо, и, судя по плохо скрываемым улыбкам, и Пастушка Марта, и Молочница Марта услышали её слова.

Я сердито взглянула на Целительницу Марту, но она в ответ лишь спокойно улыбнулась и направилась вслед за мной к выходу из трапезной и через внутренний двор к воротам. По моему приказу Привратница Марта заперла их за нами, хотя я не сомневалась — тут же прижала к воротам ухо. Смеркалось, ледяной ветер трепал верхушки деревьев. Мы не захватили плащи и теперь дрожали на ветру. Священник ходил взад-вперёд по дороге, сцепив за спиной руки. Он остановился, не подходя к нам слишком близко, словно боялся заразы.

— Ты хотел видеть меня, отец Ульффрид. Полагаю, дело, что привело тебя сюда под вечер и в такую непогоду, очень важное?

Священник откашлялся, как будто собирался читать проповедь.

— До меня дошла весть, что у вас, в этом доме женщин, есть облатка. Мне сказали, что ее извергла отшельница Андреа, лёжа на смертном одре, и что она сохранилась невредимой в огне.

Значит, до него наконец дошли слухи. В день смерти Андреа Целительница Марта предупреждала меня, что чудо не приносит мира, но по глупости своей я решила, будто моя старая подруга может ошибаться. Облатка Андреа уже почти месяц хранилась в нашей часовне, и я начала надеяться, что Бог ответил на мои молитвы и опасность миновала. Но если отец Ульффрид узнал про чудотворную облатку, что ещё ему известно?

— Могу я узнать, кто тебе это сказал? — спросила я.

— Это неважно. Вопрос, в первую очередь, в том, как Андреа получила гостию? Я не давал его ей и думаю, священник из церкви святого Андрея тоже. Тогда кто?

Я судорожно вздохнула, стараясь сохранить непроницаемое лицо. Я молилась, чтобы и Целительнице Марте удалось остаться невозмутимой, но боялась даже взглянуть на неё. Я знала, что любую попытку переглянуться священник воспримет как признание вины.

— Разве анонимный доносчик ответил тебе не на все вопросы, отец Ульффрид?

— О да, разумеется, — сказал он. — Мне известно всё, произошедшее здесь, каждая мерзость, совершённая за этими стенами. — В тускло-серых глазах мелькнула ярость. —

Как вы посмели позволить монаху давать Андреа освящённый хлеб? Гостию могут давать только священники. Этим глумлением над таинством вы отправили в ад душу Андреа, а вместе с ней и собственные души. Вы и вправду думали, что никто не увидит, как тот монах по ночам приползает к вашим воротам? Какие ещё грязные делишки совершал он за этими стенами? Может, ваши женщины занимались с ним блудом?

Я вздохнула с облегчением. Всё же священник не узнал всей правды. Он поверил, что это францисканец давал Андреа гостию. Я не стану этого отрицать. Отец Ульффрид и так обозлён, что монах покусился на его права священника, а уж то, что это могла сделать женщина — далеко за пределами его самых диких кошмаров. Слава Богу, такое даже не пришло отцу Ульффриду в голову.

Отец Ульффрид явно принял моё молчание за признание вины. Гнев в его голосе сменился холодной уверенностью в своей власти.

— Ты и твои женщины предстанете на мессе в ближайшее воскресенье, босые и в одних сорочках. Я приму у вас исповедь перед всей паствой, и вы публично покаетесь в своих преступлениях. Вы будете...

— В чём это мы должны каяться? — перебила я. — Разве ты забыл весть, что привела тебя сюда? Бог сохранил облатку в пламени. Разве Он удостоил бы нас таким чудом, если бы мы осквернили Его тело? Сама Андреа просила о причастии, зная, кто его совершит. Разве могла святая на смертном одре так заблуждаться, оставаясь святой?

Лицо отца Ульффрида побелело от злобы в ответ на мою дерзость.

— То, что эта Андреа не смогла проглотить святое тело Господа, показывает, как тяжелы её грехи, а также что Бог отклонил отпущение грехов, полученное от францисканца. — Он крепко сжимал кулаки, и казалось, с трудом удерживается от того, чтобы меня ударить. — То, что вы пытались сжечь свидетельство вашего греха, доказывает вашу вину в этом фарсе. Бог сохранил святое тело от огня, чтобы разоблачить перед всеми ваше преступление.

Он шагнул вперёд, и его лицо оказалось совсем рядом. Он пытался испугать меня и заставить отступить, но я была выше него, и он не достиг желаемого эффекта. Я осталась на месте.

— Я так понимаю, отче, ты отрицаешь, что Андреа умерла святой? Разве не странно, что чудо последовало за смертью грешницы? Я согласна, многие причащались, имея на душе неисповеданные грехи, но за этим не последовало никаких чудес.

Он недолго колебался, не зная, что ответить. Потом вздёрнул подбородок.

— Наверняка таинство было навязано ей во вред, без согласия, пока она была беспомощна. Ты и тот монах из зависти и злобы решили утащить её душу в ад вместе со своими. Вы придёте в воскресенье, как я велю, и доставите ко мне чудотворную облатку — перед всей паствой, в тот же день. Если же вы этого не сделаете, ты и все, живущие в вашем бегинаже, будут отлучены от церкви. Тебе и твоим женщинам будет отказано во всех церковных таинствах. Если не раскаетесь, умрёте без исповеди и христианского погребения. Сам дьявол потащит вас в неугасимое адское пламя. А уж я постараюсь, чтобы каждый в Улевике, мужчина, женщина или ребёнок, узнали, что ни одной христианской душе не разрешено торговать с вами или входить в ваши ворота, иначе их ждёт такое же наказание. Многие ли из них приведут к вам больных, зная, что тем самым обрекут их на вечные муки? — Последние слова он выкрикнул с видом победителя.

— Избавь меня от своих угроз, отец Ульффрид. Ты уже отлучил от церкви половину

деревни за то, что они не платят тебе десятину. Так почему бы им не прийти к нам? А что касается больных, большая часть их здесь потому, что матушка-церковь по своему великому милосердию прокляла и изгнала их. Церкви пусты, как кошель нищего, и неудивительно — люди получают больше утешения от хозяев пивных, чем у священников. И теперь за пределами церкви остаётся больше народа, чем внутри. Не всё ли им равно, что ты запрещаешь похороны в границах церковной ограды, если они не могут заработать на оплату, которую ты за эти похороны требуешь? Те, кто ещё обращается к Богу, молятся далеко от церкви, там, где воздух чище, а голоса не душат твои лицемерие и жадность.

Меня трясло, и больше я ничего не могла сказать, боясь, что голос сорвётся. После длинной паузы я повернулась к нему спиной, обняла Целительницу Марту, и мы пошли внутрь.

— Мне нужна реликвия, — крикнул он вслед. — Она должна быть у меня. Я ваш священник. Вы не смеете мне отказывать. Во имя святой церкви приказываю... — Он продолжал выкрикивать угрозы, пока Привратница Марта запирала за нами ворота. Она оттащила свою жаровню от входа к небольшому углублению в стене, и мы с Целительницей Мартой с удовольствием отогрели руки над огнём.

— Пришёл сюда требовать нашу реликвию, никогда ничего подобного не слышала, — Привратница Марта накрыла мою руку мозолистой ладонью. — Не обращай на него внимания, Настоятельница Марта. Собака лает, ветер носит. Женщины Улевика понимают, как много добра ты для них делаешь, гораздо больше, чем он, и очень тебе благодарны.

Как я и думала, стоя за воротами, она слышала каждое наше слово.

— Ты хорошо ему ответила, — Целительница Марта хлопнула мою другую руку.

Я была признательна за добрые слова, но рассержена тем, каким пустяком им показалось случившееся. Похоже, они не поняли, что сейчас произошло.

— Разве вы не слышали, что сказал священник? — рассерженно спросила я. — Он намерен отлучить всех нас от церкви. Сколько бегинок останется с нами, узнав, что лишены Тела Господня? Что, если с кем-то случится несчастье или болезнь, и они умрут без последнего причастия?

Привратница Марта взглянула на меня, как на безумную.

— Но ведь ты же причастишь их, как Андреа?

Я смотрела не неё, не веря своим ушам.

— Ты понимаешь, что сказала? Это же немыслимо.

— Почему?

— Потому... потому, что церковь это запрещает, и ты это знаешь.

Между её глазами пролегли две глубоких, как шрамы, морщины.

— Церковь запретила тебе причащать Андреа, но ты всё же это сделала. Что бы ни думали остальные, я, хранительница ворот, знаю, что францисканец не входил в эти стены, и Андреа тем более не могла выйти и принять облатку. А значит, это ты давала ей гостию.

— Не беспокойся, — добавила она, увидев испуг на моём лице. — Я ничего не говорила остальным. Но ведь они тоже могут догадаться, как и я? Чем все мы хуже? Да, согласна, мы не святые. Но думаю, грешники больше святых нуждаются в Его теле.

Целительница Марта предупреждала — Привратнице Марте известно, что я сделала, но если она поняла, сколько других бегинок обо всем догадались? Как скоро и этот слух дойдет до ушей священника?

Я покачала головой.

— Это очень опасно. Нас уже предали. Ведь кто-то из нас, бегинок...

— Не говори ерунды. Это не бегинки. — Привратница Марта сунула в жаровню ещё полено. — Думаешь, в Улевике не гадали, отчего наш скот не пал от чумы? Мастера Совы за всем следят. Они будут следить за дорогой к бегинажу. Но деревенские не узнают, что ты причащаешь нас, если мы будем осторожны. Служи мессу ночью, когда в лечебнице все спят.

Всё это звучало так просто. Может, она права, и это единственное, что я могу сделать. Я не поведу бегинок на публичное покаяние и унижение. Это уничтожит их и разрушит доверие жителей деревни. Но я и не собиралась отдавать реликвию священнику. Бегинки верят в неё. Как же я смогу остаться Настоятельницей Мартой, если они увидят, что я испугалась? Но бегинаж не сможет жить без веры. Бегинки — женщины набожные и благочестивые, решившие посвятить жизнь Богу. Они не останутся здесь, если поверят, что этим обрекают себя на муки ада.

Пошатнувшись, я опустилась на деревянную скамейку, такую реальную и прочную. Пальцы до боли вцепились в дерево, и я никак не могла заставить себя отпустить его.

Первые христианки разламывали хлеб и делили между собой. Так почему нам нельзя? Почему мы не можем поступать как они? Женщины засеяли поле, собрали урожай, обмолотили, смололи муку и испекли хлеб — почему они не смеют подавать его божьим детям?

Я увидела, как по лицу Целительницы Марты скользнула улыбка. Она читает мои мысли? Не говоря ни слова, я поднялась и пошла к часовне. Оборачиваться было незачем — я и так знала, что Целительница Марта и Привратница Марта переглянулись, довольные, что меня убедили.

В пустой часовне стояла тишина, холод пробирал до костей. По тёмным стенам, как мотыльки, мерцали блики свечей, отчего рисованные фигуры, казалось, двигаются в тени. Женщины уже ушли спать, только Целительница Марта преклонила колени рядом со мной. Я не видела её полностью закрытое капюшоном лицо, но знала, что она молится, я это чувствовала. Может, она молится за меня? Я посмотрела на ларец с реликвией Андреа, стоящий на алтаре между двумя свечами, как маленькая усыпальница.

Андреа отдала всю себя — тело, разум и дух — под покровительство церкви, святой опоры, где находят убежище все слабые человеческие души. Щит веры и повиновения передавался из рук в руки в длинной цепи священников-мужчин, тянущейся сквозь гонения и темноту веков к святому Петру, а от него к самому Господу. Через эту цепь посвящённые могли коснуться руки Христа и принять бесконечную силу самого Бога. Теперь, стоя на коленях, я просила помощи у Андреа, отказываясь в то же время подчиниться воле церкви. Более того, я просила для себя полномочий, немыслимых даже для непосвящённых мужчин.

Дверь часовни хлопнула от порыва ветра, огоньки свечей задрожали. Целительница Марта с трудом поднялась на ноги и захромала к выходу. Я двинулась за ней. Мы вышли вместе, направляясь обратно в свои комнаты, жадно вдыхая свежий ночной воздух. У двери кельи Целительницы Марты мы остановились.

В темноте она устало прислонилась к стене, потирая поясницу.

— Ты твёрдо решила?

— У меня нет другого способа сохранить бегинаж. Но примут ли женщины гостию из моих рук?

— Наши сёстры во Фландрии причащали отлучённых от церкви. Марты об этом знают,

они помогут тебе убедить остальных. Но ты не учла кое-чего ещё.

— Не может ли это подождать до завтра, Целительница Марта? — Я ужасно устала и хотела только уснуть.

Она крепко сжала мою руку.

— Ты должна понимать, что собираешься сделать. От той гостии, что приносил францисканец, осталось только три облатки, на всех не хватит, как ни дели.

— Значит, придётся попросить францисканца возобновить визиты к нам. Уверена, он поможет.

— Нет, подруга, нет, ему больше нельзя этого делать. Это опасно и для него, и для нас. Ты же слышала, что сказала Привратница Марта — за беги́нажем следят.

— Тогда нужно найти кого-то ещё, кого этот священник не станет подозревать.

Она покачала головой.

— Ты знаешь, как наказывают пойманных на передаче гостии отлучённым. Мы не вправе никого об этом просить. Ради нашего собственного блага следует молиться, чтобы францисканца не улучили. Церковные инквизиторы способны сломать даже самых сильных. Отец Ульффрид слеп, как крот на солнце, но есть и другие, видящие намного яснее. Если монах сознается, что никогда не входил в наши стены, они тут же догадаются о твоей роли в этой игре, а там недалеко и до отлучения. Не для тебя одной — для всех нас. А Отец Ульффрид не станет никого защищать, даже невинного младенца.

Я едва сдерживала раздражение.

— Целительница Марта, ты же сама уговаривала меня причащать женщин. Зачем мы тратили на это время, если гостии у нас нет и нет возможности ее получить? Всё пропало. Мы прямо сейчас можем собираться и ехать назад, в Брюгге. Этому беги́нажу не выжить.

Словно услышав мои слова, за стенами беги́нажа внезапно взвыл ветер. Двери и ставни захлопали, по двору покатались кожаные вёдра.

Целительница Марта поплотнее запахнулась в плащ.

— Остаётся только одно, подруга. Ты должна сама освящать гостию.

— Нет! Только подавать уже освящённую. При этом я — просто служитель, передающий чашу. Но я не могу освящать её, не могу превратить хлеб в Его плоть.

— Это всего лишь еще один шагок по пути, на который ты уже встала.

— Я не могу, как тебе даже в голову пришло такое? — настаивала я. — Я не священник, не монах. Я даже не мужчина.

— Хлеб становится плотью не благодаря священнику. Это Бог превращает его в плоть, даже когда священник грешен. — Целительница Марта повернула мою руку вверх ладонью. — Так почему Бог не превратит в Свою плоть хлеб, что держат эти руки?

Зачем она просит меня об этом? Я так измучена. Разве мало мне досталось за последние недели? А она вместо того, чтобы поддержать, добавляет к моей ноше такой груз. Меня окружали закрытые двери, опущенные ставни окон, непроницаемая темь внутреннего двора.

Стояла безоблачная ночь. В тёмно-лиловом небе мерцали тысячи звёзд, как далёкие свечи. А в темноте за каждой свечой скрывалось лицо — они смотрели на меня, ждали, прислушивались. Они еще не порицали. Они будут только судить. Оставив выбор за мной, они проклянут меня, если я ошибусь.

Целительница Марта толкнула дверь своей комнаты и обернулась ко мне. Огонь очага, горящего в темноте, окружал её ореолом света.

— Скажи, Целительница Марта, — прошептала я, — как случилось, что мы оказались

на этом пути, не замечая, куда он ведёт? Где мы свернули на эту дорогу?

— Теперь, подруга, уже не важно, как или когда это случилось. Мы сделали выбор, и пути назад нет.

Ноябрь. День Святого Андрея

Празднование в честь святого Андрея, распятого на Х-образном кресте, покровителя рыбаков. Святой Регулус вышел в море с останками святого Андрея, чтобы выяснить, где святой Андрей желает, чтобы упокоились его мощи. Во время шторма судно выбросило на берег в Фифе, в Шотландии, поэтому Регулус решил, что мощи должны остаться в Шотландии.

Я звала её Гудрун, как нарекла внучку старая Гвенит. Хорошее имя. «Малышка Гудрун». Иногда она даже оборачивалась, когда я произносила его, словно знала, что это её имя. Настоятельница Марта сказала, Гудрун — языческое слово, знак тайных знаний. Поэтому Марты дали ей новое имя, Димпна, из-за падучей болезни. Жестоко называть ребёнка, напоминая о его мучениях. Я уверена, это придумала Настоятельница Марта. Она вечнo указывает другим на их слабости.

Настоятельница Марта хотела окрестить девочку, поскольку ни Привратница Марта, ни Пега не помнили, чтобы её когда-нибудь приводили в церковь святого Михаила, но Дьявол не хотел её отпускать. Гудрун так отчаянно сопротивлялась удерживавшим её Мартам, как будто её пытались убить. В конце концов она вырвалась, сбежала из часовни и спряталась в закутке между хлевом и конюшней, таком узком, что с виду туда и кошка не залезет. Я полночи просидела рядом с ней, бормотала всякую ерунду, пытаюсь уговорить выйти, предлагала еду. Девочка в конце концов согласилась, но так и не стала отзываться на имя Димпна.

Первое время она сновала по бегинажу, стараясь найти способ выбраться, а Настоятельница Марта безуспешно пыталась дисциплинировать ее и чем-то занять. И я впервые увидела, как Настоятельница Марта потерпела поражение. Гудрун не выполняла даже самых простых заданий. Она сбежала, едва начав подметать комнату, или замирала, глядя на облака, посреди кучи мокрого белья. Во время службы в часовне она рассеяннo гладела на свечи, на изображения Пресвятой Девы на стенах, во время молитвы могла подойти и начать обводить пальцем контуры лиц. Звон колокола ее пугал. Она зажимала уши пальцами и пряталась в одном из своих укрытий, пока он не умолкал. Казалось, она никогда не привыкнет к такой жизни.

Настоятельница Марта пыталась подчинить девочку, говоря, что она не получит еды, если не будет работать, но Кухарка Марта и я тайком подкармливали её вопреки приказам. Бесполезно наказывать Гудрун, она всё равно ничего не понимала. Ей приходилось много голодать до того, как она попала в бегинаж, и она не связывала это со своими действиями, просто очередное несчастье без всякой причины. Кроме того, если я украдкой не приносила ей еду, Гудрун крада её на кухне или у животных, так что я оберегала её от худшего греха.

Она отказывалась носить бегинское платье, постоянно сдирала его с себя, расчёсывая кожу, как будто платье её раздражало. За всю жизнь девочка не надевала ничего, кроме лёгкой рубашки, и платье, должно быть, казалось ей тяжёлым. Настоятельница Марта утверждала, что старая рубашка, короткая и рваная, неприлична для девочки её возраста, поэтому я сшила для Гудрун новую льняную рубашку, достаточно длинную, но совсем лёгкую. Настоятельница Марта поджала губы, но ничего не сказала. Она всё же признала, что лучше уж Гудрун носить эту рубаху, чем ходить полуголой. Кроме того, девочка никогда не выходила из бегинажа, и кто кроме нас мог ее увидеть?

Настоятельница Марта распорядилась не выпускать Гудрун. Нам не следовало позволять ей работать в поле, чтобы она просто не ушла прочь и не умерла с голода или не сбежала в деревню, чтобы украсть еду. Деревенские и так побаивались Гудрун, а если к её преступлениям добавится воровство — пощады не будет. Мы даже не взяли девочку на похороны бабки. Просить разрешения хоронить ее на церковном погосте даже и смысла не

было. Из-за Настоятельницы Марты священник отказал в христианском погребении всем, входившим в наш беги́наж, даже с северной стороны от церкви, посреди непрощённых душ. Даже если бы он позволил — Настоятельница Марта сказала, что деревенские выруют Гвенит и разорвут тело на части или вобьют гвозди ей в ноги, чтобы помешать покойнице ходить. Мёртвой старухи они боялись вдвое больше, чем живой. Поэтому мы отнесли тело на холм, к её дому, и зарыли под камнями очага. Вверх по реке, к могиле, Гвенит сопровождали те же четверо, что несли её вниз. Мы похоронили её тихо и быстро, неподобающе быстро.

Думаю, Настоятельница Марта не забыла, как насмеялась над ней умирающая Гвенит потому и старалась назло старухе привести её внучку к вере. Но как может спастись душа того, кто ничего не понимает? А что понимала Гудрун, разве только что солнце греет, а дождь холодный? И ещё птицы, она понимала птиц.

Её ворон не залетал в беги́наж, но каждый полдень усаживался на стене и каркал, пока Гудрун не выходила к нему. Привратница Марта пыталась прогнать его прочь, размахивая метлой или швыряя камни, она считала, что ворон — это к несчастью, плохая примета. Но всё напрасно — птица вспархивала и усаживалась на ближайшее дерево, каркая так же громко, как всегда, ожидая возможности вернуться.

Но Гудрун любила не только ворона. Если я её не находила — всегда знала, где она прячется. Я осторожно поднималась на голубятню и обнаруживала её там, сидящей на корточках на каменном полу, а голуби усаживались ей на голову и плечи. Голуби спокойно сидели у неё на руках, будто в гнёздах. Гудрун ладила с ними, сразу же понимала, если птица болеет, и знала, как её лечить. Ей нельзя было выйти наружу, за травами, поэтому она просто приходила в кладовку и брала что хотела, отталкивая тех, кто пытался помешать. Целительница Марта позволила ей приходить туда, когда захочет, она говорила, что Гудрун знает о лечении животных не меньше, чем сама Целительница Марта о людских хворях.

По ночам Гудрун спала в хлеву, свернувшись калачиком в куче соломы на полу. Птицы устраивались рядом с ней, как будто охраняли. И я больше не пыталась ей мешать. В холодные ночи я потихоньку подкрадывалась к ней, укрывала одеялом и смотрела, как она спит, укрыв лицо руками. Рыжие волосы отливали червонным золотом в свете фонаря. Я прислушивалась к ровному дыханию, смотрела на тоненькие, как у младенца, пальчики, детские губы, сложенные будто для поцелуя. Я всю ночь могла бы смотреть на мою маленькую Гудрун.

Это из-за неё я не ушла из беги́нажа, когда Настоятельница Марта заявила, что отец Ульффрид отлучил всех нас от церкви. А следовало уйти, пока было можно. Настоятельница Марта предлагала нам выбор — если, конечно, это можно так назвать.

«Тех из вас, кто желает вернуться в Брюгге, мы немедленно посадим на корабль».

Но пытаться пересечь море среди зимы — безумие. Даже летом это тяжело. Мы — как заключённые, которым можно остаться и гнить в тюрьме или уйти на волю, пробежав через свору бешеных собак.

Она собрала нас в часовне, когда уже стемнело. Шкатулка с реликвией Андреа лежала на алтаре, прямо перед нами, под распятием и изображением Пресвятой Девы. Остальные Марты, мрачные, но спокойные, сидели рядом, лицом к нам. Настоятельница Марта поднялась, она казалась ещё более властной, чем обычно, а огоньки свечей отбрасывали огромную тень на стену за её спиной.

Должно быть, Марты знали, о чём она собиралась говорить, но мы, простые бегинки, ни слова не слышали о том, что именно обсуждалось, и испуганно молчали, когда

Настоятельница Марта сказала, что священник потребовал реликвию и нашего публичного покаяния или грозит нам отлучением. Маленькая Кэтрин, сидящая рядом со мной, после этих слов расплакалась, как испуганный ребёнок.

А Настоятельница Марта не стала обращать на неё внимание — просто дала нам несколько секунд подумать, а после сообщила о своём решении. Нам не нужен священник, посредник между нами и Господом. Мы теперь сами станем освящать гостию и подавать ее друг другу, как делали первые христиане, как наказывал на тайной вечере своим ученикам сам Христос.

— Женщины кормят этот мир, — провозгласила она, — всех, от колыбели до могилы. Носят в чреве нерождённое дитя, кормят младенца, мужа, детей, друзей и чужаков, стариков, больных и умирающих. Так почему же нам нельзя подавать хлеб жизни душам, как мы даём еду телу? Разве это не естественно, разве это не наше дело, не наше призвание? Мы каждый день твердим, что в нас Святой Дух. Следует ли нам настоять на этом, или это всего лишь пустые слова и показное благочестие? Если наши души живут с Богом, если он в нас, как и мы в нём, почему нам нельзя освятить его тело, как он освящает нас?

Бегинки растерянно переглядывались. Настоятельница Марта обвела взглядом комнату, как будто ждала, не станет ли кто-то из нас возражать. Я понимала — всё, что она говорила, неправильно, но не умела облечь свои мысли в слова. Вряд ли любой способен освятить хлеб, иначе церковь сказала бы нам об этом. Как возможно, чтобы после сотен лет женщинам вдруг стало позволено то, что, по словам Папы, могут совершать только священники? Но, понятно, что бы я ни сказала, Настоятельница Марта найдёт умную фразу в ответ.

Настоятельница Марта сказала, что те, кому кажется неправильным это её заявление, должны послушаться своей совести и немедленно покинуть часовню. А потом села и стала наблюдать за нами. Все Марты разглядывали нас, кроме Кухарки Марты, которая с несчастным видом опустила взгляд на пухлые руки, не желая ни на кого смотреть.

Мне следовало тогда уйти из часовни. Я могла бы вернуться в Брюгге, к безбедной жизни, о которой уже так давно сожалею. Но я не двинулась с места. Да, путешествие через море могло напугать и самую храбрую душу, но я думала о Гудрун, спящей свернувшись калачиком в кровати. Нельзя оставлять её на милость такой, как Настоятельница Марта, у неё же сердечности и сострадания не больше, чем у хорька. Кто-то должен присмотреть за этим ребёнком. Гудрун нуждалась в матери, нуждалась во мне.

Никто не поднялся, не прошёл к двери через ряды бегинок. Даже и не знаю, может, все понимали, что выхода нет, или поверили словам Настоятельницы Марты. В ту ночь мы приняли из её рук частицы погибели.

Марты стали подниматься и гасить одну за другой свечи в часовне, пока не осталась последняя горящая свеча, на алтаре, рядом с чудесной облаткой. Глаза всех устремились на неё, ища укрытия от тьмы в этой единственной свече.

Настоятельница Марта вышла вперёд и зажгла свою свечу. Когда огонёк разгорелся, она передала его в руки маленькой Марджери, алтарницы, а потом направила её к нам. Одна за другой мы зажигали свечи, передавая из рук в руки огонь, свет распространялся, заполнял часовню, отбрасывая длинные тени в самые дальние уголки и высоко вверх, к балкам. От огня этих свечей дьявол и его приспешники в страхе и трепете сбегут прочь.

Когда все огоньки загорелись, начался танец. Несколько женщин завели мелодию «Ныне отпускаеши» на музыкальных инструментах, остальные подхватили песнопение, как

будто это был радостный пасхальный гимн.

Я молча смотрела, как они пьянеют в экстазе, и меня отрезвляло всё сильнее. Не знаю, сколько длился этот танец — мы пели снова и снова, последнее «аминь» перетекало в первые ноты, и пение безостановочно продолжалось. Настоятельница Марта выглядела довольной. Она позволила повторять песнопение, пока женщины не устали, потом разорвала круг и поставила свою свечу перед статуей Пресвятой Девы. Одна за другой мы добавляли свои свечи, и Пресвятая Дева, казалось, плыла среди колышущихся жёлтых огней.

— Тело Твоё Святое, Господи, Иисусе Христе, Боже наш, да будет ми в живот вечный.

Настоятельница Марта служила мессу, а бегинки не сводили с неё глаз.

— Благослови Господи нас, стоящих в храме Твоём.

Обеими руками она держала Дары. Руки дрожали, но голос звучал сильно и твёрдо, как у кардинала.

— Domine, non sum dignus.

Женские руки подняли чашу с Его святой кровью. Я ждала, что чаша дрогнет в её руках, как у святого Бенедикта отравленное вино. Неужели только я видела святотатство в ее деянии?

Но все были охвачены восторгом, который я не разделяла. Я стояла, как нищенка на чужом празднике — чует запах еды, но не ест, слышит музыку, но не танцует. Даже Пега, такая твердая и разумная, была околдована Настоятельницей Мартой, как и все остальные. Она даже улыбалась Османне. Эти двое радовались, как дети, разворачивающие подарки. Похоже, никто не понимал, что сделала Настоятельница Марта. Сейчас она не только отрезала нас от святой церкви и причастия, она подвергла смертельной опасности нашу земную жизнь и наши души.

Декабрь. Кельтский праздник Святого Диумы

Ирландский епископ седьмого века, прославленный тем, что обратил английских язычников-мерсийцев в христианство. Однако после смерти епископа широко распространился слух, что благочестивый Диума, или Диона, на самом деле был женщиной.

— Но декан, — возразил я, — епископ Салмон получил всю положенную десятину. Я привез все, что вы сказали.

— Так и есть, и деньги тоже. Я заинтригован, как это тебе удалось, отче.

Декан чопорно, с непроницаемым лицом сидел в кресле, придвинутом к моему очагу. Я не мог отвести взгляда от его рук: сложенные пальцы ритмично сгибались и разгибались, подобно пульсации глотки змеи, заглатывающей добычу.

— Я... я сделал, как вы сказали: пригрозил прихожанам... отлучением, — у меня перехватило дыхание, будто эти тонкие пальцы сжали горло.

— Хорошо, хорошо, — задумчиво повторил он. — Значит, они все-таки нашли деньги, а? Должен признаться, я удивлен, особенно узнав, что мор скота дошел до здешних мест. Я думал, тебе будет сложновато их убедить. Разве нет?

Он сделал паузу, внимательно глядя на меня. Я пытался угадать по его лицу, верит ли он мне. Или это опять какая-то игра? Собирается ли он потянуть время, а потом без предупреждения потребовать сундук с церковным серебром? Человек, которому я заложил серебро, поклялся молчать. Его репутация тоже на кону, сказал он. Но у церкви везде есть глаза и уши.

Декан улыбнулся мрачной улыбкой палача.

— Я впечатлен, отец Ульффрид. Похоже, твои прихожане богаче, чем кажутся, — он наклонился вперед, ухватившись за ручки кресла. — Очень хорошо, тем легче будет собрать рождественские подати.

— Но декан, простонародье не платит рождественскую подать. Дворяне и землевладельцы обязаны приносить церкви дары, но небогатые люди отдают, что могут, только на Крещение.

— Верно, верно. Вижу, ты послушался моего совета, почитал записи своих предшественников. Не волнуйся, уж епископ Салмон позаботится о том, чтобы землевладельцы в полной мере выплатили положенное на Рождество. Но его прясвященство епископ полагает, что и простые люди могут пожелать принести немного больше, чем привыкли в прежние времена. Церковь очень пострадала за последние месяцы. Повсюду случился неурожай, мы понесли большие убытки из-за мора скота. Епископ Салмон беспокоится, что церковь не сумеет предложить помощь и спасение всем нуждающимся. Я очень хотел бы заверить его преосвященство, что добрые прихожане всеми силами станут стремиться помочь, содействовать великому труду нашей церкви.

Я вскипел от гнева.

— Мне казалось, декан, вы говорили, что неурожай послан людям за грехи? Если так — разве не должны были спастись земли доброго епископа? Или Бог не способен отличить святого от грешника?

Я увидел, как окаменело лицо декана, и понял, что совершил ужасную ошибку. Этот человек не станет терпеть, когда против него оборачивают его собственные слова.

— Его преосвященство епископ безупречен, чего, к сожалению, не скажешь обо всех его подчинённых. Кому, как не тебе, знать, отец Ульффрид, многие из тех, кто служит церкви, погрязли в беззакониях, так что сами небеса вопиют против грехов священников и прочих так называемых слуг церкви. — Он поднялся и накинул плащ. — Но будь уверен, Отец

Ульффрид, я не оставлю тебя в одиночестве нести столь тяжкое бремя. Поддерживать приходских священников в их великих трудах — это моя работа. Я лично приеду к Рождественской мессе в церковь святого Михаила, чтобы прочесть проповедь народу Улевика и напомнить об их обязательствах на Богоявление. Уверен, я смогу обратиться ко всей пастве. Я был бы очень расстроен, узнав, что впустую проделал такой длинный путь в холодную погоду.

Он бесшумно закрыл за собой дверь моего дома. Не тот это человек, чтобы хлопать дверями, да ему и незачем. Спустя несколько секунд я услышал удаляющийся стук копыт его лошади. Не в силах подняться с кресла, я бессмысленно смотрел на закрытую дверь. Комнату заполнял промозглый холод, как будто декан привёз с собой вонь темницы епископа.

Теперь я погиб. Декан не только обнаружит, что в церкви почти не осталось паствы, но сразу же, едва переступив порог рождественским утром, заметит пропажу серебра. За оставшиеся две недели мне не собрать денег для выкупа. И я ничего, совсем ничего не могу с этим поделать. Кража церковного серебра карается смертью. Другим священникам удавалось избегать наказания даже за хладнокровное убийство, подав прошение о помиловании духовного лица, но эту милость мог даровать только епископ, а декан постарается, чтобы мне она не досталась. И меня не просто повесят. Декан, конечно, сочтёт медленную смерть от удушья в петле слишком лёгкой. Уверен, сначала я сполна расплачусь за Хилари.

Я смотрел на балку над головой, представляя себя висящим на ней. Хрустнет ломающаяся шея, и всё будет кончено. Не в доме, тут стропила слишком низкие, в церкви, где балки повыше. Можно спрыгнуть с них или повеситься на крестной перегородке. Декан решит, что это справедливо — жизнь священника в качестве рождественского подарка. Одним грешником в церкви меньше. Подходящая десятина.

Кто-то толкнул сзади мое кресло так, что оно опрокинулось. Я вскрикнул от неожиданности, едва не упал на пол, уцепившись за тяжёлый стол, и с трудом поднялся на ноги. Позади меня, закатываясь от смеха, стоял Филипп. А я даже не слышал, как он подошёл.

— Что, отче, поймал я тебя врасплох? Ну, я тебя не осуждаю. Видел, как отъезжал этот епископский хорёк, — Филипп шлёпнулся в кресло, где недавно сидел декан. — Я сам как-то послушал этого мерзавца — так уже готов был просить слуг прибить меня, чтобы избавить от страданий. — Он пнул носком сапога мою ногу. — Ну, хватит уже, поднимайся. Разве так встречают гостей? Я хочу вина, и не говори, что у тебя его нет.

Я спотыкаясь поплёлся за графином и парой кубков. Руки тряслись так, что на полу остались капли, а на стол пролилась целая лужа вина. Мне было наплевать. Я сунул ему кубок, и, прежде чем он успел сделать хоть глоток, залпом выпил, тут же налил себе ещё и снова отхлебнул.

Филипп поднял брови.

— Что, жареным запахло? Ну и чем ты на этот раз прогневил епископа?

Я глотнул ещё вина.

— Если хочешь знать, он приходил сообщить, что намерен в рождественское утро обратиться к моей пастве. Похоже, в этом году казна епископа сильно поубавилась, и потому декан хочет внушить деревенским, чтобы были щедрее на Крещение. Да и тебе этого не избежать. С землевладельцев епископ Салмон тоже собирается содрать полный рождественский налог, можешь так и передать своему дяде.

Филипп только усмехнулся.

— Епископ может требовать налоги с Поместья, пока ему не придёт черёд плясать с чертями в аду, но дядя сумеет выкрутиться, как всегда. — Он откинулся на спинку кресла, упираясь в стену ногами в новых сапогах из красной кожи. Филипп всегда разваливался в кресле или стоял подбоченившись и расставив ноги, как будто собирался заполнить всё пространство своим огромным телом. — Значит, этот хорёк прочтёт рождественскую проповедь, так, отче? Ну, по крайней мере, в церкви вас будет двое. Не то стоял бы ты там один, и мессу некому было бы слушать, кроме пауков.

— После той мерзости, что Мастера Совы сотворили в канун дня Всех святых деревенские не вернутся в церковь, — ответил я. — Вы же вытащили ребёнка из могилы. Думаете, они такое забудут? В самом деле воображаете, что они станут платить за вашу защиту после того, что вы на них выпустили? Скоро они поймут, что только церковь может защитить их от этого демона.

Филипп рассмеялся.

— Деревенские видели, как ты удирал, вопил как девчонка, едва увидев демона. Вряд ли они понадеются, что ты защитишь их от Оулмэна.

Я почувствовал, как горит лицо, и отвернулся, чтобы подлить себе вина.

— Но из твоей церкви пропала ведь не только паства, так, отче?

Я вздрогнул так, что вино опять пролилось на стол. Второй раз за этот вечер.

— Что... что значит «пропала»? Ничего не пропало.

— Посмотри-ка сюда, отче. — Он полез в кожаный мешок на плече, вытащил большой железный ключ и лениво повертел пальцами.

При виде ключа я потянулся к связке на поясе. Там висел такой же.

— Где ты это взял? — возмутился я.

— Ты же не думал отче, что есть только один ключ от церковного сундука? Я управляю именем дяди, и у меня есть ключи от всего в Поместье и деревне, и от церкви тоже. А когда я слышал, что ты выплатил епископу всю десятину, то, должен признаться, удивился. У нас самих после мора скота были некоторые проблемы со сбором податей с жителей деревни, а наши методы убеждения... как бы сказать... немного пожёстче твоих. Вот я и подумал — где же добрый отец нашёл деньги заплатить епископу, если не у деревенских? Мой долг — присматривать за дядиным добром, следить, чтобы ничего потерялось. Дядя не любит, когда его имущество уходит на сторону. Человек он благочестивый, и конечно, старается следовать примеру доброго пастыря, отыскивать потерянное. Поэтому, когда я обнаружил, что содержимое церковного сундука немного... поубавилось, я кое-кого поспрашивал. Думаю, ты понимаешь, что я узнал, отче?

Я рухнул в кресло, закрывая руками лицо. Отрицать случившееся больше невозможно. Когда я поднял взгляд, Филипп с интересом смотрел на меня, наблюдал, как за агонией затравленного медведя.

— Когда ты собираешься сообщить епископу о пропаже церковного серебра? — спросил я. — Если бы пришёл на пару минут раньше, мог бы уже сегодня выдать меня декану, тогда тебе и в Норвич ехать незачем.

— Ты, отче, ещё глупее, чем я думал. Зачем мне что-то говорить епископу? Ты сказал правду, ничего не пропало.

Голова у меня кружилась от вина. Я никак не мог его понять.

— Но мне казалось, ты говорил, что сундук...

— Я сказал, что он опустел. А теперь чудесным образом снова наполнился.

Филипп усмехнулся — должно быть, моё недоумение было очевидно.

— Твоего приятеля-ростовщика убедили вернуть мне то, что ты отдал. Теперь драгоценный кубок и прочая утварь снова лежат в церковной казне, — он поднял руку в издевательском протесте. — Нет, отец, не благодари меня.

Я изумлённо смотрел на него.

— Но зачем тебе?..

— Если думаешь, что ради спасения твоей жалкой шкуры, отче, так пора бы уже тебе знать, я не столь великодушен. Был бы рад видеть тебя в лапах у хоряка. Жалею, что лишил себя этого удовольствия. Говорят, наш друг декан очень изобретателен по части наказаний, а ведь ты, отче, ему сильно не по нраву, так? Нет, боюсь, я вернул церковные ценности не ради тебя. Знаешь, вещи из того сундука передали церкви святого Михаила мои предки. Они везли их из крестовых походов, приносили в дар за брак или рождение детей и даже отдавали во искупление грехов, которыми, я уверен, немало наслаждались. И потому у меня есть... определённая привязанность к этим вещам. — Он пожал плечами. — Можешь назвать это долгом памяти предков. Но если бы епископ узнал, как близки были эти ценности к исчезновению, то решил бы, что здесь они не в безопасности. Он, пожалуй, захотел бы забрать их в свой дворец, чтобы получше за ними следить, особенно теперь, когда его казна малость опустела. А мы ведь не хотим вводить в искушение доброго епископа? Так что, думаю, лучше ему не говорить.

Я чувствовал, как будто с моей груди сняли тяжёлый камень. Голова кружилась, непонятно, то ли от облегчения, то ли от вина. Опасность миновала, вот так легко и просто.

Филипп сунул мне свой пустой кубок.

— На этот раз постарайся не пролить.

Бутыль опустела, и я двинулся к буфету за ещё одной, последней. Я хранил её для мессы, на покупку другой нет денег, но сейчас меня это не волновало. Я мог думать только об одном — я вернул серебро, и декан никогда не узнает, что я сделал. Я до краёв наполнил кубок Филиппа.

Он сделал глоток и поставил кубок.

— Сожалею, но вынужден попросить у тебя ключ от церковной казны, отче. Просто чтобы он больше не вводил тебя в грех. — Он протянул руку.

— Но ты не имеешь права! — возмутился я. — Это я за неё отвечаю.

Долго ли церковное серебро останется на месте, если оба ключа будут у Филиппа?

— Будь любезен, отче, давай сюда, — нахмурился Филипп.

Я был не в том положении, чтобы возражать.

Он забрал ключ, спрятал в свой кожаный кошель и удовлетворённо погладил его.

— Есть тут ещё одно маленькое дельце, насчёт тех денег, что ты взял у ростовщика, да плюс его прибыль. Теперь ты должен мне. Я, конечно, кое-что добавлю к этой сумме — себе, за хлопоты и расходы на слежку. Но я добрый, так что заплатишь мне всё, скажем, в канун Крещения, идёт?

Я задохнулся, как будто получил удар под дых. И как я мог поверить, что всё закончилось?

Филипп повернулся, убрал ноги от стены. Глаза у него сузились и стали колючими.

— Вот в чём вопрос, отче — с твоей-то пустой церковью, где ты возьмёшь денег, чтобы со мной расплатиться?

— Я... в церкви скоро появится одна реликвия. Она пока в часовне дома женщин, но...

я отлучил их от церкви и предупредил, что им не спасти души, если не принесут эту святыню в церковь и не покаются. Долго они её держать не смогут. Как только поймут, что им отказано в таинствах на Рождество, так и притащат её ко мне. Им деваться некуда. А когда принесут, все деревенские вернутся в церковь, под её защиту. И ещё, — в отчаянии добавил я, — как только весть об этом распространится, к церкви толпой пойдут паломники, а значит, деньги будут не только у церкви святого Михаила, но и в Поместье. Паломникам понадобится еда, эль, кров, новая обувь, свечи... много чего. Человек с твоим чутьём не может упустить такую удачу.

— Собираешься нагнать сюда паломников к Крещению? — язвительно спросил Филипп. — Ты пока и пальцем дотронуться до той реликвии не можешь. Судя по всему, этим женщинам так же мало дела до твоего указа об отлучении, как и остальным деревенским. Они всё так же сползаются к воротам дома женщин за милостыней и тащат туда своих больных. Эти женщины смеются над тобой, отче. Ты выпустил последнюю стрелу, а враг всё наступает. Что у тебя ещё есть, чтобы сражаться?

Он снова опустил в кресло.

— Конечно, если с той сукой, главной в доме женщин, что-нибудь случится, тебе нетрудно будет справиться с остальными и прибрать святыню к рукам. — Он глотнул вина. — Похоже, мы с тобой всё же на одной стороне, отче. Ты хочешь получить реликвию, а Мастера Совы — чтобы эти чужеземные ведьмы убрались прочь. И если поможешь нам, отче, я мог бы подождать с деньгами. Уверен, мы сумеем сговориться о ежемесячных платежах в счёт твоего долга из тех даров и денег, которые реликвия принесёт в церковь святого Михаила.

— Мне помогать Мастерам Совы? Думаешь, я забыл, что они осквернили мою церковь, разорили могилу христианского ребёнка, покоившегося в освящённой земле? Ты на самом деле думаешь, после того, что они натворили, я стану просить их о помощи?

— Это дело Аода, отец. Я же тебе говорил — я только его верный слуга.

— Несчастливая мать Оливера не в себе от горя. Вы могли бы хоть ради приличия вернуть ей останки ребёнка, чтобы она могла снова похоронить сына.

Филипп царапнул пятнышко грязи на рукаве.

— Эта сука сама во всём виновата. Мастера Совы предупреждали её, чтобы платила, а она не послушалась. Хороший урок для всех остальных в деревне. И для тебя, отче, это тоже должно стать уроком. Советую тебе хорошенько подумать, что Аод велит Мастерам Совы сделать с тобой, когда узнает о твоём отказе выплатить долг.

— Думаешь, меня так же легко запугать, как невежественных крестьян? — я стукнул кулаком по столу. — Твой дядя может приказывать убивать холопов, никому до этого дела нет. Но я — священник! Если причинишь вред мне и церкви — будешь повешен и соришь в аду. Может, мне и не нравится, что декан за мной следит, но пока он наблюдает, ты и твои Мастера Совы ничего не можете сделать. А насчёт возврата долга к Крещению — ты сам сказал, что не посмеешь говорить епископу о серебре, так чего ради я вообще стану тебе платить, если ты и сделать-то со мной ничего не можешь.

Я был возбуждён, как будто вырвался из долгого плена. Я и сам не понимал всей правды, пока она в ярости не вырвалась наружу. Филипп и его дядя ничего не могут предпринять против меня из-за этих денег. Они вообще ничего мне не могут сделать.

Несколько мгновений Филипп сидел тихо, с невозмутимым лицом. Потом поднялся и направился к двери. Я почувствовал прилив удовлетворения. Он понял, что побеждён. Но тут

он резко обернулся. Я увидел, как блеснул металл, но было уже поздно. Удар оказался таким сильным, что я повалился на пол. В голове горячими искрами вспыхнула боль. Я схватился за щёку и ухо — из глубокой раны текла кровь. В руке Филипп держал нож, изогнутый, как коготь огромной птицы. Он покачивал окровавленным клинком, как будто прикидывал, не ударить ли снова.

— Как ты смеешь нападать на божьего слугу! — завопил я от возмущения и боли. — Когда декан узнает...

— Когда декану станет известно, что его священник встречался здесь, в Улевике, с грязным маленьким содомитом, думаю, он заплатит мне вчетверо больше того, что ты должен. А насчёт изобретательности по части боли он с удовольствием для тебя постарается... Интересно, что он с тобой сделает, может, засунет в зад раскалённый железный прут и поджарит извращенца, как свинью? Ты что, правда думал, что я не узнаю про твоего мальчика-потаскушку Хилари?

Ноги у меня подкосились, я упал на колени, ещё немного — и меня вырвет. Меня трясло, кровь текла между пальцев и капала на устланный камышом пол. Комната кружилась, и дело было не только в боли. Я падал всё глубже и глубже, в бездонную чёрную пропасть.

Филипп швырнул мне белое алтарное покрывало.

— Ну, хватит хныкать. Поднимайся.

Я с трудом встал на ноги и опустился в кресло, прижимая к горячей ране льняное покрывало.

— Что, отче, уверен, что не хочешь нам помогать?

Мне незачем было смотреть на его лицо, чтобы увидеть написанное на нём удовлетворение. И понятно, дело тут не только в деньгах.

— Чего... чего вы от меня хотите?

Племянник д'Акастера снова устроился в кресле поудобнее и ухмыльнулся.

— А знаешь, отче, меня всё же тронули твои слова. Пожалуй, нам следует вернуть тело того малыша несчастной скорбящей матери. Но сначала, просто чтобы увидеть, как усвоен урок, Аод хочет, чтобы она выполнила для нас небольшое поручение. Ты должен ей это передать, отче. Нам она отчего-то не доверяет. А ты, как священник, сможешь убедить её выполнить, что требуется.

— А что... что надо делать?

— Хотим, чтобы она доставила сообщение, только и всего. Тогда ей вернут сына. — Филипп взял кочергу и поворошил угасающий огонь в очаге, вверх взметнулись брызги искр.

— Значит так, отче, вот что ты скажешь Элдит...

Декабрь. Канун праздника святого Томаса

На закате дня начинается зимнее солнцестояние. Это ночь гаданий, когда девушки втыкают в луковицу булавки, призывая к себе будущих возлюбленных.

Святой Томас, кое-что для меня сделай,
Яви мне, кто мой суженый.

Настоятельница Марта

Мы отслужили полуночную мессу в канун дня святого Томаса. Каждый праздник теперь стал новым, не таким, как раньше, когда в праздничные дни мы ходили в церковь святого Михаила. Я пыталась развеселить женщин, но знала, что многие скучают по зрелищности и краскам приходской церкви, огням деревни, веселью и музыке, когда молодые люди танцуют, а все остальные наедаются после поста. Хотя в этом году в деревне было совсем немного праздников и радости.

Утром мы провели службу в лечебнице для пациентов и бедняков из деревни. Конечно, мы не служили там мессу. Пришло много деревенских женщин, измученные, несчастные тощие создания с мёртвыми глазами. Я была довольна тем, что они шли к нам, это возрождало мои надежды и приближало к цели. Значит, мы не ошиблись, последовав призыву прийти в эту страну. Но присутствие некоторых из деревенских не доставляло мне радости. Они становились на колени во время службы, напоказ бормотали молитвы, но явно думали только о мясных пирогах и одежде, которые, как они знали, мы раздадим после службы. Их лица освещало не Божье слово, а запах гусяного пудинга.

Ветер едва не вырвал у меня из рук дверь, когда я выходила из лечебницы. Я поплотнее запахнулась в плащ. Через двор на костылях ковылял Ральф, на верёвке, обвязанной вокруг талии, он тащил маленькую тележку. Её сделала для Ральфа Пастушка Марта, чтобы он мог вывозить на прогулку ребёнка-калеку. Теперь они, казалось, были навсегда связаны друг с другом, как будто обоим вынесли один и тот же приговор.

— Благослови тебя святой Томас, Ральф, и тебя, дитя. — Я наклонилась и положила руку на голову малышки, та испуганно дёрнулась. — Ну, как она, Ральф? Выглядит лучше, щёки порозовели.

Ральф смотрел на неё нежно, как любящий отец.

— Элле лучше, Настоятельница Марта. Я несколько недель боялся, что потеряю её, она задыхалась так, что губы синели, едва хватала воздух, но Целительница Марта её подлечила.

— Бог помог ей, Ральф, — поправила я, — а Целительница Марта — только послушное орудие в Его руках.

За моей спиной послышался вздох.

— Послушное орудие Господа не хотело прерывать тебя, Настоятельница Марта, но тут одна душа желает поговорить с тобой.

Целительница Марта кивнула в сторону женщины, стоящей у стены, чтобы спрятаться от пронизывающего ветра. Кухарка Марта попыталась заговорить с ней, но женщина не отвечала. Её взгляд был обращён ко мне. Похоже, она хотела подойти ко мне, но боялась. Наверняка боялась проказы. Ральф тоже заметил её взгляд и захромал прочь, таща за собой тележку.

Я поманила женщину, но она так и стояла, вжавшись в стену. Определить её возраст было невозможно, лицо осунулось от голода, а глубоко запавшие глаза неестественно блестели и показались мне почти безумными. Я пошла ближе, но прежде чем мне удалось её остановить, женщина упала на колени в грязь, хватаясь перепончатыми пальцами за край моего плаща. Она рыдала и бормотала что-то с таким волнением, что я не могла разобрать ни слова. Я подняла её на ноги и слегка встряхнула, чтобы привести в чувство.

— Успокойся, сестра. Чего ты от нас хочешь? У тебя кто-то заболел?

Она решительно покачала головой и зарыдала пуще прежнего.

— В чём дело? Я не смогу помочь, если ты не скажешь, чего хочешь.

Может, это местная дурочка, в деревне их много.

— Моё дитя...

— У тебя есть маленький сын или дочь?

— Больше нет. Он умер. Он и двух недель не прожил. И мой муж говорит, нам придётся похоронить его под кучей мусора, пока отец Ульффрид не узнал. Муж не станет платить похоронный сбор [\[20\]](#).

Я положила руку ей на плечо, пытаясь утешить.

— Сожалею о твоей потере, сестра. Бог по своей милости даст тебе сил вынести потерю. Тебе нужно заплатить сбор, чтобы похоронить ребёнка, я правильно поняла?

Женщина затрясла головой и снова вцепилась в меня.

— Нет, надо похоронить его здесь, не то Оулмэн сожрёт его душу. У вас ребёнок будет в безопасности.

— Твоё дитя будет в безопасности на церковном погосте. Там никто не причинит вреда христианскому ребёнку. А мы найдём денег на сбор для отца Ульффрида, только ты лучше не говори ему, что это от нас.

— Я не посмею отдать его священнику! Ребёнок не крещён. Муж говорил, что не желает давать ему своё имя в церкви. Говорил, что это отродье не от него.

Женщина дико озиралась, не обращая внимания ни на кого, кроме меня. Она дергала свои юбки, как будто старалась что-то сорвать.

Целительница Марта обняла её.

— И это правда? Твой малыш не ребёнок твоего мужа?

Женщина смущённо покачала головой.

— Меня вызвал Филипп д'Акастер. Мы задолжали Поместью десятину... Я не могла ему отказать. Когда ребёнок родился, у него не было... перепонок... между пальцами. И муж сказал, это значит, ребёнок не его.

Я начинала понимать. У этой женщины была причина для слёз. Если её муж не признает ребёнка перед священником, её осудят за прелюбодеяние. Из того немного, что мне известно о Филиппе, ясно, что он станет отрицать своё участие и никто не посмеет ему возразить. А этой бедной женщине от своего греха не отказаться. Хорошо, если ей удастся избежать суда, публичной порки и большого штрафа, который ввергнет эту семью в нищету, ещё худшую, чем та, что привела к такой ужасной ситуации. И я сомневалась, что несчастья этой женщины закончатся вместе с судом. Муж наверняка учинит собственную расправу за то, что выставила его рогоносцем перед всей деревней. Меня посетила леденящая душу мысль.

— Скажи мне правду, сестра, как перед Богом в Судный день — не умер ли твой ребёнок от твоей руки или от рук твоего мужа?

Женщина испуганно посмотрела на меня и снова повалилась на колени, цепляясь за мои юбки.

— Нет! Клянусь всем святым, ребёнок заболел, и я не смогла его спасти. Он не пил молоко, и хотя я день и ночь его нянчила, только плакал. Я не спала ночей, а муж уже не мог выносить его крик. Когда все ушли в поле, я прилегла, очень устала качать ребёнка всю ночь, и глаза у меня закрылись. А как проснулась — он лежал рядом, совсем холодный. Колдовство, вот от чего он умер.

Целительница Марта сочувственно похлопала её по плечу.

— Что ты, сестра, не говори так. — Потом кивнула мне. — Незачем искать здесь зло, Настоятельница Марта. Бедная женщина так истощена, сомневаюсь, что её ребёнок мог быть здоров, тем более, если его прятали в сырой и холодной деревенской лачуге.

Я не могла допустить, чтобы невинное дитя хоронили в навозной куче, и не могла отдать в безжалостные лапы церкви. И кроме того, даже если церковь позволит эти похороны, некрещёного младенца положат на северной стороне погоста, среди безумцев и нераскаившихся грешников. Не очень подходящее место, чтобы очнуться в Судный день.

— Мы по-христиански похороним твоего ребёнка рядом с нашей часовней. Ни один демон не посмеет к нему приблизиться. Но где младенец сейчас?

— Дома, спрятан в сундуке, — пробормотала женщина, всё ещё избегая смотреть мне в глаза.

— Тогда носи его к нам.

Она покачала головой.

— Я боюсь нести его днём. Но этой ночью все мужчины будут в лесу, плясать вокруг костра, праздновать зимнее солнцестояние. А женщины останутся сидеть дома за закрытыми дверями. Тогда меня никто не увидит. — Она указала на заросли кустарника в стороне от леса. — Там есть поваленный, но ещё живой дуб. Я принесу ребёнка туда... сегодня ночью.

Настоятельница Марта нахмурилась.

— А разве ты не боишься Оулмэна? Я слышала, в деревне теперь, как стемнеет, за порог ступить бояться, разве только толпой или хорошо вооружёнными.

Глаза женщины широко распахнулись, она застонала, зажимая руками рот, как будто боялась говорить, потом ухватила меня за рукав.

— Ведь вы придёте ночью? Сами? Вы обязательно должны прийти... если нет... умоляю, приходите.

— Даю тебе слово, что приду сама, — сказала я. — А теперь возвращайся домой. Встретимся ночью у того дерева, что ты сказала, перед утреней. Но ты должна назвать мне своё имя, госпожа.

Женщина не решалась, но наконец прошептала «Элдит» — и поспешно ушла.

По пути от ворот меня догнала Целительница Марта.

— Этот ветер продувает насквозь мои старые кости. Никогда бы не подумала, что скажу такое, но уж лучше бы хороший мороз или даже снег, лишь бы утих этот ужасный ветер.

Мне очень дорога Целительница Марта, однако некоторые её привычки приводят меня в ярость, не в последнюю очередь — такие вот неуместные жизнерадостные замечания вместо того, чтобы сказать, что она думает на самом деле. Это всегда означало, что она не одобряет принятое мной решение.

— Господь велит нам хоронить мёртвых, — рассердилась я. Почему это я должна перед ней оправдываться? — Нельзя допустить, чтобы тело невинного ребёнка бросили в навозную кучу. Мы не можем открыть ворота рая для души этого некрещённого младенца, но по крайней мере, можем защитить от дьявола до Судного дня.

Целительница Марта подняла голову, глядя на стаю носящихся по ветру чаек.

— Чайки улетели далеко от берега. Значит, на море надвигается шторм.

— Не интересны мне эти проклятые чайки. Просто скажи, почему нам не следует хоронить этого ребёнка?

Целительница Марта остановилась, посмотрела на меня.

— Почему эта женщина так настаивала, чтобы её встретила именно ты, ведь ребёнка могли забрать и другие бегинки? И что, если муж спросит, куда она девала тело, или она тайком поделится с подругами? За час слух обойдёт всю деревню. Ты подумала, что будет, когда это достигнет ушей отца Ульфрида? От церкви мы уже отлучены. Он взбесится, когда узнает. И неизвестно, что он тогда способен сделать.

Я открыла рот для ответа, но Целительница Марта подняла руку.

— Знаю, что ты хочешь сказать — у нас нет выбора. Наш долг — повиноваться Богу, даже если это означает не подчиняться церкви. Прости, подруга, просто старые больные кости и этот надоедливый ветер заставляют нас, старух, мечтать о деньке-другом спокойствия. — Она вздохнула. — Порой мне хочется, чтобы духовная жизнь была не столь бурной.

— Но ты согласна, что нам следует похоронить ребёнка здесь?

Целительница Марта устало улыбнулась.

— Я знаю тебя достаточно долго. Ни я, ни кто-то другой не помешает тебе делать то, что ты считаешь правильным. Ты такая же упрямая, как святой Томас.

— Значит... ты пойдёшь со мной ночью?

— Ты прекрасно знаешь, я не оставлю тебя одну, даже если бы ты собралась осаждать ворота ада. — Она усмехнулась, похлопала меня по руке. — Кто-то же должен и раны перевязывать.

Настоятельница Марта

Ужасно отправляться в путь в такую ночь. Мы поглубже надвинули на лица капюшоны плащей и тихо вывели лошадей за ворота. Привратнице Марте я сказала, что мы едем по делам милосердия.

— В темноте, в такую ужасную погоду? — недоверчиво покачала головой привратница.

— Господь говорил: «Когда делаешь добро, не позволяй своей левой руке знать, что делает правая».

Привратница Марта фыркнула, явно обиженная, что я не сказала больше.

Я помогла Целительнице Марте закрепить на лошади дамское седло. По тому, как она держалась, и вырывающимся стонам, я понимала, что спина у неё болит больше, чем обычно. За воротами целый день стояла вереница деревенских женщин, идущих в лечебницу за помощью для себя или близких. Они несли детей, привыкших подбирать в грязи объедки, с незаживающими язвами и раздутыми от глистов животами. Они шли за снадобьями для престарелых родителей, которые хрипели и кашляли. Целительница Марта старалась помочь всем и очень устала. Но я знала — она всё равно поедет со мной, даже если я запрещу. Она имела смелость называть меня упрямой, однако и я никогда не встречала такой упёртой женщины.

Ветер рвал наши плащи, лошади забирали в сторону, поскольку старались отворачивать морды от несущихся песка и пыли. Деревья трещали и стонали над нашими головами, большие ветки металась по ветру, как хворостинки. Луну закрыли плотные, как зимняя овечья шерсть, облака. Свет нашего маленького фонаря едва проникал на расстояние вытянутой руки.

Я то и дело вглядывалась в чёрную темноту, боясь, что за нами следят. Кусты раскачивались и шелестели так сильно, что даже если бы кто-то крался за ними, это невозможно было различить за шумом ветра. Скорее бы забрать тело младенца и вернуться домой. В такую тёмную ночь в лесу могут прятаться разбойники и головорезы, так что я опустила фонарь пониже и прикрыла плащом, чтобы не был замечен движущийся свет.

Мы привязали лошадей за деревьями, где их не увидеть с дороги. Целительница Марта тихонько окликнула Элдит, извещая о нашем приближении, но женщины не было. Может, она пряталась за тем поваленным деревом, боясь выходить, пока не убедится, что это мы.

— Наверное, туда, — Целительница Марта потянула меня за рукав.

Мы пробирались через лес. Я подняла фонарь, стараясь разглядеть поваленное дерево, и растянулась, споткнувшись о корень.

Целительница Марта поспешила помочь мне подняться.

— Ты не ушиблась?

— Цела.

Я ободрала ладонь и теперь покрепче прижала её под мышкой, чтобы унять жжение. И зачем я согласилась встретиться с Элдит здесь? В темноте можно прятаться и в открытом поле. Целительница Марта схватила меня за руку, указывая на огромный поваленный дуб — половина корней ещё цеплялась за землю, остальные торчали вверх. Но Элдит нигде не было видно.

Целительница Марта тихо позвала её, я помахала фонарём, стараясь всмотреться в чащу. В тусклом свете перед нами виднелись только стволы деревьев, в темноте скользили тени

качающихся веток, но ни одна не походила на женщину.

— Где же она? — спросила я.

— Терпение, Настоятельница Марта, она скоро придёт. Должно быть, ей не меньше нас хочется оказаться в постели, прежде чем закончатся танцы праздника солнцестояния.

Земля достаточно просохла, чтобы сесть, а ствол дерева немного заслонял от ветра. Прикрыв глаза, я вслушивалась в скрип и шелест веток над нами. Из-под ног шел едкий запах дикого лука. Ничего не поделаешь, оставалось только ждать. Воющий ветер доносил издали глубокие раскаты грома. Деревья дрожали.

— Лучше бы ей прийти поскорее, Целительница Марта. Надвигается шторм, он выгонит танцоров из леса. Не хотелось бы мне тогда оказаться вне бегинажа с такой ношей.

— У меня вообще нет желания ходить в бурю по лесу, подруга. Мои старые кости не любят сырости, так хочется поскорее согреть их у нашего очага. — Она попыталась сесть поудобнее и вздрогнула от боли, заглушая стон.

Я злилась на себя за то, что потащила её в такую ночь. В её возрасте легко подхватить простуду. А как мы справимся с полной пациентов лечебницей, если Целительница Марта сляжет хоть на неделю?

— Мне следовало взять с собой Османну вместо того, чтобы подвергать тебя такому испытанию, — сказала я. — Она молодая и крепкая, и я ей доверяю. Но почему-то она всегда находит причину не ходить в лес. Я как-то слышала, Беатрис жаловалась, будто Османна не желает, чтобы деревенские видели её за сбором дров и лекарственных трав, работой для прислуги.

— Беатрис обижает этого ребёнка, с тех пор как... — Целительница Марта умолкла. — Скажем так, у Беатрис есть свои скорби, мешающие ей понять Османну. Но мы с тобой знаем, что Османна не гордая. Она охотно делает самую грязную работу в лечебнице и не беспокоится, кто её там видит. Её не пускает в лес страх, а не гордыня.

— Страх чего? — возмутилась я. — Она не желала идти в лес ещё до появления сплетен об Оулмэне. Наверное, в детстве слышала слишком много сказок.

В темноте я услышала, как Целительница Марта усмехнулась.

— Это Пега может верить, что призраки и гоблины прячутся под каждым кустом, но отчего-то я не верю, что их боится наша недоверчивая Османна.

— Недоверчивая! Поверь, Целительница Марта, эта девочка не просто недоверчива. Она во всём сомневается и ничего не принимает на веру. Её невозможно обучать, она идёт только туда, куда сама хочет. А теперь она отказывается... — я понизила голос до шёпота, — отказывается ходить на мессу. Говорит, прочла что-то, заставившее усомниться в том, что участие в таинствах необходимо. Ты можешь представить, чтобы ребёнок задавал такие вопросы о самых основах нашей веры?

— Говорят, что для последователя недостаток, для лидера — достоинство, согласна, подруга? Помню одну молоденькую бегинку из Фландрии, её обвиняли в тех же грехах — вечно задаёт вопросы, всё проверяет сама. Я слышала, теперь она стала Настоятельницей Мартой в Англии и всё так же задаёт вопросы.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я не видела в темноте лицо Целительницы Марты, но хорошо слышала усмешку в её голосе.

— Уверю тебя, Османна и я несколько не похожи. Я с юности училась кротости и повиновению и знала, когда говорить, а когда нужно молчать в присутствии тех, кто старше

и опытнее. Эти два урока Османна ещё не выучила.

Небо внезапно расколола белая вспышка, пробившаяся даже через плотный шатер ветвей. Потом послышался низкий рокот грома. Шторм подходил ближе.

— Мы не можем больше ждать, Целительница Марта. Боюсь, Элдит не появится. Может, к ней пришла соседка или муж не пошёл в лес. Давай уйдём, пока не разразилась гроза.

Целительница Марта покачнулась, попыталась опереться рукой, чтобы удержать равновесие, и сдавленно вскрикнула.

— Что такое, Целительница Марта? Спина?

Целительница Марта неуклюже вскочила, выхватила из моих рук фонарь и посветила на основание поваленного ствола. В мерцающем свете я разглядела что-то бледное, полусасыпанное мёртвой травой. Человеческая рука.

Целительница Марта подняла фонарь повыше. В глубокой яме под вывернутыми корнями лежало женское тело. Руки закинута за голову, ноги согнуты, живот разодран. По опавшим листьям вокруг разбросано месиво из порванных в клочья кишок, как будто там пировало какое-то хищное животное или птица.

Целительница Марта в ужасе зажала рукой рот. Я упала на колени, меня рвало, пока желудок не опустел, но даже тогда тошнота не прекратилась. Целительница Марта крепко сжала моё плечо, то ли чтобы успокоить меня, то ли удержаться на ногах.

— Это... это Элдит? — спросила я.

Свет задрожал, Целительница Марта поднесла фонарь к лицу женщины — глаза плотно закрыты, рот разинут, как будто она умерла в диком крике. Лицо искажено, но это определённо та несчастная, что цеплялась за меня ранним утром, умоляя похоронить ребёнка.

В небе сверкнула ещё одна молния, в короткой ослепляющей вспышке белого света мёртвые глаза широко распахнулись и посмотрели прямо на меня. Удар грома заглушил мой крик. Облака разверзлись, на нас хлынул поток ледяного дождя. Ветер раздувал мой плащ, высоко над нами стучали друг о друга ветки.

— Нам надо уходить отсюда, — напредила Целительница Марта. — Бери фонарь.

Тени вокруг нас бушевали и бились. Я слушала её, но не могла двинуться, охваченная неведомым страхом. Она подняла фонарь вверх, прямо мне в лицо.

— Ну же, Настоятельница Марта, надо уходить, и поскорее! Что бы не сделало это с ней, возможно, оно всё ещё где-то здесь.

— Но ребёнок... Мы должны его найти... Я принялась судорожно рыться в опавшей листве, но Целительница Марта крепко ухватила мою руку.

— Послушай, меня, Настоятельница Марта. Мы вернёмся утром и поищем его, но сейчас надо уходить, — она сунула мне фонарь. Рука крепко сжимала мою и тащила вперёд. Ноги не слушались, они как будто не соединялись больше с моим телом. Я прошла несколько шагов, потом поскользнулась на мокрой земле и больно ударилась плечом о дерево.

Боль привела меня в чувство, и я судорожно бросилась выбираться из леса. Теперь уже я тащила за собой Целительницу Марту, стараясь держать её рядом с собой. Кто-то кричал: «Быстрее, быстрее!», не знаю, я или она. Я чувствовала что-то за спиной, нечто, сгущающееся из теней, но боялась оглянуться.

Мы уже почти выбрались к дороге. Лошади вставали на дыбы, дёргали поводья,

испуганно оглядывались под вспышками молний. По их бокам били струи дождя. Просто чудо, что они до сих пор не вырвались и не сбежали. Я попыталась унять их, но они всё шарахались от новых ударов молний. Я посадила Целительницу Марту на лошадь, потом взобралась на свою и ударила пятками в её дрожащие бока. Ледяной дождь жёг глаза, я почти ничего не видела, но гнала лошадь вперёд, надеясь, что она знает дорогу. Я понимала, что глупо гнать галопом, но надо было спешить назад, в беги́наж. Я думала только о том, чтобы скорее оказаться внутри, в безопасности, за закрытыми воротами. Деревья вокруг гнулись, скрипели и стонали под бешеным ветром.

Я не видела Целительницу Марту впереди, пыталась окликнуть, но ветер заглушал слова. Обернувшись на ходу, я увидела — сзади её тоже нет. Должно быть, она опередила меня и теперь за поворотом дороги. Моя лошадь сбивалась в сторону, оскальзываясь в грязи.

Дорогу осветила огромная вспышка молнии, и в короткое мгновение ослепительного света гигантское дерево как будто бросилось на меня, словно освободилось от корней. Лошадь резко рванула в сторону, я перестала видеть. На минуту я решила, что ослепла, но погасло не моё зрение, а фонарь. Он остался лежать где-то в размокшей грязи, и передо мной не было ни малейшего проблеска света. Я даже не могла понять, еду ли в нужную сторону. По лицу ударила ветка, я согнулась, задохнувшись от неожиданной боли. Я была по бокам свою лошадь, надеясь, что несчастное животное всё же сможет найти дорогу, которой я не видела.

В свете ещё одной вспышки молнии я внезапно увидела, что-то, нависшее надо мной, огромное, больше, чем бык, с головой хищной птицы и чёрным изогнутым клювом размером с ладонь. На лице, покрытом перьями, горели огромные немигающие круглые глаза, глубокие чёрные зрачки окружал красный огонь. Чудовище смотрело прямо на меня. Но это не птица, не может быть, чтобы птица... Широкая грудь между огромными крыльями была покрыта не перьями, а голой кожей, белой, как кость, и мокрой от дождя.

Темнота поглотила его. В дюйме от моего лица зловеще щёлкнул клюв. Я вскрикнула, пытаясь закрыть руками голову. Крылья хлопали так, что у меня сбивалось дыхание. Их мрака всё ближе надвигалась пара круглых красных огней.

Лошадь отчаянно заржала, дёрнулась и рухнула. Правое запястье обожгла боль. Я с трудом поднялась, прижимая руку к груди, промокшие юбки, тяжёлые, будто кожаные, били по ногам.

Ветер визжал, как мандрагора, которую выдирают из земли. *Libera nos a malo*. Я пыталась бежать. *In Nomine... In Nomine Patris et...* Удары грома отбрасывали меня назад. Молнии вспыхивали, как синие вены.

Внезапно я увидела впереди маленькую ведьму. Пряди мокрых волос, как змеи, облепили её голову, на плече, широко раскинув крылья, сидел и громко каркал огромный ворон.

Потом всё снова погрузилось в темноту. Я прислонилась к дереву, сползла вниз по стволу, сжимая запястье и задыхаясь от боли. Дождь хлестал по лицу. Воздух не попадал в лёгкие, только вода. Я захлёбывалась, тонула.

Прямо передо мной раздалось хриплое карканье. Передо мной, протягивая тонкую, как чёртов коготь руку, стояла девочка-ведьма. Она сделала шаг назад, словно поясняя, что не причинит мне вреда, и поманила за собой. Потом пошла прочь, не глядя, иду ли я за ней. Внезапно мне стало страшно, что она уйдёт и я снова останусь одна. Я с трудом поднялась на ноги.

— Постой, прошу тебя, подожди!

Она не обернулась, но остановилась, ожидая, а почуяв, что я рядом, так же быстро двинулась дальше. На плече у неё покачивался ворон. Он следил за мной, как будто был её глазами.

Я шла через дождь за ней, как маленькая девочка за матерью, спотыкалась в грязи, промокшая обувь и юбки тянули вниз на каждом шагу. Я едва различала перед собой тёмную фигурку с бледной, мокрой и поблёскивающей от дождя кожей. Только сейчас я сообразила, что девочка голая.

Я тащила вперёд, прижимая к себе пульсирующую от боли руку, охваченная ужасом ожидания, что в любую минуту на меня из темноты налетит это чудовище. И когда я почувствовала, что не в силах больше сделать ни шага, передо мной показались открытые ворота бегинача. Я остановилась, ничего не понимая. Привратница Марта выглянула из ворот и с криком выбежала навстречу. За ней — несколько бегинок с фонарями в руках, как будто собравшихся в дорогу. Куда они ходили и когда? Женщины окружили меня.

— Хвала небесам, ты жива! Мы боялись худшего. Собрались идти тебя искать.

Я не могла говорить, лицо онемело, ноги подкашивались. Я пошатнулась и почувствовала, как чьи-то руки обнимают и поддерживают меня. Кто-то коснулся моей руки, и я вскрикнула от боли.

— Ведите её в дом, бедняжка так измучена. Надо поскорее снять мокрую одежду пока она не подхватила простуду. А Целительница Марта с тобой, Настоятельница Марта? Где она? Ты оставила её в безопасном месте?

— Разве она не здесь? — я едва узнала свой охрипший голос.

Все молчали. Женщины переглядывались, и никто не говорил ни слова. Потом Кухарка Марта обняла меня.

— Её лошадь вернулась одна, как и твоя. Мы думали, вы вместе. Но не волнуйся, Настоятельница Марта, мы её найдём. Должно быть, она на дороге, за тобой. Ты ходишь так быстро, никто угнаться не может.

Пега решительно кивнула.

— Мне знакома каждая пядь этой дороги, даже в темноте. Скажи, где вы с ней расстались, и мы найдём её прежде, чем ты успеешь обсохнуть у очага. Иди в тепло и не волнуйся.

Декабрь. День святого Томаса

Ночь длинная, а день самый короткий.

В дни солнцестояний и равноденствий крылатый демон Лилит, королева ночи, летит над миром, её менструальная кровь орошает пруды и реки, отравляя воду, поэтому в такой день все жидкости в доме нужно закрывать, и никто не может пить из колодцев или ручьев или купаться в озерах и реках, иначе ее кровь осквернит его.

Мы половину ночи искали Целительницу Марту, пока не обессилели. Все промокли до нитки под потоками воды и вымазались в скользкой грязи. Удивительно, что никто не простудился насмерть или не сломал шею. А если бы это случилось — виновата Настоятельница Марта. Я так скажу — если бы она одна заблудилась в грозу, я спокойно отправилась бы спать, пусть сама ищет дорогу домой. Если она настолько глупа, чтобы выходить в такую ночь, ей следует винить только себя, но как она могла оставить там, под дождём, больную старую женщину? А Целительницу Марту мы все любили.

Гроза прекратилась, но дождь продолжал лить, превращая дороги в бегущие потоки, а поля в ловушки. Я так часто поскальзывалась и падала в грязь, как будто мои ботинки были намазаны жиром, но кожа быстро онемела от холода, и я больше не чувствовала ушибов и царапин. Мы кричали, звали Целительницу Марту, но голоса тонули в вое ветра, и даже если она ответила — мы ничего не слышали из-за шума дождя. Мы цеплялись друг за друга в темноте, боясь исчезнуть, как она, боясь, что нас утащат прочь. Про себя я кляла Настоятельница Марту, подвергшую нас такой опасности, и уверена, не я одна.

В конце концов, Пега предложила прекратить поиски, и никто не стал возражать. Мы не обнаружили Целительницу Марту на дороге, ведущей к бегинажу, но это ничего не значило. В такую грозу она могла оказаться где угодно. В темноте легко пропустить её следы, мы могли не увидеть и не услышать её, как и она нас. Продолжать поиски было бессмысленно — мы бродили кругами, как в дурацкой игре в жмурки. Но в то же время, все чувствовали вину за то, что Целительница Марта остаётся там, в ночи. Что, если она сейчас без сознания, в какой-нибудь наполняющейся водой канаве? Что, если она лежит где-то со сломанной ногой, мучается от боли и молит, чтобы мы пришли, или того хуже, думает, что её не найдут? Держась друг за друга, мы пробивались через ослепляющий дождь, надеясь, что Целительница Марта нашла убежище, а может, она уже в безопасности, в бегинаже. Но никто из нас в это не верил.

Я задыхаясь проснулась — в очаг бросили полено, из огня посыпались брызги красных искорок. Свечи прогорели. Через ставни в трапезную уже просачивался серебристый утренний свет. Османна, склонившись над очагом, добавила свежих дров, присыпала сверху горячим пеплом, чтобы горело медленнее. Уже обувшаяся Пега бросила Кэтрин на колени плащ.

— Поднимайся, детка. Помоги мне принести из лечебницы похоронные носилки. — Она кивнула Хозяйке Марте. — Встретимся у ворот.

Кухарка Марта, пытавшаяся нагнуться и застегнуть промокшие башмаки, так и замерла на полпути.

— Святой Андрей и все ангелы, спасите нас. Пега, неужто ты решила...

— Ты не должна так говорить, Пега, — запальчиво сказала малышка Кэтрин. — Целительница Марта не умерла. Бог защитит её.

— Я разве сказала, что умерла? — рявкнула Пега. — Если Целительница Марта упала с лошади, а это вполне могло случиться, раз лошадь вернулась без неё, значит, точно ушибла спину, а она у неё и так не очень. Могла бы Целительница идти — уже была бы здесь. Наверняка поранилась и лежит где-то. И как вы собираетесь тащить её домой — закинете мне на плечо, как копчёную свинью?

Хозяйка Марта кивнула.

— Ты слышала, что сказала Пега, Кэтрин. Делай что-нибудь полезное, а не стой столбом и не грызи ногти. — Она встала на колени и помогла Кухарке Марте натянуть башмак. — А ты, Кухарка Марта, нужна нам здесь, командуй кастрюлями и пирогами. Когда Целительница Марта вернётся, надо будет накормить её вкусной и горячей пищей, да и нас тоже. Кухарка Марта открыла рот, чтобы возразить, но Хозяйка ей помешала.

— Подумай сама. Не хочется, чтобы, когда мы вернёмся голодные и усталые, пришлось несколько часов ждать, пока ты приготовишь обед.

Несмотря на свою бесцеремонность, Хозяйка Марта старалась быть доброй. После ночных поисков Кухарка Марта едва смогла добраться до бегинажа. Бог благословил её такими размерами, что не очень годятся для путешествий. Она так же, как и все мы, стремилась найти Целительницу Марту, но никому из нас не хотелось тащить ее домой на себе.

Дождь не прекращался. Внутренний двор заполнили лужи, пузырящиеся под падающими каплями. С крыши лился поток воды. Мы пробежали под ним, но холодная вода плескалась под ногами, сверху лило, и мы промокли насквозь, не пройдя и полпути. Только Леон, огромный лохматый пёс Пастушки Марты, казался равнодушным к дождю. Он то и дело останавливался и обнюхивал кусты или дорогу.

Глубокие колеи от телег наполнились водой, так что мы старались идти по обочине, продираясь через мокрые кусты. Местами дорога размокла от края до края, и нам оставалось только подобрать юбки и идти вброд. Хозяйка Марта цеплялась за мою руку, чтобы не упасть, ругаясь так, что и торговец рыбой покраснел бы.

Река стала бурой, вода угрожающе поднялась. Между берегами неслись потоки грязи и сломанных веток. Прибрежные деревья и травы уже стояли в воде. В ветках полузатопленной ольхи, словно схваченный за шею цепкими пальцами, висел мёртвый лебедь. Дождь заливал холмы. Река еще долго будет разбухать после дождя, но пока в облаках не было ни единого просвета.

Пега с тревогой смотрела на реку.

— Когда в устье реки повернёт прилив, он начнёт толкать воду вверх по течению и берега размост. Лучше нам молиться, чтобы Целительница Марта нашлась поскорее, пока вся дорога не скрылась под водой. Давайте разойдёмся. Пусть каждая ищет по своей стороне дороги. Мы знаем, что она отправлялась отсюда, значит, если лошадь её сбросила, Целительница Марта где-то здесь.

Позади деревьев и кустарника сверкало яркой зеленью ужасающе пустынное пастбище. Посреди поля уныло раскачивался на шесте огромный рогатый череп быка, его мрачная ухмылка предупреждала о чуме и запрете пасти скот. С черепа ещё свисали обрывки высохшей плоти и шерсти, остальное начисто ошипали вороны.

Мы прошли через кустарник и дальше двигались под деревьями, хотя ветки и не слишком защищали от ливня. Ручьи бежали вдоль берега и стекали с деревьев. Мы шевелили палками кучи листьев и заросли ежевики, звали Целительницу Марту. Старые растения размокли так, что трудно было приподнимать их, заглядывая вниз. Я боялась того, что мы могли найти, но ещё больше боялась не найти ничего. Господи, только бы она была жива.

Была, конечно, среди нас одна, не особенно старавшаяся искать. Османна остановилась неподалёку. Она просто глядела вглубь леса, даже не пытаясь разыскивать Целительницу Марту — как обычно, не желала пачкать руки.

— Ты не хочешь даже попытаться найти её, Османна?

Она не обращала на меня внимания.

— Османна!

Она не двигалась — стояла, сжав кулаки, как будто не в силах оторвать взгляд от чего-то вдалеке. Моё сердце застучало. Куда она смотрит? Только бы не тело, прошу, только не это!

— Подожди, я иду к тебе!

Моя юбка зацепилась за колючий куст. Я рванула ткань и побежала к Османне. И не увидела ничего, кроме сероватых стволов да трясины корявого подлеска. Я обернулась к Османне, пытаюсь понять, куда она смотрит. Неподвижные глаза широко открыты, высохшие губы сжаты, она часто и шумно дышала.

— Ты слышала крик, Османна?

Не отвечая, она продолжала смотреть в сторону деревьев. Знаю я эти её игры. Дуется, что на этот раз не она в центре внимания. Только если она думает, что я намерена трястись над ней, как Марты — она сильно ошибается.

Неожиданно Османна выпалила:

— Этот запах... лука... я... я вдыхала его раньше. Я...

Она вдруг бросилась ко мне, обхватила так, что даже больно стало, уткнулась лицом в плечо.

Я оттолкнула её.

— Конечно, вдыхала, глупая девчонка! Это черемша, букет дьявола. Она тут повсюду растёт. Шагу не сделаешь, чтобы не раздавить старые листья. И чего ты болтаешь про запах? Мы здесь не травы собираем.

Она смотрела на сбившиеся листья под ногами, как будто никогда такого не видела.

— Ничего, Беатрис. Я сама не знаю... Ничего.

— Ты, похоже, совсем не волнуешься за Целительницу Марту. И почему меня это не удивляет? Кто мог убить собственного... Ты только посмотри на моё платье! В трёх местах порвано, и всё из-за тебя!

Османна покраснела и пошла дальше.

— Правильно, — крикнула я ей вслед. — Обижайся, ещё притворись, что заблудилась, чтобы нам пришлось тебя искать. Что до меня, так я не буду. Можешь оставаться здесь, пока с голода не помрёшь, мне и дела нет!

Она не обернулась.

Господи, неужели этот дождь никогда не кончится? Какая беда заставила Настоятельницу Марту тащить сюда Целительницу Марту в разгар бури? Обеим следовало быть умнее. Настоятельница Марта, вернувшись, ничего нам не объяснила. В свете фонарей она сама выглядела столетней старухой, грязной и измученной. Она как будто ничего не понимала, когда мы задавали ей вопросы. Проходила мимо, как призрак. Пега сказала, будто думает, что Настоятельница Марта сломала руку. Я заметила, что запястье согнуто под неестественным углом, но Настоятельница Марта не позволила никому посмотреть.

Я слышала, как где-то в чаще взволнованно залаял Леон, раздались крики и свист. Они что-то нашли. Я рванулась через кусты на шум. Пега и Хозяйка Марта склонились над чем-то, похожим на кучу старого тряпья. Пастушка Марта оттащила Леона в сторону, похвалила его, ласково погладила, и пёс радостно завилял хвостом. Но мне удалось увидеть лишь пару стоптанных грязных башмаков. Ноги в башмаках не двигались. Остальные женщины стояли

рядом и молча цеплялись друг за друга.

— Она?.. — выпалила я, подбегая к ним.

Хозяйка Марта оглянулась.

— Она в плохом состоянии. Кэтрин, Османна, носилки сюда. Поторопитесь, надо нести её домой, пока она не погибла от холода. Она лежала под дождём всю ночь. Пошевеливайтесь.

Османна пробежала мимо меня, Кэтрин за ней. Остальные стояли и смотрели. Что же случилось? Почему они не пытаются ей помочь? Я придвинулась ближе, заглянула через плечо Пеги — и зажала руками рот, чтобы сдержать крик.

Целительница Марта выглядела ужасно. Седые волосы вымокли, в них запутались ветки и грязь. Но меня больше напугало её лицо, опухшее и перекошенное, гротескная уродливая маска, издевательская карикатура. Широко открытый левый глаз неподвижно глядел на нас, а правый полностью закрывало опущенное веко. Рот перекошен, из уголка на шею непроизвольно стекали рвота и слюна. Целительница Марта издавала странные булькающие звуки. Хозяйка Марта попыталась приподнять голову и плечи несчастной, чтобы облегчить глотание, но толку от этого было мало. Целительница Марта дышала тяжело и прерывисто, как собака на цепи.

— Что случилось? На неё напали? — спросила я.

Хозяйка Марта покачала головой.

— Нет, не видно заметных синяков или ушибов. Без сомнения, с ней случилось что-то страшное, но это не человеческих рук дело.

Правая рука Целительницы Марты бессильно висела, но левая цеплялась за плащ Хозяйки Марты. Здоровая половина её рта яростно двигалась, отчего парализованная сторона искажалась ужасными гримасами. Из глубины горла с трудом исходили бессмысленные звуки: «Га. Гар.»

Мы с Хозяйкой Мартой переглянулись.

— Что она пытается сказать? Господь? — я склонилась ниже. — Господь услышал твои мольбы, Целительница Марта, скоро мы заберём тебя домой.

— Гар! Гар! — Целительница Марта стучала по земле сжатым кулаком.

Хозяйка Марта покачала головой.

— Она лишилась рассудка, бедняжка.

Пега оттолкнула меня в сторону и положила на землю рядом с больной носилки.

— Придержи ей голову, Хозяйка Марта. Беатрис, можешь взять за ноги? — Она обхватила руками тело Целительницы Марты. — Кэтрин, возьми её правую руку и не отпускай. Давай, Кэтрин, она тебя не укусит! Ох, уйди с дороги, девчонка! Пусть это сделает Османна. Готовы? Поднимаем, осторожнее.

Ноги Целительницы Марты безвольно висели у меня на руках. Она обмочилась. Даже через промокшую от дождя одежду ощущался этот запах. Оставалось надеяться, что Хозяйка Марта права и Целительница Марта не понимает, что произошло. Однако когда мы привязывали её к носилкам, я увидела, что она плачет.

Вода уже дошла до кустов смородины! — завопил стоящий у двери Уильям.

Я подобралась к двери. Снаружи хлестал дождь. Коричневый бурлящий поток грязи заливал кусты на краю нашего огорода. Когда я в последний раз выглядывала на улицу, вода доходила только до больших камней у дороги. А теперь дороги и совсем не видно.

— Ма, Ма, где же ты? — взвыла я. Она ушла уже сто лет назад. А вдруг из-за воды она не сможет попасть домой? Я попыталась протиснуться наружу мимо Уильяма, поискать Ма, но он схватил меня за косичку и тащил назад, пока я не завизжала.

— А ну назад, Лужа. Ма велела не выпускать тебя на улицу.

— Но я хочу посмотреть, где Ма! Вдруг она заблудилась!

— Ничего она не заблудилась, дуреха. Она старается собрать кур, пока не утонули.

Я ещё попыталась пролезть мимо него, но тут из-за дома, шлёпая по грязи, появилась Ма со старой ивовой корзинкой в руках. Сломанная ручка была перевязана кусочком жёлтой тряпки.

— Из-за чего вы на этот раз дерётесь? До смерти меня доведёте когда-нибудь. Оставили дверь открытой на таком ветру, чуть петли не сорвало. Марш внутрь, оба. Ма корзинкой втокнула нас в дом. Изнутри слышалось кудахтанье.

— Ты спасла Бриду, Ма? — я старалась поднять плетёную крышку, но Ма оттолкнула мою руку.

— Не выпускай их, детка. Их так трудно было поймать. Мне удалось схватить только трёх. Остальные забились на деревья, а вокруг стволов теперь вода, мне не дотянуться. Может, потом сами выберутся.

— Но ты ведь поймала Бриду, да?

— Это просто куры, хорошо, что хоть каких-то поймала, — сердито сказала Ма.

Я подбежала к двери и открыла её. Ураган рванул дверь так, что в доме всё затряслось. Ма схватила меня и втащила внутрь, захлопывая дверь. Я сопротивлялась, пыталась вывернуться у неё из рук.

— Я должна найти Бриду, — рыдала я. — Она же маленькая, она не знает, что делать. Если её не спасти, она утонет.

— Твоя Брида в корзинке, в безопасности, прекрати так убиваться, — сказала Ма. — И я, кажется, велела тебе связывать одеяла. Надо подвесить всё, что можно, к потолочным балкам, чтобы уберечь, если в дом пойдёт вода. Давай, Уильям, не стой разинув рот. Забивай щель под дверью камышом с пола, как можно плотнее. И поторопись.

В доме стало совсем темно, только тускло мерцала сальная свеча на гвозде, вбитом в стену. Ма, Уильям и я сидели, сбившись в кучу на голых досках кровати. Ма сжимала в руках плетёную корзинку с курами. Было холодно. Ма закутала меня в одеяло, но я никак не могла унять дрожь. Снаружи доносился такой шум, как будто мы были посреди реки. Если бы отец был дома. Он ничего не боялся, и Ма тоже не боялась бы рядом с ним. Но отец ещё три дня не вернётся с солеварни. А вода уже внутри дома. Сначала мы не видели, что она протекает в щели. Потом Уильям закричал:

— Ма, гляди! Камыши!

Я повнимательнее посмотрела на покрытый камышом пол. Сначала он показался таким же, как раньше, а потом я увидела, что камыш движется — под него протекла вода и он

поплыл.

— Ма, а что если вода поднимется выше кровати? — спросила я.

— Ничего, — сказала Ма. — Вода и раньше затекала, но не поднималась выше, чем на руку. Выше не поднимется.

Но вода поднялась. Теперь камышинки плавали уже почти на уровне кровати, а мы так и сидели на ней. Я боялась, что и кровать скоро поплывёт. Через борта просачивались маленькие струйки воды, моя юбка намокла. Ма прикрыла глаза и шёпотом что-то повторяла, снова и снова. Мне хотелось, чтобы она посмотрела, но я не смела просить — если она перестанет молиться, вода поднимется ещё выше.

Я тоже молилась.

— Ма, пусть это остановится, пусть вода уйдёт.

Раздался тяжёлый удар, как будто что-то сильно толкнуло в дверь. Стены затряслись. Ма резко вскочила. Она перекрестилась и стащила с меня одеяло.

— Нам нужно уходить. Сейчас же.

— Мы не можем, Ма, — в голосе Уильяма слышался ужас. — Если открыть дверь, в дом сразу вольётся ещё больше воды.

— Через заднее окно. — Ма потащила меня с кровати. Я взвыла, погружившись по колено в ледяную воду. Камышинки, плавающие в воде, щекотали кожу, как бегающие пауки. Ма дотянулась до Уильяма и тоже стянула его в воду. Шлёпая по воде, мы пробрались к окну.

Ма распахнула ставни маленького окошка, в дом ворвался ветер, и единственная свеча на стене погасла. Мы остались в темноте. Я опять взвизгнула — ног в воде коснулось что-то твёрдое. Я не видела что.

— Ты первый, Уильям. Вылезай наружу и хватай за руку сестрёнку, когда я ее подниму.

Уильям с трудом перелез через край подоконника и протиснулся в окно. С другой стороны послышался слабый всплеск.

— Уильям, ты цел?

В окошке появилась голова.

— Всё в порядке, Ма.

Мы еле слышали его голос сквозь шум дождя и ветра.

— Вот, держи сестру за руки.

Ма попыталась поднять меня и перенести через подоконник. Острый край окна врезался в рёбра.

— Не надо, Ма! Мне больно! Я хочу остаться с тобой!

Я старалась вырваться, но сильные руки Уильяма крепко сжимали мои запястья. Ма сильно толкнула меня. Я закричала и свалилась вниз головой в холодную грязную воду, глотнула и начала захлёбываться, но Уильям тут же меня вытащил. Поток воды глубиной по колено нёсся так быстро, что мне пришлось крепко ухватиться за Уильяма, чтобы снова не упасть.

Из окна выглядывала Ма.

— Ничего не выйдет. Мне так не вылезти, окно слишком маленькое. Придётся выбираться через дверь. Веди сестру в церковь. Это самое высокое место в округе.

— Нет, Ма, мы подождём тебя здесь, — испуганно сказал Уильям.

— Я не смогу пробраться к вам вокруг дома. — Ма протянула руку и коснулась его щеки. — Я приду в церковь. А теперь марш отсюда. Будь смелым мальчиком, чтобы отец

тобой гордился.

Я слышала, как стучат зубы Уильяма. И мои тоже. Он больно сжимал мою руку.

— Идём, ты слышала, что сказала Ма.

— Не отпускай сестру, Уильям, — крикнула нам вслед Ма. — Не отпускай её!

Я обернулась помахать на прощание, но Ма уже не было. Только тёмный прямоугольник окна.

Впереди виднелись чёрные контуры домов, стоявших за нашим. Уильям тащил меня к проходу между ними. Я спотыкалась обо что-то, невидимое под холодной чёрной водой. Что-то запуталось вокруг ног, наверное, змея. Я закричала, но Уильям нагнулся и отбросил это в сторону.

— Замолчи, — приказал он. — Это просто обрывок старой верёвки.

Потом мы брели в темноте между домами. Дождь хлестал в лицо так, что трудно дышать. О ноги бились плывущие вещи — мягкие и мохнатые, заставляющие содрогнуться, или жесткие и колючие, которые больно царапали. Должно быть, мои руки и ноги были в порезах, я чувствовала боль, а текла ли кровь — не видела.

Вода закружилась и потащила меня назад. Теперь она стала гораздо глубже, мне по пояс. Мне с ней не справиться. Я повисла на руке Уильяма и заплакала. Он склонился ко мне.

— Залезай на спину. Я тебя понесу.

Руки и ноги у меня совсем заоченели. Я еле влезла ему на спину и обхватила руками шею. Он согнулся, пробираясь через потоки воды. Мы шли по дороге, только теперь она превратилась в реку. Несколько раз Уильям поскальзывался, падал на колени, и моя голова оказывалась в холодной воде. Я понимала, как ему тяжело. Он шёл всё медленнее. А если мы туда не дойдём?

Впереди по воде шлепали ещё какие-то смутные тени. В темноте не разобрать, кто это. Может, среди них идёт Ма, чтобы нас забрать?

— Ма, Ма! — громко завопила я, чтобы она могла услышать сквозь шум ветра и рёв воды. Но никто не остановился, не повернулся к нам. Тени исчезли.

Я больше не понимала, где мы. Церковь ведь недалеко, почему мы до сих пор не дошли туда? Может, сбились с пути? Дождь лил так сильно, что глаза толком не открыть. Я всматривалась в темноту. Впереди блеснул слабый свет. Он будто плыл в высоте, исчезая в потоке дождя и появляясь снова.

Уильям опять чуть не упал.

— Придётся тебе... слезть... я больше не могу... нести...

Я не могла расцепить замёрзшие руки, но он снял их со своей шеи, и я соскользнула вниз, в ледяную воду. Он крепко схватил мою руку.

Чёрная маслянистая вода доходила мне до подмышек. Идти было ужасно тяжело. Ноги замёрзли так, что почти не слушались.

— Я не могу... Уильям... я не могу идти.

— Можешь... Гляди, вон уже ограда кладбища. Тебе надо только добраться до этой стены... и всё. Идём.

Он потащил меня за собой. Что-то с силой ударило меня сбоку, сбило с ног. Я упала навзничь, голова нырнула под воду, я захлёбывалась и не могла подняться на ноги. Уильям ещё держал мою руку, но вода тащила меня от него. Казалось, моя рука сейчас сломается.

— Держись за меня! — кричал Уильям, но я не могла. Я чувствовала, как с руки

соскальзывают его пальцы, а мои, с перепонками, никак не сжимались.

— Помогите! — крикнул Уильям. — Я не могу её удержать.

Я не хотела больше сопротивляться. Было холодно. Может, я превращалась в лягушку или в русалку. На ногах появились перепонки, как на руках, и я поплыву по реке, к морю, к отцу. Я больше не слышала Уильяма, только странный грохот. Я всё глубже погружалась в воду.

Что-то тяжёлое зашлепало по воде позади. В следующую минуту меня подхватили толстые волосатые руки, я закашлялась, из меня потоком полилась вода.

— Я поймал её, парень, — кузнец Джон внёс меня в церковь.

Он опустил меня на пол. Ноги не слушались. Я упала на устилавший пол камыш, скрючившись от боли, попробовала подняться, но не получилось. Живот болел, горло жгло. Я сидела, дрожа от холода, глаза слезились от гари свечей.

В церковь набилось много людей, мокрых и грязных. Младенцы плакали, дети постарше ныли. Некоторые укрывали плечи мешковиной, кое у кого были одеяла, но большинство просто промокло насквозь, как я. Брат пошатываясь подошёл ко мне, опустил на пол. Он дрожал, губы посинели.

— Т-тебе холодно? — Зубы у него стучали.

Я закивала, пытаюсь обхватить себя мокрыми руками.

— Не двигайся.

Он исчез в толпе. Его не было долго, и я начала бояться, что он не придёт. Уильям вернулся со свёрнутым куском мешковины, сунул его мне. Ткань была тяжёлая и тёплая.

— Прижми его к себе. Это камень, нагретый у огня. Я не могу отвести тебя к жаровне, там собралось слишком много людей, но я стащил один нагретый камень. Загорелое лицо Уильяма казалось бледным, из ссадины на лбу сочилась струйка красной крови.

— Ну же, Лужица... Помнишь, как всегда говорила Ма: держи ноги сухими, и не простудишься. — Он нагнулся и попытался развязать шнурки моих размокших башмаков, но они пропитались водой, а его пальцы замёрзли и не гнулись. — Вот хреновина!

— Уильям! — вздохнула я. Ма сердилась, когда он так говорил. В глазах у него стояли слёзы. — Уильям, где же Ма? — Мне внезапно снова стало страшно.

Он быстро провёл рукой по глазам.

— Я не смог её найти... её здесь нет... пока нет.

Я всхлипнула.

— Но она обещала... сказала, что будет здесь... я хочу к ней... мне плохо. Хочу к маме.

Уильям сел на камышовый пол рядом со мной, неуклюже обнял мокрой рукой за плечи.

— Не смей реветь, Лужа, не то, когда в следующий раз пойдём за дровами в лес, я прибью к дереву твою косичку и оставлю тебя там, чтобы Оулмэн забрал. Ма придёт. Раз сказала, значит придёт, понятно? Она в любую минуту может войти в эту дверь, незачем ей видеть, как ты кривляешься.

Я не беспокоилась, что она застанет меня плачущей. Я не боялась, что она рассердится, как целый рой ос. Я только дрожала и цеплялась за Уильяма, молясь, чтобы эта дверь открылась и вошла Ма.

Декабрь. Святой Шеремон, Святой Исхирион и мученики

Шеремон, престарелый епископ Нилополя, с молодым помощником бежал в Аравийские горы, дабы спастись от преследования римского императора Деция. Оба они исчезли, и их тела так и не нашли.

Пега высыпала известь в чан, и холодная вода яростно зашипела.

— Держитесь подальше, а то попадёт на вас. Османна, прикрой глаза, и ты тоже, Кэтрин. Если попадёт хоть капля извести — будет больно, как будто ткнули раскалённой иглой. Это опасная штука, можно ослепнуть.

Мы отошли в дальний угол сарая, а Пега, завязав тряпкой рот, чтобы не надышаться испарений, тщательно перемешивала дымящуюся известковую воду. Она заставила нас втереть масло вокруг глаз, намазать руки и ноги — сказала, что брызги на коже не заметишь, пока не начнёт жечь, а тогда уже поздно.

Утром Пастушка Марта притащила в сарай двух мёртвых овец. Она сказала, там остались и другие, утонувшие или запутавшиеся в мусоре потопа, но не стоит рисковать жизнью, чтобы достать их из воды. Кроме того, они уже раздулись и не годятся в пищу. Она не могла сказать, сколько ещё мы потеряли, пока не доберётся на пастбища на холме на другом берегу реки. Но маленький деревянный мостик смыло водой, а вброд перейти сейчас невозможно. Хорошо, что бегинач стоит на возвышенности, по крайней мере, он цел, но по полям и пастбищам вокруг разлилось много грязной воды.

Пастушка Марта оставила туши в сарае и тут же ушла в сопровождении Леона искать другой выброшенный из воды скот. Беатрис, Пега, Кэтрин и я остались разделывать мёртвую овцу. Мы отнесли мясо на кухню, и скоро от бедного животного не осталось ничего, кроме окровавленной шкуры. Голову, которая долго не хранится, Кухарка Марта решила тут же сварить, обрезки тоже пойдут в котёл. Остальное мясо придётся варить или коптить, поскольку соли осталось совсем мало. Но Кухарка Марта должна как-то сохранить это мясо, нам оно очень нужно.

Если бы мать увидела меня, разделывающую тушу, перемазанную к крови и навозу, то просто упала бы в обморок. Но на этот раз я хотела работать. Я рубила и резала, по лицу катился пот. Мне хотелось разбивать плоть и кости, пока руки не перестанут шевелиться. Я хотела прогнать из памяти лес — уж лучше запах навоза и крови, чем тот дикий лук и прелые листья. После того, как мы вчера вернулись из леса, я не могла избавиться от этой вони. Большую часть ночи я работала в лечебнице — знала, что если попробую уснуть, в мои сны явится демон. Но больничные запахи не стёрли дух леса. Та тварь всё ещё там. Она меня ждёт.

«Ты убила собственного...» — сказала Беатрис. Она не договорила «ребёнка», да и незачем. Я видела дикую ненависть на её лице. Может, и то существо тоже знает, что я убила его потомство?

Если он так зверски напал на Целительницу Марту, что она теперь изуродована до неузнаваемости, лишилась речи и парализована, что же будет со мной, когда он узнает о моем поступке? Я вздрогнула и попыталась выбросить из головы воспоминание о перекошенном лице Целительницы Марты, но оно всё стояло перед моими глазами.

— Ты уже закончила очищать шкуры? — окликнула меня Пега.

Беатрис толкнула меня локтем и показала на крошечные, как нитки, красные ошмётки мяса, прилипшие к скользким шкурам.

— Вот и вон там тоже. И как можно тебе хоть что-нибудь доверить?

Пега подошла осмотреть шкуры. Я думала, она, как и Беатрис, станет упрекать меня, но

она этого не сделала.

— Прекрати донимать её, Беатрис. Сделано хорошо. Девочка здесь после почти целой ночи работы в лечебнице, и всё утро пашет как вол, сделала куда больше, чем Кэтрин. Ты собираешься хоть как-то помогать?

Кэтрин будто не слышала. Она с несчастным видом сидела на перевёрнутом ведре, лицо бледное, руки в овечьей крови.

— Бедное дитя, — сказала Беатрис. — Она так расстроена из-за Целительницы Марты благослови её Бог. Почти ничего и не ела со вчерашнего дня и вся дрожит. Надо ей выйти на воздух.

— Ага, только она бы живо согрелась, если бы подняла свою задницу и что-нибудь сделала. Если сидеть и хныкать — Целительнице Марте не поможешь. Иди сюда, Кэтрин, помоги сложить шкуры в известь. Чем скорее сделаем, тем быстрее сможем уйти и обсохнуть.

Кэтрин встала, не глядя ни на кого из нас. Дождь пробивался через открытую дверь сарая, кровь собиралась в лужи.

Пега подобрала повыше юбки над голыми ногами, пытаясь управиться с липкими мокрыми шкурами.

— Ну, как Целительница Марта? Получше?

Я покачала головой.

— Похоже, она совсем лишилась речи. Повторяет одно и то же непонятное слово, что и в лесу. Я дала ей немного лаванды, чтобы восстановить рассудок, но...

— Кто позволил тебе лечить Целительницу Марту? — рявкнула Беатрис. — Ты знаешь не больше любой из нас, а пожалуй, и намного меньше. Только Целительница Марта умела врачевать людей, а теперь она не в себе и не может сказать, как ей помочь.

Кэтрин коротко пискнула, как щенок. Она смотрел в сторону лечебницы, в глазах стояли слёзы, руки беспомощно повисли.

Беатрис обняла её.

— Ребёнок не в состоянии работать, руки холодные, как лёд. Я отведу её погреться, не то заболеет. А мы ведь не хотим обременять Османну новыми пациентами? — она зло взглянула на меня.

Беатрис ласково повела Кэтрин из сарая, потом через двор. Под дождём засохшая кровь на руках Кэтрин размокла и начала стекать с пальцев и капать в лужи по пути.

— Ну вот, детка, — вздохнула Пега. — Похоже, остались только ты да я. Давай, берись за шкуру.

Мы подтащили тяжёлую шкуру к чану и опустили её в известь, стараясь, чтобы на нас не попадали брызги.

— Ты видела Настоятельницу Марту после ночной бури? — спросила Пега, не отводя глаз от нелёгкого дела — подвинуть шкуру в чане, не касаясь бурлящей извести.

— Кажется, больше она не выходила из своей комнаты. Позволила мне перевязать её руку, но молча. Просто сидела, глядя на стену, и лицо такое странное, как будто видела...

— Демона? — закончила Пега.

Я взглянула на Пегу — не шутит ли она — но на этот раз она говорила серьёзно.

Я молча кивнула.

— Оулмэн, — серьёзно сказала Пега. Раньше Настоятельница Марта не верила в него, но думаю, теперь верит. Она самая сильная из всех, кого я видела, но когда она, шатаясь,

появилась перед нами на дороге в грозу, вид был — как будто её пытали.

— А ты, Пега... ты когда-нибудь видела Оулмэна?

Пега неистово замотала головой.

— Нет, и не хочу. Моя бабушка говорила, что последний раз его видели за годы до её рождения. Он прилетел ночью, поймал человека из деревни и утащил в когтях на верхушку церковной башни. Ещё живым. Когда Оулмэн летел над крышами домов, человек кричал, просил о помощи, но никто не посмел выйти, чтобы помочь ему. Потом наступила ночь, и крики прекратились, а утром наверху церковной башни лежала куча костей, начисто обглоданных, но в крови. Говорят...

— Пастушка Марта сказала мне про овец, — слышался голос от двери. Мы умолкли в изумлении. Перед нами, чуть прихрамывая, появилась Настоятельница Марта, почти такая же промокшая, как в ту штормовую ночь. Она откинула мокрый капюшон и заглянула в чан. Лицо её всё ещё оставалось смертельно бледным, вокруг глаз тёмные круги, она осторожно придерживала больную руку.

— Настоятельница Марта! Я не ожидала... Вам уже лучше? — спросила я.

Старуха холодно посмотрела на меня.

— Ты хорошо позаботилась о моей руке, Османна. Без сомнения, она полностью восстановится. — Голос звучал резко. — А где остальные? Я так поняла, что Беатрис и Кэтрин помогали вам с этой работой?

— Беатрис повела Кэтрин на воздух, — ответила Пега. — Малютка в таком состоянии, что от неё ни людям, ни животным никакого толку. Происшествие с Целительницей Мартой напугало её до полусмерти. Да и остальных тоже.

— Я могу понять, как расстраивает всех случившееся с Целительницей Мартой, Пега. Я не слепая и не глухая. Должна признать, я виновата, что немедленно не поговорила обо всём с бегинками. Но мне нужно было время, чтобы... помолиться. — Настоятельница Марта умолкла, стараясь подавить эмоции и не желая выдавать своих чувств. — Это было так... трудно.

Пега сжала плечо Настоятельница Марты.

— Ты можешь рассказать о том, что видела в лесу, чем бы это ни было. Не бойся, люди тебе поверят.

— Я и сама не знаю, что видела... молния... ворон... Я не могу... — Настоятельница Марта плотно зажмурилась. Похоже, она отчаянно пыталась выбросить что-то из памяти. Потом выпрямилась и глубоко вздохнула.

— У нас так много работы. Наводнение нанесло деревне большой ущерб, но думаю, тебе, Пега, об этом рассказывать не нужно. Мы должны оказать всевозможную помощь.

Она коротко кивнула Пеге, потом мне, и направилась к двери, чуть медленнее и тяжелее, чем вошла. Натянув на голову капюшон, Настоятельница Марта обернулась.

— В час испытаний, Османна, все бегинки должны сплотиться и поддерживать друг друга. Сила нашей общины возрастает, когда мы все вместе причащаемся. Нужно отложить свои личные духовные искания и стремиться к единению. На воскресной мессе мы станем благодарить Бога за спасение Целительницы Марты и молиться о её выздоровлении. Я знаю, как сильно ты хочешь, чтобы она поправилась, Османна, и надеюсь, в воскресенье ты докажешь это, присоединившись к нам на мессе.

Настоятельница Марта проскользнула под водопадом, льющимся с крыши сарая, и исчезла под дождём.

Я чувствовала, что, несмотря на холод, щёки у меня горят. Я отвернулась, и чтобы спрятать лицо, принялась счищать обрывки плоти с оставшейся шкуры.

— Эта женщина никогда не ограничится одним словом, если можно наказать десятью, — пробормотала Пега. — Почему бы просто не сказать — она хочет, чтобы ты причастилась?

Я чувствовала, что она разглядывает меня, прямо как Настоятельница Марта.

— Некоторые, как и ты, отказываются принимать Святые Дары. Но вряд ли для тебя, Османна, причина в том, что мессу служит женщина. Вот Беатрис — да, она другая, между ней и Настоятельницей всегда были трения. А ты, я уверена, в душе надеешься, что когда-нибудь станешь служить мессу сама.

— Ты так думаешь? — вспыхнула я. — Думаешь, я отказываюсь от Даров потому, что церковь запрещает?

— Разве не так?

Я изумлённо смотрела на неё.

— Ты же знаешь, что нет. Никто из нас так не думает.

— Откуда мне знать, почему ты отказываешься, — пожала плечами Пега. — Ты говорила про это с другими, а мне никогда не объясняла.

— Я думала, тебе не интересно то, что я могу сказать. Не забывай, я дочь д'Акастера. Ты наверняка ненавидишь всю нашу семью.

— Ты точно из д'Акастеров. — Она подняла руки с перепончатыми пальцами. — Думаешь, если я такая, значит, я тупая и грубая свинья, не умеющая ни читать, ни думать?

— Ты не тупая, Пега, вовсе нет. Ты так умна, что любого можешь поймать на слове. Хочешь знать, почему я тебе не сказала? Потому, что для меня это слишком важно, я не хотела, чтобы ты посмеялась над этим, как над всем остальным.

Пега вздрогнула. Впервые за всё время я увидела в её глазах боль. Она бросила край шкуры и провела рукой по лицу, вытирая со лба блестящие капли крови и грязи.

— Да, может и так, — тихо сказала она. — Пришлось научиться. Иногда слова — твоя единственная защита. Да, я сильная, но мне не сравниться с крепким мужчиной. Думаешь, меня бы уже сотню раз не прибили насмерть, если бы я не научилась справляться с пьяными и обращать всё в шутку? Со временем это стало привычкой, но это не значит, что я... Она отвернулась.

Я потрогала пальцами мокрую липкую шкуру. Я ненавидела себя за то, что только что сказала, за боль на её лице. Мне хотелось, чтобы сейчас она вернулась к своим колючим шуткам, но я понимала — этого не произойдет.

— Ральф дал мне книгу «Зеркало простых душ», — сказала я. До сих пор я никому не говорила. — Её написала бегинка из Франции. Кое-что в книге я не понимаю, но о том, что там написано, Настоятельница Марта никогда нам не рассказывала. Что душе, по-настоящему любящей Бога, не нужно искать Его в таинствах. Пега, я знаю, Настоятельница Марта права, когда утверждает, что нам не нужен священник или церковь. Мы сами можем проводить таинства. Но книга спрашивает — а зачем нам вообще таинства? Настоятельница Марта просто строит новую церковь. Она в десять раз лучше, чем у отца Ульфрида, но почему каждый из нас не может сам говорить с Богом?

Я говорила, не глядя на Пегу, и лишь теперь отважилась поднять глаза. Я не увидела насмешливой ухмылки на её лице, только напряжённое внимание. Пега медленно кивнула.

— Твои слова, девочка, имеют смысл. Но как ты поступишь, ведь Настоятельница

Марта наверняка хочет, чтобы в воскресный день все пребывали в мире? И, как ты сказала, месса о здоровье Целительницы Марты. Многие поймут твой отказ неправильно.

Я закусила губу. Что же я делаю? Я совсем не хотела причинить боль Настоятельнице Марте, не хотела, чтобы кто-то решил, будто я не беспокоюсь о Целительнице Марте. Но я больше не верю в этот хлеб. Я всем это говорила. Я больше не могу его принимать. Она не может меня заставить.

— Я не могу, Пега. И не хочу!

Пега улыбнулась, впервые за этот день.

— Ты храбрая, как боевой петух, этого не отнять. Но тебе стоит подумать над этим, девочка. Настоятельница Марта — не из тех, с кем легко справиться, если дойдёт до драки. Если пойдёшь против неё — думаю, вам обоим достанется.

Она взяла мое лицо в свои теплые, покрытые жиром ладони и приподняла.

— Судьба щедро раздает удары, и думаю, тебе еще достанется парочка вдобавок к тем, что ты уже пережила. Но ни к чему самой подставляться под них. Побереги себя, девочка.

Она наклонилась и поцеловала меня в лоб.

Я словно застыла от мягкого прикосновения её губ — меня охватило отвращение. Я снова, как в детстве, чувствовала губы отца на своём лице. С минуту я не могла пошевелиться, а потом вырвалась из её объятий и бросилась прочь из сарая.

Я проснулась от того, что кто-то меня тряс. Уильям присел рядом, в руках у него была каменная ступка, из которой шёл пар.

— Вот, это нам на двоих. На всех мисок не хватает. Глотни сначала ты, потом я.

— Это же не для питья, — возмутилась я. — В ней мелют, Ма в такой толкла бобы. И тут внезапно мне стало больно, я вспомнила. — Уильям, Ма пришла? Она здесь?

Он закусил губу.

— Пока нет. Но теперь стало светло, и она придёт. Давай, выпей немного, а то я всё сам заберу. Я ужасно голодный. Он подтолкнул ко мне ступку.

Мне тоже хотелось есть и пить — прошлой ночью мы не ужинали. Но похлёбка пахла плесенью.

— Что это такое?

— Не знаю, — пожал плечами Уильям. — Но больше ничего нет.

Уильям придерживал ступку, пока я сделала глоток. Мне трудно было охватить губами толстый каменный край. На вкус — ничего особенного, кислый эль и травы, а в основном вода, горькая и мутная, но в животе заурчало, и я выпила.

Свет пробивался сквозь жёлтые лица святых на окнах. Люди больше не стонали. В основном просто сидели на полу, прижавшись друг к другу, и пили похлёбку, как Уильям и я. У алтаря отец Ульффрид служил утреню. Несколько человек молились, стоя на коленях перед крёстной перегородкой. Некоторые молились вслух. Я слышала их рыдания. Но большая часть людей не обращала внимания на отца Ульффрида. Она разговаривали или просто сидели на камышовом полу, укачивая детей, как будто забыли, что они в церкви. Один человек обходил всех, спрашивая, не встречали ли они его жену, но никто её не видел. Когда людям надоело отвечать на один и тот же вопрос, на него прикрикнули, приказав сесть — прямо в разгар службы отца Ульффрида.

Наконец, отец Ульффрид стал обходить церковь, благословляя сидящих и стоящих людей. Некоторые крестились, но многие хмуро отворачивались, словно не желали благословения. Отец Ульффрид не выглядел несчастным, как все остальные. Казалось, он даже доволен, как будто думал, что все эти люди пришли в церковь только потому, что хотели помолиться.

Он остановился возле нас с Уильямом, осенил крестом и положил на наши головы горячие липкие руки. Уильям шарахнулся в сторону.

— Благослови тебя Бог, дитя. Помни, что это дом божий, и ты должен хорошо вести себя здесь. Нельзя играть и плевать, а если захочешь помочиться, надо выйти на улицу. Твой отец всё ещё на солеварне, Уильям?

Он кивнул в ответ.

— Тогда вам следует молиться за него. Если здесь буря была такой сильной, то на побережье ещё хуже. Молитесь старательно, как хорошие дети, как учила вас мать, и милостивый Бог услышит ваши молитвы. Где ваша мать? Он оглянулся, как будто думал, что она где-то рядом.

Уильям схватил меня за руку и дёрнул, заставляя подняться.

— Идём.

Мы побежали к тяжёлой церковной двери и бросились прочь. Дождь ещё моросил, но уже не так, как раньше. После душной церкви воздух казался чистым и свежим. Мы

добежали до ограды кладбища и вскарабкались по скользким камням наверх, чтобы осмотреться.

Казалось, мы на острове. Вокруг кладбища повсюду стояла бурая вода. Там, где была дорога, плавали и ныряли среди мусора утки. Вода казалась густой, как похлёбка — в ней плавали листья, ветки и разные вещи из размытых домов и огородов. Там были камыши с пола, обломки мебели, куски угля и тряпки. Как будто какой-то великан поднял каждый дом в деревне, вытряс в воду, а потом поставил обратно. Люди бродили по воде, собирали стулья, горшки, мотыги и грабли. Многие вещи были совсем разбиты, но люди подбирали их и тащили домой.

Двое мужчин одновременно увидели плывущий по воде деревянный сундук. Оба бросились к нему, пытаясь бежать по воде. Ноги у них дёргались, как у пауков. Оба схватили сундук и принялись вырывать его друг у друга, пока один не свалился в воду. Тот, что остался на ногах, хотел поскорее сбежать с сундуком, но второй прыгнул ему на спину. Оба с громким всплеском шлёпнулись в воду и принялись драться, перекатываясь, пока не скрылись за поворотом.

— Уильям, смотри, там наша корзинка. Ма принесла в ней кур, — показала я. Она зацепилась за ствол дерева.

— Это просто какая-то корзина.

— Нет, это наша. Я знаю. Ручка обёрнута жёлтым лоскутом, точно как у нашей. Видишь?

Уильям перелез через стену и спрыгнул в воду. Корзинка висела низко. Он прошлёпал к ней и притаился к стене.

— Вот, держи, — он протянул мне корзину.

Но я не смогла как следует удержать её, корзина опрокинулась и покатила по земле. Крышка упала, в траву выскользнули три безжизненные грязные тушки. Перья промокли насквозь, клювы открыты и глаза тоже, но куры не двигались.

— Ма говорила, что Брида в корзинке, а её нет. Ма не спасла Бриду, даже не старалась. — Я расплакалась. — Где же Ма? Она сказала, что придёт. Она обещала. Она врунья. Большая толстая врунья. Ненавижу её! Ненавижу!

— Оставайся здесь, — сердито сказал Уильям. — Жди меня, понятно? Никуда не уходи. Он перелез через стену и пошёл прочь.

— Уильям, вернись, — отчаянно закричала я. — Ты куда?

— Я пошёл искать Ма.

В трапезной говорили приглушённым тоном. Кухарка Марта приготовила особое блюдо для поднятия духа — бараний пирог со специями, с мясом из овечьих голов, мозгами и последними сушёными на зиму фруктами. Сладкий пряный аромат редкого в это время года угощения заполнял комнату, но ни у кого не было аппетита. Мы вежливо передавали блюдо, предлагая друг другу еду, которой не хотели — просто чтобы не сидеть молча.

Я не ожидала, что здесь окажется и Настоятельница Марта — думала, она поест у постели Целительницы Марты, как с Андреа. Но она сидела с нами, беседовала с Хозяйкой Мартой, как будто ничего не случилось, только правая рука перевязана. Она ела неловко от непривычки пользоваться левой, однако не лишилась аппетита. Возможно, сейчас она обсуждала цену одежды или нехватку соли.

Я всегда знала, что сострадания у неё не больше, чем у щуки, но думала, что она хоть немного привязана к Целительнице Марте. Похоже, и это не так. Она сидела, прямая и негнущаяся, как всегда — даже сидя на целую голову выше Хозяйки Марты.

Раздался громкий стук ножа по дереву. Настоятельница Марта поднялась на ноги и оглядела трапезную — убедиться, что все её слушают.

— Сёстры, возблагодарим Бога за этот день и пищу, и пусть наши молитвы будут не только словами долга, пусть наши души возносятся на крыльях молитвы, и Бог благословит нас.

Мы все склонились в молитве. Сотворит ли Он чудо для Целительницы Марты?

— Благословенный Бог защищает нас своей рукой — пока соседи тонут в домах от наводнения, мы в нашем доме в тепле и безопасности. Они ищут крошки хлеба, а у нас есть горячая еда и эль.

Да, да, но как же Целительница Марта? Когда Настоятельница Марта наконец заговорит о главном?

— Мы должны молиться о душах людей из деревни, чьи крики не слышны Господу за их грехами и отступничеством. Но прося помощи для них, мы сами должны им помочь в ответ на их молитвы. В ответ на просьбу послать им пищу и помощь Бог скажет нам: «Дочери, дайте им пищу и помощь». Как раз сегодня Бог послал нам две прекрасных овцы, как послал агнца пророку Аврааму в знак того, что мы должны сделать.

Пега пробормотала:

— Если кому интересно, что я думаю — это вовсе не дар. Это и так были наши овцы.

— Бог послал нам жертву, и мы предложим её. Завтра мы пойдём в деревню, понесём мясо, хлеб и эль. После вечерних молитв я попрошу тех, кто пожелает, пойти вместо сна на кухню — надо много приготовить, чтобы еды хватило всем нуждающимся.

Она прервалась, чтобы сделать глоток эля. Женщины переглядывались и одобрительно кивали. Наконец, все снова обернулись к Настоятельница Марте. Она же должна сказать нечто более важное, о Целительнице Марте.

— Сегодня ночью, даже во время работы, мы должны молиться ещё об одной из нас.

В комнате ощущалось напряжение. Никто не шевелился.

— Как все вы, без сомнения, знаете, две ночи назад на нашу любимую сестру Целительницу Марту сразил не человек и не рука Бога, а сила дьявола. Целительница Марта сразилась с ужасным демоном и победила его.

— Оулмэн! — прозвучало из десятка ртов.

Настоятельница Марта, конечно, слышала, но не стала обращать внимания. Она без малейших колебаний, даже не вздохнув, продолжила свою речь.

— Как сам наш благословенный Бог и все святые, следовавшие за ним, Целительница Марта подверглась нападению сил тьмы — её любовь к Богу была так сильна, что поражала даже глубины ада, раня самого дьявола. И потому он решил ее уничтожить. Но Целительница Марта была защищена доспехами Бога, щитом веры, стрелы ада не могли его пробить, и демоны не сумели её покорить. Господь во славе своей спас и тело её, и душу. — Она склонила голову. — Всем нам следует стать достойными такого испытания.

Она подняла взгляд и в полной тишине оглядела комнату, останавливаясь на каждой из нас по очереди, как будто оценивала наши силы и находила нас недостойными.

— Завтра мы отслужим благодарственную мессу о защите и спасении нашей сестры, Целительницы Марты.

— Хвала Господу! — раздались крики, громкие, но без особого воодушевления. Многие женщины казались сбитыми с толку.

— Это значит, Целительница Марта выздоровела? — прошептала мне на ухо Кэтрин.

В комнате слышалось бормотание — смутилась не только Кэтрин. Хозяйка Марта потянула Настоятельницу Марту за руку и что-то прошептала. Настоятельница Марта нахмурилась, сделала ещё глоток из своего кубка.

— Я должна сказать, что Целительница Марта серьёзно пострадала в этой битве, и неудивительно — кто смог бы выйти невредимым из такого испытания? Но эти раны достойны уважения, как раны святых, защищавших веру и добродетель. Её парализовало обжигающее прикосновение демона, ранило, как был ранен сам Господь. Целительница Марта не может рассказать нам о случившемся, ибо зло демона так огромно, что нам не вынести. Но ей и не нужен сейчас разговор с нами, сам Господь говорит с ней, а она с ним, и их язык выше нашего понимания.

— Слава Богу!

Некоторые женщины казались счастливыми и радостными, но ведь они её не видели. Выражение лица Кэтрин тоже стало спокойнее, как будто от объяснения Настоятельницы Марты всё в нашем мире снова стало хорошо. Она весело улыбнулась мне. Разве она забыла, какой мы нашли Целительницу Марту? Или всё затмила новая картинка с ликами святых, перекошенное лицо украсилось сусальным золотом, нечеловеческое мычание превратилось в ангельскую песню?

Настоятельница Марта снова постучала по столу, значит, речь ещё не окончена.

— Очевидно, что некоторое время Целительница Марта не сможет исполнять свой долг в лечебнице. Она прибыла сюда уже пожилой женщиной, и за свою жизнь, после долгих лет труда, она, конечно, заслужила право спокойно отдохнуть, и чтобы о ней позаботились, но все мы знаем, что Целительница Марта не из тех, кто отдыхает.

По комнате прокатились приглушённые смешки, но в них слышались грустные нотки.

— Когда она поправится, а мы молимся, чтобы это случилось скорее...

— Аминь.

— ... нам нужно будет убедить ее отдохнуть и позволить более молодой и сильной женщине взять на себя её ношу. Мы должны беречь Целительницу Марту как прекрасную книгу, стремиться к её мудрости и не позволять ей расточать свои драгоценные силы на то, с чем могут справиться другие. Поэтому нам следует назначить на её место другую Марту. Как

только мы сделаем всё, что в наших силах, чтобы помочь жителям деревни, и вода уйдёт, совет Март соберётся обсудить этот вопрос. Будем же все молиться, дабы Святой Дух помог нам принять правильное решение. А теперь преклоним колени в благодарственной молитве.

В шуме и шарканье Кэтрин толкнула меня в бок.

— Это ты будешь следующей Мартой, Беатрис. Все так говорят.

— Нет, — резко ответила я, краснея и думая, что лучше бы ей шептать потише. — Есть много других, кого могут выбрать.

— Никто из них не знает столько и никто не был так долго бегинкой, — легко ответила Кэтрин. — Они должны выбрать тебя.

Уильям вернулся, когда уже почти стемнело. Я целый день ждала его, сидела на высоком надгробии, откуда виден поворот дороги, за которым он исчез. Я знала, что он снова появится там с мамой. Уильям станет махать мне и кричать, что нашёл её, а Ма скажет, что я хорошая девочка, ждала, как она велела.

Люди весь день брели по воде в церковь и из неё. Некоторые шли обратно с огромными тюками на спинах. Говорили, что в домах слишком сыро и спать там невозможно. Другие говорили, что всё же собираются оставаться в домах, даже если там вода, надо защитить от воров своё добро. Но некоторые возвращались, ругаясь и плача — их вещи унесла река или украли соседи. Многие дома тоже пропали, разрушенные потоками воды.

К вечеру вода немного спала. Я не замечала, как понижался уровень, но большие камни вдалеке, которые были полностью погружены в воду, теперь выступили наружу. Я ждала, когда вернутся Уильям и Ма, и пыталась загадывать — они придут, когда вон тот камень покажется наполовину, когда опустится ниже ворот. Но они всё не шли.

Сидеть на могильном камне было ужасно холодно. Старая Летиция дала мне одно из своих старых платьев, пока не высохнет моя одежда. Она подвязала его на мне куском верёвки, но оно всё равно спадало до пят. Я плотно обернулась длинными рукавами. Мне хотелось пойти в тепло, в церковь, но если я перестану смотреть, Уильям не сможет найти Ма. Я должна стоять и ждать, как велел Уильям, иначе мои молитвы не сработают.

Священник велел нам молиться за отца, но я не могла — вдруг Бог не поймёт, на какую из моих молитв ответить. Отец Ульффрид сказал, на побережье сильный шторм, но мой отец говорил, что там штормит всегда. Он видел огромных серых коней с белыми хвостами и гривами, несущихся по берегу — и не испугался. Так что мне не надо молиться за отца, я ведь знаю, где он.

Вечером появилась Летиция, Она увидела меня на гробнице и проковыляла поближе. Она казалась ещё толще обычного — обвязала вокруг талии кучу одежды, чтобы не украли.

— Вот ты где. А я тебя везде искала, дорогая. Что толку сидеть здесь? Простудишься насмерть. Идём внутрь. — Она схватила меня за руку и потащила, но я вывернулась и крепко вцепилась в камень.

— Я жду маму и Уильяма.

— А как думаешь, что скажет твоя мама, когда увидит тебя тут, на холоде? Мало ей проблем, бедняжке, так ещё и ты захвораешь. Ей сейчас совсем ни к чему возиться с больным ребёнком.

— Не старайся. Я не пойду.

— Там осталось немного горячей похлёбки, дорогая, хочешь? — уговаривала Летиция.

— Нет. Она противная.

— Некоторым непослушным маленьким девочкам надо бы радоваться, что вообще есть хоть какая-то еда. Ладно, сиди здесь, только когда проголодаешься — не приходи ко мне и не хнычь, ничего не останется. — Летиция потопала прочь.

Я очень проголодалась, но Летиция не понимала — я должна смотреть, иначе Уильям не сможет найти Ма.

Солнце село, и стало ещё холоднее. Потом начало темнеть. Господи, пусть они придут, сделай так, чтобы они пришли, прямо сейчас. В церкви горели свечи, тусклый свет

пробивался через окна, и по погосту крались серые тени. Деревья скрипели и стонали на ветру. Такого шума я никогда раньше не слышала. Через погост мелькнуло что-то чёрное, и я прижалась к камню. Оно было маленькое — птица или мышь — и пронеслось мимо меня, не издав ни звука.

Сердце громко стучало. Я со страхом оглядывалась на церковную башню. Летиция говорила маме, что оттуда слетел Оулмэн и набросился на двух девушек на кладбище. Может, он сейчас там, точит клюв и хлопает крыльями, готовится броситься вниз. Я вскочила и попыталась убежать в безопасное место, к церкви, но запуталась в длинном платье Летиции, растянулась на земле и вскрикнула, больно ударившись коленкой о камень.

— Это ты, Лужа? — раздался голос за моей спиной.

Через стену кладбища перелез Уильям. Я подобрала длинную юбку, бегом бросилась к нему и обхватила так крепко, что он отшатнулся. Он промок насквозь и провонял навозом и грязью, но это меня не останавливало.

— Осторожно, глупая бродяжка. Ты её раздавишь.

Он сунул мне в руки что-то тёплое и мягкое. Я услышала кудахтанье и поднесла свёрток к свету от церковного окна. Там, в куске мешковины, сидела маленькая коричневая курица с белым пером в крыле. Это Брида, моя Брида, она в безопасности. Я ткнулась носом в тёплые перья и вдохнула её запах — как свежий хлеб.

Уильям тёр руки, дрожа от холода.

— Глупая птица угнездилась на стропилах нашего дома. Думаю, она там тебя искала. Ты лучше спрячь её в корзинку, не то кто-нибудь сделает из неё ужин.

— Спасибо, что спас её, — я встала на цыпочки и поцеловала брата.

— Прекрати! — он оттолкнул меня, вытер щёку рукавом. — И ты ужасно холодная. Что ты вообще тут делаешь? Уже темно. — Он боязливо глянул на церковную башню, схватил меня за плечо и подтолкнул к двери.

— А где же Ма, Уильям? Ты ведь хотел ее найти?

Он остановился, протёр кулаком глаза.

— Так её, значит, нет? Я... я подумал, может, она пошла другой дорогой... надеялся, что она уже здесь.

— Она не приходила. Я весь день ждала, Уильям, а её нет. Я никуда не уходила, как ты сказал, а Ма так и не вернулась. А дома её нет?

— Дверь была открыта. Кровать разбилась о стену. И никаких следов мамы. Я везде смотрел, Лужа, по всей деревне. И не нашёл её. — Он отвернулся. Голос звучал странно, будто у него насморк.

Я схватила его руку. Она была холодная, как лягушка.

— Наверное, Ма пошла искать отца, сказать, чтобы шёл домой. Вот куда она ушла. Да, Уильям?

Но он не ответил.

После кухонного жара я с наслаждением вдохнула холодный ночной воздух. Ветер ещё нёс сырость, но, по крайней мере, дождь перестал. Бледные облачка скользили на фоне луны, небо уже очищалось. Скоро зазвонит колокол к полуночным молитвам, но еда для деревенских наконец-то готова. Горшки до утра будут томиться на медленном огне. Ветер жадно поглощал густой аромат баранины и пряностей и разносил по ночному воздуху. Я думала — если он доносит этот запах до самой деревни и они, сидя там, в холоде и сырости, с урчащими животами, чувствуют его — наверняка нас проклинают.

Я осторожно закрыла за собой дверь и, подняв фонарь, стала пробираться в темноте к своей кровати. Гудрун свернулась в уголке, положив голову на пучок соломы. В волосах у неё дремали два голубя. Я подумала, что ей наверняка холодно в таком тоненьком платье, и нагнувшись над ней, укрыла одеялом. Её руки покрывали синяки и царапины, на щеках лиловый кровоподтёк. Как это случилось? Гудрун как будто не замечала боли. Удар, от которого любой взвыл бы, она сносила, даже не моргнув. Однако если кто-то дружески пожимал ей руку, она выдёргивала её, как от ожога калёным железом. Ребёнок не двигался, только тихо поднимались рёбра, но птицы проснулись и разглядывали меня блестящими чёрными глазками. Я присела рядом на кучу соломы. Я любила смотреть, как она спит, но этой ночью я очень устала.

Мы почти не спали две ночи и работали целыми днями. Мне хотелось свернуться на соломе рядом с моей Гудрун, уткнуться лицом в её длинные мягкие волосы, как эти голуби, и спать, обнимая её, мою малышку, в тепле и безопасности. Но о сне не стоило даже думать — скоро прозвонит колокол, созывая нас в часовню.

Слышит ли колокол Целительница Марта? Может, слышит и пытается встать, не понимая, что делает, как собака, бегущая на свисток пастуха? Молитвы продолжатся без неё. Всё теперь будет продолжаться без неё. Это кажется немыслимым, неправильным, но жизнь назад не повернёшь. Целительница Марта лежит в лечебнице, теперь она не лекарь, а просто бессловесное тело, о котором придётся заботиться. И кто же ее заменит? Это должен быть кто-то, обученный искусству врачевания. Я не владею и десятой долей знаний Целительницы, но у кого из нас они есть?

Возможно, моя маленькая Гудрун знала о травах и зельях больше любой из нас, но люди не доверят ей лечить даже висельника, а о себе и говорить нечего, они скорее умрут, чем возьмут лекарство из её рук. Пега помогала Целительнице Марте с тяжёлой работой и, должно быть, нахваталась каких-нибудь знаний, но что в них толку, когда она не может прочесть этикетку на склянке или рецепт в книге?

О лечении самых распространённых болезней я знаю не меньше других. Во Фландрии я вела домашнее хозяйство, лечила слуг, служанок и мужа — если у них случалась лихорадка или простуда. В бегинаже я могла бы научиться большему, но мою работу в лечебнице никогда не поощряли. Мне поручали тяжёлую и грязную работу в поле или на кухне и не давали учиться. Нужно стирать или молотить зерно? Пошлём добрую старую Беатрис, она всё сделает.

Но я быстро усваиваю знания, хотя времени на обучение у меня было совсем мало. Всё изменится, когда я стану Мартой. У меня будет время изучать травы. Мне не придётся тратить жизнь на молотьбу и стирку. Лечебница перейдёт под моё начало, и я стану

работать день и ночь, чтобы сделать её эффективнее. Конечно, мне никогда не стать таким умелым врачом, как Целительница Марта, я не училась, как она, у меня нет опыта. Но я стану хорошим лекарем, стану равной остальным Мартам, здесь или во Фландрии. Я хотела этого, я этого заслужила, и Кэтрин права — кого же еще может выбрать Совет?

Декабрь. День святого Стефана

Охота на королька

День, когда церковь раздаёт милостыню беднякам. На королька, короля птиц и потустороннего мира, охотятся и убивают его, чтобы прогнать зиму и позволить вернуться весне.

Из нашего дома выскользнул Мастер Совы. Я притаилась за кустами, затаив дыхание. Большая покрытая перьями голова вертелась туда-сюда, как будто он высматривал, что делают люди, даже через стены. Он шмыгнул между домами. Я осторожно прокралась вперёд, посмотреть, куда он пошёл, но он исчез.

Как только он ушёл, на пороге нашего дома показалась Летиция и подозвала меня. Теперь она всегда у нас. Я хотела, чтобы она ушла и оставила нас с Уильямом одних. Я как можно медленнее поплелась к ней.

— Ты грязная, как ухо нищего, детка. Что сказала бы твоя мама? Какая отвратительная грязь. — Она плюнула на угол своего фартука и потёрла им мою щёку. — А теперь слушай. Мастер Совы сказал, что те чужестранки вернулись в деревню раздавать еду. Не смей ничего у них брать. Поняла?

— Но я хочу чего-нибудь поесть, — заныла я. — Я такая голодная.

— Голодная ты или нет, а та еда порченная. Иначе откуда бы они взяли столько, когда в деревне не осталось ни кусочка?

— Ничего она не порченная. У меня был...

— Что у тебя было? — возмутилась Летиция. — Я надеюсь, ты не подходила близко к дому тех женщин, детка, а не то, когда твой отец вернётся с солеварни, ему придётся задать тебе хорошую трёпку.

— Не подходила, честно, не подходила. — Щёки у меня горели. — Я имела в виду, что видела, как некоторые деревенские вчера брали у них еду, и пока не померли и в жаб не превратились.

Летиция фыркнула.

— Тебя могут заморозить, а ты и не заметишь. Знала я одну несчастную, её сглазила дочка старой Гвенит. У неё начались ужасные кошмары, ей казалось, что на неё набрасывается чудовищная птица. Она так мучилась, бедняжка. Зачахла и умерла, не прошло и года. А теперь чужестранки приютили внуку Гвенит. Потоп из-за неё, и те женщины ей помогают. Пока они не явились, в Улевике никаких проблем не было, а теперь одни несчастья. Разве не так? — Она перекрестилась. — Так что запомни мои слова и держись подальше от этих женщин.

— Ты не моя мама. Я хочу к маме! — крикнула я.

Летиция грустно покачала головой.

— Желание не вернёт её, дорогая.

Я последовала за серыми женщинами из деревни и дальше по дороге. Я пряталась за кустами, и они не замечали меня, занятые своим разговором.

Деревня стала похожа на болото. На все стены высоко налипли зелёные водоросли. Все низины в полях превратились в огромные лужи. С дороги вода почти сошла, кроме самых больших луж, но всё внутри домов и снаружи было покрыто толстым слоем хлюпающей грязи, такой глубокой, что я тонула в ней почти по колено.

Беатрис прикрывала нос краем плаща.

— Какая вонь! Я прямо чувствую её вкус. Хорошо, что ветер дует не в сторону бегинажа.

— Скажи спасибо, что ты тут не живёшь, — сказала Пега.

— Почему они хотя бы не сожгут туши утонувших животных? — проворчала Беатрис. —

Эта дохлая кошка на дороге, раздутая и с вывалившимися кишками, воняет так, что меня тошнит даже на другом конце улицы.

— Новорожденного и то меньше тошнит, чем тебя, — засмеялась Пега. — Желудок как у принцессы. Слишком уж хорошо ты всю жизнь питалась, вот в чём дело. Деревенским приходится копать в кучах отбросов возле своих домов, выискивая клочья сухой соломы и папоротника, лишь бы устроить постель, им не до того, что валяется на улице. Кроме того, кажется, в деревне лихорадка. Вон тот малыш у двери, ему явно плохо.

Женщины закивали.

— Я видела нескольких таких, у одного кровь шла из носа.

— А я видела двух маленьких девочек, которых тошнило.

— Уверена, это не слишком серьёзно, просто расстройство желудка, — сказала им Беатрис. — Эти дети копаются во всяком мусоре, должно быть, нашли и съели какую-нибудь гниль. Я не видела в деревне ни следа людей д'Акастера. Разве его управляющий не прислал никого на помощь?

— Как я слышала, все люди Филиппа добывают мясо для Поместья, — Пега сплюнула в канаву. — Он скорее будет стоять и смотреть, как у его ног ребенок тонет в луже, чем нагнётся, чтобы спасти, даже если это один из его бастардов. — Она остановилась и обернулась, глядя в мою сторону, хотя я была уверена, что она не могла меня заметить. Потом усмехнулась.

— Иди-ка сюда, маленькая мышка. Тут тебя никто из деревенских не увидит. Ты голодная?

Прежде чем приблизиться, я со страхом оглянулась на дорогу. В огромной руке Пега держала большой кусок холодной баранины. Я потянулась за ней, но отдернула руку. Что, если баранина заколдована, и я умру, а потом меня заклюют птицы? Но есть хотелось, а баранина так вкусно пахла. Я выхватила мясо у неё из рук и впилась в него зубами. Ну и пусть я умру, я не могла отказаться от еды.

Все женщины заулыбались — все, кроме высокой злюки. Она где-то повредила руку, и к ней были крепко привязаны две плоских деревяшки. Злюка хмуро посмотрела на меня.

— Скажи мне, дитя, почему многие из деревенских отказываются брать у нас еду? Они ведь, наверное, голодные, как и ты.

— Потому что Мастера Совы говорят, что она... заколдована, — прошептала я. — Летиция сделала ведьмин горшок. Она помочилась туда и набросала булавок и шипов, а потом поставила у себя под очагом. Она говорит, когда огонь разгорается, он жжет ваши кишки и колет, и так будет, пока вы не признаетесь. Вы же сейчас не горите? — внезапно испугалась я.

Женщины в сером смеялись и качали головами.

Но злюка рассердилась ещё больше.

— Тебе никто не говорил, дитя, что такие дела приносят зло? Если ты чего-то боишься, молись и Бог поможет... Он обязательно услышит молитвы ребёнка.

Она выглядела огорчённой и обеспокоенной. Может, кто-то, кого она любила, пропал в буре, как моя мама. Мне хотелось обнять её, чтобы утешить, но я её слишком боялась.

Настоятельница Марта

После разрухи и хаоса деревни лечебница выглядела мирной и тихой. Я медленно переходила от одной кровати к другой, благословляя больных. Ральф почтительно поздоровался со мной. На коленях он баюкал искалеченного ребёнка. Мне хотелось самой лечь в одну из кроватей и проспять целый месяц.

Боль в руке не давала спать по ночам, и я пыталась преклонять колени в молитве. Я могла бы молиться бессонными ночами. Даже если бы я лишилась рук и ног, если бы мой язык онемел, глаза ослепли, а уши оглохли — даже тогда я могла бы молиться. Но я не могла. Искажённое лицо Целительницы Марты всё время плыло под поверхностью моих мыслей, как утопленник.

Если бы я вернулась назад, чтобы найти Целительницу Марту, а не последовала за внучкой Гвенит — могла бы я её защитить? Спасла бы, если бы мне хватило смелости и веры, чтобы сразиться с демоном? Но больше всего меня мучил один вопрос — почему в битву вступила она, а не я, почему она избрана? Неужто её вера настолько сильнее моей?

Я стояла перед алтарём и держала в руках величайшую тайну жизни, и этой и будущей.

Это мои слова обращали простой хлеб и вино в Его плоть и кровь, чтобы другие могли их вкусить. Но я была только каналом, по которому течёт поток, оставляя меня позади, пустой и холодной. Какое право я имела просить большего? Священник — лишь инструмент, как нож, ложка или миска.

Наконец, я подошла к постели моей старой подруги. Мне хотелось перенести Целительницу Марту в её комнату, но я понимала, что это было бы непрактично. Андреа можно было оставлять одну на несколько часов, за исключением последних дней, а по словам Османны, работавшей в лечебнице с ночи шторма, за Целительницей Мартой нужен постоянный присмотр. Она пыталась выбраться из кровати, и если соскальзывала с неё, не могла сама подняться. Несколько раз Османна обнаруживала её захлёбывающейся собственной слюной. Мы не могли оставить кого-то день и ночь следить за ней в её комнате, по крайней мере, не сейчас.

От Целительницы Марты пахло лавандой и застоявшейся мочой. Она сползла в кровати, так что голова склонилась вбок, как у повешенного, и смотрела на меня широко открытыми глазами, зажав покрывало в кулаке здоровой руки.

— Гар.

— Что это значит, Целительница Марта, что ты хочешь сказать?

Она хрипло вздохнула.

— Гар. Гар. Гар! — она раздражённо стукнула по своей ноге здоровой рукой.

Я не представляла, что в таком слабом теле может быть столько ярости, и тем более не ждала этого от Целительницы Марты. К нам подбежала Османна, подхватила её под руки, подняла в постели повыше и осторожно уложила голову на подушку — как голову Иоанна Крестителя на блюдо. Целительница Марта, тяжело дыша, откинулась назад и закрыла глаза.

— Она об этом просила? Чтобы её подняли?

Османна казалась расстроенной.

— Не знаю. Она всё время повторяет эти звуки, кто бы с ней не говорил. Иногда выкрикивает, иногда шепчет. Никто не понимает, что это значит.

— Надо думать, смысла тут не больше, чем в детском плаче. Как она?

— Большую часть времени она просто лежит, глядя в пустоту, целыми часами, и непонятно, спит она или нет. Но иногда, Настоятельница Марта... — она заколебалась, нерешительно обернулась на призрак в кровати. — Иногда я вижу, что она плачет. Не могу сказать, из-за боли или нет. Не знаю, можно ли дать ей что-нибудь.

— Целительница Марта не станет плакать от боли. Вспомни, как она все эти годы мучилась со спиной, но не жаловалась. Она плачет из-за увиденного зла, её слёзы — молитва о тех, кто не раскаялся. Разве сам Господь не оплакивал жестоковыйный народ Иерусалима?

Похоже, Османну я не убедила. Но я надеялась, что права. Я молилась, чтобы так и было.

— Выглядишь усталой, Османна. Ты целый день здесь?

— Но я не против.

— Рада слышать. Но всё же налей себе немного эля и выйди во двор. Холодный воздух тебя освежит. А я побуду здесь.

Она благодарно улыбнулась и ушла, устало спотыкаясь о камыш на полу.

Я взяла правую руку Целительницы Марты. Ладонь лежала в моей как мёртвая рыба. Я сжала её, но не получила ответа.

— Я так давно к тебе не приходила. Прости, Целительница Марта. Ты же знаешь, я проводила бы все дни у твоей постели, если бы могла. Но сейчас мне некогда. Женщины напуганы. Они слишком сильно зависели от тебя. Я виновата, что до сих пор этого не поняла. Им следует полагаться только на помощь Бога. Я должна показать им, что бегинаж может существовать и без тебя. Не хочу, чтобы они увидели, как я боюсь тебя потерять.

Выражение её лица не изменилось.

— Через несколько дней мы выбираем новую Марту. Кто-то должен взять на себя работу в лечебнице. Хотя она никогда не сможет заменить тебя, — поспешно добавила я. — Все эти дни я молюсь о правильном выборе, но так и не решила, кто станет твоей преемницей, ни у кого нет такого опыта и навыков. Я хотела бы, чтобы на собрании ты была с нами. Ты всегда могла предсказать, какие плоды даст каждый росток.

Целительница Марта не ответила. После того, как Османна поправила постель, она лежала тихо. Османна хорошо о ней заботилась, как и о других больных. Ральф и старая Хильда — все, похоже, ее слушались. В лечебнице царили покой и порядок, почти как под управлением Целительницы Марты. Не идеально, но пациенты казались вполне довольными.

Но Османна слишком молода для назначения Целительницей Мартой, она почти ребёнок. А может, нам и нужна молодая кровь, молодые бегинки для нового бегинажа, которые продолжат дело после нашей смерти. Если Османну учить быть Мартой, позволить присутствовать на совете и слушать обсуждения, она освоит знания, а зрелость придёт со временем.

Я склонилась над Целительницей Мартой.

— В ночь бури, сказав «что для последователя недостаток, для лидера — достоинство», ты это имела в виду? Нам следует назначить Османну Мартой?

Целительница Марта смотрела пустыми глазами.

Я сжала её руку.

— Знаю, Марты думают, мне не следовало брать тебя с собой той ночью. Мне не говорят этого в лицо, но я вижу упрёк в их глазах, когда они вспоминают о тебе. Их

осуждение — ничто в сравнении с той виной, которую я сама чувствую за то, что с тобой сделала. Но Бог велит нам хоронить мёртвых. Я выполняла Его волю и полагалась на неё. Я нашла потом то место, там нет ни следа тел ни ребёнка, ни той несчастной женщины. Тело Элдит просто исчезло. Но оно там было, разорванное в клочья. Мы обе видели. Я прикасалась к нему. Может, их обоих сожрал Оулмэн? Если так, значит, я не только навлекла беду на тебя, моего старого друга, я не смогла защитить доверенную мне душу ребёнка Элдит. Я всегда считала, что вера может защитить от любого зла. Но где был той ночью Бог? Он оставил меня?

Целительница Марта открыла здоровый глаз, и я поняла, что трясусь её руку. По лицу, искажённому дьявольской маской, бежали слёзы.

— Га, — прошептала она, с трудом издавая нечеловеческие звуки. Демон разрушал и её тело и мозг, как будто съедал изнутри.

Я закрыла глаза и снова увидела его, круглые горящие глаза, огромные чёрные зрачки, я всё глубже проваливалась в эту бездонную темноту. Какое там таилось дьявольское зло? Что увидела в них Целительница Марта, отчего её лицо навсегда застыло в этой адской гримасе?

Я не верила, что чудовище существует, а теперь оно для меня реальнее Бога. Я вижу его лицо каждый раз, как пытаюсь молиться. Слышу щёлканье ужасного клюва и чувствую зловонное дыхание. Этот демон возникает передо мной, будто молитвы обращены к нему. А Бог молчит. Его нет рядом со мной.

Декабрь. День святого Эдвина

Чтобы доказать свою невиновность в преступлении, в котором его обвинили, святой Эдвин заковал ноги в кандалы, а ключ бросил в реку Эйвон и отправился в Рим. Там он купил рыбу, и когда её разрезали перед Папой, ключ оказался внутри.

Настоятельница Марта

В часовне, оторвавшись от своих обязанностей, собирались Марты. Привратница Марта уже уселась. Она привыкла ждать, не проявляя нетерпения. Казалось, она постоянно смотрит куда-то далеко за горизонт или следит за дорогой, чтобы не пропустить чьё-то приближение. В руках, как всегда, связка ключей, а мысли блуждают сами по себе, никому не известно, где.

Кухарка Марта, покрасневшая и потная, вошла переваливаясь, и, обмахиваясь, шлёпнулась на скамью.

— Слава Богу, здесь хоть немного прохладнее. У меня в кухне такая жара, что можно поджарить замороженную свинью, а окна и двери приходится держать закрытыми из-за ветра. Ветер такой сильный, что птицу может ощипать. То мы чуть не тонем, то ветер рвёт до смерти. Бог знает, что будет дальше, снег, наверное. Устроить совет в часовне, где прочные стены — это мудрое решение, Настоятельница Марта. В трапезной ветер воет так, что сам себя не услышишь.

— Спасибо, Кухарка Марта, но я собрала вас здесь не ради комфорта. Мы должны молить Святого Духа о правильном решении, выбор за Богом, а не за нами. Я надеялась, что в часовне мы будем помнить об этом.

Кухарка Марта смущённо опустила взгляд, как будто я сделала ей замечание. Почему всё, что я говорю, женщины воспринимают как критику, хотя я просто объясняю?

Дверь распахнулась, широким быстрым шагом ворвалась Хозяйка Марта. Я боялась, что если она вовремя не остановится, то выйдет через стену с другой стороны.

— Я опоздала?

— Как всегда, Хозяйка Марта, — ответила я.

Она кивнула, как будто другого не ждала и не особенно расстроилась. Остальные тихо засмеялись. Хозяйка Марта всегда пыталась впихнуть в каждый час работу целого дня. Без сомнения, она была занята чем-то, что не могла доверить никому. Но опаздывала она также и из-за того, что ненавидела ждать.

— Поскольку мы с вами, сёстры, намерены выбрать новую Целительницу Марту, позвольте напомнить, что мы находимся перед благословенной реликвией Андреа и в нашем алтаре заложен освящённый камень, который дал нам священник из Брюгге, благословляя ехать сюда. Тогда мы приняли важное решение, теперь нам снова это предстоит. Начнём, и будем помнить о тех, кто молится за нас.

Все молча переглядывались. Наконец, поднялась Хозяйка Марта. Я знала, что она не станет долго размышлять.

— Нам стоит выбрать Беатрис. Мы давно знаем её и как бегинку и как хорошего работника. Кого же ещё?

По её тону было понятно, что она считает вопрос решённым и можно расходиться. Несколько женщин закивали, соглашаясь.

— Беатрис, конечно, хорошая бегинка, — нахмурилась Пастушка Марта, — но Целительница Марта — не то, что все остальные Марты. Та, кого мы выберем, должна уметь ухаживать за больными, готовить настойки и мази. Даже правильно распознать болезнь — непростая задача, не говоря уж о лечении. Есть ли у Беатрис такие навыки?

— Думаешь, они здесь у кого-нибудь есть? — язвительно возразила Хозяйка Марта. —

Целительница Марта училась много лет, посещала прекрасную медицинскую школу во Фландрии, прежде чем мы приехали сюда. Второй такой нам не найти, поэтому давайте обходиться тем, что Бог дал. Бесполезно беспокоиться, как жарить лебедя, когда есть только селёдка.

Кухарка Марта робко подняла руку.

— Значит, Беатрис будет называться Целительницей Мартой?

— Мы ещё не решили, что Беатрис подходит, — объяснила я, стараясь не показывать раздражения. События последних недель утомили всех нас, но Кухарка Марта всё же проявляла интерес к обсуждению.

— Нет, нет... я имею в виду, что та, кого мы выберем, будет называться Целительницей Мартой. А как же наша Целительница Марта? Нельзя отнимать у неё имя, пока она жива. Она так долго носила его, и... — она заколебалась, — и в её нынешнем состоянии она просто не сможет понять другое имя.

Кухарка Марта была совершенно права — я тоже давно думала об этой проблеме. Быть Мартой не только честь, но и обязанность, а бегинки смотрели на это как на знак уважения. Они считали, что мы оскорбляли Целительницу Марту, лишая титула.

Кроме того, как ее звали, прежде чем она стала Мартой, или какое имя дали при крещении? Если этого не могу вспомнить я, знавшая её дольше всех, то кто сможет? Вероятно, есть записи в Брюгге, но, как сказала Кухарка Марта, узнает ли она другое имя?

— Очевидно, нам придётся дать новой Марте другое звание, — нетерпеливо сказала Хозяйка Марта.

Все облегчённо закивали и заулыбались.

— Так значит, это будет Беатрис? — спросила Привратница Марта.

Все взгляды обратились ко мне. Это не должна быть Беатрис, по крайней мере, я так решила. В ней была злость, мучительная заноза, от которой мне не удавалось её избавиться. Иногда Беатрис сердится, как ребёнок, терет контроль над своими эмоциями. Она отказывается открывать мне на исповеди свою душу. Я знала — она говорит то, что, как ей кажется, я хочу слышать, утаивая свои настоящие мысли.

И не просто мысли — Беатрис крепко держалась за свои грехи. С недавних пор я заметила, что она становится невероятно заносчивой. Кухарка Марта, конечно, не скажет об этом на совете, но я видела, как она, словно поварёнок, стояла у входа на голубятню, ожидая, когда Беатрис вынесет ей корзинку с голубями. Неплохо, если бегинка берёт на себя заботы о какой-нибудь части хозяйства, но Беатрис не просто следила за голубятней, она пошла гораздо дальше, запретив входить внутрь всем, кроме немой девочки. Как доверять такой женщине решения, которые могут повлиять на нашу жизнь?

Совет Март ждал моего слова, а я по очереди переводила взгляд с одной на другую. Я хотела, чтобы они ясно поняли — у меня нет сомнений.

— Я не думаю, что Беатрис стремится занять этот пост, и было бы ошибкой возлагать на неё эту обязанность, — сказала я. — Она слишком близка с Пегой и некоторыми другими бегинками, чтобы командовать ими. И она открыто показывает свои предпочтения, позволяя одним молодым бегинкам всё и слишком критично относясь к другим. Она нянчится с глухой девочкой, как будто это её ребёнок. Я не спорю, подобная забота, возможно, была бы полезна для Гудрун, если бы Беатрис, как мать, приучала её к порядку, но она только способствует тому, что девочка становится дикой. Если Беатрис не может справиться с ней, как можно доверить ей управление бегинажем? Нет. Если бы Беатрис хотела

ответственности, она бы уже взяла её на себя. А она довольствуется тем, что ею руководят и направляют. Таких женщин пугает ответственность.

Хозяйка Марта нахмурилась и подалась вперёд, на самый край скамьи, как будто собралась соскочить с неё.

— Настоятельница Марта, я не согласна. У Беатрис достаточно здравого смысла, она то, что нам нужно. И она хочет получить возможность выдвинуться, это и дурак увидит. Я часто слышала жалобы на то, что её слишком часто посылают работать в поле, не доверяя более важных поручений.

— Это ещё яснее демонстрирует, что она не готова стать Мартой, — возразила я. — Марты избираются для службы в бегинаже. Они никогда не должны проявлять недовольство будничной работой, и в особенности — жаловаться другим женщинам, вызывая недовольство. Нам нужны Марты, которые поднимут дух бегинажа, невзирая на собственные чувства. Нам нужны Марты, умеющие держать своё мнение при себе.

Женщины нерешительно поглядывали друг на друга.

— Есть ли у кого-нибудь другой кандидат? — мне хотелось, чтобы имя той, о ком я думала, назвал кто-то другой. Имя должна была назвать одна из них. Тогда они примут его. — А ты, Учительница Марта? Ты ничего не говорила нам о своих мыслях по этому поводу. Кого ты предлагаешь?

— А как насчёт Османны? — спросила Учительница Марта, оглядываясь на остальных. — Знаю, вы сочтёте её слишком молодой, но посмотрите, она уже взяла на себя лечебницу и заботы Целительницы Марты. Она быстро учится. И я уверена, ответственности ускорит её становление.

Я незаметно вздохнула с облегчением.

— Да, Учительница Марта, Османна очень молода. Но я согласна, у неё есть все задатки прекрасного лидера.

Молочница Марта поджала губы.

— У меня нет возражений против Османны, и я не стану спорить о назначении такой молодой кандидатки. Но... мне неприятно это говорить... Многие местные женщины неуютно чувствуют себя рядом с ней. Она никогда даже не пыталась подружиться ни с кем из бегинок. Знаю, что не должна так говорить... но я слышала, о ней отзываются как о холодной и... гордой. Они не станут уважать её как Марту, могут даже восстать против неё. И кроме того, как сказала Хозяйка Марта, Беатрис ждёт, что её выберут. Она очень расстроится, если этого не произойдёт.

Я удивлённо подняла брови.

— Верно ли я поняла тебя, Молочница Марта? Ты и вправду считаешь, что мы должны назначить кого-то Мартой только потому, что иначе она станет плакать?

Она покраснела.

— Нет, Настоятельница Марта, я не это имела в виду. Я просто...

— Я рада это слышать. А что касается непопулярности Османны — к сожалению, нельзя понравиться всем. Осмелюсь сказать, кое-кто и меня не любит.

Кухарка Марта нервно засмеялась, но никто мне не возразил.

Хозяйка Марта многозначительно покашляла. Я пыталась не обращать на неё внимания, но все выжидательно обернулись. На этот раз, не в силах больше усидеть на месте, Хозяйка Марта вскочила и принялась мерить часовню шагами, сцепив руки за спиной.

— Есть ещё один аргумент против Османны о котором, кажется, никто не упомянул, —

она, нахмурившись, оглянулась на меня. — Все мы знаем, что состояние души известно только самому грешнику, его духовнику и Богу. Однако, когда мы рассматриваем кандидата на место у власти... — она умолкла, направив на меня изучающий взгляд тёмных глаз.

— Продолжай, Хозяйка Марта, — сказала я. — Говори, что подсказывает совесть. Уверена, это не выйдет за пределы этих стен.

— В последнее время мы замечали, что Османна отказывается принимать Святые Дары во время мессы и даже не подходит к алтарю. Конечно, как её исповедник, ты не можешь разглашать грехи, но...

Я знала, что об этом зайдёт речь. Я видела, как Хозяйка и Кухарка Марта переглядывались всякий раз, когда Османна не выходила вперёд чтобы принять Дары.

— Я могу заверить тебя, всех вас, что Османна не отлучена от причастия из-за грехов, — возразила я. — Напротив, это воздержание по желанию самой Османны. В последние несколько недель она кое-что читала, и у неё возникли вопросы о том, что говорил Господь относительно вина и хлеба, о том, нужно ли вообще искать присутствия Бога в материальных вещах, ведь Бог есть дух.

Присутствующие Марты заахали от возмущения и ужаса.

— Конечно, она ошибается, — торопливо добавила я. — Тем не менее, меня радует желание Османны самостоятельно искать истину, и у меня нет, совершенно нет сомнений, что подумав над своими вопросами и попросив помощи Бога, она всё поймёт и с новой радостью воспримет святое причастие.

— Тогда, Настоятельница Марта, пока Османна решает для себя вопросы веры, мы не можем назначать её Мартой и позволять руководить другими.

В голосе Хозяйки Марты слышались триумфальные нотки. Она считала, что победила.

Январь. Пир дураков

Неделя всеобщей безнаказанности в монастырях и аббатствах. Назначался Аббат бесчинств, монахи жгли старые сандалии вместо ладана, пили, сквернословили, портили воздух в церкви, пели пародии на гимны и ели черные пудинги во время шутовской мессы.

Настоятельница Марта со вздохом отложила перо.

— Как я тебе говорила на прошлой неделе, Османна, ты будешь работать в лечебнице, пока мы не выберем новую Марту. Мои указания не изменились.

Но я же не врач. Я могла поддерживать порядок и продолжать лечить имеющихся пациентов теми лекарствами, что назначила Целительница Марта, поскольку она чётко записывала, кому что следует давать. Но если кто-то придёт ко мне с новой болезнью или раной, я не буду знать, что делать. А как же сама Целительница Марта? Как мне лечить её?

— Но, Настоятельница Марта, когда же будет назначена новая Марта?

— Ты не слушала, когда я всем объясняла, что Святой Дух не указал нам, кто должен стать новой Мартой?

— Да, но...

— Тогда ты знаешь ответ.

Но в том-то и дело, что я не знала. Никто не знал, лишь шепотом бесконечно высказывали предположения.

— Единогласие означает, что Дух Святой наложил свою печать на наше решение, ибо он вкладывает свою волю в наш разум, — сказала Настоятельница Марта.

Но Марты не пришли к согласию. Говорили, что они спорили, и если все ожидали, что изберут Беатрис, значит, спор мог идти лишь о ней. Но кто же был против нее?

Беатрис была рассержена и уязвлена. Все свое время она проводила с Гудрун, не обращая внимания на взгляды и шепоток. Она и раньше нежно о ней заботилась, но сейчас, похоже, не занималась ничем другим, лишь возилась с Гудрун, как с новорожденным младенцем. Они часами лежали вместе в кровати, и если Гудрун удавалось ускользнуть, Беатрис бросала все свои дела и в любую погоду отправлялась в дом старой Гвенит искать девочку. Я не винила ее. Гудрун единственная не понимала, от какого унижения страдала Беатрис, и Гудрун не могла шептаться у нее за спиной.

Настоятельница Марта отозвала меня в сторону после того, как выступила перед всеми в трапезной. Напряженный голос и стиснутые челюсти выдавали, что она раздражена произошедшим на Совете Март. Ее распоряжения были краткими: я продолжу работу в лечебнице, пока не будет назначена новая Марта. Это будет моей единственной обязанностью, а Пега поможет.

Я испытала облегчение от того, что мне станут помогать, но часть меня хотела, чтобы это был кто угодно, только не Пега, а другая — радовалась, что это именно она. Мне хотелось объяснить ей, почему я убежала из сарая в тот день, когда она поцеловала меня, сказать, что не сбегу, если она сделает это снова. Но всякий раз, когда я пыталась к ней приблизиться, Пега уходила, делая вид, что занята.

Я часто ловила на себе её взгляд, когда ей казалось, что я поглощена работой, и тогда на моём лбу опять начинало гореть то место, к которому прикоснулись её тёплые губы. Я тысячу раз проклинала себя за то, что сбежала — это всего лишь поцелуй, а она только старалась быть доброй. Сотню раз за день я обдумывала слова, которые могли бы исправить случившееся, чтобы она снова начала разговаривать со мной, но даже в моей голове всё это звучало глупо.

— Настоятельница Марта, у меня нет навыков работы в лечебнице. Уверена, найдётся

кто-нибудь, способный делать это гораздо лучше. Например, Беа...

— Чепуха!

Родинка на её подбородке дрогнула.

Если бы Настоятельница Марта жила во времена Ноя и Бог сказал бы ей, что собирается наслать потоп и разрушить мир, она просто сказала бы: «Чепуха». И Он не рискнул бы это сделать.

— Ты сильно разочаровала меня, Османна. Не ожидала, что именно ты откажешься взять на себя немного работы, зная, как нам это необходимо.

Я открыла рот, чтобы возмутиться — я вовсе не отказывалась от работы, но она не стала ждать ответа.

— Бог назначил тебе эту работу. Значит, Он научит тебя, как её выполнить. Думаешь, Целительнице Марте мастерство и знания добрая фея на крестины подарила? Она накопила знания долгими часами учения и труда. И ты приобретёшь нужные навыки, если постарайшься.

Я понимала, что она не в настроении отвечать, но выпалила вопрос прежде, чем смогла остановиться.

— Настоятельница Марта, разве притча о талантах не учит нас, что все рождаются с разными дарованиями и должны использовать их, чтобы служить Богу?

Она выпрямилась, медленно поднялась с кресла — как отец перед тем, как ударить непослушного ребёнка — прошла мимо меня и остановилась у открытой двери, глядя наружу, на тяжёлое серое небо за стенами.

— Притча говорит не о дарованиях, Османна, а о монетах. Подарком можно распорядиться как хочешь, но хозяин потребует у слуги отчёта о вверенных ему деньгах. Монеты должны быть потрачены с умом, иначе они просто бесполезные кружки металла. Монета, о сохранении которой говорит Бог, это твой разум, Османна, твоя способность учиться. Не расточай его на остроумные рассуждения и пустые вопросы, а приобретай те знания, которые могут спасти твою душу и помочь ближнему. Читай травники, Османна, читай Псалтырь. Отложи изучение других книг до тех пор, пока не приобретёшь полную меру знаний, зрелость и трезвость ума.

Я ощутила, как горят щёки — понятно, о какой книге речь. Когда я призналась Настоятельница Марте, что читала эту книгу, я ожидала, что она велит её уничтожить, в крайнем случае, отберет. Этого не случилось. Настоятельница Марта много раз говорила на проповеди о том, как глупо заставлять знание умолкнуть. Она всегда повторяла, что если слова на страницах — правда, её не уничтожить, сжигая книгу. А если ложь — рано или поздно Бог откроет её, всем на посмешище. Как бы её не сердила книга, она никогда не изменяла своим принципам.

Настоятельница Марта отвернулась от двери и, стиснув губы, пристально смотрела на меня. Я раздражала её с той минуты, когда она впервые увидела меня в отцовском доме. Что бы я ей ни говорила, это всегда было неверно, но я не могла молчать. Я должна ответить, даже если она заявляет, что разговор окончен. Но на этот раз мне хотелось, чтобы она поговорила со мной, серьёзно поговорила. Мне так много хотелось узнать. Что она чувствует, держа тело Христово в момент преображения? Ощущает ли присутствие Бога? Может, это убедило бы меня, что так важно есть эти маленькие хлебные диски.

Настоятельница Марта, как будто внезапно ослабев, ухватилась за дверной косяк.

— Османна, я понимаю, что ты ещё очень молода. Понимаю, что в твоём возрасте

лечебница — это тяжёлая обязанность. Но ты всегда можешь спросить совета у других. Тебе не придётся нести этот груз одной. В этом вся суть бегинажа — ни одна женщина не остаётся один на один со своей ношей. Но знай: я не доверила бы тебе эту задачу, если бы не была уверена, что она тебе по силам. Я убеждала других, что ты способна с ней справиться, и поверь, многие думают иначе, так не позорь меня перед ними, Османна. Я этого не прощу.

— Уильям, твой отец дома?

Стоящий в дверях мальчик нерешительно оглянулся через плечо и наконец чуть отступил в сторону, так что я смог протиснуться мимо него в дом. Там, как и во всех домах Улевика, отвратительно воняло навозом и гнилью. Размокший камыш собрали с пола и гниющими кучами бросили на улице. Но земляной пол и стены насквозь пропитались после потопа грязной водой с экскрементами и содержимым помоек, так что невозможно избавиться от вони.

Алан сидел, согнувшись над чадающим очагом. От огня над сырым земляным полом поднимался леденящий душу холодный пар, липкий и зловонный. Взгляд у Алана был рассеянный, руки слегка дрожали. После потопа я наблюдал такое у многих деревенских.

Они пили какое-то варево из сухих головок белого мака, какого полно на болотах, пьянели, теряя разум, как от крепкого вина, и забывали о голоде и несчастьях. Но дьявольское питьё отнимало у людей силы и желание работать и постепенно сводило с ума. Я был потрясён, увидев такого сильного, привыкшего к тяжёлой работе человека, как Алан, под его воздействием.

Я кашлянул, но он не шевелился, не предлагал мне сесть.

— Да хранит Бог тебя и детей, Алан.

— Хранит нас? Неужели? — проворчал он. — Тогда пусть хранит получше... А я не могу. Солеварен больше нет. — Он широко взмахнул руками, изображая что-то неопределённое. — Море их взяло, забрало всё себе. Мой отец там работал, и его отец тоже. Там работало столько поколений, что никто уже точно не помнит, кто их построил. И вот их нет, просто так, за одну ночь. Ничего не осталось.

— Но ты хотя бы жив, Алан. Многие другие были не столь удачливы.

— Удачливы? Так, значит, ты это называешь? Вот уж удача так удача. И как я теперь должен кормить детей? У тебя есть ответ, отче? — Алан сплюнул в огонь, и тот зашипел. — И д'Акастер потребует свою ренту за этот хлев, а церковь — десятину, так, отче? Вам всем нужны только деньги... И Мастерам Совы тоже, все вы — свора псов, дерущихся за наши внутренности. Что нам с вас толку? С твоих латинских молитв, костров Мастеров Совы. Никто из вас не может остановить реку, она забирает все, что хочет.

Что я должен был сказать ему — «Молись и кайся? Бог простит и все исправит?» Я лучше других знал, что и целое море молитв не заставит Бога простить и восстановить потерянное.

Я молился, чтобы церковь была полна на Рождество, так и случилось. Господь наслал потоп, который пригнал деревенских в церковь, целый приход для декана, но злая ирония заключалась в том, что из-за потопа декан не приехал. Когда вода отступила, деревенские снова позабыли церковь. А как только дороги подсохнут, декан вернётся. Я мог только хлопать крыльями, как привязанная птица, пытающаяся улететь, но катастрофа теперь — лишь вопрос времени.

Алан смотрел на меня из-под тяжёлых век.

— Зачем ты пришёл сюда, отче? Смотри — у нас больше ничего не осталось. Вы — церковь, Поместье и Мастера Совы — забрали всё. А то, что не загребли ваши жадные лапы, унесла река.

Я стиснул зубы.

— Я пришёл поговорить насчёт мессы о душе твоей бедной жены.

— Маму нашли? — слышался шёпот.

Я обернулся — позади меня стоял Уильям, маленькое тощее тельце напряглось в ожидании.

— Нет-нет, прости. Пока не нашли.

— Но её ведь продолжают искать, да? — безнадежно спросил ребёнок.

— Я же тебе сказал, парень, твоей матери больше нет, — рявкнул Алан. — И не надейся, что она вернётся. Она умерла, парень, ушла навсегда. Должно быть, Чёрная Ану утащила её к себе, вот и всё.

— Только Бог забирает жизни, Алан, — рассердился я.

Проклятье, у меня нет больше сил терпеть этих тупых деревенщин с их дурацкими предрассудками! Зачем тратить силы, проповедуя им? Даже церковные голуби обращают больше внимания на мои слова. Я глубоко вдохнул, стараясь подавить гнев.

— Если твоя несчастная супруга утонула, мы приложим все усилия, чтобы найти её тело и достойно похоронить в освящённой земле, пусть она упокоится с миром.

— Брось, отец. В наших краях не найти никого, кто станет выуживать тело из воды. У того, кто вытащит утопленника, ещё до конца года утонет кто-нибудь из собственной семьи. И с тобой то же будет, если попытаешься, — Алан ухмыльнулся. — Не защитит тебя крест, как не защитил на погосте в день Самайна.

Мне хотелось треснуть его кулаком. Господи, меня же опоили! Что я мог сделать?

— Я не трус! Знаю, что так думаешь ты и остальные деревенские, но я этого не боюсь...

Я запнулся, потому что комнату заполнила ужасная вонь, перебившая даже запахи плесени и разложения. В углу кто-то скулил.

— Уильям! — взревел Алан. — Я же велел тебе вытаскивать эту паршивку гадить на улицу!

— Я вытаскивал, — Уильям поспешно кинулся в угол. — Но я за ней не успеваю.

Он вытянул из кучи тряпья свою маленькую сестру. По её ногам на босые ступни стекал понос, ребёнок стонал, цепляясь за живот. Брат потащил её на улицу, голова девочки безвольно болталась у него на плече.

Я обернулся к Алану, сгорбившемуся в своём кресле.

— Ребёнок очень болен. У тебя есть какие-нибудь лекарства?

Он устало провёл рукой по лицу.

— Откуда мне знать, что с ней делать? С ней всегда возилась мать. Я не умею заботиться о больных детях.

Алан тяжело поднялся со скамьи, опираясь о стену и нетвёрдо держась на ногах. Он пошарил на полке, нашёл маленький горшок и выскреб в чашу немного чего-то чёрного и липкого. Я схватил его за руку.

— Нет, Алан, тебе нужно сохранять трезвый ум. Что сказала бы на это твоя бедная жена? Твой сын — хороший мальчик, и ему нужна твоя помощь.

Он яростно выдернул руку, чуть не ударив меня по лицу.

— У тебя что, глаз нет? Уильям не мой сын! Пусть д'Акастер сам заботится о своих бастардах. Если уж тебе так хочется лезть не в своё дело, отец, попробуй начать с тех шлюх и ведьм из дома женщин. Как так — у них есть еда, а во всей деревне ничего нет? Почему чума не тронула их скот, и даже потоп их не коснулся? Они нас сглазили, вот почему. Всё это

сделали те бабы.

Он шлёпнулся на скамью.

— Что ещё ты хочешь узнать, отец? — Он покачал трясущимся пальцем перед моим носом. — Я слышал, что они спаслись, даже когда на них наслали Оулмэна, и я скажу тебе почему — у них есть та реликвия. Она защищает их и обращает все напасти на нас. Пока у них не отберут реликвию — Улевик в опасности.

Я знал — Алан считал меня никчёмным. Вся деревня смеялась надо мной из-за того, что я не смог заставить кучку женщин подчиниться. Эти женщины заплатят за то, что выставили меня на посмешище, дорого заплатят.

Я крепко сжал в кулаке свой железный крест.

— Клянусь, Алан, я заберу реликвию. Так или иначе я заставлю их отдать её мне.

Январь. День святой прялки

День, когда после Рождественских праздников женщины возвращаются к работе — ткачеству и прядению.

Сторбившись на стуле, я снова попыталась запихнуть ложку тёплого пюре в рот Целительницы Марты. Немного пюре стекло по её губам, я собрала его ложкой и снова сунула в рот. Ей стало чуть лучше. Несколько дней назад почти всё, что я пыталась ей дать, вытекало наружу, а теперь либо она стала глотать получше, либо я приспособилась держать ложку правильно. Устав глотать, она откинулась назад. Край покрывала промок там, где её стошнило, и рубашка тоже. Нужно сменить, иначе высохнет и появится неприятный запах.

Она не могла говорить, но наблюдала единственным здоровым глазом, ничего не упуская из вида. Она указывала на какой-нибудь непорядок в лечебнице, а если мы не могли её понять, снова и снова издавала невнятные звуки, а потом, в раздражении, переходила на крик. Она не успокаивалась, пока всё не устраняли — очищена грязная кровать, поправлена сползшая повязка, разожжён огонь в чадающем очаге. Целительница Марта никогда прежде не была такой злой и нетерпеливой. Но раньше она вечно была занята, а теперь могла только наблюдать. Она часто плакала. Иногда по морщинистым щекам на подушку тихо катились слёзы. Иногда она громко рыдала, захлёбываясь и стуча здоровой рукой по деревянному краю кровати, так что появлялись лиловые синяки.

Я растирала её лавандовым маслом, чтобы прояснить разум. Она успокаивалась, но мне кажется, скорее из гордости, чем от масла — ведь даже в таком болезненном состоянии она помнила значение запахов.

Некоторые бегинки, к примеру Кэтрин, отказывались к ней подходить. Кэтрин говорила, что боится расплакаться и расстроить Целительницу Марту. Но я думаю, на самом деле она боялась заболеть сама, как будто Целительница Марта была заразной. Другие приходили, они не могли оставаться в стороне. По вечерам я часто видела, как у её постели сидят бегинки или другие пациенты. В основном после наступления темноты, когда комната освещалась только тусклыми свечами и лицо Целительницы оставалось в тени.

А когда наступал день, она оставалась одна, у кровати лежали только маленькие дары — ленты, сладко пахнущие сухие травы и цветы, краски которых угасли, как призраки лета. Такие подношения кладут к ногам статуи святой. Но что могла Целительница Марта дать бегинкам? А те, прячась в тени, выкладывали ей все свои помыслы. Целительница Марта ничего не говорила, лишь неразборчиво мычала. Но они уходили удовлетворенные, будто получили отпущение. Она, а не Настоятельница Марта, была маткой нашего улья, беспомощной и беззащитной, и мы, рабочие пчелы, с радостью служили ей.

Я поднесла чашку к её губам.

— Попробуй немного выпить, Целительница Марта. Тебе это полезно.

Она пристально смотрела на меня.

— Гар!

— Пожалуйста, Целительница Марта. Ты же сама писала в своём травнике — ландыш настоящий на вине, восстанавливает речь. Я приготовила точно по твоему рецепту.

Слышит ли она? Если бы знать... Но она также писала, что лекарь должен быть терпелив. «Исцеление требует времени» — гласила запись. Если бы я могла надеяться, что время исцелит её, я была бы рада ждать. Но что, если я прожду недели и месяцы, не давая ей нужного лечения?

Кто-то тронул меня за плечо. Я оглянулась — позади стояла Хозяйка Марта.

— Ну, как она? — Хозяйка Марта едва заметно кивнула в сторону Целительницы Марты.

— Почему бы вам не спросить её? — сказала я, опускаясь на стул.

Она ободряюще похлопала бессильную руку.

— Поправляешься, Целительница Марта? Хорошо. — Она кричала так, словно больная оглохла. Потом, всё ещё сжимая слабую руку, как кроличью лапку на удачу, Хозяйка Марта обратилась ко мне с тем, зачем на самом деле пришла. — Там, у ворот, женщины. Принесли больных — троих детей и старика. У них лихорадка.

— Больные? — тупо повторила я.

— Та же лихорадка, что мы видели в деревне. Похоже, она распространяется. Куда мы их положим? — Хозяйка Марта нетерпеливо шаркала ногой, как будто просители уже у неё на руках, а она ждёт от меня указаний, куда их положить. Она окинула пронзительным взглядом переполненную лечебницу. — Надеюсь, сюда не принесут больных со всей деревни. Они же помнят, что мы отлучены. Возможно, священник сослужил нам добрую службу, не то все они стояли бы у наших ворот, и Настоятельница Марта потребовала бы кормить всю ораву, не думая, откуда брать еду.

Она покачала головой — такое безрассудство было за гранью её понимания.

— Но всё же надо разобраться с теми, что пришли. Лучше отвести их в приют для странников, в соседний дом. Не стоит пускать сюда, вдруг болезнь заразна.

Я кивнула, благодарная за принятое решение. Ну что я могу для них сделать? Хозяйка Марта сказала — разобраться. Сказала так легко, словно приказывала подоить корову. А что мне известно о лихорадке? Что если она перейдёт и на бегинок? Я уже чувствовала взгляд Целительницы Марты, которая хочет сказать, что так я всех убью.

Я слишком плотно подоткнула одеяло Целительницы Марты, но она не пошевелилась. Я поправила безжизненную руку, небрежно брошенную Хозяйкой Мартой, погладила пальцы, устраивая поудобнее. Рука лежала под неестественным углом. Я поправила снова, получилось не лучше. Я смотрела на неё, пытаюсь представить, как должна лежать нормальная рука.

— Идем же, — поторопила Хозяйка Марта. — Они ждут.

Хозяйка Марта шла так быстро, что я едва поспевала за ней, но она всегда ходила, будто у неё восемь ног, а не две, и вроде бы она не особенно спешила. Крепко сжимая мою руку, она подвела меня к открытым воротам бегинача.

Вход перекрывала тележка — похоже, её владелец решил, что никто не войдёт в ворота раньше него. В тележке, скрючившись на грязном мешке, лежал седой старик. Его борода слиплась от рвоты, на покрасневшем лице выступил пот. Он тяжело дышал с открытым ртом, как собака. Другой, помоложе, сидел с закрытыми глазами на корточках рядом с тележкой и, похоже, дремал — никто не мог пройти мимо тележки, не побеспокоив его.

Привратница Марта, возмущённая тем, что не может закрыть ворота, кудахтала, как старая курица. Я прошла через ворота за ней, протиснулась мимо тележки. Две женщины позади неё жались к стене, пытаясь укрыться от ветра. Обе казались измученными, у одной на коленях лежала плачущая маленькая девочка, вся в испарине. Женщина ритмично похлопывала ребёнка по спине. Похоже, это не успокаивало девочку, но казалось, мать делает это давно и просто не может остановиться.

Мальчик постарше сидел рядом с другой женщиной, положив голову ей на колени. Мать не смогла бы нести его, мальчик был почти с неё ростом. Должно быть, его привезли вместе

со стариком на тележке. За ними, скрючившись в бурой вонючей луже жидких испражнений, лежала маленькая девочка.

Привратница Марта оглянулась, потом посмотрела вниз, на одинокого ребёнка.

— С ней был парнишка. Назвался Уильямом, сказал, что её брат. Но, получается, сбежал. Думаю, мы его больше не увидим.

Наклонившись, я дотронулась до ноги брошенного ребёнка. Девочка горела.

— Как давно у неё такой жар? — спросила я.

Ни одна из женщин не ответила, даже не взглянула — как будто я не говорила вслух. Они невидящими глазами смотрели вниз, на собственную заляпанную одежду, ушли в свои мысли, так что вряд ли заметили бы, даже если здесь появился бы сам святой Михаил с огненным мечом. Привратница Марта подтолкнула носком башмака грязные пальцы на ноге ближайшей женщины, и та подняла взгляд.

— Девушка спрашивает вас, что с этим ребёнком.

Женщина крепче прижала к себе свою дочку, чуть не задушив. Девочка захныкала, слабо сопротивляясь.

— Мы пришли за исцелением для своих детей.

Я попыталась ободряюще улыбнуться.

— Мы положим ваших детей в комнате рядом с лечебницей. Им там будет хорошо.

Обе женщины нахмурились, как будто не понимали, о чём речь.

— Там хорошие чистые кровати, сухо и тепло, — добавила я. Можно подумать, я хозяин постоянного двора, расхваливающий достоинства своей ночлежки проезжим торговцам. — Мы дадим им микстуры и травы, чтобы помочь, все, какие есть.

Женщины недоуменно смотрели на меня. Я почувствовала, что им хотелось услышать что-то другое.

— Мы не обещаем их вылечить, но попытаемся, всеми известными средствами, и если Бог даст... Мы будем молиться за них.

Женщина с трудом поднялась на ноги, сгибаясь под тяжестью ребёнка на руках. Она сердито глядела на меня, как будто я отказала им в помощи.

— Мы хотим исцеления, — сказала она с мрачной решимостью обманутой хозяйки, требующей, чтобы ей довесили муки.

— Мы можем искупать их, дадим горячее питьё, пустим кровь... сделаем всё, что можем, но...

Женщина разгневанно шагнула вперёд.

— Мы сами можем вымыть детей и принесли их сюда не для того, чтобы получить зелье. Мы пришли за исцелением. Дайте нашим детям прикоснуться к нему, это всё, о чём мы просим.

Я в недоумении обернулась к Хозяйке Марте.

— Что она называет исцелением?

Привратница Марта кивнула нам, отзывая в сторону.

— Гостия, спасаясь от огня, — прошептала она. — Вот за каким исцелением они пришли.

— Реликвия Андреа?

Привратница Марта кивнула, а Хозяйка Марта помрачнела, никогда прежде я её такой не видела.

— Но почему они думают, что реликвия исцелит их детей? — удивилась я. — Это же не

лекарство.

Облатка в разукрашенном деревянном ковчеге хранилась в нише у алтаря. Все говорили, что она защитила нас от мора скота и даже от потопа, но никто не упоминал об исцелении от немощей и болезней. Реликвия не вылечила Целительницу Марту.

Привратница Марта пожала плечами, но не стала ничего объяснять. Женщина двинулась к нам, держа на руках ребёнка, как таран.

— Вы не можете отказать ребёнку в исцелении. У нас есть деньги на свечи, — резко сказала она. Женщина обернулась к молодому человеку, по-прежнему храпевшему на земле под тележкой.

— У него есть деньги, пусть не врёт вам, что нет. Я видела, ему жена дала. Только он скорее потратит их на эль, а старику позволит умереть. Давно хотел убрать его с дороги, говорил, что этот старый пьяница — лишний рот.

Одинокое лежащая на земле девочка судорожно вздрогнула и перевернулась. Даже под грубой рубашкой было заметно, что живот у неё раздут, как у утонувшей овцы, покрасневшее лицо скривилось от боли. Девочка вскрикнула, из неё снова полился поток зелёных испражнений. Но глаз она так и не открыла.

Хозяйка Марта крепко сжала мою руку.

— Раз они требуют реликвию, лучше мне сходить за Настоятельницей Мартой, она должна узнать. А ты пока забирай к нам ту девочку, раз брат бросил её здесь на наше попечение. Уверена, что хоть этот ребёнок будет благодарен за теплую комнату и сухую постель.

Вокруг только чёрная вода. Ноги отяжелели и не могут двигаться. Я не в силах освободить руки. Я застряла в ловушке, а вода прибывает. Она тонкими ручейками струится у ног, как паучьи лапки. Вода ползёт вверх, к животу.

— Ма, забери меня отсюда!

Почему она не приходит? Мне холодно, холодно. Зубы стучат, и я не могу согреться. В воде плавают страшные чудища с огромными зубами и клювами. Острые клювы колют и рвут, а я ничего не могу сделать, не могу поднять руки.

— Не оставляй меня здесь, Ма. Где же ты?

Вода поднимается. Во рту пересохло, я хочу выпить воды, но из глубины мне в лицо бросаются клювы. Острые, обжигающие, горячее, чем раскалённые клещи. Там, в воде, Чёрная Ану, она грызёт мой живот огромными зубами. Она пожирает меня.

— Мне больно, больно... Ма, прогони её!

— Тише, детка, тише. Ей становится хуже, Османна. Я видела детей в таком состоянии. Когда болезнь заходит так далеко, ничем помочь уже нельзя.

— Продолжай обтирать холодной водой, Пега. Надо охлаждать её, она горит.

— Мама?

— Твоей мамы здесь нет, детка. Тебя к нам принёс брат. Пожалуйста, постарайся ещё немного выпить, это тебе поможет.

— Оставь, Османна. Её снова вырвет, от этого только хуже. Ты больше ничего не можешь сделать, эту ночь она не протянет. Пусть отдыхает.

— Нет, Пега, она не умрёт. Я не дам ей умереть.

— Дети умирают, ничего не поделаешь. От этой болезни ничто не спасёт.

— Есть другой способ... Я помню... Я видела, как Целительница Марта однажды делала это с ребёнком, который не мог пить молоко. Переверни её на живот, Пега. Раз не лекарство не проходит вниз, может, получится вверх.

Январь. День святой Пеги

Отшельница и сестра святого Гутлака, святая Пега жила неподалеку от Кроуланда. Когда Гутлак понял, что смерть близка, он позвал сестру на свои похороны, и чтобы туда добраться, Пега поплыла вниз по реке Велланд. После кончины брата она отправилась в паломничество в Рим, где и умерла.

Настоятельница Марта

Все не сводили глаз с белой облатки, поднятой над головами — в ней, такой маленькой, заключены присутствие и суть самого всемогущего Бога, создавшего небо и землю. Я держу в руках каплю воды, в которой весь океан, искру огня целого мира.

— *Salus, victoria et resurrectio nostra.*

Священное таинство, преобразующее хлеб в моих руках по моему слову в Его подлинную плоть. В этом бессмертие наших душ, всё наше бытие. Мои руки стали руками Христа, я поднималась вслед за ним на божественную высоту. Но там, наверху, было пусто. Босая и одинокая, я стояла в священном месте и видела пустыню. Ответ на все мои молитвы и просьбы — лишь гулкое насмешливое молчание. Для них я могла превратить хлеб в плоть, но в моём рту он обращался в пыль. Рука дрожала, и капельки красного вина проливались на белое одеяние.

Я чистила церковную утварь, когда увидела, что Османна встала и идёт к двери. Я окликнула её, и она остановилась, не оборачиваясь. Она колебалась, это явно был момент неповиновения. Потом Османна обернулась и смиренно подошла ко мне, изображая покорность. Я уже давно думала об этом, но так и не решила, с чего начать. Я свернула льняное одеяние. На него попало вино, и на белом камне алтаря осталось маленькое кровавое пятно. Я налила на пятно воды и потёрла, но оно не сходило.

— Вы хотели дать мне какую-то работу, Настоятельница Марта?

Господи, неужели она не могла хотя бы подождать, пока я начну разговор? Османна стояла с руками за спиной, выжидающе глядя на меня. Голова наклонена, брови вопросительно подняты. Она и в самом деле не понимает, зачем я попросила её остаться?

— Османна, ты заметила, что сегодня вечером восемь женщин не подошли принять гостию?

Она молчала, избегая моего взгляда. Похоже, у неё еще сохранилось какое-то уважение ко мне. Уже неплохо.

— Я ушла в молитву, Настоятельница Марта... Я не следила, кто выходил вперёд. Но мы ведь и не должны смотреть...

— Ушла — подходящее слово, Османна, сейчас ты именно в таком состоянии. Я наивно полагала, что тебе хотелось лишь прийти к большему пониманию священного таинства, но ты не только не вернулась со смирением к трапезе нашего благословенного Господа, ты побуждаешь других следовать твоему примеру, отвращаясь от него. — Я вдруг поняла, что расхаживаю по часовне взад-вперёд, а мой голос почти перешёл в крик. Я постаралась говорить спокойнее. — Не всех женщин Бог благословил таким умом, как тебя, Османна. Они довольствовались своей верой, а ты умышленно подрываешь её. Борьба с сомнениями — часть жизни в вере, но она не должна происходить открыто, чтобы не заражать других ядом сомнений...

— У меня нет сомнений, Настоятельница Марта.

Она стояла с раскрасневшимся лицом, глядя прямо на меня, стиснув руки, как будто старалась удержать над ними контроль. Так Османна смотрела в тот день, когда я впервые встретила с ней в доме отца. Я начинала думать, что, в конце концов, относительно дочери он не так уж и ошибался.

— Нет сомнений, Османна? Что ж, прости меня, вижу, твоё благословение выше, чем у

всех божьих святых. Никто из них не стал бы так утверждать.

— Я не имела в виду... Настоятельница Марта, вы сами говорили, что наши души могут прямо обращаться к Богу, а он к нам. И между нами не нужен кто-то третий.

Милостивый Боже, прости эту девчонку.

— Мне не нужно напоминать о том, что я сказала, Османна. Может, я и кажусь тебе древней старухой, но уверяю тебя, мой разум пока при мне. Я польщена, что ты так внимательно меня слушала. А если так — твой отказ принимать Его благословенное тело ещё более необъясним. Бог духом своим возложил на меня руку, как и на всех своих слуг, чтобы мы могли освящать хлеб и вино. И даже ты, Османна, когда-нибудь сможешь сделать это, если...

— Нет! Вы не поняли!

Как она смеет повышать на меня голос, здесь, в часовне? Но, по крайней мере, это доказывает, что мои слова пробили броню её самомнения. Я не мигая посмотрела ей в глаза, и у неё наконец-то хватило совести опустить взгляд.

Османна глубоко вздохнула.

— Понимаете, Настоятельница Марта, в этом-то всё и дело. — Она говорила неестественно медленно, словно старалась удержать свои чувства. — Вы говорили... я имела в виду... разве Бог не дух, и мы не духом должны поклоняться ему? Так зачем нам есть этот хлеб? Почему этот кусочек из пшеницы с водой должен поддерживать нас больше, чем те буханки, что мы каждый день режем в трапезной? Нас хранит только вера, и она не нуждается в материальном подтверждении. Так вы мне говорили.

— Мы делаем это по приказу нашего Господа. Этого тебе должно быть достаточно. Разве Авраам возражал, когда Бог приказал ему принести в жертву сына?

— Когда женщины побоялись взять к нам Ральфа, вы... вы сказали, Бог в каждом из нас, Настоятельница Марта. Но если Бог уже во мне — зачем принимать Его плоть в своё тело? Всё, что мне нужно сделать — протянуть за спасением руку и взять его. Чтобы получить спасение, мне не нужны ни вы, ни кто-то другой. — Османна вздёргнула подбородок, как будто ей принадлежал весь мир.

Мне потребовалось собрать все свои силы, чтобы не дать ей пощёчину.

— Османна, я ничего тебе не даю. Я лишь проводник Его любви и милосердия.

— Нет, Настоятельница Марта, вы не проводник, вы — страж, преграждающий путь. Священники не позволяют людям говорить с Богом иначе, как через них. Они твердят, что никто не спасётся, если не станет есть этот хлеб, а сила освятить его — только у них. Они решают, кому принять хлеб и быть спасённым, а кому его лишиться и быть проклятым. Они предлагают своё лекарство, как торговцы на рынке, и назначают за него цену. Вы ничего не изменили, Настоятельница Марта, только встали на место священника у ворот. И теперь вы стоите между нами и Богом вместо него.

Святая и благословенная Матерь Божья, понимает ли эта девчонка, как далеко мы зашли, какую силу взяли в свои руки? А теперь она хочет отбросить её, как мусор, как пустую яичную скорлупу.

— Как ты смеешь даже предполагать, что у апостолов, находившихся рядом с Христом, меньше веры, чем у тебя, девчонка? Разве Иисус не приказал им вкушать этот хлеб после Его смерти? Разве святой Пётр, идущий вслед за Господом, не учил первых христиан всю жизнь принимать этот хлеб? Как ты смеешь не подчиняться Богу? Не нам знать, какие божественные планы осуществляются через этот акт подчинения.

— Настоятельница Марта...

— Молчать! Я не стану ничего с тобой обсуждать. Утверждение, что можно спастись без таинств — ересь. Разве ты не понимаешь — если сказанное сегодня выйдет за пределы этих стен, тебя обвинят в самом гнусном преступлении, какое только может совершить человек? Мне в самом деле нужно напоминать тебе, какое наказание ждёт осуждённых?

Она в ужасе смотрела на меня широко открытыми глазами.

— Но я... я не хотела...

По крайней мере, мне удалось убедить Османну в чудовищности её поведения. На этот раз у неё не нашлось ни умных слов на языке, ни наглости во взгляде. Просто испуганный ребёнок, ожидающий моих слов. Но что же с ней делать? Можно настоять на публичном покаянии перед всеми бегинками, но тогда придётся потребовать того же от всех отступниц, иначе я сделаю из неё мученицу, что мне совершенно не нужно. Позволить ей и всем остальным вернуться без всякого шума, как будто они и не уходили. Если я стану вести себя так, будто этого никогда не было, всё быстрее забудется.

— В следующее воскресенье на мессе ты снова примешь гостию, Османна. Вскоре и остальные последуют твоему примеру, иначе я поговорю с ними лично.

Выражение её лица изменилось, и я поняла, что не услышу смиренного раскаяния. Я шагнула к ней, сжала плечо и ощутила, как Османна застыла под моей рукой.

Я постаралась говорить как можно мягче.

— Подумай об этом так, Османна: если, как ты утверждаешь, таинства — лишь внешний символ духовного действия, то какой вред от того, что ты примешь хлеб, подавая пример тем, кто не так глубоко это постиг? Нам не следует ставить препоны на пути более слабых сестёр.

Губы Османны дрогнули, но она не разжала рук.

— Османна, сейчас мы не можем допускать разногласия. Деревенские обвиняют нас в болезни. Ты же видела настроение тех женщин, что требовали позволить их детям коснуться реликвии Андреа. Если лихорадка продолжит распространяться — а я боюсь, так и будет — их враждебность увеличится, а поскольку мы уже навлекли на себя гнев священника, он ничего не станет делать для того, чтобы их успокоить. Чтобы выстоять против них, мне нужна поддержка всех бегинок, особенно твоя. Если другие женщины вслед за тобой отказались от таинства, это говорит о том, что у тебя есть дар убеждения. Воспользуйся им для нас, Османна. Для бегинажа.

Я отпустила её плечо и вернулась к полировке утвари, показывая, что разговор окончен. Османна смотрела на изображение Пресвятой Девы над алтарём. Я не понимала, удалось ли мне убедить её. Не бросит ли она мне вызов на следующей мессе? И что тогда делать?

Не взглянув на меня, Османна развернулась и направилась к двери.

— Османна, — окликнула я, — ну куда ты пойдёшь, если придётся оставить бегинаж?

Она вздрогнула, как от удара. Потом потянула на себя тяжёлую дверь и вышла из часовни, не сказав ни слова, оставив на полу лужицу лунного света.

Январь. Пахотный понедельник

Группы юнцов таскают плуг от дома к дому, выпрашивая деньги. Если им отказывают, они перекапывают плугом и портят сады и огороды. В Пахотный понедельник шуты устраивают буйные и непристойные игрища.

В рытвинах холма, среди тёмной промокшей травы, странно поблескивали пятна изморози. Утреннее небо над голыми чёрными ветками деревьев уже начинало светлеть. По склону холма за рекой неспешно брело стадо овец, я могла различить знакомые фигуры Пеги и Пастушки Марты по краям стада.

Гудрун нет. А я надеялась, что она ушла с ними. После полуночной службы я зашла взглянуть на неё и с тех пор больше не видела. Гудрун крепко спала — губы приоткрыты, как у младенца, дыхание тихое и нежное. Но утром, когда я принесла хлеб и немного похлёбки, её уже не было. Она научилась выскальзывать из бегинача, хотя никто не видел, как ей это удаётся. Иногда Гудрун пропадала на целый день и возвращалась, когда стемнеет. Кухарка Марта всегда оставляла для неё что-нибудь горячее на ужин, хотя другие Марты этого не одобряли. Хозяйка Марта говорила — кто не работает, тот и есть не должен. Думаю, она жаловалась Настоятельнице Марте, и не раз, но та, похоже, оставила все попытки контролировать Гудрун. Иногда я замечала, как Настоятельница Марта пристально смотрит на этого ребёнка и хмурится, словно пытается что-то понять. Может, она устала или её сердце смягчилось после несчастья с Целительницей Мартой.

Смягчилось? Что я говорю. Настоятельница Марта не станет добрее, даже если проживёт дольше Мафусаила. С таким же успехом можно ждать, что камень смягчится в бочке с маслом. Скорее наоборот, она стала ещё более холодной и отстранённой, чем раньше, особенно со мной. Это ведь она не дала избрать меня Мартой. И не важно, чего хотели другие Марты, они не станут возражать, даже если не согласны с ней. Я бросила бы ей вызов — вот почему она против меня. Но по крайней мере, у меня есть мой ребёнок, моя Гудрун. Этого Настоятельнице Марте у меня не отнять.

В любой другой день я не волновалась бы из-за отсутствия Гудрун, но в Пахотный понедельник может случиться всякое. Может этот день и начинался с процессии и игр ряженных, чтобы изгнать ведьм и благословить пахоту, но заканчивался он всегда попойкой и драками. Ни одна девушка сегодня не в безопасности. Моя малышка Гудрун могла позаботиться о себе на холмах и в лесу, но во всём остальном она так наивна, а кроме того, если привяжется пара-тройка здоровенных парней — что она сможет сделать? Я не могла успокоиться, пока она не вернется в бегинач.

Но мои обмороженные ноги слишком распухли и болели, а бегать по холмам — пустое дело, да ещё в такой холод. Пега и Пастушка Марта должны возвращаться через брод, поэтому я села на камень у реки и ждала, когда они перейдут. Нет смысла совать ноги в ледяную воду. Пега заметила бы, если Гудрун пошла к руинам бабкиного дома. Но там для неё безопасно. Деревенские не смеют приближаться к старому дому, боятся призрака Гвенит.

Я прикрыла плащом ступни. Распухшие ноги невыносимо зудели, покрылись глубокими трещинами. По утрам ноги были в крови. В прошлом году Целительница Марта давала мне какую-то жирную вонючую мазь, успокаивающую раздражение, но я не собиралась просить лекарство у этой мерзкой Османны, уж лучше мучиться от боли.

Пастушка Марта свистом подозвала Леона к себе, они с Пегой подошли к переправе. Обе сняли башмаки и чулки, Пега подобрала юбки и неуклюже вошла в воду, сквернословя и ругаясь от того, что холодная вода касается лодыжек. Она пошлёпала через реку, последние

несколько шагов почти бегом. Пастушка Марта следовала за ней.

— Овцы, — объявила Пега, — самые строптивые твари из тех, что сошли с Ноева ковчега. Не понимаю, как ты можешь их терпеть целый год, Пастушка Марта. Если не хочешь пускать овцу на пастбище — она побежит туда, едва тебя увидит. Велишь ей идти, так не сдвинется с места.

— В этом овцы не слишком отличаются от людей, — усмехнулась Пастушка Марта. — Поработав с овцами, начинаешь понимать, почему Господь сравнивал с ними свою паству. Но если нужно найти теплое и сухое место для сна, они гораздо умнее крупного скота или даже старика Леона.

Она свистнула, и Леон тут же выскочил из реки, подбежал и энергично отряхнул от воды густую лохматую шерсть, забрызгав всех нас.

— Пошёл вон, скотина, — завопила Пега, но Леон, похоже, принял её крик за проявление любви и радостно повалился ей под ноги, пуская слюни, а Пега почесала ему живот.

— Пега, ты не видела сегодня там, наверху, у старой хижины, Гудрун? — спросила я.

— Она не поднималась на холм. Если только не вернулась, потому что я видела, как она шла туда. — Пега махнула в сторону дороги, ведущей в лес и к деревне. — Мы кричали ей вслед, но она не обратила внимания, как всегда, а я не собираюсь за ней гоняться.

— Не волнуйся, — похлопала меня по плечу Пастушка Марта. — Уверена, она бродит где-то в лесу со своим вороном.

— Я должна знать, где она.

Пега подышала на свои огромные ладони, пытаясь согреться.

— Отстань от бедной малышки, Беатрис. Тебе всё равно не найти её в лесу, она может быть где угодно. Могу сказать, она знает там места, которые даже леснику неизвестны.

— Но вдруг она пошла в деревню? Гудрун этим утром ничего не ела, она может забрести туда за едой, если проголодается.

Пастушка Марта покачала головой.

— Это бесполезно, Пега. С таким же успехом ты можешь просить овцу не блять из-за ягнёнка. Она не успокоится, пока не вернётся Гудрун.

Они думали, что я зря беспокоюсь, да я и сама себе это говорила. Гудрун не впервые исчезает на весь день, не из-за чего волноваться. Ни одной причины — кроме смутного чувства, в котором я боялась признаться даже себе.

После потопа мы несколько раз приходили в деревню раздавать еду, и теперь, как только дошли до окраинных домов, я сразу поняла — что-то не так. Никто не выглядывал из окон, не собирал собачье дерьмо на улице. На дороге не играли дети, женщины не носили воду или дрова. Совсем недавно здесь было ещё пустыннее — из-за лихорадки, но даже тогда встречался какой-нибудь младенец, сидящий на дороге, запихивая горсти пыли в рот, или женщина, перебирающая бобы, устроившись на крыльце.

Сейчас нет никого. Может, всех скосила лихорадка? Случалось, что она опустошала целые деревни — люди разбегались, бросая мёртвых гнить в домах. На пустой дорожке между домами роился зимний гнус. Тучи жуков копошились в канавах, где среди мусора и вонючей грязи ещё стояла речная вода. Стены всех домов покрывали огромные пятна, полосы засохшей жёлто-зелёной слизи налипли на плетни и заборы, отмечая уровень воды.

В канаве показалась волосатая спина одинокой свиньи, высунувшейся из грязи. Свинья удовлетворённо фыркала, копаясь в мусоре, казалось, в её мире всё хорошо. Непонятно, как

ее не забили вместе со всеми. Скорее всего, спрятал кто-то из деревенских, или забрела в лес.

— Радуетесь, что выжила, хрюшка? Слушай меня, госпожа, лучше тебе последовать примеру господских жён и поскорее завалиться в грязь с каким-нибудь диким кабаном, или не доживёшь до воскресной мессы.

Свинья снова хрюкнула и зарылась мордой в останки какого-то создания, разложившегося до неузнаваемости.

У порога копалась пара потрёпанных кур с длинными чешуйчатыми лапами и поникшими гребешками. Дверь и окна дома были плотно закрыты, словно для того, чтобы не впустить внутрь лихорадку, но поздно — запах говорил, что она уже там. Эту вонь не спутать ни с чем, горло от неё сводило даже сквозь закрытую дверь.

Калитка во двор дубильщика открыта, но не слышно звуков выделывания кожи. На растянутой шкуре лежал брошенный скребок. Кожу, похоже, надо снова вымачивать — она пересохла на холодном ветру. Очистка этого засохшего жира станет дьявольски тяжёлой работой. Но какой мастер допустит такую небрежность, позволит подмастерьям уйти и бросить шкуру портиться, если только его не убили? Что могло внезапно оторвать от работы и мастера, и подмастерьев посреди дела, да ещё в такой спешке, что они даже не замочили шкуру? На такое даже лихорадка не способна.

Оулмэн! По спине пробежал холодок. Я, как безумная, оборачивалась снова и снова, пристально глядя в белёсое небо, в ужасе от того, что он, возможно, притаился где-то там, среди голых веток, и наблюдает за мной. Я не раздумывая бросилась обратно, той же дорогой, отчаянно желая оказаться в безопасности, в бегинаже. Я споткнулась на бегу и растянулась на острых камнях, потом поднялась, отряхиваясь, пытаюсь перевести дыхание.

Надо мной раздался какой-то хрип. Прикрывая голову, я подбежала к стене дома. Сердце стучало от страха, но ничего не происходило. Наконец, я решилась выглянуть. Это всего лишь ворон. Он уселся на крышу и пристально глядел на меня.

Ворон! Птица Гудрун, значит, она где-то здесь, в деревне. Нет, глупо так думать. Воронов сотни, как отличить одного от другого? С чего я взяла, что этот её?

Потом я услышала гул, словно большая волна бьётся о галечный берег. Он шёл из центра деревни. Неясно, был ли это рёв ярости или восторга. Мне хотелось бежать от него прочь, но я не могла бросить Гудрун. Если она здесь, я должна ее найти. Страшась за неё, я пошла на звук.

Когда я вышла из переулочка, в ушах взорвался гомон толпы. На дальнем конце Грина, вокруг пруда, собрались все способные ходить жители деревни — и мужчины, и женщины. Дети, чтобы лучше видеть, сидели на плечах отцов, женщины в задних рядах стояли на цыпочках на перевёрнутых вёдрах или бочках.

Поднялась новая волна шумной радости, но резко оборвалась, как будто посреди воплей крикунам в толпе отрубили головы.

Человек, ощутивший моё присутствие, обернулся, потом тронул рукой соседа, и оба отодвинулись. Остальные мрачно и раздражённо, как недовольные дети, смотрели на меня. Впереди происходило какое-то движение.

Отец Ульффрид протиснулся ко мне через толпу. Руки закрывали длинные рукава, как будто он служил мессу. Он довольно шутил, тело вздрагивало, похоже, священник был охвачен восторгом, как мальчик после битвы.

— Убирайся в своё змеиное гнездо, женщина. Здесь тебе нечего делать. Ни одна душа из

этой деревни не придёт больше к вашему порогу. Болезнь закончилась.

Он говорил громко, чтобы слышали в толпе, и толпа одобрительно загудела в ответ, но это было странное, не слишком радостное ликование.

Я попыталась собрать всю свою волю.

— Благодарение Богу, если это так. Но почему ты так уверен?

— О, я знаю наверняка. Мы нашли виновного. Мы узнали, кто принёс нам зло, и можешь быть уверена, госпожа, злодей больше нас не потревожит. Передай предупреждение дому женщин: мы расправились с одной из вас, а если и дальше в этой деревне будет твориться зло, то увидите, и остальных постигнет та же судьба. Так и передай вашей главной.

— Расправились? — внутри у меня всё сжалось от ледяного ужаса. — Как расправились?

Отец Ульффрид обернулся, махнул рукой, и море людей расступилось. У кромки пруда, широко расставив ноги, стоял человек в коричневом плаще со скрещенными на груди руками. Тело человеческое, но голова как у совы. Острый и кривой бронзовый клюв блестел, как мокрая коса, рыже-коричневые перья — гладкие и лоснящиеся. Глаза так глубоко погружены в перья, что я не могла разобрать, человеческие они или птичьи. Он медленно и торжественно указал на что-то у себя под ногами, но я не могла оторвать взгляд от его лица.

Кто-то сзади толкнул меня, я пошатнулась и перевела взгляд на указующий палец.

Она лежала лицом вниз у ног Мастера Совы, вполне человеческих. Голая. Рыжие волосы влажными прядями рассыпались по плечам. Запястья и лодыжки связаны так туго, что кожа перерезана и покрыта синяками.

Они били её кнутом, хлестали худенькую спину. Вода смыла кровь, но на голубовато-белой коже маковыми лепестками зияли раны. Хлыст охватывал тело, врезался в живот, разрывал нежную плоть маленькой груди.

Я упала на колени, не обращая внимания на вонючую грязь, и перевернула её лицом к себе. Мой разум как будто цеплялся за какую-то надежду — вдруг это не она. Я нежно убрала с её глаз мокрые, похожие на водоросли волосы. Лицо и руки покрывали ужасные синяки, лиловые, как летняя грозовая туча. Губы распухли. Смерть Гудрун не была лёгкой.

Мой страх перешёл в ярость. Мне хотелось разорвать в клочья лицо стоящего передо мной человека.

— Зачем вы это сделали? Она была всего лишь ребёнком! Вы устроили испытание водой [\[21\]](#), она утонула на ваших глазах, доказывая свою невиновность. Вы могли бы вытащить её, пока она не захлебнулась, а вместо этого стояли и смотрели, как она умирает. Как вы могли? Она не причинила вам никакого вреда!

Человек в совиной маске не шевелился и не произносил ни слова. Мы молча смотрели друг на друга. Отец Ульффрид пнул тело Гудрун мыском башмака, словно желая проверить, что она на самом деле мертва.

— Ей предъявили обвинение. Многие достойные свидетели под присягой показали, что она танцем наслала на эту деревню бурю и потоп и дьявольским сглазом отравила воду, и наши дети стали болеть и умирать. Её били кнутом, чтобы заставить признаться в грехах и спасти душу, но она так погрязла в своих злодеяниях, что упорно отказывалась исповедаться...

— Она была немая! — закричала я. — И ты знал это! Вы все знали. Даже если бы ты пытал её на дыбе, она не смогла бы произнести ни слова в свою защиту.

— То, что она не могла говорить, только доказывает злой умысел — её душа так глубоко отдалась Сатане, и он лишил её речи, чтобы не дать исповедаться и получить божественную благодать и отпущение грехов.

— Она и боли не чувствовала, — взгвизгнул кто-то позади толпы. Стоящие впереди одобрительно зашумели.

— Даже когда Мастер Совы хорошенько огрел её кнутом, она и не вскрикнула.

— Это против природы. Даже взрослые мужчины кричат под кнутом.

— Сам Дьявол её защищал.

— Как же вы не понимаете? — взмолилась я. — Она ужасно страдала, но не могла кричать.

Но никто меня не слушал. Все взгляды были обращены на тело Гудрун. Внезапно раздался крик ужаса, толпа шарахнулась назад. Я взглянула на неё. Рот открылся, и из мёртвых губ выползла маленькая зелёная лягушка.

Январь. Святой Павел. День отшельников

Святой Павел Фивейский был погребен в пустыне двумя львами, лапами вырывшими ему могилу по просьбе Антония Великого.

Настоятельница Марта

Женщины шли через двор, залитый ярким солнечным светом, парами или по трое, и дружески болтали. Я стояла в дверях своей комнаты, глядя на них. На меня вдруг нахлынула волна одиночества — их сплочённость только подчёркивала пустоту рядом со мной. Они могли пожаловаться друг другу, поплакать на плече и получить утешение, а я ни перед кем не могла обнажать свою слабость.

Целительница Марта, лежащая в своей постели, так далека от меня, словно лежит за морем. Может, она и слышала, когда я говорила с ней, но ответить не могла. Но и раньше, за все годы нашей дружбы, не могу припомнить, чтобы рассказывала ей что-нибудь. Я никогда в этом не нуждалась. Она умела понимать даже самое напряжённое молчание, сказать слово, вскрывающее нарыв, и сохранить тайну. Теперь, даже если Целительница Марта понимает, что меня беспокоит, она не может дать совет или утешить. Пророк без языка бесполезен, как слепой сторож. Я не понимала, как нуждаюсь в своей подруге, пока не потеряла её.

Внезапно ворота распахнулись, и во двор ворвалась Беатрис. Руки и платье спереди заляпаны грязью. Она шаталась как пьяная и даже не взглянула на меня, проходя мимо моей двери. Я поспешно вышла.

— Беатрис?

Она остановилась и посмотрела на меня как на чужую.

— Ты упала?

Она покачала головой, но я понимала — что-то не так.

— Проблемы со скотом? Снова чума? Господи, только не это. Если мы хотим пережить эту зиму, нам нужен каждый кусок мяса.

— Почему ты хоть тело её у них не попросишь? — В её словах и на лице было столько ненависти, что я отступила на шаг. — Почему ты позволила ее убить? Ты могла их остановить. Лихорадка — не её рук дело. Она не пыталась их сглазить. Она не была ведьмой, она была просто ребёнком... невинным ребёнком.

Беатрис бормотала так быстро, что я не сразу поняла, о чём это она.

— Ты про внуку Гвенит? Беатрис, тебе же хорошо известно, что я ничего не знала о случившемся, пока ты сама мне не сказала вчера вечером. Я, как и ты, в ужасе от случившегося с девочкой. Это злое, дьявольское дело, но если кто-то и мог бы его предотвратить, так только ты. Ты настояла на том, что станешь заботиться о ней. Ты позволяла ей убегать за стены бегинача вместо того, чтобы учить работать внутри этих стен. Не сомневаюсь, Пега предупреждала тебя, что деревенские боятся Гудрун.

— А чего ты от меня ждала — запереть её? Как я могла её остановить? Она всегда хотела уйти.

Беатрис судорожно сжимала в ладони ткань плаща, словно пыталась выжать воду. Но плащ был сухой, хоть и грязный.

— Если бы у тебя когда-нибудь были дети, Беатрис, ты бы знала, что малышам не позволяют свободно бродить, где им хочется, из страха, что они могут свалиться в воду или попасть под лошадь. Иногда надо привязывать их, чтобы защитить от беды. Ты сама сказала, она была просто ребёнком, с умом как у младенца.

Беатрис подняла взгляд, в глазах сверкнула ярость.

— Да что старая ведьма вроде тебя может знать о детях? Ты ведь никогда и не хотела

ребёнка, верно? Они у тебя отвращение вызывают. Помнишь, как ты сказала про Андреа? — Беатрис скривилась, надо думать, изображая меня. — «Андреа обрела такую власть над своим телом, что Бог исцелил раны её менструаций и вернул ей чистоту, которой обладала Ева до проклятия скверны, сошедшего на нас». Ты сказала, что все мы должны каждодневно молиться об избавлении от этого проклятия. Что же это за извращённая молитва? Разве ты не понимаешь, что вместе с месячными уходит и надежда? Но тебе-то это не важно, да? Потому что ты никогда не была нормальной женщиной, даже до того, как стала высохшей старой каргой. Ты никогда не смогла бы полюбить ребёнка, потому что в тебе нет ни капли любви ни к кому.

Я была так потрясена, что не знала, как ответить. Потом схватила её за плечи и встряхнула.

— Возьми себя в руки, Беатрис. Для женщины твоих лет такое поведение постыдно. Я думаю, пожалуй, хорошо, что Бог не благословил тебя детьми, поскольку ты и сама неспособна вести себя иначе, чем как испорченный ребёнок. — Я почувствовала, как она вздрогнула от ярости, и постаралась говорить мягче. — Понимаю, наткнуться на тело девочки при таких обстоятельствах — страшное потрясение для тебя, как и для всех нас. Но зачем ты сейчас говоришь всё это?

Беатрис дико оглядывалась по сторонам, сжимая и разжимая кулаки. Наконец заговорила шёпотом.

— Я ходила туда, чтобы принести тело домой, но уже слишком поздно. Они уже похоронили её на перекрестке дорог... как убийцу. Попрошайка Том мне сказал. Я нашла то место. Пыталась откопать её руками, чтобы принести сюда. Но они зарыли её слишком глубоко... Надо взять лопату... Я не могу до неё добраться...

Она попыталась вырваться из моих рук, но я держала крепко.

— Беатрис, возвращаться в деревню бессмысленно. Даю тебе слово, мы заберём тело и принесём сюда. Но делать это нужно, когда стемнеет и деревенские спрячутся в своих домах. Я позабочусь о том, чтобы ребёнок лежал здесь. Хотя она и не получила отпущения грехов, но умерла невиновной в преступлениях, за которые осуждена, и за одно это заслуживает упокоения в освящённой земле. А теперь иди в прачечную и хорошенько вымойся, пока тебя не увидел кто-то ещё. И ради Бога, Беатрис, постарайся вести себя прилично. Молись за душу Гудрун, если хочешь, но не подобает так показывать горе, особенно по такой, как она. В конце концов, это был не твой ребёнок.

Беатрис сбросила с плеча мою руку, лицо исказила ненависть. Она кинулась ко мне, я отскочила, и её пальцы царапнули в дюйме от моей щеки. Из её горла вырвался крик, вопль боли, как у дикого животного. Беатрис постояла, покачиваясь вперёд-назад, потом как будто пришла в себя и неуклюже побрела прочь, к прачечной, крепко прижимая к груди руки.

Я вернулась к себе, закрыла дверь и остановилась у очага, согревая руки над слабым огнём и пытаюсь унять дрожь. Беатрис, похоже, сошла с ума. Может, это от страха перед Мастерами Совы? Мне не следовало обвинять её в пренебрежении — я знала, что больше неё виновата в смерти ребёнка, ведь это мне поручили заботиться о ней. А если бы её не было той штормовой ночью...

Каждый раз, закрывая ночью глаза, я видела стоящую передо мной девочку, голое тело отсвечивало белыми отблесками под вспышками молний, дождь ручьём лился по босым ногам, а на плече хлопала крыльями огромная чёрная птица. Как Гудрун туда попала? Почему пошла за мной? Прежде она всегда пыталась сбежать от меня. Девочка спасла меня

той ночью или это из-за неё лошадь встала на дыбы? В душе я понимала, что с тех пор не старалась удержать её в стенах бегинача — может, потому что боялась и хотела, чтобы она сбежала? Я просто обязана вернуть тело домой, но меня очень пугала эта задача. Что ж, это станет моим искуплением.

Но чтобы откопать и вытащить Гудрун из могилы, понадобятся по меньшей мере двое. Её наверняка закопали так глубоко, как только смогли. Еще двое нужны, чтобы следить за дорогой на перекрестье и предупредить, если кто-то увидит и попытается помешать нам унести тело, или того хуже, схватить и замучить как бедняжку Гудрун. Идти нужно на закате, когда света ещё достаточно, чтобы видеть без факелов или фонарей. Огонь на пустой дороге выдаст нас за многие мили. Надо взять с собой тележку, чтобы везти назад тело, и что-нибудь, чем прикрыть наготу девочки — вряд ли они обернули ее в или покрывало, прежде чем бросить в могилу.

Кого же взять с собой? Разумеется, не Беатрис — на неё нельзя положиться, особенно если мы обнаружим, что тело изуродовано или расчленено, как нередко поступают с телами, если боятся, что те выйдут из могилы. Пегу, конечно — она не боится деревенских. Пастушку Марту — она тоже сильная. С ними мы быстро откопаем тело, нам нельзя задерживаться там надолго. Кого ещё? Османну? Она сможет наблюдать за дорогой, а если я покажу, что доверяю ей, возможно, она охотнее сделает на мессе то, чего я от неё хочу. Кроме того, возможно, для неё и неплохо увидеть тело Гудрун, это поможет убедить Османну в неправильности её поведения лучше, чем любые слова. Я сказала бы...

Внезапно раздался яростный стук в дверь, и прежде чем я успела ответить, в комнату ворвалась Привратница Марта.

— Там, у ворот, деревенские, целая толпа.

Она размахивала руками, словно собиралась схватить меня и потащить к воротам, но я не собиралась выбегать наружу при любой тревоге.

— Если они принесли ещё больных — скажи, пусть идут в комнату для странников, к остальным. А если там не хватит места...

— Они не принесли больных.

— А чего им тогда? Еды? За этим они явились?

Привратница Марта прикусила губу.

— За Благословенными Дарами Андреа.

— Мы же уже объясняли, когда они приносили детей — нам неизвестно, что реликвия обладает силой исцелять. Но скажи, я вынесу её, и они смогут к ней прикоснуться и зажечь свечу за исцеление.

— На этот раз им недостаточно прикоснуться к реликвии. Они говорят, лихорадка обошла нас потому, что облатка Андреа хранится в нашей часовне. Хотят забрать ее в свою церковь и держать там, чтобы защищать деревню. Они говорят... — Она поколебалась, а потом забормотала, как что-то заученное: — Бог продолжает наказывать их лихорадкой, потому что чудотворная гостия остается в руках грешниц, отлучённых от церкви. Настоятельница Марта, мы должны отдать реликвию. Они говорят, что иначе отберут ее силой.

— Пока я жива, этому не бывать. За всем этим видна рука отца Ульффрида, и я намерена раз и навсегда положить конец этому бесчинству. Идём.

Я зашагала во двор, привратница Марта поспешила за мной. Ворота были широко открыты, толпа толкалась на пороге — в основном мужчины, но было и несколько женщин.

Двое мужчин уже пробились внутрь.

— Почему ты не заперла ворота, чтобы они ждали снаружи?

Привратница Марта безнадежно махнула в сторону толпы.

— Их слишком много. Навалились и не дали мне закрыть.

— Так зачем ты вообще их открывала?

— Они сказали, что больны, Настоятельница Марта, и я подумала...

Попозже я поговорю с ней о том, что она подумала.

Сбоку у ворот толпилась кучка бегинок. Похоже, они не хотели или не могли ничего сделать, но Османна стояла спиной ко мне, прямо перед деревенскими. Кажется, она пыталась призвать их к порядку, но из-за гомона толпы я не могла расслышать слов. У девочки много недостатков, но, по крайней мере, ей хватило смелости бросить им вызов. Мужество часто идёт об руку с упрямством. Но от её слов было мало толку, толпа шумела. Внезапно из группы бегинок вырвалась Беатрис и со сжатыми кулаками встала перед Османной.

— Зачем вы спрашиваете Османну? — вопила Беатрис. — Разве не знаете, что она не верит в таинства? Для неё гостия — так же свята, как корки, что вы бросаете свиньям. Она говорит, для спасения достаточно одной только веры. Так где же ваши Мастера Совы? В них-то у вас веры в избытке, да? Вам не нужны заплесневелые кусочки хлеба.

— Беатрис! — я вцепилась в неё и попыталась оттащить, но она вырвалась из моих рук и закричала на деревенских.

— Разве вы не знаете, что лихорадка ушла? Чтобы остановить её, вы принесли в жертву невинного ребёнка. Если ваши дети до сих пор больны — спросите у ваших Мастеров Совы, почему. Пойдите, спросите у вашего священника. Они убили её. Они обещали, что её смерть избавит вас от лихорадки. Так зачем вы пришли к нам? Забыли, что это мы наслали болезнь? Хотите получить от нас чего-нибудь похуже? Убирайтесь! Убирайтесь вон!

Беатрис подняла правую руку с растопыренными, как когти, пальцами, словно замахиваясь на гостей. Они застыли на мгновение, потом развернулись и побежали. Беатрис захлопнула ворота и прислонилась к ним, заметно дрожа. Привратница Марта бросилась запирать ворота на засов.

Бегинки собрались вокруг Беатрис, они успокаивающе поглаживали её, хлопали по плечам и хвалили за то, что выпроводила деревенских. Беатрис то ли истерически смеялась, то ли плакала. Не двигалась только Османна. Она так и стояла там, куда оттолкнула её Беатрис, смертельно бледная, с расширенными от ужаса и шока глазами. Я знала — она хочет получить от меня заверения, что никто не обратил внимания на слова Беатрис, а деревенские ничего не поняли. Её глаза умоляли.

Я понимала, чего она ждёт, но не могла этого сказать, не могла лгать, даже для того, чтобы ее успокоить. Я чувствовала, как кровь отхлынула от лица. Я отвернулась. Беатрис всё ещё поздравляли и успокаивали. Понимала ли она, какое только что принесла зло? Её слова невозможно вернуть. Теперь нам оставалось только ждать и молиться.

Январь. День святого Ульфрида

Ульфрид — англичанин, пытавшийся проповедью отвратить народ Швеции от язычества. В 1028 году, после того как он изрубил топором статую Тора, Ульфрида казнили, а тело бросили в болото.

Декан епископа стоял на подставке для посадки на лошадь, заглядывая в единственное узкое окошко деревянной тюрьмы. Тюрьма в Улевике невелика, но больше и не надо, никакой мебели в ней нет. Вся тюрьма состояла из единственного каменного круглого помещения, крытого тростником, почти такого же размера и формы, как голубятня в Поместье. Сейчас в тюрьме только один заключённый, хотя там вполне могли поместиться три-четыре человека, а если набить потеснее — даже шесть или семь. В тюрьме имелась крепкая деревянная дверь и узкое зарешеченное окно, расположенное слишком высоко, так что заключённый не мог смотреть наружу, и никому не заглянуть внутрь, разве что если он, как декан, встанет на возвышение. Решётки на окне ни к чему — протиснуться сквозь крошечный проём меж толстыми стенами могла разве что заморенная голодом кошка, но строители тюрьмы не оставили даже такой возможности. Из их цитадели никому не выбраться.

Выражение лица декана, заглядывающего в тюремную камеру, оставалось непроницаемым. Едва перевалило за полдень, но небо казалось серым и тяжёлым, как в закатных сумерках, а в камере, должно быть, ещё темнее.

— Мы не знали, когда вас ждать, декан, — сказал я, ещё задыхаясь после бега от своего дома. — Если бы я знал, что вы прибудете сегодня, здесь бы вас ждал бейлиф с ключом. Но я могу сейчас же послать за ним, если...

— Это ни к чему. Я увидел всё, что хотел. — Он легко спрыгнул наземь. — Мы идём побеседовать с лордом д'Акастером. — Он кивком головы подозвал тощего сутулого юнца, который жался к стене и с несчастным видом дул на посиневшие руки. Отнеси подставку назад к трактиру, мальчик. Прежде чем я поеду в Поместье, хочу поговорить с отцом Ульффридом наедине. Можешь привести лошадей к церкви и ждать меня там — снаружи!

Парнишка энергично закивал, словно хотел, чтобы не осталось никаких сомнений — он выполнит все инструкции до последней буквы, потом так ретиво рванул вперёд, что споткнулся о деревянную подставку, стараясь поднять её. Декан пнул юнца, когда тот пытался встать, отчего он снова растянулся на подставке и завопил от боли. Не обращая внимания на крик, декан развернулся и зашагал в сторону церкви.

Я несколько дней ждал этого момента, и не мог ни есть, и спать в предвкушении. Как будто разверзлись небеса и сам Святой Грааль опустился прямо мне на колени. Сначала в мои руки попалась девчонка-ведьма, а теперь ещё и это. Кажется, все мои деяния внезапно благословил Бог. О, наконец-то, наконец-то! Он изменил для меня ход событий. Бог всё ещё доверяет мне. Я был ввергнут в пучину, я думал, что оставлен, но Бог вспомнил о моих казнях египетских и теперь поведет меня. Я молил о реликвии, но вместо неё получил нечто большее — еретичку. Такого подарка достаточно, чтобы епископ простил все совершённые мной грехи. Совсем скоро я вернусь к комфорту Норвичского собора, и пусть тогда Мастера Совы делают что хотят с этой паршивой деревней, мне всё равно.

Тусклый свет проникал в сумрак церкви через цветное стекло грязных мозаичных окон. В тени выделялся лишь ярко-красный огонь негасимой лампы над алтарём, только он ничего не освещал. Декан прошёлся вокруг, заглянул в ризницу и на колокольню, убедившись, что церковь пуста. Наконец опустился на одну из каменных скамей у стены, где во время службы отдыхали старики или больные.

На стене позади него изображалось «Сошествие в ад». Во мраке я не мог разглядеть ничего, кроме золотого нимба вокруг головы Христа, но я и так хорошо представлял себе эту картину. Христос в развевающихся одеждах стоял перед заключёнными, разрушая двери и предлагая освобождение томящимся в аду мертвецам. То, что декан выбрал именно это место, перед картиной, изображающей искупление и свободу, казалось счастливым предзнаменованием. И его первые слова также принесли мне огромное облегчение.

— Я должен поздравить тебя, отец Ульфрид. Оказывается, ты не терял зря времени, привлёк наше внимание к такому серьёзному делу.

— Я был потрясён, когда узнал, что творится в доме женщин. И немедленно отправил письмо епископу Салмону.

— Совершенно верно, — одобрительно кивнул декан.

— Епископ прислал разрешение на её арест, что я немедленно исполнил. Однако... я немного удивлён, что его преосвященство приказал держать девушку здесь, а не в собственной тюрьме в Норвиче. Но теперь, когда вы прибыли, чтобы забрать её в Норвич для суда, для деревни это станет огромным облегчением. Хотя... — Я колебался, не желая давать советов. — Простите, декан, но я не могу не отметить, что с вами прибыл только один юноша. Конечно, я отправлюсь с вами в Норвич, чтобы дать показания, и, разумеется, девушка вряд ли способна оказать серьёзное сопротивление. Уверен, мы и сами с ней справимся. Но возможно... нам следует взять с собой несколько мужчин, просто из предосторожности, на случай, если чужестранки попробуют освободить...

— Дочь лорда д'Акастера на суде в Норвиче? — декан сжал изящные пальцы. — Это вряд ли. Ты должен понимать, что с любыми обвинениями против знатной семьи следует разбираться весьма деликатно. Его преосвященство епископ Салмон не желает публичного унижения одного из наших самых известных семейств.

У меня перехватило дыхание, как после удара в живот. Неужто он намерен спустить с рук такое злодеяние только потому, что она — дочь д'Акастера? Я чувствовал себя так, словно ухватился за верёвку, выбираясь из трясины — и тут же выпустил спасение из рук.

— Но декан, она же еретичка! Это подтвердит множество свидетелей. Неужели епископ станет смотреть сквозь пальцы на преступление только потому, что эта девушка знатного происхождения?

— Ты считаешь, отец Ульфрид, что весы правосудия в руках епископа склоняются в пользу могущества или богатства? — голос декана внезапно стал ледяным. — Епископ оказался чрезмерно снисходителен к тебе, отче, но из-за этого не стоит воображать, будто он позволяет преступлению остаться безнаказанным.

— Разумеется, я и не думал... — Но мы оба знали, что я думал именно так. — Простите, декан, я не понимаю. Вы сказали, что девушку не повезут на суд. Тогда как же осуществится правосудие... — замялся я.

— Эта девушка не предстанет перед судом в Норвиче, отче. Но суд состоится, не сомневайся. Епископ своей милостью доверил мне самому его провести, здесь, в Улевике. И если преступница окажется виновной, исполнение назначенного приговора также совершится здесь. Его преосвященство желает благоразумия, отец Ульфрид. Незачем устраивать публичное зрелище из такого ужасного события. Никто не наказывает отца за грехи детей, а лорд д'Акастер — щедрый благотворитель для церкви. Нам не хотелось бы видеть столь набожного и благочестивого человека опозоренным гнусными преступлениями порочной и непокорной дочери. Конечно, девушка навлекла достаточно страданий на голову

отца. Но не волнуйся, отец Ульффрид, правосудия ей не избежать. — Декан немного подвинулся на каменной скамье, за его спиной приоткрылись язычки алого пламени среди тёмных фигур на стене.

— Если суд состоится в Улевике, — продолжил он, — это облегчит вызов свидетелей, особенно тех, кто не слишком настроен давать показания. По моему опыту, простые люди, всю жизнь прожившие в деревне, склонны становиться косноязычными, оказавшись среди блеска и великолепия собора. Они смущаются и приходят в замешательство. А ведь мы не хотим выпустить рыбку из сетитолько из-за того, что какие-то деревенские идиоты запутались в показаниях? — Декан едва заметно улыбнулся. — Мне жаль, если это тебя разочаровало, отец Ульффрид. Наверняка тебе не терпится покинуть эту деревню, возможно, возобновить прежние знакомства в Норвиче, особенно одну близкую дружбу?

Сердце застучало, сжалось от боли. Филипп сказал ему, что сюда приходил Хилари? Нет, вряд ли, иначе в тюрьме сидел бы я, а не дочь д'Акастера.

— Я хотел лишь оказать услугу его преосвященству в этом деле, — поспешно сказал я, радуясь, что в церкви темно и декан не видит моего лица.

Гость пристально разглядывал свои пальцы.

— Однако я пригласил тебя сюда не для обсуждения того, как проводить суд, отец Ульффрид. Есть ещё одна проблема, которая меня... беспокоит. — Он сделал паузу, прежде чем сказать «беспокоит», словно раздумывал над выбором слова. — Как я сказал, отец Ульффрид, за усердный доклад о ереси ты заслуживаешь одобрения. Но вызывает удивление — почему ты немедленно не сообщил о том, что отлучил от церкви весь дом женщин? Если я правильно понял из твоего письма, ты сделал это около двух месяцев назад. И только сейчас счёл нужным сообщить нам об этом.

— Но, декан, — возразил я, — вы сами приказали мне использовать отлучение как наказание для тех, кто не платит десятину.

— Совершенно верно. Но ты сообщил в письме, что применил отлучение не за неуплату десятины. Если я правильно понял, ты отлучил их за отказ подчиниться, совершить публичное покаяние в гораздо более тяжком преступлении, на которое следовало немедленно обратить наше внимание. Если бы ты это сделал, вопрос давно решился бы задолго до того, как эта девушка совершила гнусное преступление, и таким образом, епископ Салмон был бы избавлен от затруднений, а я — от серьёзных проблем.

Декан снова поёрзал на холодном камне, открыв ещё больше рисованных языков пламени на стене за спиной. В церкви слишком темно, чтобы разглядеть детали картины, но мне это ни к чему — я наизусть знаю каждый штрих. Языки пламени изображены под огромным адским котлом, в котором живьём варятся грешники с отрубленными руками и ногами.

Декан, словно в задумчивости, коснулся губ длинным тонким пальцем. Но я уверен, он продумал каждое слово, ещё когда только собирался говорить со мной.

— Может показаться, что ты намеренно позволил разрастись этому гнезду паразитов в своём приходе, отец Ульффрид. Ты бездействовал, пока там вызревала дьявольская, полная греха ересь. Думаю, тебе лучше рассказать мне всё произошедшее с этими женщинами с самого начала. И предупреждаю тебя — не скрывай ничего, не то я могу и в самом деле привезти в Норвич заключённого для суда, но это будет не та девушка.

Каждый раз, отправляясь спать, я ищу свою маленькую Гудрун, надеюсь, что она где-то прячется и в волосах у неё по-прежнему сидят птицы, а последние дни — это только страшный сон. Она просто бродит где-то, как раньше. Она не умерла. Моя Гудрун не умерла. Каждая мать жалуется всякому, кто станет слушать, на кучу несчастий, случившихся с потерявшимся ребёнком, а потом выглядит глупо, когда дитя является домой, невинное и беспечно улыбающееся, пугаясь ярости материнских объятий, пощёчин и слёз, смеха и брани. И каждый раз, открывая дверь, я надеюсь стать глупой матерью. Я стану кричать и плакать, а она не поймёт почему. Она просто потеряла счёт времени. Она даже не знает, что я её ищу. И никогда не знала.

Я своими руками убирала с её лица мокрые пряди. Я ещё чувствовала их в руках, но не ощущала смерти. Я касалась не реального тела — какой-то трюк, ряженые, кукла, почти как живая. Можно втыкать булавки, обвязывать тёрном — ей не больно, она же сделана из воска. Губы раскрашены синим, зелёные глаза так похожи на живые... та кукла, подобие невинного ребёнка — не моя Гудрун. Это не Гудрун умерла.

Соломенный тюфяк Гудрун ещё лежал у стены, и я видела её, свернувшуюся под одеялом, как кошка, но глаза привыкали к сумраку, и взглянув снова, я понимала, что постель пуста. Её живая сущность обратилась в солому, и никакие молитвы не превратят эту солому снова в золото. Как будто я смотрела двумя парами глаз — одна пара лгала, другая являла жестокую правду. Я молила Бога, чтобы у меня осталась только первая.

Голуби тоже скучали по ней. Птицы то и дело садились на её кровать, будто тоже видели Гудрун. Они не давались мне в руки, не позволяли прижать к себе тёплые тельца, улетали прочь, когда я тянулась к ним. Но каждую ночь три голубя, сбившись вместе, сидели в изголовье постели.

А все остальные продолжали жить своей жизнью, словно её никогда и не было. Голуби и я — только мы тосковали по ней, только мы её и любили.

Я сохранила её кровать. Никто не кроме Гудрун и меня на неё не ложился. Теперь мне пришлось спать там, чтобы кто-то чужой не влез ночью. Я должна её охранять. Они не должны знать, что постель Гудрун ещё здесь. Они донесут Настоятельнице Марте, и та прикажет её убрать. — У нас мало хороших одеял и соломы, скажет она. Болезненная привязанность, недопустимая в бегинаже. Чем скорее убрать все следы присутствия этой несчастной немой, тем скорее Беатрис придёт в себя. Это для её же пользы. Она не имеет права горевать, она не мать этой девочки.

Но это убогое ложе — всё, что мне осталось от Гудрун. Единственная память. От неё остался лишь запах, ещё живущий в белье. Если отберут постель — Гудрун больше не сможет вернуться. Она признавала только свою кровать, как голуби. Если разрушить насест, они будут кружить в небе и не спустятся вниз. Не вернутся домой.

Пега отвела меня туда, где, по её словам, похоронили Гудрун — рядом со стеной часовни, в стороне от случайных взглядов. Просто маленькая полоска серой свежевскопанной земли, выступающая из травы, будто свежий след кнута на голой спине. Дело рук Настоятельницы Марты — зарыли в забытом углу, как хоронят дохлых кошек. Её драгоценная святая, непорочная девственница Андреа, покоится на почётном месте, под полом часовни. А моё замученное невинное дитя для неё значит не больше обглоданной

кости, которую выбрасывают вон.

С тех пор как Настоятельница Марта и Пега похоронили её, прошла всего неделя, но земля уже осела. Ветер набросал сверху бурых засохших листьев, а свежевскопанная тёмно-коричневая земля стала серой. На могиле нет цветов, она не отмечена камнем. Дождь смывает её, а мороз утрамбует разрытую землю. Настоятельница Марта хочет стереть все следы того, что мой ребёнок жил на этой земле. Теперь они делают вид, будто моей малышки никогда не было.

Ни одна из могил моих детей не пережила весну. Я видела, как все они растворяются. Крохотные нематериальные существа, горе по которым ещё не утихло. Окаменевшие дети. Без имени, без голоса, без единого вздоха. Они сбежали от меня, выскользнули в муках боли и потоках крови, как будто ни мгновением больше не могли усидеть в моем чреве. Маленькие рыбки, уплывающие обратно в реку. Я чувствовала, как они ускользают, я пыталась их удержать. Каждый раз, когда начиналось кровотечение, я понимала, что теряю ребёнка, но всё же пыталась удержать его внутри. А дети знали, что я не гожусь в матери, и не желали оставаться со мной. Они меня не хотели.

Я вспомнила лицо. Я спала — повитуха дала мне что-то одурманивающее — и, проснувшись, увидела плывущее надо мной лицо, далёкое и расплывчатое, так что я могла различить только глаза и рот. Но я знала — это лицо моего младенца, так похожего на мужа — его глаза, его рот. Он был бы безумно рад такому сыну. Губы двигались, и я подумала, что ребёнок зовёт меня. Я протянула к нему руку и почувствовала, как её отбросили прочь.

— Не смей прикасаться ко мне, жена. Теперь между нами всё кончено. Ещё один родился прежде времени. Можно подумать, ты назло мне пьёшь какое-то мерзкое зелье, чтобы отнять моих сыновей. Лекарь говорит, это твоя безудержная похоть их убивает. Их отравляет твоя воспалённая кровь. Ублажаешь себя сама, жёнушка, или насыщаешься в чужой постели? Бог свидетель, я старался тебя не возбуждать. Ты шлюха, и очень хорошо, что ты не родила ребёнка, ты не годишься в матери.

Как только с простыней смывают кровь, люди говорят: у тебя же никогда не было ребёнка. Видишь вон ту женщину, чьё дитя прожило несколько месяцев, а потом умерло? Ей позволено плакать и носить траур, и ждать утешения. Её нужно утешить, а ты... что ты можешь знать о потере ребёнка? Но я знаю, я знаю. Они были моими детьми, не меньше, чем те, кто родился живым, и я плакала по ним и обнимала их у себя в душе. Они брали во мне жизнь и пропитание. Они росли и шевелились. Мои тайные дети. Я чувствовала их, я их вынашивала. Но никто не позволит мне тосковать по ним, моим безымянным бедняжкам. Жизнь покинула их с легкостью, как видения покидают лунатиков. Их закопали небрежно, как тряпки, испачканные менструальной кровью.

Во Фландрии я часто сидела дома у окна, глядя на набережную. Я часами наблюдала, как грузят бочки с вином, корзины сельди и тюки одежды. Люди громко приветствовали друг друга, отдавали распоряжения, кричали продавцы, а над богатыми товарами — морской солью, кожей, специями и сладостями — мимо моего открытого окна носились чайки. Я видела ковыляющих женщин — одной рукой они придерживали больную спину, другой — полный новой жизни, как плод граната, живот. Я слушала визг детей, подзуживающих друг друга пробежать между копыт лошади или влезть на шаткую кучу тюков. Дети качались на корабельных канатах, играли в догонялки на самом краю причала, а матери тем временем сплетничали или торговались, не обращая внимания на опасность.

Ну чем я хуже? Почему эта сука Османна смогла заполучить ребёнка от грязной связи с

каким-то мерзким конюхом, а я, ни разу не осквернившая свой брак, осталась бесплодной? Я дюжину раз совершила бы паломничество на коленях, лишь бы заполучить одного из младенцев, которых шлюхи вроде неё выбрасывают, как мусор. Я бы души не чаяла в своём ребёнке, не спускала бы с него глаз, оберегала бы от опасностей. Почему другие женщины без особых усилий рожают здоровых младенцев каждый год, как свиньи, а мне не удалось произвести на свет ни одного?

Но я знаю почему. Знаю, почему не смогла родить ребёнка. Мой муж и Настоятельница Марта правы — я не гожусь в матери. Я просила и умоляла, я надоедала Богу, пока он, наконец, не дал мне ребёнка. И как те беспечные матери, которых я осуждала, я позволила ей пойти прямо в лапы опасности.

Беды не случилось бы, если бы Настоятельница Марта не настроила священника и деревенских против нас. Если бы она отдала им реликвию, они не забрали бы мою Гудрун. А она не отдала, она хотела, чтобы моё дитя убили. Настоятельница Марта не хотела, чтобы я любила Гудрун, потому что сама не может любить. Она не хотела, чтобы у меня был ребёнок. Она и Османна, это они убивали моих детей. Они не желали, чтобы у меня было хоть что-то свое.

Железное кольцо на двери повернулось, и я прислонилась к ней, чтобы удержать закрытой.

— Беатрис, ты здесь? — позвала Кэтрин.

Дверная ручка снова задёргалась. Кэтрин всегда с трудом открывала эту дверь, даже когда изнутри её не подпирало такое тяжёлое тело, как моё.

— Беатрис, тебя хочет видеть Настоятельница Марта.

Нельзя, чтобы сюда пришла Настоятельница. Я резко открыла дверь, и Кэтрин повалилась мне на руки.

— Что ей нужно?

— Там у неё люди. Те, что увели Османну, — Кэтрин вздрогнула и встревоженно посмотрела на меня. — Я слышала, они хотят увести тебя давать показания против Османны, но ты ведь не станешь, правда?

Меня накрыла волна тошноты и раздражения.

— Я должна ухаживать за голубями. Скажи Настоятельнице Марте... скажи, что мне надо заниматься голубями.

— Они и Настоятельница Марту забирают на суд.

— Суд?

— Беатрис, — ныла Кэтрин, — ты ведь знаешь, Османну арестовали потому, что ты... Они собираются судить её. Но, Беатрис, ты ведь ничего не скажешь? — Она вцепилась в мою руку, тревожно заглядывая в глаза.

— Лгать грешно, Кэтрин. Спроси у Настоятельницы Марты. «Не произноси ложного свидетельства». Не произноси...

Январь. День святого Вульфстана

Обвиненный в том, что он недостоин епископской должности, Вульфстан воткнул епископский посох в храм Эдуарда Исповедника и предложил своим обвинителям вытащить его, но никто не смог. Тогда Вульфстан безо всяких усилий извлек посох, доказывая несостоятельность обвинений.

Мы ждали в церкви, сидели бок о бок на маленьких скамьях и стульях, принесённых из Поместья и деревенских домов, где ещё оставалась мебель, достойная так называться. Посреди церкви горела жаровня, спёртый воздух наполнен вонью гнилой обуви, мокрой шерсти, дыма и застарелого пота. Жёлтое пламя толстых сальных свечей освещало оцепеневшие лица, смешивало красные, зелёные и коричневые краски одежды в единый цвет прогорклого масла. Свечи добавляли к воню свой запах. Очевидно, отец Ульффрид не желал тратить на нас хорошие восковые свечи — кто знает, сколько их сгорит до окончания суда.

На помосте перед алтарём стояли два богато украшенных кресла, вокруг них ещё несколько, поменьше. Они пустовали. Декан ужинал с Робертом д'Акастером и отцом Ульффридом. А деревенским полагалось томиться в ожидании, пока хозяева не закончат набивать животы. Я не сомневалась, они их как следует наполнят — д'Акастер, конечно, захочет выслужиться перед епископом. Османны не видно. Но перед помостом оставлен небольшой, ничем не заполненный провал, заколдованный круг, в который никто не смел войти.

Все вокруг — в основном мужчины — беспокойно ёрзали, портили воздух, смеялись и сплетничали, ожидая начала представления.

Беатрис сидела позади меня. С тех пор как мы вышли из бегинажа, она не сказала мне ни слова. Глаза были отсутствующие, как будто её дух носился где-то далеко. Я пыталась убедить отца Ульффрида, что она недостаточно здорова для свидетельства на суде, но казалось, чем больше я говорила, тем настойчивее он требовал ее привести.

Мне удалось прошептать Беатрис только несколько слов, предостеречь, чтобы говорила как можно меньше. Я предупредила — если станет известно, что мы сами проводили мессы, её жизнь окажется в такой же опасности, как и моя. Я надеялась, этого достаточно, чтобы привести её в чувство и заставить придержать язык, но не была в этом уверена. Она на меня даже не взглянула.

Я понимала — отец Ульффрид хотел не крови Османны. Он хотел добраться до меня. Церковь попытается через неё поймать меня. Сегодня перед судом предстала не одна Османна, а весь бегинаж. Мне оставалось только молиться, чтобы это дошло и до Беатрис.

Толпа зашумела — двери церкви распахнулись, вошли хозяева. Некоторые лениво попытались встать и неуклюже кланялись проходящему мимо д'Акастеру, но большинство осталось сидеть.

Лицо Роберта д'Акастера блестело и лоснилось от пота, как будто он весь состоял из плавящегося жира. Он споткнулся, поднимаясь на помост, покачнулся и чуть не упал. Но Филипп д'Акастер услужливо подхватил его и помог подняться. Хозяин шлёпнулся в одно из резных кресел, и оно заметно прогнулось под ним. Очевидно, ужин залили изрядным количеством вина.

Отец Ульффрид занял одно из кресел поменьше. Во второе огромное резное кресло уселся человек, выглядевший так, словно на ужин ему не досталось ничего кроме корки хлеба и горьких трав. На первый взгляд он казался пожилым и костлявым, с тёмными, глубоко запавшими глазами. Даже двигался он как старик, как будто просидел много лет в каком-то зале заседаний или в библиотеке, углубившись в книги. Но посмотрев повнимательнее, я поняла, что ему не больше тридцати, а возможно и меньше.

Какой-то человек, прижатый ко мне с другой стороны узкой скамьи, толкнул меня локтем под рёбра.

— Смотри, вон человек епископа, вон тот. Говорят, он поймал собственного брата лежащим с женщиной и свидетельствовал против него. А потом наблюдал, как его брату отрезали нос и уши. Что за ублюдок способен на такое?

Декан епископа поплотнее запахнул подбитый мехом плащ, словно боялся сквозняка, хотя замёрзнуть в этой церкви никак невозможно, разве что если в венах вместо крови течет ледяная вода.

Толпа снова зашумела. Дверь открылась во второй раз, и в церковь ввели Османну на верёвке, привязанной к запястьям. Деревенские начали шептаться. А когда она проходила между скамей, некоторые из них осеняли себя крестом и отодвигались, словно думали, что она заразна.

Османна, бледная, но с двумя неестественно яркими пятнами на щеках, смотрела прямо перед собой. На ней не было бегинского плаща, без него она выглядела хрупкой и беззащитной. К юбке пристали клочья соломы. Длинные волосы распущены и спутаны, как в тот день, когда я впервые увидела её в отцовском доме.

Злобный шёпот становился всё громче, как будто гудел пчелиный рой. Филипп д'Акастер с нескрываемой усмешкой подался в сторону Османны, разглядывая её, как служанку из таверны. Очевидно, вид связанной неопрятной девушки пробуждал в нём самые низменные желания. Мне стало дурно от отвращения.

Декан окинул взглядом зал, и все тут же умолкли. Декан кивнул писцу, сидящему за маленьким столиком возле помоста. Если декан был молод, то писец — ещё моложе, совсем прыщавый мальчишка. Он торопливо, одно за другим, затачивал перья, как будто ждал приказа переписать всю Библию еще до конца дня.

Декан нетерпеливо кашлянул. От этого звука несчастный писарь задрожал, как высеченный школьник, рассыпал перья по полу и бросился подбирать. По залу прокатилась волна грубого смеха.

Декан неторопливо переводил взгляд с Беатрис на меня. Потом ткнул в меня пальцем с кольцом. Я встала.

— Полагаю, госпожа, ты и есть глава дома женщин, та, кого называют Настоятельницей Мартой, верно?

Я кивнула, стараясь дышать спокойнее.

Декан обернулся к д'Акастеру.

— Ей незачем давать присягу, поскольку она отлучена от церкви. Проклятый не смеет произносить имя Бога. Такие, как она, не могут свидетельствовать против благочестивого человека, но её свидетельство против другой преступницы может быть выслушано — дьявол осудит сам себя. — Он снова обернулся ко мне, вздёрнув подбородок с таким видом, будто собрался приказать поварёнку опустошить горшок. — Госпожа, мы требуем, чтобы сейчас, перед нами, ты говорила правду, иначе сама окажешься обвиняемой на этом суде — если, конечно, женщина вроде тебя, лишённая милости и благодати нашего благословенного Бога, способна отличить правду от лжи.

— Мы всегда помним, что наш благословенный Бог — свидетель всех наших речей, лёгких и серьёзных, публичных и частных. Поэтому у нас есть обычай говорить правду. В отличие от некоторых, мы не нуждаемся в присяге, чтобы говорить правду.

Я услышала вздох деревенской толпы за спиной. Отец Ульффрид попытался что-то

сказать, но декан, не отрывая от меня глаз, поднял руку, приказывая священнику умолкнуть.

— Ради твоего блага, госпожа, я искренне молюсь, чтобы это было так. Итак, начнём. — Он обернулся к писцу. — Можешь записать, что присяга не произносилась, и, следовательно, её слова не будут иметь большого веса.

— Если наши слова весят столь мало, могу я узнать — зачем вы взяли на себя труд привести нас сюда? — спросила я.

Рот декана изогнулся в лёгкой улыбке, но глаза не улыбались.

— Чтобы склонить весы правосудия, достаточно и пёрышка, госпожа. Но оставим это. Его преосвященство епископ желает знать, как глубоко распространился яд. Достаточно ли нам вскрыть нарыв, госпожа, или придётся отсечь всю руку? — Он многозначительно посмотрел на отца Ульфрида, кусающего губы, как будто из страха, что это предупреждение предназначено ему.

— Эта девушка, Агата, проживает под твоей опекой — так или нет?

— Османна — бегинка. Она живёт и работает вместе с нами.

— Но Агата, — он произнёс это имя так, словно я глухая, — подчиняется тебе и твоим правилам?

— Османна, — я стояла на своём, — подчиняется Богу и Его законам. У бегинок нет своих правил, им диктует правила Бог.

Из-под помоста донеслось хныканье писца, и все глаза обратились к нему.

— Да? — спросил декан.

— Прошу прощения, сэр, но что мне написать?

— Написать? Сказанное, не больше и не меньше. Достаточно просто даже для олуха вроде тебя. — Декан поднял взгляд на Роберта д'Акастера. — Мой личный писарь, будь он проклят, подхватил лихорадку. Поэтому мне навязали этого тупицу.

Несчастный писарь привстал, потом снова сел и опять поспешно поднялся.

— Но сэр, я хотел спросить — какое имя? Агата или...

— Агата, болван, это имя, которым её крестили. А теперь сядь и пиши, мальчишка, пока я не пнул тебя так, что ты запрыгаешь, как лягушка, отсюда и до ярмарки святого Стефана, бестолочь.

Толпа содрогнулась от смеха. Филипп ухмыльнулся и подмигнул отцу Ульфриду, который нервно ёрзал в своём кресле. Декан поднял руку в знак молчания и дождался, когда все затихли.

— Госпожа, достойный человек показал под присягой, что эта девушка, Агата, бросала в грязь Святые Дары Господа нашего, свиньям под ноги. Что ты скажешь на это?

По толпе пронёсся вздох преувеличенного ужаса, хотя если такие показания уже давали, это не должно было стать ни для кого откровением.

— Декан, вы сами сказали, что мы отлучены, — ответила я. — Тогда где бы она получила Дары, чтобы их осквернить? Отец Ульфрид дал?

Отец Ульфрид наклонился вперёд, быстро зашептал что-то на ухо декану, и тот кивнул, прежде чем продолжить.

— Мне сообщили, что некий монах-францисканец приносил тебе гостию. Поступок, который противоречит всем заповедям святой матери-церкви, о чём, я уверен, ты осведомлена, госпожа, и за это вы справедливо были отлучены. Без сомнения, это и есть тот самый источник, откуда девушка получала гостию для своих кощунств.

— Декан, обнаружив это, отец Ульфрид лично установил слежку за францисканцем. Вы

ведь не думаете, что монах мог ускользнуть от столь усердного наблюдения?

Декан сурово посмотрел на отца Ульфрида, выглядевшего заметно обеспокоенным. Филипп д'Акастер удовлетворённо ухмыльнулся, явно наслаждаясь видом священника, потерявшего дар речи. Декан снова обернулся ко мне.

— Очевидно, отец Ульфрид не позволял францисканцу приближаться к вам, потому что вы отлучены. — Он метнул ещё один злобный взгляд в сторону отца Ульфрида, как будто это было далеко не очевидно. — И тем не менее, госпожа...

Роберт д'Акастер поднялся с кресла, пошатываясь подошёл к заднему краю помоста и остановился спиной к нам. Раздались громкое журчание и плеск — хозяин обильно мочился в горшок.

— И тем не менее, госпожа, я уверен... — снова начал декан.

Но невозможно было не обращать внимания на грохот мочи, льющийся в горшок и мимо него, и потоки жёлтой жидкости, стекающие по его краям. Д'Акастер отряхнулся, прошёл на своё место и махнул декану мокрой рукой, предлагая продолжить.

— Я уверен, госпожа, что вы, располагая запасом гостии, принесённой монахом, использовали ее Бог весть для каких безнравственных мерзостей.

Ни один не упомянул о том, что я сама освящала гостию. Османна, конечно, ничего не сказала, и я благословляла её за это от всего сердца. Но я понимала — теперь мне следует осторожно выбирать слова.

— Дары нашего благословенного Бога недолговечны, как манна, падающая с небес, декан, и подвержены порче, — я пыталась говорить спокойно. — Как долго, по-вашему, мы могли их хранить? Отец Ульфрид подтвердит — облатка Андреа чудесна именно потому, что сохранилась от разложения.

Отец Ульфрид изучал пол, отчаянно стараясь не встречаться глазами с яростным взглядом декана. Рука Роберта д'Акастера соскользнула с подлокотника кресла, и хозяин Поместья внезапно очнулся от дрёмы. Он изумлённо огляделся, припоминая, что он здесь делает, потом нетерпеливо щёлкнул пальцами в направлении кубка на маленьком столике, до которого его пухлые руки немного не дотягивались. Роберт д'Акастер ни разу не взглянул на свою дочь, как и она на него.

— Мне начали надоедать эти игры, госпожа, — внезапно повысил голос декан. — Ответь мне прямо: Брала ли Агата гостию, чтобы бросить перед свиньями?

— Я отвечу вам прямо: нет.

Он обернулся к отцу Ульфриду.

— Допрашивая эту женщину, мы ничего не узнаем. Её свидетельство отклоняется.

Я потихоньку вздохнула от облегчения. Если и Беатрис станет придерживаться таких ответов, они не смогут ничего доказать. Мы все ещё можем уйти отсюда невредимыми. Но сумеет ли Беатрис держать себя в руках? Я оглянулась — она внимательно рассматривала камыш на полу. Я даже не уверена, что она вообще слушала.

— Успокойся и соберись, Бетарис, — прошептала я.

— Я же дал тебе разрешение уйти, госпожа, — нахмурился декан.

— С вашего позволения, я останусь.

— Как пожелаешь, госпожа. — Декан ещё сильнее нахмурился, потом по его губам скользнула лёгкая улыбка. — Да-да, возможно, тебе следует остаться, госпожа, но сиди тихо. Декан перевёл взгляд на Беатрис.

— Встань, госпожа.

Она не шелохнулась и даже не посмотрела на него.

— Госпожа!

Я толкнула её, заставив подняться на ноги, но она так и не глядела на декана.

— Ты Беатрис, полагаю.

Она едва заметно кивнула.

— Хотя это, несомненно, не твоё Богом данное имя, именно оно должно быть записано, не то мой идиот-писарь обгадится, если мы озадачим его хилый мозг другим.

Толпа засмеялась, и декан поднял руку, призывая к тишине. Беатрис пристально смотрела на сухие соцветия пижмы, рассыпанные среди камышей на полу.

— Ну же, дорогая, — мягко сказал декан.

Беатрис подняла взгляд, услышав внезапную перемену тона, и он улыбнулся.

— Не надо бояться. Тебе надо только сказать правду — и всё будет хорошо. Ты понимаешь?

Нога человека, сидящего рядом со мной, дрожала. Но от волнения ли, от мрачных предчувствий или паралича — сказать невозможно.

Беатрис осторожно кивнула.

— Хорошо. Тогда начнём. Агата ведь не принимает участия в таинствах, так?

— Нет, она отлучена... Как и все мы.

Он ободряюще кивнул.

— И конечно, она страдала, лишившись утешения святой церкви?

— Мы... мы все страдали.

— Несомненно. Как и всякая христианская душа. — Он соединил кончики пальцев, словно погрузился в раздумья. — Но скажи мне вот что: казалась ли Агата более огорчённой, чем остальные?

Беатрис колебалась, безумно глядя на меня.

— Нет.

— Значит, не более, Беатрис. Ну, тогда, может, менее?

— Нет... не менее, — голос Беатрис задрожал.

— Признаю ошибку, — склонил голову декан. — Конечно, ты права. Не менее. На самом деле — совсем никак. Агата совершенно не была расстроена, ты ведь так сказала, Беатрис?

— Я не...

— Видишь ли, достоверно известно, что Агата заявляла, будто таинства не нужны для спасения, а гостия не обращается в руках священника в тело нашего благословенного Господа. Это верно, Беатрис? Разве не так ты сказала деревенским, когда те пришли к вашим воротам? Даже не пытайся это отрицать, Беатрис, — с десяток человек поклонятся именем Бога, что слышали от тебя эти слова.

Настоятельница Марта

В воду мягко скользят первые капли дождя. Это замечают только безумцы да отшельники, но и они ничего не говорят. Капли падают одна за другой, мелкая рябь набегает на гладкую, как зеркало, поверхность пруда. У нас, живущих в этом мире, вечно нет времени смотреть на отражения. Мы не замечаем их трепета.

Что значит одна капля в озере воды? Лишь когда они застучат часто и яростно, мы замечаем начавшийся дождь. Он хлещет кожу и мочит одежду, но тогда искать убежища уже слишком поздно. Не так ли начался и Великий Потоп — с единственной капли, незаметной и ничтожной? Если бы я видела, как упала первая капля — поняла бы опасность? Могла ли я спасти все наши труды от этой катастрофы?

Марты вжимались в свои кресла в полутёмной часовне — головы опущены, лица скрыты в тени. Никто не двигался. Никто не произносил ни слова. Никто даже не смотрел на меня. Я сидела так же безвольно, как и остальные. Я исчерпала запас слов. Что ещё я могла им сказать? Сколько я могу повторять одну и ту же историю, одни и те же оправдания?

За стенами часовни бился и выл дикий ветер. Качались ставни на окнах, шипел древесный уголь в горячей жаровне. У этой ночи только неживые голоса. Мы плотнее кутались в плащи, как уличные попрошайки в солому. Должно быть, уже почти два часа ночи. Мы все устали, надо бы пойти спать, но у меня не было сил приказывать Мартам разойтись, придётся им самим решать.

— Но ведь наверняка мы можем как-то ей помочь. Наверняка, — голос Кухарки Марты был полон слёз.

— Я уже говорила тебе, Кухарка Марта, — устало сказала я, — её судьба теперь в её руках. Мы больше ничего не можем сделать.

— Ты говорила, декан приказал в течение недели передать церкви чудотворную облатку. Если мы предложим ее сейчас, может, они... — Она смотрела на меня, как умоляющий ребёнок.

В мерцании тусклых свечей позолота на ковчеге с реликвией поблекла, он почти исчез из вида. Я не стала отвечать Кухарке Марте, только покачала головой. Дело зашло гораздо дальше облатки Андреа. Она что, не поняла мои слова? Взятка не спасёт Османну, чудо не поможет. Лишь два коротких слова, но Османна их не произнесёт.

Хозяйка Марта протянула руки к гаснущим уголькам жаровни.

— Девочка всё поймёт и раскается, как только хорошенько поразмыслит. Если ты потвёрже поговоришь с ней, я уверена...

— Я уже говорила, — выкрикнула я.

Лицо Кухарки Марты сморщилось. Я знала, нельзя терять присутствие духа, но так измучилась, что не смогла сдержать гнев. Они винят в случившемся меня, но виноваты во всём собственное упрямство Османны и длинный язык Беатрис.

— Я очень долго говорила с Османной, — сказала я, смягчив тон. — Но она ожесточилась. А теперь у неё осталось только два дня.

— Но она же не собирается упорствовать до конца, — сказала Учительница Марта. — Может, если я поговорю с ней... то есть, я не имела в виду, Настоятельница Марта...

Я отлично понимала, что она имела в виду.

— Прошу, продолжай, Учительница Марта. Ты имеешь право сказать то, что думаешь.

Как и все остальные.

— Я только хотела сказать, что возможно, всё дело в её гордости. Ты же знаешь, как она упряма, когда сталкивается с чьим-то авторитетом. Возможно, если я или кто-то другой...

— Ты вполне можешь попытаться, Учительница Марта, ты или кто-то другой. Я не призываю отказаться от попыток ее образумить.

Учительница Марта облегчённо кивнула.

— Но тебе следует взять с собой кого-нибудь, — напомнила я. — В деревне враждебно к нам относятся. Вспомни, что случилось с немым ребёнком.

И к чему их предупреждать? Всё равно не слушают.

— Я пойду с тобой, — объявила Хозяйка Марта.

Учительница Марта сглотнула комок, наклонила голову.

— Я очень тебе благодарна за предложение, Хозяйка Марта, но ты не думаешь... то есть, мне кажется, если...

— Полагаю, Учительница Марта хочет сказать, — вставила я, — что таким, как мы с тобой, не хватает умения ласково упрашивать.

— Я прекрасно знаю, Настоятельница Марта, что думает Учительница о моём языке. Но если бы ей пришлось в жизни столкнуться с таким количеством дураков и мерзавцев, как мне, она быстро научилась бы держать свой наготове. Не забывай, Учительница Марта — голод острее, чем мой язык, и если я перестану им пользоваться, торгуясь за еду, ты это очень скоро почувствуешь. Если бы ты сама была потвёрже с этой девчонкой, не льстила бы ей, называя умной — может, до такой беды и не дошло бы.

— Довольно, довольно. Сейчас не время набрасываться друг на друга.

Господи, дай мне терпения. Я не вынесу сегодня ещё одной ссоры.

— Прошу прощения, — поморщилась Хозяйка Марта. — Ты права, грубая старуха вроде меня — не лучший выбор, чтобы уговаривать Османну. Я, пожалуй, потеряю терпение и надеру ей уши. Она не услышит от меня ни слова, но я всё же пойду, Учительница Марта — править телегой и присматривать за тобой. Я могу учуять запах беды ещё до того, как она случится.

Учительница Марта улыбнулась и на минуту заключила Хозяйку Марту в объятия.

— Я тоже пойду, — сказала Пастушка Марта. — По крайней мере, овцы никогда не жаловались на мой язык.

— Если это решено, вам всем надо немного поспать, — поспешно сказала я, увидев, что Кухарка Марта снова собралась открыть рот. — Оставьте свечи. Я немного помолюсь здесь одна.

Они устало побрели к двери. В часовню ворвался ветер, задул половину свечей, рассыпал брызги искр от догорающего угля. Дверь за Мартами с шумом захлопнулась.

Я знала, Османна не отречётся, что бы они ни говорили. Что-то случилось в церкви в день суда, она перешла границу страха. Еще недавно перед нами стояла испуганная маленькая девочка, пытающаяся сказать или сделать что-нибудь для своей защиты — как вдруг выражение её лица изменилось. Что вызвало эту мгновенную перемену? В неё как будто бес вселился. Я снова и снова вспоминала, как это случилось, но понять не могла.

Когда декан произнёс приговор: «Смерть через сожжение», даже деревенские казались ошеломлёнными. У Османны подогнулись колени, лицо побледнело, как пергамент. Она стояла дрожа, взгляд молил кого-то — или что-то — о спасении.

Декан медлил, выжидая, когда она как следует проникнется его словами и когда

затихнут вздохи в толпе. Роберт д'Акастер взглянул на Филиппа и кивнул. Казалось, эти двое заранее знали приговор и одобряли его. Потом декан снова заговорил, и толпа затаила дыхание.

— Агата, у тебя есть только одна возможность спастись от огня — полное и публичное признание в ереси, уход из бегинача и вступление в брак. Твоё отлучение будет отменено, ты открыто примешь святые Дары. Тогда ты сможешь прожить отпущенный тебе срок земной жизни как покорная жена и преданная дочь церкви.

Османна подняла голову. На юном лице отражались облегчение и жалкая благодарность — казалось, она обняла бы декана, если бы не связанные руки.

— Твой отец, Агата, проявил такую же щедрость и великодушие, как и отец блудного сына. Он предложил богатый дар церкви как епитимью за твои грехи и уже нашёл для тебя подходящего мужа, вдовца, который благородно и милостиво согласился тебя принять.

С лица Османны постепенно уходило испуганное выражение. Она увидела, что спасена — как утопающий, которому с берега бросили верёвку. Если бы тогда ограничились её ответом — всё обошлось бы. Она согласилась бы на всё, чего они требовали. Я видела, она согласна выйти за самого гнусного типа во всём христианском мире, если это спасёт её от огня. Но в этот момент с помоста неуклюже спустился пьяный д'Акастер. Он качнулся в сторону Османны и тяжело ухватился за её плечо, чтобы удержаться на ногах. Девушка прогнулась под его весом.

— Ничего не бойся, детка. Твой суженый, конечно, знал и лучшие времена. Годы затуманили его зрение, так что можешь радоваться — он не разглядит твоё уродство. А если у него ещё остался аппетит к грязным желаниям — он сумеет оседлать свою потаскушку-новобрачную и в темноте.

Толпа завизжала от смеха, Османна покраснела и опустила голову. Она оцепенела, потрясённая и испуганная словами отца, и казалось, если он тотчас же поведёт её к мужу — она пойдёт смиренно, как монахиня.

Но д'Акастер, ободрённый смехом толпы, рванул Османну, развернув спиной к себе. Оказавшись позади, ухватился руками за её талию, прижал к шее жирный рот. Ухватив в горсть волосы дочери, он принялся дёргать вверх-вниз, как мальчик, скачущий на игрушечной лошадке.

Османна на минуту замерла с расширенными от ужаса глазами. Потом её лицо превратилось в застывшую маску ненависти. Никогда прежде я не видела подобного выражения — ни на лице девушки, ни даже у мужчины, готового вонзить кинжал.

Те из деревенских, что сидели ближе, внезапно прекратили смеяться, как будто тоже поняли — что-то изменилось. Несмотря на связанные запястья, Османне удалось вывернуться. Она ударила отца локтем в живот с такой яростной силой, что д'Акастер ослабил хватку и попятился, задыхаясь и хватаясь за бок. Османна обернулась к декану.

— Я не выйду замуж и не приму причастие. Хотите взять мою жизнь — забирайте. Я скорее умру и буду вечно гореть в аду, чем позволю себе быть обязанной жизнью этому человеку, которого вы называете моим отцом.

Она произнесла эту речь с такой силой, что у всех присутствовавших перехватило дыхание.

Д'Акастер снова качнулся к дочери и влепил ей такую пощечину, что она растянулась на полу перед помостом. Толпа одобрительно взревела.

— Ну, тогда я отправлю тебя в ад, госпожа. Я всегда знал, что ты туда попадёшь, с той

минуты, как впервые увидел. Ты родилась под звездой демона, звездой Лилит, дьявольской королевы ночи, мерзкой ведьмы, загрязняющей наше вино и воду женской кровью, крадущей семя мужчин, пока те спят. И эта чёртова блудница, эта... эта потаскуха-демон, отметила тебя своим знаком. Я своей рукой пытался огнём избавиться от твоего проклятия. Я хотел сделать тебя чистой, как твои сёстры, но Бог ещё в колыбели увидел, что ты шлюха, и заклеил, предопределив твою судьбу.

Он поднял Османну на ноги, опять развернул лицом к толпе и рванул на груди платье, напоказ глазающей толпе. Обнажённая правая грудь была маленькая и прекрасная, но люди во все глаза смотрели не на неё, а на левую грудь, вернее, на то место, где она должна была быть. На её месте зияла впадина размером с кулак, прикрытая сморщенной кожей, красной, как открытая рана — знак святой Агаты. Все в церкви внезапно умолкли.

— Вот, вы это видите, видите? — вопил д'Акастер, толкая Османну в сторону толпы.

Однако он не получил ожидаемой реакции — люди, в ужасе смотревшие на грудь, смущённо и испуганно отводили глаза. Никто не двигался. Наконец, декан поднялся, словно разрушая чары, и взмахом руки приказал охранникам увести Османну.

— Оставьте её, пусть подумает. Мне случалось видеть и более упорных еретиков, приходивших в чувство, когда им давали время поразмыслить, какие муки их ждут при сожжении заживо. Разве сам святой Павел не говорил, что уж лучше жениться, чем возжигаться.

Отец Ульффрид услужливо захихикал, но больше никто к нему не присоединился. Все старались поскорее уйти из церкви и толпились, протискиваясь в дверь. Декан рявкнул на юного писца, приказывая следовать за ним, и сошёл с помоста. Поравнявшись со мной, он остановился, склонившись так, что едва не шаркнул губами по моему уху.

— Не надейся, что для тебя всё закончилось, госпожа. Может, отец Ульффрид и дурак, которого легко сбить с толку, но я — нет. Мне понятно, что здесь ещё далеко не всё раскрыто.

Он отстранился от меня и обратился к отцу Ульффриду, громко, чтобы услышали все оставшиеся в церкви.

— Бегинки — пагубные плевелы, посеянные дьяволом, дабы сломать отношения людей и Бога. Это женщины нарушили порядок в саду Эдема — Лилит, отказавшаяся подчиниться мужу, и Ева, совратившая Адама запретными знаниями. Теперь они одержимы уничтожением самого священства, а вместе с ним и святой церкви, и всего христианского мира. Они утащат вас за собой в ад, если смогут. Предупреждаю, не дайте им укорениться здесь, дабы всё, что вам дорого, не было уничтожено и ввергнуто в хаос.

Он в последний раз пристально посмотрел на меня и зашагал прочь из церкви, локтями расталкивая толпу у двери.

Ставни на окнах часовни громко хлопали на ветру. Я думала о том, как холодно сейчас в тюрьме, где сидит Османна, пыталась представить, о чём она думает, какой ужас заполняет её мысли. Но когда я уходила — она не плакала, не умоляла. Просто стояла, опустив руки, и смотрела, как за мной закрылась дверь.

Это не похоже на спокойное смирение — она скорее казалась застывшей, неспособной говорить, слышать или чувствовать. Пустой, обращённый внутрь взгляд, как будто она чем-то полностью поглощена. Я сказала Мартам, что поговорила с ней, но так ли это на самом деле? Что я могла ей сказать? Я должна была советовать отказаться от жизни в бегинаже и выйти замуж, но одного взгляда на неё хватило, чтобы понять — все уговоры бесполезны. А

что касается таинства, то я и раньше уговаривала Османну принять его, все без толку. Неужели сейчас мои слова приобретут больший вес? А если она согласится на таинство только ради спасения своей жизни? Если все это окажется принципами, за которые не стоит умирать, убеждениями недостаточно стойкими, чтобы пронести их через костер, могу ли я уговаривать ее, зная, что буду ее же и презирать за податливость? Хуже того, если эти убеждения и правда так легко рухнут, тогда я подвергла опасности весь бегинаж лишь из-за баловства девчонки. Я не смогу, не захочу с этим жить.

Тогда, если я не могу убедить ее передумать, мне следует укрепить ее решимость. Мне нужно ее утешить. Сказать, что недолгая боль костра спасет ее от агонии вечного пламени, что как мученица, она вознесется сразу в рай, но я не могла. Не могла даже убедить саму себя, что рай еще где-то существует. Что, если, в конце концов, за могильной чертой нет никого и ничего? Если мои молитвы остаются безответными потому, что некому на них отвечать? Что, если всё не имеет никакого смысла, если гостия и вино, молитвы и мессы и всё остальное — всего лишь туман, который уносит прочь ветер?

В голове ещё звучал рёв и смех толпы. Я снова и снова чувствовала, как его рука хватается мои волосы, голову, дергает туда-сюда, чувствовала жар его паха между своих ягодич, тяжёлые руки на моих рёбрах, всё сильнее, ближе тянущие меня к его едкому, обжигающему дыханию. Он прижимал меня к себе так, что я почти не могла дышать. Я не могла понять причины холодного пота и страха. Не могла дать имени удушающему ужасу, поднимающемуся внутри, пока внезапно меня не обжёт запах дикого лука, смешавшийся с вонью его пота. И тогда я поняла. Теперь я знала, и мне от этого не избавиться. Той ночью меня насиловал не демон. Это был он. Мой отец.

Я опять оказалась в его лесу, и ничто не могло меня спасти. От меня несло его вонью, которую невозможно смыть. Я вылила на себя то малое количество воды, что дали для питья. Я до ссадин скребла кожу грубой соломой из своей клетки, но от меня всё воняло им, я чувствовала на себе влажные лапы, вцепившиеся крепче волчьих зубов. Удушающий запах дикого лука заполнял камеру. Несмотря на ветер, воющий в открытом зарешёченном окне, мне не хватало воздуха, я не могла дышать.

Мой отец твердил, что прелюбодеяние — худший из грехов, и сам был прелюбодеем. Той ночью, прижимая меня к земле среди дикого лука и колючей ежевики, он точно знал, кого насилует. Он знал это следующим утром, когда увидел на мне свои отметины. Он знал, когда бил меня и называл шлюхой. Он заставил меня чувствовать себя грязной. Он сделал меня грязной, беременной его чудовищным ребёнком. И не чувствовал ничего, никакой вины, ни тогда, ни потом. Весь позор достался мне, он никогда его не ощутит.

Я скребла губы, пока они не начали кровоточить, но кровь не могла смыть сотню детских поцелуев, когда меня заставляли прикасаться к его губам. Я ненавидела его уже тогда и считала, что заслуживаю за это ада. Злобный ребёнок. Испорченный ребёнок. Дитя сатаны. Чти отца твоего... Почитай твоего пастыря. Чти Отца твоего Небесного. Повинуйся им. Люби их. А каков долг отца перед ребёнком? Избивать и наказывать, гнуть и ломать по своей воле и называть это любовью. А сломленного считать послушным, искупившим грех кровью. Этого хочет от нас Отец — раболепия, лести, преданности побитой собаки, слёз испуганного ребёнка в ночи? Его радует наш страх?

Январь. Канун дня святой Агнес

Ночь гаданий на любовь. А ещё в эту ночь воют псы преисподней, предсказывая неминуемую смерть или несчастья.

— Что, чёрт возьми, ты делаешь, женщина? — Пега вцепилась в моё запястье и оттащила от банок.

Я почти закончила. Почти все банки и флаконы в лечебнице были ободраны и ждали, когда я подпишу их своей рукой. Оставалось только две. Я попыталась освободиться от её хватки, но Пега держала слишком сильно. Она причиняла мне боль.

Кухарка Марта смотрела на обрывки пергамента на полу.

— Все этикетки Целительницы Марты сорваны. Вырваны все записи из её книг. Зачем, Беатрис, зачем?

Я не слышала, как они подошли. Я была слишком занята. Кухарка Марта казалась удивлённой, хотя я не понимала причины.

— Я должна написать новые, — терпеливо объяснила я.

Кухарка Марта такая бестолковая. Ей нужно объяснять даже самые очевидные вещи. Закусив губу, она бросила взгляд на Пегу. Потом успокаивающе погладила мою руку — словно я нуждалась в утешении.

— Но, дорогая, ведь теперь мы не знаем, где какое лекарство или микстура.

Я пнула ногой обрывки.

— Это писала Целительница Марта. И это, и это тоже. Я не могла всё так оставить. Я должна привести лечебницу в порядок. Османна не вернется. Я теперь Марта, я должна подписать всё сама, иначе никто не поймёт, что это моё.

— Если ты так управляешься с лечебницей — помоги нам Боже, — возмутилась Пега. Почему ты не делала этого с одной банкой за раз? Как теперь узнать, где что?

Я смотрела на неё. Пега ничего не поняла. Нужно избавиться от старого и начать всё заново. Как можно писать свои этикетки, если видишь старые? Они же тогда будут не мои, просто копии её записей.

Во дворе загрохотала повозка, послышались крики полудюжины встревоженных голосов. Пега оказалась у двери быстрее меня. Из повозки помогли выйти Учительнице Марте — она склонила голову на плечо Пастушки Марты, глаза полузакрыты. Обе были заляпаны грязью и отбросами. Пега подхватила Учительницу Марту и понесла в лечебницу. Пастушка Марта и ещё несколько женщин двинулись за ней. Хозяйка Марта так и осталась сидеть наверху повозки, нахохлившись, как ворона, и не отпуская вожжи. Похоже, она не заметила, что повозка остановилась. Она тоже была вся в грязи, словно ее забрасывали мусором. В складках плаща застряла гнилая капустная кочерыжка.

Не надо было им ездить в деревню, рискуя жизнями ради этой шлюшки Османны. Толпе следовало забрасывать только её, и камнями, а не капустой. На лбу у Хозяйки Марты виднелся неглубокий кровоточающий порез. Я тронула её руку — холодная, как смерть.

— Ты ранена, Хозяйка Марта. Позволь, я тебе помогу.

Хозяйка Марта испуганно взглянула на меня, оттолкнула руку.

— Сперва я должна поговорить с Настоятельницей Мартой. Где она?

— Но у тебя лоб в крови. Сначала позволь тебя осмотреть. Если не перевязать — может загноиться. Это моя обязанность.

Она коснулась рукой лба, удивлённо посмотрела на вымазанные кровью пальцы.

— Ничего страшного. Не суетись, Беатрис, — Хозяйка Марта отодвинула меня в

сторону и слезла с повозки. — Где Настоятельница Марта?

— В часовне, думаю. — В последние дни она, кажется, больше нигде и не бывает. — Но ты должна позволить мне помочь...

Она не ответила, только отряхнула плащ и зашагала к часовне.

В лечебнице бегинки столпились вокруг Учительницы Марты.

— Меня схватил один из деревенских, — она приложила руку к груди.

Пега присела у очага, сунула раскалённую докрасна кочергу в кубок с элем, из которого с громким шипением вырвался пар.

— Вот, выпей, пока горячее. Так он причинил тебе боль?

Учительница Марта покачала головой.

— Но он... он сказал... — слова утонули в рыдании, — сказал...

— Что сказал? Выкладывай.

На вопрос тихо ответила Пастушка Марта. В углу, у её ног, сидел Леон, положив голову ей на колени и глядя грустными глазами, как будто понимал — что-то не так.

— Он обвинил нас в противоестественных действиях, — спокойно сказала Пастушка Марта. — Ну, понимаете, безнравственная связь между женщинами, только он сказал другими словами.

Пега громко фыркнула.

— Уж, наверное, другими. Да, в таком меня впервые обвиняют. Проститутка да шлюха — дело обычное, а это что-то новое. Осмелюсь предположить, они считают Настоятельница Марту хозяйкой борделя, удивительно, что не выстроились в очередь к воротам. Такие уж у мужчин странные причуды. Пега хлопнула Учительницу Марту по спине, отчего та поперхнулось вином.

— Да ладно, парочка прозвищ, блудливая рука и несколько тухлых яиц. Я считала, что легко отделалась, когда мне попадало и побольше. Но ближе к делу — вы видели девчонку?

Учительница Марта покачала головой.

— Ты не понимаешь. Они перекрыли дорогу, не давали нам проехать. Мы пытались... А они кричали и глумились — целая толпа с камнями и палками. Отец Ульффрид стоял и смотрел. Ничего не делал. Если бы Хозяйка Марта не ударила того человека кнутом и не втащила меня обратно в повозку...

Она снова разрыдалась. Я обняла её.

Пега мрачно кивнула.

— Мастера Совы подстрекают деревенских, а все мы знаем, кто их хозяин. У Османны больше силы духа, чем я ожидала — сопротивляться этому жирному старому ублюдку.

— Даже слишком много, — сказала я. — Только посмотри, сколько проблем у нас из-за неё. Всё случившееся — вина этой глупой девчонки.

Минуту Пега молча глядела на меня, потом ответила.

— Может и так, но всё же, думаю, я недооценила эту девочку. Я бы воспротивилась д'Акастерам из чистого озорства, как делала уже не раз, но мне никогда не грозил за это костёр. Это не просто упрямство, тут нужны храбрость дикой кошки и вера больше, чем у святого Петра

— Почему ты её защищаешь? — закричала я. — Она же убийца... убила собственного ребёнка. Я знаю, вы все вините меня в том, что с ней случилось. Слышала, как вы шепчетесь за моей спиной. Думали, я не знаю, о чём вы говорите? А я знаю. И вы все ошибаетесь. Вы не смеете меня обвинять, она сама виновата во всём. Надеюсь, её сожгут, она это заслужила.

За то, что она сделала — гореть ей в аду!

Никто не смотрел на меня. Все знали, что я права.

Дверь резко распахнулась, в лечебницу ворвалась Кэтрин. Лицо у неё было дикое и испуганное, как будто встретила ходячего мертвеца.

— В чём дело, детка? — нахмурилась Пега.

Но Кэтрин только стояла, задыхаясь, издавая невнятные мяукающие звуки.

— Ну давай, выкладывай, — Пега положила руку ей на плечо.

— Волы... на которых мы пахали. Мы с Молочницей Мартой пошли загнать их с пастбища на ночь, а они... ох, они мёртвые!

— Чума! — Пастушка Марта вскочила на ноги. — Господи, помилуй.

— Не чёрная гибель, — Кэтрин начала вслипывать. — Кто-то на них напал... огромные раны... и всё в крови... Оно вырвало им глаза... Оулмэн... это Оулмэн.

Настоятельница Марта

Опускаясь на колени у алтаря, я услышала, как открылась и закрылась дверь часовни за моей спиной, но не стала оборачиваться. Я надеялась, кто бы это ни был, он пришёл молиться, а меня наконец оставят в покое. Я больше не вынесу сочувствующих взглядов женщин, одних и тех же, повторяющихся снова и снова вопросов.

— Можем ли мы что-нибудь сделать для Османн, Настоятельница Марта? Можно чем-то помочь?

В часовне стояла тишина, только наверху, в балках, свистел ветер. Не знаю, сколько времени я стояла на коленях, но ноги онемели и боль наконец заставила меня подняться. Обернувшись, я с удивлением увидела сидящую на скамье Хозяйку Марту, голову она прислонила к стене, глаза закрыты. Я никогда раньше не видела, чтобы Хозяйка Марта сидела и ждала. Хотя она и никогда не заговаривала со мной и не прерывала молитвы, но обычно становилась позади, ёрзая и покашливая, чтобы привлечь внимание. Я увидела кровь у неё на лбу. Встревоженная, я поспешила к ней.

— Хозяйка Марта, ты нездорова?

Она открыла глаза.

— Я не хотела тебя беспокоить, Настоятельница Марта.

— Ты ранена. У тебя голова не кружится?

— Ничего страшного, — отмахнулась она.

— Это деревенские?

Этого я и боялась. Разве я не предупреждала Март об опасности? Однако моя правота не радовала.

— Они ужасно злы, Настоятельница Марта, как ты и говорила. Дело Османн распалило их кровожадность. А проклятый священник их подстрекает. — Хозяйка Марта приложила руку к порезу на лбу. — Что-то затевается. Я видела такое раньше. Казнь иногда действует на толпу не как предупреждение, а будоражит и злит. Она разъяряется, ищет новых жертв. Уверена — если Османну сожгут, это будет только начало. Они зажгут факелы от её костра и попытаются запалить новый, здесь. — Она взглянула на раскрашенную шкатулку, где хранилась чудотворная облатка. — Я никогда не думала, что скажу такое, Настоятельница Марта... но нам следует закрыть бегинаж и вернуться в Брюгге немедленно. Надо начинать собираться завтра же, с первыми лучами солнца.

Я изумлённо смотрела на неё, не в силах поверить.

— Бежать? Ты это предлагаешь, Хозяйка Марта? Я могла бы ожидать подобного совета от Кухарки Марты, но никогда не думала услышать такое от тебя. Мне казалось, ты сильнее.

Хозяйка Марта вскочила со скамьи.

— Я встала бы против сотни, даже вооружённой до зубов пиками и кольями, — возмутилась она, — и если бы мне отрубили ноги, не перестала бы драться. Ты хорошо знаешь, что я не труслива. В жизни мне довелось столкнуться со множеством опасностей, и я никогда от них не бежала.

— Я знаю, Хозяйка Марта. Потому и не могу поверить, что именно ты предлагаешь удрать обратно в Брюгге, признать, что мы не справились, сдались при первых признаках опасности.

Хозяйка Марта устало опустилась на скамью.

— Противостояние между нами и деревенскими началось с того дня, когда ты взяла к нам Ральфа. — Она предупреждающе протянула руку, чтобы я не перебивала. — Нет, я не хочу сказать, что этого не надо было делать, только говорю, что опасность возникла уже не в первый раз.

— Именно так, — сказала я, — и мы с ней тогда справились. — И ничто не мешает нам собраться с силами и сделать это снова.

— Но на этот раз всё серьёзно. Я могу прочесть настроение толпы, как ты читаешь книги. Она намерены нас уничтожить, и Мастера Совы их подстрекают. Мы с тобой готовы драться до последнего, но что насчёт остальных женщин? А как же дети? Если толпа взбесится — забудет и рассудок и приличия, не пощадит никого. Как Марты, мы отвечаем за других бегинок и обязаны о них заботиться. Здесь мы не сможем их защитить.

— Значит, ты предлагаешь искать убежища в Брюгге, — я не могла сдержать гнев. — Хочешь, чтобы мы бежали и прятались, как кучка испуганных монашек. Мы с тобой, Хозяйка Марта, стали бегинками, чтобы работать в миру и сражаться против его несправедливостей — не важно, совершает ли их церковь, король или озверевшая толпа. Какой пример мы подадим бегинкам, если сбежим во Фландрию?

В глазах Хозяйки Марты вспыхнула ярость.

— Значит, ты решила, что мы должны из принципа оставаться здесь, так, Настоятельница Марта? Пусть этот бегинаж сгорит вместе с нами, лишь бы доказать нашу веру? А ты уверена, что нас удерживает здесь вера в Господа, а не твоё упрямство и гордость? Подумай об этом, Настоятельница Марта, только побыстрее. Казнь назначена на послезавтра, если только д'Акастер не вмешается. А судя по слухам — скорее бык даст молоко, чем он станет её спасать.

Она встала, повернула к двери и как в последний раз оглядела часовню.

— Ты хорошо умеешь говорить, Настоятельница Марта. Ты наверняка думаешь, что способна своими речами остановить даже разъярённую толпу. Может, и так. Но есть кое-что ещё, Настоятельница Марта — Оулмэн. Если демон на их стороне — над тварью из ада не властны разум и логика. Хочешь доказательств — взгляни на Целительницу Марту. Посмотри хорошенько и спроси себя, в самом ли деле ты хочешь так рисковать.

Январь. День святой Агнес

Тринадцатилетняя римская мученица, которая отказалась от брака и была помещена в сумасшедший дом, а потом приговорена к сожжению. Когда огонь не загорелся, её убили мечом. Агнес считается несчастливым именем — девочка, названная им, может сойти с ума.

Они принесли мне подарки — тонкую белую рубаху и высокую коническую шляпу, острую, как рог единорога. Все трое набились в мою крошечную камеру, заперев дверь, — отец Ульффрид, кузен Филипп и криворотый юнец, паж Филлипа — заполнили ее, закрыв дневной свет. Я прижималась к шершавой стене, дрожа от страха, боясь того, что они сделают под покровом мрака, который пришёл вместе с ними.

Филипп изобразил шутовской поклон.

— Сделай мне одолжение, госпожа, сними всю свою одежду, потом надень эту. — Он поднял белую рубаху, но когда я потянулась за ней, отдёргнул. — Не стоит так спешить. Сперва ты должна раздеться.

Он сделал шаг вперёд, хитро глядя на меня, как будто ждал, что я откажусь, и тогда он сделает это сам. Они ждали. Мне хотелось отвернуться, но тогда я стала бы ещё более незащищенной. Глядя прямо на них, я постаралась сбросить одежду, не давая им прикоснуться ко мне.

Отец Ульффрид хотя бы опустил взгляд. Филипп усмехался, щёлкая пальцами, мальчишка вытаращился на меня, выпучив глаза, и залился краской до самых корней соломенных волос. Я стояла голая, прижавшись спиной к холодным колючим камням стены, и пыталась прикрыться зажатым в руках платьем. Филипп выхватил одежду у меня из рук. Я обхватила себя руками, закрыв ладонью страшный шрам.

— Скромность? — отец Ульффрид презрительно смотрел на меня. — Там, куда ты идёшь, нет одежды. Ты никогда не обращала внимания на картины на стенах церкви? Они для того и предназначены, чтобы учить глупых девчонок вроде тебя. Еретики, связанные вместе, вечно горят в адском пламени, голые и босые, мучимые всеми демонами ада.

Он взял из рук Филиппа рубаху и протянул мне. Я поспешно натянула её через голову, чувствуя, как их взгляды ощупывают моё тело.

— Она останется с голым задом задолго до того, как за ней придёт дьявол, — Филипп смеясь склонился надо мной, прижал к стене. Я чувствовала запах сладкого вина от его дыхания. Он намотал на руку прядь моих волос.

— Как только тебя коснётся пламя, эта хорошенькая рубашка сразу вспыхнет и сгорит, а вместе с ней все волосы на твоём теле. Ты будешь в костре связанной и голой, как ошпаренная свинья. И вся деревня увидит твою отметину, прежде чем твоя плоть перетопится в сало.

Мальчишка захихикал.

— Может, поставим под неё горшок для жира, собирать капли. Положим в сало камыши и будем жечь её всю зиму.

— Всю зиму? — Филипп отстранился от меня. — Не много же тебе надо света, мальчик. Жира в ней едва хватит на пеннивейт [\[22\]](#) камыша.

Пол закачался под ногами. Лицо горело, хотя я страшно замёрзла. К горлу подступила волна желчи. Дрожа, я скрючилась у стены, меня вырвало на вонючую солому.

— Моя милая кузина замёрзла? Ничего, завтра ты как следует согреешься. — Он несильно шлёпнул пажа по голове. — Давай живее, мальчишка. У «Старого дуба» меня уже жаждалась бутылка вина.

Только теперь я увидела в руках у пажа овечьи ножницы.

Я попыталась подняться, но Филипп сжал мне руки. Мальчишка наклонился и сгрёб в горсть мои волосы. Ножницы лязгнули, он бросил на грязную солому клубок отрезанных волос, потом ещё и ещё, пока все мои волосы не остались лежать на вымазанной рвотой соломе. Я и не знала, что у меня столько волос, пока не увидела их разбросанными перед собой. Кожу саднило, я ощущала холод, как будто на голову положили лёд. Филипп отпустил меня, и я упала на солому. Всё это словно происходило с кем-то другим, а я смотрела со стороны, откуда-то сверху. Может, меня здесь и нет, может, я призрак, и никто меня не видит.

Отец Ульффрид сунул мне высокую шляпу.

— Смотри. — Он встряхнул меня. — Посмотри на это, девчонка.

Я попыталась собраться и прочла имя, красными буквами написанное на шляпе — Лилит [\[23\]](#).

— Это имя принадлежит тебе по праву — как сказал твой отец, ты родилась под дьявольской звездой. Тебе не дозволяется умереть с именем святой. Тебе нужно имя демона, чтобы отправиться прямо в ад.

Он поставил шляпу напротив меня, повернул имя ко мне, словно знак осуждения. Дверь распахнулась и захлопнулась снова, в замке лязгнул ключ. Я опять осталась одна. Я так и сидела там, где они меня бросили, холодная, как утопленник. Кожу на голове щипало, но мне не хотелось до нее дотрагиваться. Да я бы и не смогла поднять руку, если бы хотела. Тело больше мне не подчинялось. Я смотрела на длинные каштановые завитки, валяющиеся на соломе. Еретички, шлюхи, монахини — все одинаково острижены. Почему мужчины так боятся наших волос?

Сырой камень давил мне в спину, но я не чувствовала боли. Я плыла где-то далеко, вне её пределов. Я понимала — они сказали, что сделают это завтра, но нет, так не может быть. Не будет. Всё это — просто страшный сон. Скоро я проснусь.

Настоятельница Марта

В лечебнице стояла тишина. Ставни закрыли из-за холода, несколько свечей слабо освещали сумрак. Большинство пациентов, те, у кого были семьи, покинуло лечебницу. Возможно, Хозяйка Марта права — деревенские знали, что Мастера Совы собираются напасть на бегинаж, и потому спасали свою родню, пока ещё не поздно.

Беатрис тоже ушла. Мы узнали об этом, когда увидели, что дверь голубятни открыта настежь, а голуби кружатся над крышей. Сначала я испугалась, что она там, внутри, и что-то сделала с собой, но в голубятне остались только свечи. Должно быть, она собирала все восковые свечи в бегинаже и зажигала их. Удивительно, что огонь не перекинулся на солому. Пега и остальные искали Беатрис, но ни в полях, ни в амбарах её не было. Я знала, что мы её не найдём. Наверное, на ней тяжёлым грузом лежала вина перед Османной, она решила, что бегинки винят её в случившемся, потому и сбежала. Я должна молиться за неё. Я подвела Беатрис, как и остальных, но как мне молиться за неё, если я не могу молиться даже за саму себя?

Меня коснулась слабая рука. На меня смотрела лежащая в постели Целительница Марта, я видела, как отражаются угольки огня в её единственном открытом глазу.

— Я так устала, Целительница Марта, так устала. Завтра сожгут Османну, и я должна думать только о ней, а сделать ничего не могу.

Целительница Марта мягко сжала мою руку, словно призывая продолжать.

— Хозяйка Марта считает, что нам надо вернуться в Брюгге. Остальные женщины уже собрались и готовы ехать, они ждут только моей команды, а я не могу ее отдать. Я подвела столько людей — тебя, Османну, несчастную малышку Гудрун. Я не могу ещё раз ошибиться. Я ведь решаю за весь бегинаж, и не только за тех бегин, что сейчас здесь, но за всех женщин, которые годами, даже столетиями присоединялись к нам. Впервые в жизни я не знаю, что делать. Если бы против нас ополчилась толпа северян-язычников — наш долг был бы ясен. Но если нас собираются уничтожить сама святая церковь — в чём наша опора? *Pater misericordiam*, почему же Бог мне не отвечает?

— Гар.

Опять. Только не это. Почему она произносит только эти бессмысленные звуки, просто насмешка, а не слово.

— Чего ты хочешь, Целительница Марта? Может, воды?

— Са... гар.

— Да, я слышу. Тебе холодно? Разжечь огонь?

И что я делаю в лечебнице? Мой долг — быть в часовне, молиться. Но все молитвы ушли, исчезли в пустоте. Я даже не уверена, что Целительница Марта меня слышит. Однако этот её единственный звук, пусть и бессмысленный, всё же лучше полного молчания.

— Sau... garde.

Я изумлённо смотрела на неё.

— Что? Что ты сказала?

— Sauve... garde.

На этот раз ошибки быть не могло. «Sauvegarde» — надпись над воротами нашего «Виноградника», бегинажа в Брюгге.

— Так вот что ты пыталась сказать все эти недели? Нет, Целительница Марта, нет! Ты

не должна просить меня вернуться в Брюгге. Тогда с таким же успехом мы могли бы стать монахинями, прячущимися от мира. Но мы не стремимся к безопасности. Думаю, ты лучше всех это понимаешь.

Она поморщилась, и я пожалела о сказанном. Разве мало боли я ей причинила?

— Прости, Целительница Марта. Я эгоистка. Ты немолода и нездорова, и правильно, что ты хочешь вернуться и провести последние дни в «Винограднике», где о тебе как следует позаботятся. Я должна была внимательнее слушать, догадаться, что ты просишь о возвращении домой.

Она шлёпнула меня по руке. На удивление резко. Я потёрла кожу — скорее признавая упрек, чем от боли.

— Sauvegarde! — она шлёпнула по моему виску, потом по-своему.

— Мне кажется, она спрашивает тебя о том, что значит «Sauvegarde», Настоятельница Марта, — раздался позади меня голос Хозяйки Марты. Я подпрыгнула от неожиданности.

— Мы все знаем, что это значит, Хозяйка Марта, — резко сказала я. — Убежище, место защиты.

— Но защиты от чего? — тихо спросила Хозяйка Марта. — Думаю, ты не понимаешь ее слова. — Хозяйка Марта села на край кровати. — Скажи, зачем ты стала бегинкой?

— Чтобы служить Богу.

— Так почему бы не послужить Богу как монахиня, или отшельница, или жена? Что ты нашла в бегинаже?

— Свободу. Где бы я была...

— Вот именно, Настоятельница Марта, в бегинаже у тебя есть свобода быть собой, делать то, что ты считаешь правильным. Мысли. Вот что пыталась тебе сказать Целительница Марта. Что мы защищаем не только свободу тела, но и свободу мысли. Тебе известно, что я не одобряла Османну. Временами мне хотелось просто выдрать её ремнём. Но в тот день на совете Март ты сказала: «Османна хочет найти свою истину». Ты дала ей свободу. Нам с тобой может не нравиться эта истина, но она вправе пытаться ее найти. И если бегинаж — подлинное убежище, мы должны быть свободны в выборе пути. Вот чему ты научила меня в тот день на совете, Настоятельница Марта, и мне потребовалось время, чтобы это принять. Ты меня знаешь, я упрямая старая коза. Но даже старая коза может измениться. — Хозяйка Марта встала с кровати и, прежде чем уйти, легко коснулась моего плеча.

Целительница Марта снова сжала мою руку. На мгновение мне показалось, что она улыбается, но потом внезапно её лицо исказила боль, она бросила мою руку, закашлялась и захрипела, задыхаясь, схватилась за грудь, потом попыталась дотянуться до чашки с настоящим на травах вином. Я поднесла питьё к её губам, она сделала глоток и обессиленно откинулась назад. На открытую ладонь упали несколько капель красного вина. Целительница Марта недоуменно посмотрела на них, медленно сжала кулак, и сквозь её пальцы вино просочилось в мою руку. В тусклом свете догорающего очага я увидела, как она закрыла глаза. Я ощутила, как расслабленно упала её здоровая рука. Камышовая свеча оплыла, и огонёк погас, оставив только запах дыма.

— Если сейчас же не прекратите свару, я скажу вашему отцу, и тогда ни один из вас не пойдёт завтра смотреть сожжение. Я по доброте сердечной стараюсь помочь вашему бедному дорогому папе, а вы оба только и делаете, что донимаете меня так, что уже голова раскалывается, — Летиция плеснула водой из ковша на собаку, попытавшуюся проскользнуть в дом вслед за ней. Псина зарычала, но ушла.

— Смотри, что ты наделала, — зашипел мне на ухо Уильям. Это всё из-за тебя, мелкая свинячья какашка.

— Крутитесь под ногами весь день, — продолжала ворчать Летиция. — Давайте, делайте хоть что-нибудь — принесите воды. И не из колодца, он ещё проклят, таким и останется, пока нечестивая девчонка не превратится в пепел. Идите к реке, притащите воды оттуда. И чтоб выбирали место почище, не то принесёте мне ведро грязи. А теперь живо пошли, иначе велю отцу отстегать обоих.

Она повесила на плечо Уильяму пару кожаных вёдер, связанных верёвкой, и выставила нас из дома.

Уильям оттолкнул меня и быстро пошёл по дорожке, стараясь оставить меня позади. Пришлось бегом его, догонять. Он злится, когда я хожу за ним, потому я это и делаю. Но уж лучше бы мне ходить самой — за ним угнаться трудно. Хотя чувствую я себя получше, только ноги ещё слабые.

Я почти не помню, как болела. В голове всё смешалось — потоп, болезнь, Оулмэн. Иногда я сама не знаю, что правда, а что просто страшный сон.

Не знаю, сколько я пробыла в доме женщин, но помню, как очнулась в комнате размером больше, чем сразу два дома, там стояло много-много кроватей, а в них стонущие люди. Мне было страшно. Я ела то, что давали серые женщины, их еда заколдована, и теперь я зачахну и умру. Я прямо чувствовала, как меня клюют птицы, так предрекала Летиция. Мне было так страшно, и я всё кричала и кричала, но Летиция пришла и спасла меня — она говорит, что чуть не опоздала.

Я думала, дома меня будет ждать Ма. А её не было. Отец сказал, она больше не вернётся. Я не поверила и плакала по ней, пока отец меня не отшлёпал. Я и сейчас по ней плачу, только по ночам, закрываю рот одеялом, чтобы он не слышал.

— Кончай таскаться за мной, — Уильям нарочно столкнул меня в кусты. — Думаешь, мне хочется, чтобы все видели, как я хожу с девчонкой? И не надейся пойти со мной завтра, не выйдет. Я вообще не знаю, зачем ты собралась туда идти. Обделаешься и будешь звать маму... И орать начнёшь ещё до того, как огонь её коснётся.

— Вот и нет!

— Да точно. Ты ведь даже не знаешь, как это происходит, да?

— Можно подумать, ты знаешь.

Ноги дрожали, но отставать я не собиралась.

— Знаю, Генри рассказывал, — Уильям казался очень довольным. — Он видел целую кучу сожжений в Норвиче. Рассказать тебе?

Я знала, что он хочет меня напугать, и не хотела слушать. Но если я откажусь, он всё равно заставит. Я пожала плечами, стараясь сделать вид, будто мне всё равно.

— Сначала сгорает вся одежда, и всем видны сиськи и всё остальное. Кожа начинает

покрываться пузырями и лопаться, а потом плавится и стекает к ногам. Вонь ужасная, от одного ветерка тебя стошнит, как собаку. А она всё кричит и кричит, и от этого крика тебе больше никогда не избавиться.

Я вздрогнула, зажала рукой рот. Мне уже стало плохо.

Уильям смотрел на меня и ухмылялся.

— Видишь, Лужа, я же говорил, ты забоишься.

Я забежала немного вперёд, чтобы он не видел моё лицо.

— Я не боюсь. И на Грин пойду загодя, чтобы стоять впереди.

— Да неужели, — он схватил меня за косички. Я вывернулась, попыталась пнуть его, но руки у Уильяма слишком длинные, мне не дотянуться. Я изо всех сил укусила его за руку, он зашипел, как придушенный гусь, и отпустил меня.

— Ну погоди, я тебя ещё поймаю, мелкая дрянь!

Я поскорее побежала вперёд по дорожке, мимо двора дубильщика и дальше, в сторону Грина. Уильям погнался за мной, но ему мешали вёдра. Ноги у меня сводила судорога, в боку колело. Я завернула за угол, бежала так быстро, что не заметила стоящего в тени Мастера Совы — пока он меня не схватил. Он зажал мне рот рукой в кожаной перчатке, и прежде чем я поняла, что случилось, натянул вонючий мешок на голову и руки. Мастер Совы перекинул меня через плечо, больно ударив, и быстро пошёл вперёд. Я пинала его и вырывалась, но он не отпускал. Потом я услышала, как заскрипела открывающаяся дверь, он остановился, сбросил меня на усыпанный камышами пол. Я сжалась, боясь пошевелиться.

— Вот эта паршивка, отче.

— Тебе обязательно надо было так её тащить? Она напугана до полусмерти.

Мастер Совы невесело рассмеялся.

— Разве церковь не учит, что страх — начало премудрости? Главное, отче, проследи, чтобы она всё сделала как надо. А не то придётся мне малость поговорить с деканом насчёт одного хорошенького парнишки, твоего приятеля.

Я услышала шуршание камышей, Отец Ульффрид взвизгнул, будто его ударили.

— Смотри не ошибись, отче. Аод решил так или иначе покончить с этой чужестранкой сегодня ночью, с ней и со всем её домом ведьм. Доставишь её к нему или будешь сам молить о смерти, ещё до рассвета.

Дверь гулко хлопнула.

Я съёжилась, чувствуя, как развязывают мешок на моей голове.

Отец Ульффрид склонился ко мне, поднял на ноги. Мы стояли в церкви.

— Ты не ушиблась, детка?

Я покачала головой, сердце стучало где-то в горле. Мастера Совы уже не было. Я попыталась потихоньку улизнуть к двери, но отец Ульффрид схватил меня за руку.

— Тебе нечего бояться, дитя, — отец Ульффрид присел рядом со мной, его лицо оказалось на одном уровне с моим. Он истекал потом, хотя в церкви стояла стужа. — Слушай внимательно, дитя. Ты кое-что должна для меня сделать. Это очень важно. Ты знаешь чужестранок, живущих за деревней?

Я покачала головой.

Отец Ульффрид нетерпеливо нахмурился.

— Ты знаешь. Тебя туда отвели, когда ты болела, помнишь? Женщины в сером.

— Но я никогда с ними не говорила.

— А теперь мне нужно, чтобы ты именно поговорила. Ступай туда и попроси

привратницу, чтобы тебе дали поговорить с их главной. Они ее называют Настоятельница Марта. Можешь это запомнить?

— Ма говорит, мне нельзя к ним приближаться, потому что они хватают маленьких девочек и продают их в рабство за море.

— Но ты уже была у них в доме, и они ведь тебя не продали, правда?

— Только потому, что пришла Летиция и спасла меня, прежде чем они успели.

— Довольно этого вздора, — отец Ульффрид встал с колен и теперь возвышался надо мной. Я подалась назад, он он держал меня за плечи. Его руки сдавливали мне кожу.

— Раньше уже видели, как ты с ними разговаривала, еще до твоей болезни. Ты брала у них еду. А ты ведь знаешь, что случается с маленькими девочками, которые врут? — Священник развернул меня и указал на стену, где черти с птичьими головами толкали кричащих грешников в адское пламя. — А теперь, дитя, тебе пора идти в дом женщин и спросить Настоятельница Марту. Когда она выйдет, передай ей вот это.

Он что-то вытащил из кармана.

— Вытяни руки вперед, дитя.

Я спрятала руки за спину, боясь, что отец Ульффрид отстегает меня кнутом, но он лишь схватил меня за запястье и что-то всунул. Оно было мягким, и когда я посмотрела вниз, то увидела, что это всего лишь клоч каштановых волос, перевязанный куском серой ткани.

Потом священник взял другую мою руку и всунул в нее длинное перо.

— Передашь это Настоятельница Марте. По одному в каждую руку, как я тебе дал. А потом скажешь лишь одно слово: «выбирай».

— Что «выбирай»?

Отец Ульффрид покачал головой.

— Молись, чтобы ты никогда об этом не узнала, дитя. А теперь иди и сделай все, как я тебе сказал. И если она спросит, кто тебя послал, ты должна ответить — Мастера Совы. А меня не упоминай, поняла?

Я не понимала. Зачем передавать дурацкое перо этой женщине? А если она спросит, кто мне его дал? Отец Ульффрид только что сказал, что я попаду в ад, если солгу. Женщина в сером разозлится, если я ей не скажу. Я не буду это делать. Не буду.

Я бросила перо и волосы и кинулась к двери, но она оказалась слишком тяжелой, и я не смогла ее открыть. Отец Ульффрид поймал меня, оттащил назад и развернул лицом к себе.

— Если ты не сделаешь все в точности, как я тебе сказал, Мастера Совы заберут тебя на верхушку церкви и бросят там, в темноте, на поживу Оулмэну. Так ты все сделаешь? Или мне их позвать? Они ждут...

Настоятельница Марта

— Если до полуночи я не вернусь, Хозяйка Марта, собирай остальных Март и действуйте, как укажет Бог. Знаю, ты сделаешь все для блага женщин.

Хозяйка Марта подняла свечу, взглянула мне в лицо, нахмурилась, будто пыталась что-то в нём прочесть.

— Собираешься повидать Османну? Попробуешь уговорить отречься?

Я не могла ответить.

— Если не вернусь — не ищите меня. Обещай, что сама не станешь искать и никому не позволишь. Женщины теперь на тебе.

— Я знаю свой долг, Настоятельница Марта, — резко сказала Хозяйка, — прошу, не забудь о своём.

Уже выходя из комнаты, я слышала, как она негромко добавила вслед:

— Да поможет тебе Бог, Настоятельница Марта, спасёт и сохранит.

Я была благодарна ей за эти слова.

Я взобралась на лошадь и погнала её вперёд. Стояла тихая, странно спокойная ночь. Я уже начала привыкать к рёву ветра в ветвях деревьев, хлопанию дверей и ставень. Теперь, когда ветер стих, тишина казалась пугающей. Неслышные раньше за воем ветра звуки сейчас казались громче — крик выпи, притаившейся где-то в камышах, шелест травы, в которой бегали какие-то невидимые создания, стук копыт моей лошади по камням, разносящийся, я уверена, на мили вокруг.

Туман с моря тянулся через болота, огромной белой завесой укрывал поля. Ключья тумана скользили ко мне, стелились за лошадьё.

У развилки я остановилась. Правая дорога вела в деревню и к Османне, левая — в лес. Я полезла в сумку, достала два маленьких предмета — прядь волос и одинокое перо. Взяла по одному в каждую руку, как передала девочка.

— Выбирай, — сказала она, как будто в игре.

Правая рука или левая, как мне выбрать? Обе вещишки мягкие, лёгкие как воздух. Как может в таких невесомых предметах заключаться вся необъятная вечность?

Говорят, когда Архангел Михаил держит душу на весах, балансирующих между спасением и вечными муками, вес всех наших поступков не тяжелее пера. Сейчас весы в моих руках раскачиваются между жизнью и смертью, небесами и адом. Но для кого из нас? Выбор отдан мне в руки. Трое ждут в эту ночь — Османна, Оулмэн и я. Завтра в это время один из нас будет мёртв, один попадёт в ад, в этом мире или в мире ином. Но останется ли жив хоть один из нас в этом проклятом месте?

Я подвела всех женщин. Подвела себя. Confiteor Deo omnipotenti, beatae Mariae semper Virgini [\[24\]](#). Но в чём же мне каяться? Недостаточно просто сказать «грешен». Да, я потерпела неудачу, но как, в чём ошиблась? Как сказала старая Гвенит? Для всех моих грехов и названий не хватит. Грех должен быть назван, иначе его нельзя ни исповедать, ни отпустить. Хозяйка Марта ошибалась — не гордость помешала мне возвратиться в Брюгге, а страх, что я совершила величайший грех, тот, который Бог никогда не назовёт и не простит.

Я поменялась бы с Османной местами, если бы могла. Я приняла бы смерть за Христа. Я бы даже с радостью встретила её. Мой грех в том, что я оказалась не готова подчинить воле Господа свою волю и разум.

«Пойди, посмотри на Целительницу Марту», — сказала Хозяйка Марта. — «Спроси себя, готова ли ты так рисковать». Бог призвал Целительницу Марту сражаться за него той ночью, ведь она была готова отдать ему всё, а я нет, я не была уверена, что жертва не напрасна. Отдать всё и обнаружить, что всё впустую. Подняться на святую гору и не найти там Бога — это одновременно и непростительный грех, и вечная мука.

Я натянула поводья и повернула лошадь на левую дорогу. До самого этого мгновения я не знала, что выбрать — волосы или перо, Османну или демона.

Туман клубился вслед за мной, и когда я достигла леса, он уже крался среди деревьев. Я спешила, привязала лошадь к ветке, там, где точно могла найти её снова. Я тронула кожаную суму на поясе — в ней лежало распятие и облатка Андреа в деревянной коробочке. Потом подняла фонарь и пошла между деревьями.

Я знала, что Оулмэн здесь. Я это чувствовала. В ту первую майскую ночь я видела костры Белтейна среди деревьев в лесу. Какое бы зло не вышло из огня той ночью, ставшей началом всего, здесь оно должно и закончиться. Этой ночью в лесу нет костров. Лес огромен, но демон подал мне знак. Он найдёт меня так же легко, как нашёл тогда, в шторм, а если нет — я сама его вызову.

Я шагала вглубь леса. Туман обнимал стволы деревьев, вился вокруг валунов, слабый огонёк свечи не мог проникнуть сквозь его толщу, и стволы возникали перед моими глазами в дюйме от лица. Я всё время прислушивалась к хрусту веток и шороху опавшей листвы под ногами, ожидая, что тварь, прячущаяся в лесу, уже идёт по моим следам. Сырая изморось оседала капельками на одежде и коже, и они промокали быстрее, чем в дождь. Ничто не двигалось. Казалось, только я одна иду в темноте. Даже звери затихли, слушали и ждали.

Потом я услышала низкое «ух-ух-хуу», крик охотящегося филина и почувствовала, как шевелятся волосы на затылке. Я в ужасе оглянулась, но туман обхватил ветки своими лапами, закрыв даже чёрное небо над ними. Может, это всего лишь безобидная сова. Я стояла, прислушиваясь, пытаюсь понять, откуда донёсся звук, но несколько минут не слышала ничего кроме собственного дыхания.

— Ух-ух-хуу, — донеслось снова.

На этот раз я поняла — это не просто птица. Уханье звучало так сильно, так гулко, как будто в небе лаяла свора охотничьих собак. Звук раздавался где-то впереди, слева. Я снова коснулась кожаной сумы, чтобы ощутить поддержку, и спотыкаясь, пошла на крик.

Несколько раз я натыкалась на деревья, цеплялась за камни и колючие кусты, но продвигалась вперёд. Если я останавливалась, чтобы осмотреться, крик повторялся, как будто это существо точно знало, где я. Оно заводило меня в лес, всё глубже и глубже.

Я знала, что поднимаюсь в гору — земля под ногами наклонялась вверх, камней становилось всё больше. Слева от меня послышался звук падающей воды, должно быть, я где-то у реки. Я свернула в сторону от её рёва, боясь, что в темноте и тумане легко могу свалиться в воду.

Внезапно из тумана передо мной возникла огромная тёмная фигура. Я едва успела вскинуть руку, лицо окутало что-то влажное, оно обернулось вокруг меня, липло к коже. Я закричала, дёрнулась, пытаюсь вырваться из склизкой хватки, споткнулась и опрокинулась навзничь. Я повалилась наземь, фонарь выпал из рук. Я закрыла лицо, ожидая нападения, но ничего не происходило. Медленно, осторожно я протянула руку за фонарём. Он упал на огромную кучу прошлогодней листвы, и слава Богу, не разбился и не погас. Я подтащила фонарь поближе, подняла вверх перед собой.

Я лежала у подножия огромного дуба, в его дупле поместилось бы шестеро мужчин. С одной из голых нижних ветвей свисала длинная полоска ткани. Должно быть, это на неё я наткнулась в темноте. Чувствуя себя глупо, я с трудом поднялась на ноги и потянулась, чтобы ее потрогать. Но это оказалась не ткань — какая-то кожа, бледная и мягкая, тонкая, как пергамент. Туман промочил её, сделал скользкой. На коже виднелись знаки, грубо намалёванные красным символы. Две длинных вертикальных линии, пересечённые маленькими горизонтальными. Там были и другие знаки — спираль, и...

— Эта кожа содрана с ребёнка, госпожа, — раздался голос за спиной. — Древнее заклинание, вызывающее богов.

Прежде чем успела обернуться, я ощутила, как спину кольнул клинок.

— Повесь фонарь на эту ветку и войди в дуб.

Сердце колотилось. Я выполнила приказ, стараясь не делать лишних движений, из-за которых мой враг мог послать клинок точно в цель.

— Обернись.

Вход в дупло дуба закрывал собой крепко сбитый мужчина с клинком в руке, готовый нанести удар, если я попытаюсь проскользнуть мимо него. Свет фонаря на ветке за его спиной создавал в жемчужно-белом тумане мерцающий ореол вокруг контуров крупного тела. Сначала мне показалось, что на нём капюшон, потому я и не могу разглядеть лица, но когда он повернулся в профиль, я увидела, что лицо закрыто маской — огромный рогатый филин. Свет фонаря блеснул на загнутом бронзовом клюве.

— Я знал, что ты ко мне придешь, — глубокий, низкий голос искажала маска. — Филипп уверял, что ты предпочтёшь спасти девушку, но он всегда недооценивает женщин, что весьма опрометчиво.

— Филипп д'Акастер? Это он ваш главарь?

Человек засмеялся.

— Думаешь, у напыщенного петуха вроде него хватит знаний, чтобы вызвать к жизни Оулмена? Нет, госпожа, это я Аод. Я — этот огонь.

Откуда-то из глубин ужаса до меня донеслись мои собственные слова:

— Значит, ты напустил на деревню демона. И чудовищное нападение на Целительницу Марту — тоже твоя вина. Она была старой женщиной и умелым лекарем, и не сделала в жизни ничего кроме добра. Твой демон оставил её калекой, потерявшей речь и рассудок, а теперь она мертва. Бог накажет тебя за это. Но ошибаешься, если думаешь, что твой демон смог взять её душу. Всем демонам ада не справиться с такой верой, как у неё.

Снаружи дубового дупла вокруг деревьев полз туман, медленно шевелился, словно дышал, освещённый огоньком свечи. Но он не попадал внутрь ствола, как будто дупло закрывала невидимая дверь. Внутри дуба было темно и очень тихо.

— Бедную глупую Элдит послали выманить тебя, но мы не ожидали, что с тобой пойдёт старуха.

Человек опустил клинок, но всё так же крепко сжимал его в руке. Я понимала — он мгновенно поднимет меч снова, быстрее, чем я успею выбраться.

— Значит, ты хотел, чтобы демон убил меня.

— Твоя смерть пошла бы нам на пользу. Неважно — умерла бы ты или со страхом бежала прочь из Улевика — всё послужило бы нашей цели. В итоге ты помогла нам даже больше, чем мы надеялись.

— Я помогла вам? — меня ошеломили его слова. — Я никогда бы...

— Но ты это сделала. Оулмэн — такое жетвоё создание, как и моё, госпожа. Я вызвал его из сумерек богов, но в тот день, когда ты сказала, что твоя подруга сразилась с ним и победила, ты дала ему силу. Ты объявила всем, что веришь в существование Оулмэна. Священник, говорящий, что изгоняет демона, создаёт его в этот самый момент своими словами. Ты, госпожа, дала Оулмэну жизнь, ты сделала из него демона, которого боятся, против которого сражаются.

Я всматривалась в чёрную фигуру и с тошнотворным ужасом понимала, что невольно сыграла им на руку. Назвав перед всеми Целительницу Марту победительницей этого чудовища, я намеревалась обратить в добро случившееся зло и тем признала его существование. Именно я сказала женщинам о том, как он ужасен, и о его огромной силе.

— Если я создала его — значит, тем легче я смогу его уничтожить, — сказала я. — Обещаю тебе — я сделаю это нынешней ночью, даже ценой собственной жизни.

— Мне говорили, что ты умная, а ты, госпожа, так до сих пор и не поняла. Пытаясь уничтожить Оулмэна, ты лишь сделаешь его сильнее. — Он рассмеялся. Звук смеха казался ещё страшнее от того, что шёл из глубины бесстрастной маски. — Разве не так учит ваша церковь? Ваши мученики, ваш Христос — кто бы услышал о них хоть слово, если бы люди, фанатики вроде тебя, не вздумали бы их убивать? Запомни, госпожа, хорошенько запомни: Оулмэна убить невозможно. Мы с тобой выпустили на волю легенду этой деревни, а легенду нельзя уничтожить. Можно лишить жизни человека, можно зарезать зверя, но нельзя убить демона или бога. Они бессмертны до тех пор, пока мы делаем их такими. Сражаться с ними — значит давать им ещё большую силу. — Он поднял меч и направил мне в сердце. Клинок сверкнул в свете фонаря. — Утром тебя найдут мёртвой, привязанной к этому дубу. Не могу сказать, как именно Оулмэн тебя убьёт. Может, вырвет кишки, как у бедной глупой Элдит, или станет отрывать куски твоей плоти, пока ты ещё жива. А возможно, сначала ослепит тебя или вырвет язык. Но он придёт до рассвета и возьмёт свою добычу. Я сделаю из тебя мученицу, госпожа. Ты ведь этого хотела? За этим ты сюда и пришла. Тебя будут помнить. Всякий раз, говоря про Оулмэна, назовут и твоё имя. А потом деревенские вспомнят старый уклад и вернутся к нему, уйдут из церкви, которая не может их защитить, уйдут от Христа, неспособного защитить тебя. Порядок будет восстановлен. Твоя смерть вдохнёт в Оулмэна жизнь. Это — истинное воскрешение, то, о котором нам известно с тех пор, как из костей и крови Ану была создана эта земля.

Мне стало плохо. Он собирался отдать меня этому демону. Я думала об измученном лице Целительницы Марты, об её искалеченном теле, о той деревенской женщине, лежавшей рядом с поваленным дубом. Такой найдут и меня? А если он прав? Что, если моя смерть только поможет этому созданию и ещё больше устроит деревню? Меня станут проклинать ни в чём не повинные люди, возможно, и в будущих поколениях.

Туман вился вокруг старого дуба, как во сне, поднимая ядовитые испарения земли. На миг он собрался вокруг Мастера Совы, как будто позади него появилась старуха. В памяти как из тумана раздался предсмертный шёпот: «У них есть только половина заклинания. Ты не должна бояться, в тебе есть сила женщины...» Белый призрак на мгновение поднял пустое лицо, словно взглянул на меня, и его контур растворился в тумане, как лёд в воде.

Внутри меня рос страх. Мастер Совы прав, я нужна, чтобы дать демону жизнь. Я должна помешать ему, должна бежать. Если Мастер Совы собирается меня привязать, ему придётся положить меч. Если кинуться на него и ударить, может, удастся сбить с ног и вырваться. Он не сумеет найти меня в таком тумане.

Я проглотила комок.

— Если собираешься меня убить, имей смелость хотя бы показаться. Разве я не имею права увидеть лицо своего убийцы?

Он усмехнулся.

— А ты любопытна, госпожа. Хочешь увидеть, кто тебя победил? Что ж, думаю, ты вправе узнать, кто я. — Он стащил с лица совиную маску и на шаг отступил от дерева, чтобы фонарь осветил лицо. — Ну, госпожа, узнаёшь меня? Ты и я, мы с тобой не чужие. Мы встречались на Грине в тот день, когда ты приказала освободить из колодок ребёнка. Ты тогда думала, что можешь приказывать всем в Улевике.

Я застыла в изумлении.

— Кузнец... Джон? Это ты Аод? А я думала, д'Акастер или кто-то из его людей...

— Хочешь сказать, думала, что Аод — д'Акастер? Он глупец. Он из чужестранцев, как и все благородные лорды. Они — не часть этой земли. Они не знают, как воспользоваться её силой. — Рука, державшая меч, расслабилась, сейчас оружие свободно висело у него на поясе. — Ты разочаровываешь меня, госпожа. Разве имя тебе не подсказало?

— Аод — огонь. Мне следовало догадаться.

— Да, госпожа, следовало. Но как отец Ульффрид и д'Акастер, ты считаешь нас, низкородных, простаками. Опасное заблуждение. С тех пор как земля была юной, кузнецы имеют дело с магической силой огня, железа и воды. Мы заговариваем лошадей, заклинаем кровь. Кто ещё способен сохранить мудрость старого уклада? Я прошёл суровое испытание в шкуре, и я...

Он отступил достаточно далеко от дерева, у меня появился шанс вырваться. Я выскочила из дупла. Это застигло его врасплох — когда он увидел, было уже поздно. Я кинулась мимо него, он выхватил меч, но я бросила ему на глаза висящую на ветке кожу. Липкая кожа охватила его лицо, раздался сдавленный крик, но я не стала оборачиваться. Я исчезла в тумане.

Поглощённая бегством, я слишком поздно обратила внимание на оглушительный рёв, шум падающей воды в реке. Похоже, я оказалась прямо над ней, а из-за тумана не могла разобрать, с какой стороны доносится звук. Задышавшись, я остановилась, боясь двигаться, свалиться в воду в темноте. Позади меня кузнец Джон с шумом продирался через кусты. Я нащупала в тумане дерево и прижалась к стволу, молясь, чтобы преследователь пробежал мимо. Вода гремела так, что даже если он приближался, я уже не могла расслышать, где он. Может, крадётесь сквозь туман всего в ярде от меня, а я не услышу, пока клинок не вонзится в спину. Я отчаянно озиравшись, пытаюсь взглянуть в клубящуюся белизну, но призрачные контуры, возникающие из тумана, могли оказаться и деревом, и человеком — разобрать невозможно.

— Туман не защитит тебя, госпожа, — голос Джона донёсся до меня сквозь шум воды. — Он тебя найдёт. Учует по запаху, где бы ты ни пряталась.

Голос раздавался где-то близко, но направление в тумане искажалось, он мог быть и впереди, и сзади. Я согнулась пониже, крепко сжала кожаную суму с облаткой Андреа.

Голос кузнеца, низкий и громкий, зазвучал снова, гулко отражаясь эхом в тишине деревьев.

— Во имя Тараниса, лорда погибели, Яндила, хозяина льда и тьмы, Рантиполо, духа ярости — Оулмэн, приди и возьми свою добычу. — Он издал то глубокое громкое уханье, которое я слышала чуть раньше.

Эхо крика угасло, лес на мгновение затих, потом раздался ответный зов.

— Ух-ух-хууу.

Я задохнулась от этого крика, в жилах застыла кровь. Звук словно разрезал ночь пополам. Тот, кто кричал, кем бы он ни был, должен иметь чудовищные размеры и силу.

Я почувствовала, как надо мной беззвучно пронеслись крылья. Взвихренные клочья тумана забурлили вокруг моей головы, мелькнули острые, словно кинжалы, когти, сквозь дымку блеснул огромный клюв. Потом я увидела пару горящих в тумане круглых огней с ужасающе огромными чёрными зрачками.

Силы оставили меня, я всё глубже погружалась в эту темноту. Меня охватило отчаяние, я тонула в ледяном огне. Ноги подогнулись, и я повалилась в грязь, дрожа и рыдая — сейчас эти огромные когти вонзятся мне в спину. Я ничем не могла защититься. Всё решает Бог. Молоденькая девушка, почти ребёнок, заперта в тюрьме, как и я ждёт конца, хотя могла бы остаться свободной. Османна не должна была умереть, но умрёт — потому что искала Бога не в облаке на горе. Она не ждала ответа на свои молитвы, знала, что Он молчит. Это молчание и есть ответ. Бог внутри нас.

Я с трудом поднялась на ноги, отняла от лица руки, выпрямилась. Я казалась себе высокой, как никогда в жизни.

— Я — тело! — выкрикнула я, обращаясь в лес. — Я — кровь, я живая! Слышишь меня, демон? Во имя Господа, вдохнувшего в меня Свой дух, я отрицаю твоё бытие.

Надо мной раздался шелест крыльев. Я увидела приближающиеся огненные круги глаз, откинула голову, ожидая, что когти вырвут мне горло, но демон не напал на меня.

Потом я услышала испуганный крик:

— Нет, нет! Уйди, не меня! Я твой хозяин!

Кто-то яростно продирался сквозь заросли.

— Я приказываю тебе, — взревел Джон, но слова оборвались, перешли в долгий протяжный крик. Послышался тяжёлый всплеск. И больше ничего.

Я долго стояла, вслушивалась, боясь, что демон еще парит надо мной, но всё вокруг стихло.

— Джон, — тихонько окликнула я. — Где ты?

Но ответа не было.

Я опустилась на четвереньки и осторожно поползла сквозь туман на звук падающей воды. Изпод вытянутой руки исчезла земля, я поняла, что стою на коленях у обрыва, и ползком отступила на шаг. Туман висел примерно в футах над водой. Под ним по камням бурлила белая пена.

— Джон, ты ранен? — снова позвала я, но мой голос словно заглушило плотным белым одеялом, и я была не уверена, что смогу услышать ответ в шуме воды.

Туман на минуту рассеялся, и мне удалось разглядеть что-то движущееся в реке. Голова человека, лицо обращено ко мне, глаза поблёскивают в темноте. Он уцепился за скалу посреди потока. Ледяная вода лилась над сжатыми пальцами, как над камнями в русле реки.

— Держись, — крикнула я.

Я сбросила плащ, скрутила, связала узлами концы. Завязанный край плаща я швырнула в реку, он был недостаточно длинным, и узел шлёпнулся в воду. Нужна длинная палка или ветка, но невозможно ничего найти в тумане. Я сняла пояс, прикрепила пряжку к узлу плаща, он удлинился ненамного, но я молила, чтобы этого оказалось достаточно. Я легла на самый край берега.

— Сейчас я брошу снова. Может, на этот раз ты сможешь дотянуться. Давай, — крикнула я, и туман опять сомкнулся над рекой.

Конец плаща упал в воду, но Джон не схватился за него. Я почувствовала, что плащ сносит течение, и снова вытащила. На короткий миг туман рассеялся ещё раз, я увидела, как побелевшие от холода пальцы соскальзывают со скалы.

— Джон, отпусти одну руку, хватайся, когда я брошу. Ты должен довериться мне, не то унесёт река. Это твой единственный шанс.

Я бросила снова. На этот раз плащ упал в дюйме от его руки, но он даже не попытался дотянуться.

— Нет... нет, госпожа. Нельзя забирать у Ану то, что она уже объявила своим... Помни, госпожа, нельзя убить легенду... умереть она может только сама... если никто не станет произносить её имя.

Над нашими головами раздался пронзительный крик, похожий на хохот, громкий и безрадостный — крааааа. Сквозь завихрения тумана спикировала гигантская птица, зависла над водой, раскинув огромные крылья. Кожа торса и длинные человеческие ноги блеснули белым, как кость, чёрные когти хватали воздух. А голова была — как лик самого ада.

Крылья так сильно били по воздуху, что внизу под ними вода расступалась, а вокруг бурлили ревущие волны. На мгновение я увидела тело Джона, бессильно лежащее на камне. Потом из воды поднялось что-то зелёное — древняя старуха. Волосы струились за ней по воде, как мокрая трава, раскачивались тяжёлые сморщенные груди. Рот старухи открывался всё шире и шире, как у огромной рыбы, показывая ряды острых торчащих зубов.

Джон взметнул руки, закрывая лицо. Крик ужаса и отчаяния эхом разнёсся по лесу. Чёрная Ану обхватила его одним взмахом могучих рук и потащила за собой вниз, в бурлящий поток.

Я смотрела, как бледный свет в узкой щели окошка становится розовым, серым, загорается оранжевым. Теперь не существовало ничего — ни ночи, ни дня, только мерцающий прямоугольник жемчужного света высоко над головой. Я подумала, что уснула и уже рассвет, и они пришли за мной, но это не дневной свет, эта белизна — не солнце. Холодно. Я и не знала, как мёрзнет голова без волос. Остроконечная шляпа с красными буквами ждала меня возле двери, ждала, чтобы дать мне новое имя. Букв в темноте не прочесть, но мне это и ни к чему.

— Узнай своё настоящее имя, — сказала мне старая Гвенит, но в глубине души я всегда его знала. Оно было со мной с рождения — звезда демона, звезда Лилит, дьявольский глаз, подмигивающий с небес. Теперь это моя звезда — под ней я родилась, под ней и умру. Рождение и смерть, и то и другое проклято.

Кормилица говорила мне, что я родилась со знаком Лилит. Маленькая метка на груди, родинка в форме полумесяца, знак и проклятие. Спустя три дня после моего рождения отец вытащил из огня раскалённое железо, приказал няньке вынуть меня из пелёнок и растянуть маленькое тело. Он приложил красный раскалённый металл к метке, чтобы избавить меня от проклятия. Это сохранит чистоту, сказал он, и отгонит дьявольскую шлюху. Ведь всем известно, что блуд — величайший из грехов, а мой отец требовал целомудрия.

Нянька клялась, что умоляла его остановиться, но он держал железо на моём теле, решив уничтожить даже след от печати проклятия. Он глубоко сжёг мою плоть, меня лечили много месяцев, и нянька боялась, что я не выживу. Но я осталась жива.

Лилит, ночная ведьма, крылатый демон с мохнатыми ногами и ступнями как у козы. Та, что пьёт кровь по ночам, приходит в мужские сны и крадёт их семя, душил младенцев во чреве матери и пожирает собственных детей. Она бежала от Адама ещё до падения, до того как он принёс смерть в этот мир. Она бессмертна. Она не может умереть. Не может сгореть в огне. Её вечно сжигают, а она остаётся живой. И её боли нет конца. Она связана, она голая и кричит.

Если бы я могла остановить сердце по своей воле... но оно не остановится. Оно продолжает биться, как будто хочет жить. Можно снять рубашку, сделать петлю. Я попыталась взобраться по стене к решётке окна, чтобы повесить её, но не смогла дотянуться.

Я часами осматривала каждый дюйм своей камеры, хотела найти гвоздь или острый осколок под соломой, чтобы вскрыть себе вены, я продолжала искать даже в темноте, кончиками пальцев, ощупывала каждую соломинку на холодных плитах, пытаюсь найти хоть что-нибудь. Не позволить им меня сжечь. Пресвятая Дева, не дай мне сгореть. Прошу, позволь мне умереть сейчас. Я не смогу этого вынести, знаю, что не смогу.

Снаружи, за окном, слышались голоса, женский голос, бормочущий тихо и невнятно, взволнованный смех, топот за деревянной дверью.

— Я же тебе говорила, она не придёт. Я видела, она поскакала в сторону леса, — сказала женщина.

— Неужто эта сука и впрямь решила, что может противостоять Аоду? Это будет её последняя скачка.

— Любишь скакать верхом, хозяин? Давай, жаль понапрасну терять такой вечер.

Он рассмеялся в ответ, и я узнала этот смех. Мой кузен Филипп.

— Предпочитаю тех, кто помоложе и помягче, но почему бы и нет? Большинство женщин в этой деревне считают, что непременно должны сопротивляться. Мне это малость надоело. Все они под юбками одинаковы, чертовы потаскухи, найти честную шлюху — хоть какое-то разнообразие.

Послышался звонкий шлепок по крепкой плоти, женщина засмеялась.

— Черт... как ты это носишь? — я услышала тяжелое дыхание Филиппа. — С аббатиссой-девственницей и то легче, и не думай, что я не пытался.

— Если ты слабоват, мне лучше поискать мужчину, который сможет довести дело до конца.

Ещё один шлепок, вскрик, довольный тихий смех.

— Я могу трахать тебя до рассвета, и мне ещё хватит сил тебя, шлюха, хорошенько кнутом отстегать.

— Может, попробуешь доказать?

Женский голос принадлежал Пеге!

Филипп кряхтел, как свинья. Я заткнула пальцами уши, но всё равно не могла не слышать их пыхтение и стоны. Как они могли? Как могла она? Ей наверняка известно что я их слышу — зачем ещё сюда приходить? Хотелось крикнуть, чтобы они убирались, но они только посмеются и продолжат. Раздался финальный стон, и всё закончилось.

Довольно долго я не слышала ничего, кроме тяжёлого дыхания. Наконец, Пега заговорила.

— У меня тут вино, это тебя поддержит. Давай, выпей. Обещаю, оно получше той дряни, что сегодня на ужин у того ублюдка-священника.

— Могу в этом поклясться, — ответил Филипп. — Я эту свиную мочу, которую священник вином называет, не раз пил. Где ты это стащила?

— В доме женщин, конечно. Их главная себя в вине не ограничивает. Это — прямо из Франции. Присядь, отдохни немножко, ты так устал. Соберись с силами, тебе они понадобятся. Я покажу тебе пару трюков, каким, точно знаю, твои высокородные леди не научат.

— Уверен, ты у этих женщин... научилась не одной такой штуке... слышал, эти чужеземные шлюхи могут...

Голос Филиппа перешёл в громкий храп. Потом послышалось что-то, похожее на звук падения тяжёлого тела, но храп не стал тише.

— Османна?

В окне, закрыв белизну, появилось лицо Пегги. Только кому-то очень высокому вроде неё под силу до него дотянуться. В темноте я не могла разобрать выражения её лица, но чувствовала от неё запах пота Филиппа. Я прижалась к стене. Мне не вынести её насмешек, только не это.

— Османна! — шепот стал более настойчивым. — Османна, я знаю, ты не спишь. Встань так, чтобы я тебя увидела.

— Тебе что, завтра не хватит времени надо мной поиздеваться? — спросила я. — Зачем приходить ночью? Не сомневаюсь, ты придёшь смотреть, как меня сожгут. Ты ведь всегда этого хотела, из мести моей семье?

— Османна, послушай, я...

— Я уже тебя слышала. Ты что, выбираешься развратничать каждую ночь? Или тебе показалось забавным сделать это у меня под окном, чтоб я слушала? Ну, тогда ты

повеселилась, а теперь сжалась и просто уйди, оставь меня в покое.

— Слушай меня, занудная мелкая кошка, — рявкнула Пега. — Никто из бегинажа не может подойти к этому месту, ни Учительница Марта, ни остальные. Они пытались. Единственный способ, которым я могла избавиться от этого ублюдка Филиппа — раздвинуть ноги. Нельзя же просто так подойти и напоить его усыпляющим вином, он бы что-то заподозрил. Есть способы справиться с мужчиной, госпожа, которые узнаёшь, когда приходится выживать в этом мире.

— И я должна быть благодарна, что ты пожертвовала своей добродетелью, чтобы поговорить со мной? Мне показалось, это было тебе не так уж сложно. Только не говори, что тебя прислали меня исповедовать.

— Никто меня никуда не посылал, — огрызнулась Пега. — Я пришла, потому что сама так решила, хотя зачем мне это понадобилось — Бог знает. Ты самая упрямая в мире лиса, откусываешь любую дружески протянутую руку.

— Тогда почему бы тебе не уйти и не оставить меня в покое?

— Потому что я такая же упрямая, как ты. Я слышала о том, как ты бросила вызов старому д'Акастеру. Как ему удалось породить такую дерзкую девчонку — тайна, которую знает только твоя мать. Несмотря на всё, что я болтаю, мне не хватило бы смелости пройти через такое до конца. У тебя вера как у святой. Хотелось бы мне иметь хоть четверть.

— Ты ошибаешься, Пега, — мягко сказала я. — Это не вера, это ненависть.

— Неужто? Это я могу понять. Видала я, как ненависть заставляет людей идти на смерть, где любая вера тотчас сдалась бы. Ты так сильно ненавидишь своего отца? Значит, у нас с тобой всё же есть кое-что общее.

Я кинулась к окну, попыталась дотянуться до Пеги. Мне хотелось прикоснуться к ней, ощутить тепло человеческой руки.

— Я боюсь, Пега. Мне так страшно, ты не представляешь. Я не смогу... мне не хватит сил... Помоги мне, Пега, прошу, помоги!

Я старалась не плакать, но слёзы сами потекли по лицу. На мою руку опустилась грубая рука, твёрдая и тёплая, как будто Пега могла вытащить меня на волю через крошечное окошко. Я вцепилась в её руку как потерявшийся ребёнок, жаждущий, чтобы его не отпускали, словно в её силах защитить меня от всех ужасов и этой жизни, и будущей.

— Пега, — попросила я, — дай мне что-нибудь острое, твой нож или кусок разбитой бутылки. Что-то, чем я смогу убить себя до утра. Я не могу идти в огонь, Пега, не могу.

— Думаешь, я пришла, чтобы помочь тебе убить себя? Я крала, лгала и прелюбодействовала ради тебя этой ночью, детка. Думаешь, я собираюсь добавить ещё и убийство?

— Если я сама это сделаю — это не убийство, Пега. Прощу, помоги мне. Умоляю. Не дай им меня сжечь, Пега.

— Я и не собиралась допустить, чтобы тебя сожгли, девочка. Как думаешь, зачем я здесь? Но надо поторапливаться. Сейчас твой кузен храпит, как старый кабан, но не хотела бы я оказаться поблизости, когда он проснётся. Голова у этого ублюдка будет гудеть, как стая шершней, и поделом ему.

— Что ты собираешься делать?

— Вытаскивать тебя отсюда, конечно. Зачем ещё я, по-твоему, пришла? Декан хранит ключ при себе, не доверяет даже Филиппу. Поэтому придётся вытаскивать тебя через крышу, детка. Там одна солома.

— Но мне до неё не дотянуться.

— Да. Но я смогу. Меня в Улевике не просто так великаншей прозвали. У меня есть верёвка, сделаю дыру и подниму тебя. Кто-то крепко молится за тебя, детка — этот морской туман нам само небо послало. Он укроет меня, пока я буду работать, и спрячет нас по дороге отсюда.

Лицо Пеги исчезло из окошка, и я услышала, как она разгребает камыш на крыше. Постепенно через темный потолок стал проникать белый свет.

— Но нам нельзя возвращаться в бегинаж, Пега. Они придут за мной туда, и тебя тоже заберут. Филипп обязательно скажет, что это ты сделала.

— Филипп никогда не признается, что его обманула шлюха. Но он придёт за мной, это точно, и я не собираюсь с ним встречаться. Нет, детка, нам с тобой придётся исчезнуть. Корабль во Францию, а там — кто знает куда? Мне ужасно хочется посмотреть мир, прежде чем умру, не только эту паршивую деревню. Может, у нас ничего не выйдет, и если поймают — скорее всего, сожгут обеих. Но сначала нас придётся поймать, и уж мы заставим их побегать. Вот что я скажу, Османна — хочешь рискнуть? Теперь мы с тобой вместе, девочка. Я рассчитываю на твою учёность и на свою силу. Вместе мы сможем справиться с этим миром.

Январь. День святого Винсента из Сарагосы

Испанский мученик, святой покровитель пьяниц. Запретил приносить жертвы языческим богам, за что его зажарили на решётке и оставили на съедение зверям. Его имя носят шесть древних английских церквей.

Я никогда не забиралась на дерево выше этого. С него можно видеть весь Улевик, и холмы за ним. Я балансировала на ветке и даже не держалась, только прижала руку к шершавой коре, но не схватилась за неё — рука просто лежала. Если бы захотела — я могла бы пройти по этой ветке, ни за что не держась, но я этого делать не собиралась. Пока. На следующий Майский день будет ярмарка, снова приедут акробаты и на этот раз возьмут меня с собой. Я готовилась, упражнялась всю зиму, а весной я им покажу. Всем покажу. Украду у отца острый нож и разрежу перепонки между пальцами. Тогда Улевику придётся отпустить меня, я больше не буду ему принадлежать.

Я уеду с акробатами, далеко, за холмы, туда, где замки и города, которые даже больше этого леса. И однажды я снова вернусь сюда, на ярмарку. На мне будет красная с золотом одежда, и Уильям меня не узнает, а я ни разу не заговорю с ним. Я буду ходить по пружинящему шесту, а когда те двое, что держат его на плечах, будут подбрасывать шест вверх, я стану делать сальто и снова приземляться на шест, и пальцы у меня будут раздвинуты, как лепестки цветка. Все будут мне хлопать, особенно Уильям, а потом я с ним заговорю, и только тогда он поймёт, что это я.

Я разбогатею. Отец попросит меня остаться ночевать в нашем доме и предложит самые вкусные кусочки, а Уильяму велит спать у двери. Но я к ним не пойду. Я буду пировать в Поместье. А отец с Уильямом останутся ждать снаружи, под дождём. Если они будут со мной милыми, я пришлю им немножко объедков с застолья, но только если они и вправду будут милыми. Иначе — нет.

— А ну слезай, Лужа!

Я вздрогнула от внезапного окрика, сорвалась с ветки, вцепилась в неё и снова подтянулась. Колени, ободранные о грубую кору, жгло огнём. Больно. И всё из-за этого дурацкого крика. Я из-за него сорвалась. Ненавижу.

— Вот оставлю тебя тут одну в темноте, и Оулмэн тебя заберёт! — орал Уильям.

— Нет, подожди, Уильям, я иду. Не уходи.

Я оглянулась, выбирая самый короткий путь вниз. Я не могла вспомнить, как забралась.

— Я уже ухожу!

Я глянула вниз — он пошёл прочь от дерева.

— Нет, подожди, подожди. Глянь, с моря опять идёт туман. Мне отсюда видно. Смотри, Уильям!

На поля наступал густой туман, клубился, скользил по земле, поднимался вверх.

— Лучше бы это не оказалось очередной твоей выдумкой. — Уильям полез на дерево и быстро добрался до ветки прямо подо мной. Он хорошо умел лазить.

— Нет, смотри туда.

К деревне плыла огромная стена тумана. Уильям понюхал воздух и хлопнул меня по голове. Мне пришлось крепко схватиться за ветку обеими руками, чтобы не упасть.

— За что?

— Ты не поймёшь, даже когда у тебя задница загорится. Это не туман. Это дым, дуреха.

— А что горит?

— Думаю, дом женщин, — пожал плечами Уильям.

— И женщины тоже там горят?

— Летиция говорит, они ушли. — Уильям выпрямился, чтобы видеть получше. — Она сказала, отец Ульффрид ходил туда, а там ни души не осталось. Похоже, они все ночью исчезли.

Девушка, которую собирались сжечь, тоже исчезла. Дверь тюрьмы оставалась запертой, но в крыше оказалась большая дыра. Отец Ульффрид сказал, что ночью прилетел Оулмэн и разодрал крышу когтями. Он вырвал клювом сердце из её груди, и сожрал прямо перед ней, пока оно ещё билось. А потом унёс её душу в ад, чтобы сатана обманул её, и она не раскаялась в огне. Отец Ульффрид сказал, сатана её там ждёт, такая она была злая грешница. А я совсем не верю, что она злая. Мне жаль, что они ушли. Настоятельница Марта не рассердилась, когда я дала ей волосы и перо. Она долго держала их в руках и смотрела на них, а потом сказала, словно вспоминая что-то:

— Он даёт мне свободу выбирать. Как легко мы забываем, что сами выбрали, кем быть, и можем выбирать, кем станем... — Она взглянула на меня и едва заметно улыбнулась. Я раньше никогда не видела её улыбку. — Помни, выбор всегда есть, дитя.

Уильям стукнул меня по ноге.

— Давай, нам пора идти. Скоро стемнеет. И зачем ты вообще сюда лазишь, дуреха? Ещё свалишься.

Он взял меня за лодыжку и осторожно поставил мою ногу на ветку пониже, потом на следующую, пока я не оказалась на земле.

Чаще всего я Уильяма ненавижу. Но иногда, с тех пор как не стало мамы, а отец сделался странным, Уильям заботится обо мне. Иногда я чувствую, что лишь он у меня и остался. Теперь нас только двое. Когда весной придут акробаты, может, я возьму Уильяма с собой. У него нет на руках перепонки, так что мы с ним могли бы сбежать далеко-далеко, и ничто не заставит нас вернуться в Улевик. Может, это мы и выберем, и очень скоро.

Над руинами бегинача поднимался дым. Горели только дома. Всё, что можно унести, с них содрали, как только женщины покинули деревню. В первую очередь, всё самое ценное утащили в Поместье — даже красть хозяин имел право первым. А потом пришли деревенские — подбирать поломанную мебель, еду, горшки и просто из любопытства.

В Поместье не особенно заботились о добыче — не считая вина, скота и зерна, но деревенские радовались любой подачке, которую можно отхватить у соседей, будь это соломенный тюфяк или лоскутное одеяло. Столы и скамьи, которые Поместье отвергло как слишком грубые и простые, тащили по домам на тележках или на себе. Они, конечно, слишком велики для деревенских домов, но хорошее дерево достать трудно. Их можно использовать для укрепления дверей или на загоны для овец. Даже мёртвые брали своё — столешницы пригодятся на гробы.

Деревенские ободрали бегинач до костей, но в этом мире даже на кости находятся падальщики, и наконец настала очередь нищих. Все что-то тащили, даже самые убогие калеки плелись с черепками и ошмётками, голому самая захудалая тряпка — меховой покров.

Все были слишком заняты драками за добычу, и никто не обращал внимания на два маленьких холмика земли у стены часовни. Один уже зарос травой и стал почти неразличим, другой, поменьше, ещё оставался голым. У подножия стояла маленькая деревянная тележка. Её подхватил какой-то мальчик — хорошая выйдет игрушка. Деревенские совсем растоптали крошечную могилу — им незачем знать про тело ребёнка, лежащее там, под ногами. Всего лишь малыш Элла. Но в этом мире Элла была любима, как и Гудрун. Любовь ни к чему отмечать крестом.

Отец Ульффрид сразу поспешил в часовню. Зелёный с красными прожилками алтарный камень, чаша и дискос исчезли — плыли на корабле во Фландрию, тщательно обёрнутые в шерстяную ткань и спрятанные в сундуках бегинок. Ничто не указывало на то, что женщины служили мессу на этом алтаре.

Отец Ульффрид и не надеялся найти ничего ценного, но всё же убеждал себя, что ковчег с облаткой Андреа будет его дожидаться. Декан приказал бегинкам уступить реликвию церкви. Декану нельзя не подчиниться — в его руках ключи от ада, и в этом мире, и в будущем. Но вопреки ожиданиям священника, коробочки с реликвией на алтаре не оказалось. Не в силах признать, что для него исчезла последняя надежда на спасение, отец Ульффрид долго и бессмысленно кружил по часовне, проверяя дюйм за дюймом. Он перетряс даже камыши на полу, надеясь, что ларец зарыт в земле под ними. Бледный от огорчения, он тщательно осмотрел стены, стараясь отыскать неплотно лежащий камень или нишу, которую пропустил. Но в конце концов пришлось признать, что чудотворная облатка исчезла.

Он смотрел на стены, задыхаясь от ярости. Отца Ульффрида так захватили поиски реликвии, что до сих пор он не обращал внимания на стенные росписи. Теперь увидел. Их как раз закончили. Умиравшая бегинка смотрела на него безмятежными глазами, торжествующая улыбка оставалась безразличной к его ярости. Длинные волосы потоком лились из-под крошечного чепчика, яркие и сверкающие, как будто она снова стала девчонкой, и сам Сын Божий протягивал ей руку с небес, словно жених, приглашающий невесту.

Все мышцы в теле священника так натянулись от ненависти, будто вот-вот порвутся. Он выхватил из-за пояса нож и вонзил в штукатурку, скалывая, обдирая нарисованное лицо — как загнанная в угол крыса.

— Шлюхи! Еретички! Богохульницы! Суки!

Он рвал нарисованное тело, как палач, раздирающий плоть, сдирая грудь, бёдра, руки, пока не на стене не осталась пустота, дыра, контур женщины.

Обернувшись, священник наткнулся на каменный алтарь. На белом камне выделялось кроваво-красное пятно размером с облатку. На мгновение отец Ульффрид решил, что это его собственная кровь. Не раздумывая, он потянулся стереть пятно, но дотронувшись до красного следа, вскрикнул от удивления, зажимая под мышкой горящую руку. Он осмотрел ладонь, обнаружив глубокую рану, как будто руку разорвал железный коготь. Испуганный, отец Ульффрид бросился из часовни, оставив Пресвятую Деву одиноко склоняться над алтарём.

Снаружи ждали Мастера Совы с зажжёнными факелами наготове. Сухую солому и тряпки окунули в жир и засунули под карниз и в щели часовни. Возле двери свалили кучами сухой камыш.

— Сжигаем и часовню? — спросили отца Ульффрида. Даже Мастера Совы не решались заходить так далеко.

— Жгите это гнездо гадюк. Сожгите всё. Пусть не останется ни единого камня, напоминающего о существовании этой мерзости.

Часовня горела. Но кое-что избежало огня. Оно лежало за воротами, полускрытое кучей бурьяна, рядом валялась смятая обёртка. Кто-то из деревенских схватил этот свёрток, не поглядев, что там, а потом, едва развернув, тут же выбросил. Потрёпанная книга, переплетённая в телячью кожу. Просто старая книга. Завтра, по пути на ярмарку в далёкий город, её подберёт торговец, бродячий рыцарь со страшным шрамом на лице. Может, за неё много и не дадут, но бродяга-каamelот знал, всё лучше, чем ничего, и кто-нибудь обязательно купит эту старую книгу — если, конечно, он придумает про неё хорошую байку.

Высоко на холме над горящим бегинажем, возле полуразрушенного домика старой Гвенит на берегу реки, на корточках сидела женщина. Она чувствовала запах дыма, и если бы посмотрела — смогла бы увидеть далёкие языки пламени, поднимающиеся в темнеющее небо. Но женщина не поднимала головы.

Её одежда промокла и затвердела от грязи, так что уже не разглядеть цвет юбки, когда-то серой. Грязь полосами покрывала лицо и руки, но женщина не обращала внимания ни на грязь, ни на свалившиеся на спине распущенные волосы. Свой серый плащ она отшвырнула в сторону, хотя ледяной воздух становился всё холоднее. Она больше не чувствовала холода — она была слишком занята и слишком счастлива.

Сначала женщина сделала холмик из грязи, продолговатый и узкий, как над свежей могилой. Потом начала придавать ему форму — лепила ноги, маленькое толстенькое тело, округлый живот, пухлые руки и милое спокойное лицо. Она положила блестящие речные камешки вместо глаз, сделала волосы из водорослей и губы из гладкой гальки. Женщина наклонилась, поцеловала холодные губы и улыбнулась. Потом начала лепить второй холмик. Одна за другой поднимались из земли маленькие могилки — дети из грязи, лежащие вокруг неё в колыбельках из мха — три, четыре, пять... а она всё строила новые могилы, новых детей.

Свет быстро угасал, она уже не видела их лиц, но это неважно — ведь можно ощутить

их кожу, мягкую, влажную и скользкую, как у новорожденных. Она нежно сжимала пухлые ручки, гладила влажные волосы. Они спали. Они не плакали, они счастливы, что она их мать.

Большая чёрная птица уселась на дырявую крышу дома и, наклонив голову, следила за женщиной. Хриплое карканье заставило женщину обернуться. Кто-то стоял в дверном проёме. В темноте она смогла различить только бледный цвет голых ног и пламя рыжих волос. Женщина улыбнулась.

— Ну, наконец-то ты здесь, моя маленькая Гудрун. Где ты была? Я тебя повсюду искала.

Всё это время она знала, что тело, которое вытащили из пруда — не её умершая Гудрун. Она знала — дочь вернётся домой, к ней. Беатрис опустила на колени, простёрла руки над своими детьми. Они вернулись к ней. Больше она никогда не останется одна.

Солнце уже почти село. Над холмами виднелся лишь кусочек алого круга, со всех сторон к нему подступала темнота. Неуклюжий парнишка с соломенными волосами и темноволосая девчушка плелись из леса домой, за плечами они несли связки сухих веток. Девочка отставала и хныкала, чтобы брат ее подождал. Он делал вид, что не слышит, но время от времени сбавлял шаг, не настолько, чтобы она смогла догнать — ему не хотелось дать всем увидеть, как он идёт с девчонкой — но всё же сокращал расстояние между ними.

Они шли с трудом, сгибаясь под вязанками хвороста на спинах. Мальчишка держал наготове пращу — на случай, если по пути попадётся какая-нибудь беззаботная птица или заяц. Грязные щёки детей покраснелись от усилий. Девчушка боязливо оглядывалась через плечо. Она представляла, как Оулмэн погонится за ними, а они не смогут убежать из-за тяжёлой поклажи. Девочка почти ощущала, как хлопают крылья за спиной, слышала щелканье огромного клюва.

Темнота над ней сгущалась, каждый куст по дороге превращался в головореза с огромным ножом, в Чёрную Ану с длинными когтями. Заколдованные ветки тянули к горлу девочки длинные белые пальцы. В лесу раздалось твяканье лисицы, и дети задрожали, как кролики. Им не следовало задерживаться так поздно. Мальчик знал, что это его вина, но подгонял маленькую сестру, скрывая собственный страх.

Из сумрака эхом донёсся гулкий стук — как пальцы по крышке гроба — и дети оцепенели от ужаса. Звук приближался. В сумерках показалась фигура, похожая на человека, но всё же не человеческая — по земле тащились огромные крылья, существо странно подпрыгивало, как огромная птица.

Девочка попыталась освободиться от путаницы верёвок и веток, удерживавшей её между лесом и неведомой тварью. Брат зажал ей рот потной рукой, заглушая визг, и оттащил с тропинки. Меланхоличный стук колотушки прокажённого слышался всё ближе. Теперь дети смогли различить фигуру, хромающую в их сторону на костылях. Согнутое колено опиралось на палку, чтобы удержать ногу. Надвинутый на лицо плащ хлопал, как крылья, за спиной. Он прошёл мимо согнувшихся за кустами детей, как будто и не видел.

Прокажённый многое видел, но больше ни на что не обращал внимания. Его разум застыл, онемел, как и обрубки ног. Он даже не обернулся, когда мальчишка запустил в костыли камнем из пращи, глумясь и хвастаясь перед сестрой, что сможет сбить эту старую ворону с жерди. Так он мстил прокажённому за то, что тот заставил его спрятаться, как будто он испугался, а это, конечно, не так, ни на минуту.

Камни ударили в спину Ральфа, оставляя чёрные синяки, но он был почти рад этой

боли. Он не понимал, куда идет, но собирался хромать сквозь ночь и весь следующий день, и потом — пока не свалится без сил. И даже тогда он окажется недостаточно далеко от этой проклятой деревни. Он знал, что запах пожара пристал к нему, как пьяная шлюха, пока оба они не сойдут в могилу. Ральф не боялся темноты, волков или Оулмэна. Они не могли сделать с ним ничего, что не стало бы для него благословением.

Позади него тонула в ночи маленькая деревенька Улевик, окутанная клочьями дыма из сотни печных труб. Канавы и кучи отбросов отравляли вонью сумеречный воздух, но Улевику не мешал этот запах — в конце концов, это его собственная вонь. Деревня прижималась к мокрой земле, скрипя деревянными костями. Под покровом темноты пробирались клопы, чтобы грызть её затхлую плоть, крысы дрались за её отбросы. Улевик только тихонько стонал во сне да чесался, но иначе он бы и не шевелился. Он оставался благодушным, дряхлым и старым, усталым настолько, что мог бы проспать и тысячу лет. А почему бы и нет — причинявшие беспокойство женщины ушли и больше не вернутся.

Через дорогу, хлопая крыльями, медленно и бесшумно пролетела амбарная сова, бледная, как мёртвый ребёнок. Прокажённый поднял голову. Летучая кошка из разрушенного сарая искала новый дом. Ральф снова отвернулся. Лучше не думать, не чувствовать, не помнить. Он стукнул костылём по ноге, словно хотел напомнить себе, что хотя бы тело его уже умерло. Ральф двинулся вперёд, потом внезапно обернулся, чтобы взглянуть на сову в последний раз, но маленькая сова уже исчезла.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Об авторе

Карен Мейтленд имеет докторскую степень в области психо-лингвистики. Её дебютный роман «Белая комната», изданный в Британии, был номинирован на премию Клуба писателей Великобритании как лучший первый роман. Американский дебют Мейтленд, «Компания лжецов», также получил широкое признание. Карен Мейтленд живёт в Линкольне, прекрасном средневековом английском городе.

notes

Примечания

БЕГИНКИ (позднелат. *beguinae*) члены женских полумонашеских общин, возникших около 1170 года в Люттихе (современный Льеж, Бельгия). Термин бегинки появился на Латеранском соборе (1230 г.). Движение бегинок было распространено в Средние века в Нидерландах, прирейнской Германии, северной Франции, преимущественно в городской среде. Бегинки не принадлежали ни к одному из монашеских орденов, провозглашали возможность прямого общения с Богом.

Жизнь бегинок в так называемых бегинажах (фр. *béguinage*, нидерл. *Begijnhof* от средневеков. лат. *Collegia beguinatum*; несколько стоящих рядом домов, окруженных стенами, с церковью, молельней, мастерской, больницей и приютом) не была подчинена строгим правилам. Дав обет целомудрия, бегинки могли вернуться к мирской жизни. Община объединялась под управлением избранной настоятельницы для ведения благочестивой жизни и благотворительной деятельности (помощь бедным, больным, преподавание в созданных ими школах). Бегинки работали в собственных мастерских, занимаясь ткачеством, кружевоплетением, гончарным делом и перепиской книг.

Католическая церковь обвиняла бегинок в распространении еретических учений, они нередко подвергались преследованию инквизиции. Наиболее известная из бегинок Маргарита Поретанская была обвинена в ереси и сожжена в Париже (в 1310 г.). В 1215 году на 4-м Латеранском и в 1311 году на Вьеннском соборе бегинки были запрещены. В XIV–XV веках активность бегинок снизилась, многие вступали в официальные монашеские конгрегации. Отдельные общины бегинок сохранились по настоящее время в Амстердаме, Брюгге, Генте в форме благотворительных организаций. Тринадцать бегинажей внесены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

А. О. Хорошева. Российская историческая энциклопедия. Т. 2. М., 2015, с. 406–407.

пер. И. А. Аксенова (1933 г.).

Белтейн — кельтский праздник начала лета, традиционно отмечаемый 1 мая. Также название месяца май в ирландском, шотландском и других гэльских языках.

От Самайны до Белтейны — с 1 ноября по 1 мая, зима, темное время.

Аронник (JACK-IN-THE-GREEN/DEVIL'S PRICK) — Аронник пятнистый и дьявольская колючка, ботаническое название *Arum maculatum*. Известна также как «Лорд и леди» — из-за сходства с мужскими и женскими гениталиями. Ядовитая трава, в Средние века использовалась во многих лекарственных средствах, включая индуцирование менструаций. Молодежь зачастую использовала растение в качестве приворотного зелья. Говорили, что она выросла у подножия креста, там где падали капли Христовой крови.

Ка — крик подтверждения, означающий «да будет так». Традиционно использовался в областях Норфолка и Суффолка, чтобы завершить заклинание.

Королева Маб в англ. и уэльск. фольклоре — сказочная фея, насылательница снов.

Харроу (Harrow) — Название происходит от староанглийского Hearg, означающее место языческого капища.

Заклинатель лошадей, восточноанглийское название — Toadsman, мог получить сверхъестественную власть над лошадьми, свиньями и людьми, убив камышовую жабу и проносив её на собственной груди, пока жаба не сгниёт до костей. Кости в полночь бросали в реку. Если они плыли против течения, человек, который носил кости на себе, должен был броситься в воду и выловить их, после чего приобретал силу.

Святые дары — гостия плюс вино. В рот кладут гостию, она же облатка.

Звезда демона, известна также как звезда Лилит или Алгол, расположена в созвездии Персея. Считалась одной из самых опасных звёзд на небе, приносящей зло и смерть.

День Ламмас (Lammas Day), отмечаемый 1 августа, имеет много названий, наиболее распространенное среди них — Лугнасад (Lughnasadh), которое переводится как «сборище Луга» или «свадьба Луга». Луг — один из богов кельтского пантеона, покровитель земледелия и многих ремесел. В древних кельтских источниках день Лугнасад толковался как «время начала жатвы».

Собачьи экскременты собирали для продажи кожевникам. Их использовали для очистки кожи и шкур, они разрушали коллагеновые протеины перед сушкой и дублением, поэтому в Средние века были ценным товаром.

Весной и осенью, когда уходит высокий прилив, солёная вода оставляет налёт на берегу. Высыхая на солнце, он формирует солёную корку поверх песка и ила. Этот верхний слой и известен как *mould*. В средние века *mould* соскребали солевары, затем отмывали и фильтровали для извлечения соли в виде рассола. Это был первый шаг процесса солеварения. Распространённым методом производства соли на Восточном побережье была промывка песка и грунта. Рассол, отмытый от песка, кипятили над костром из торфяника. Это делали *wellers*, их работа была самой тяжёлой в процессе изготовления соли. Рассол содержит шесть различных солей, и все они кристаллизуются с разной скоростью. Только третья, хлорид натрия, использовалась для консервации и в качестве приправы, поэтому *weller* должен был быть знатоком и выбрать именно эту соль в точно определённое время, пока она не начала загрязняться другими. Остальные соли, известные как *bittern*, обычно выбрасывались.

Декан, называемый также окружным викарием или архипресвитером, выполнял административные и пастырские функции по координации деятельности приходов в определённой части епархии — деканате. Декан ежегодно инспектировал подведомственные ему церкви и часовни, а также духовенство, представляя отчёт своему епископу.

Діскос (греч. δίσκος, «круглое блюдо») — один из литургических сосудов. Представляет собой блюдо на подножии с изображением сцен из Нового Завета, чаще всего — младенца Иисуса Христа. Используется во время Литургии. Согласно литургическим толкованиям дискос символически изображает Вифлеемские ясли, а также гроб, в котором было погребено тело Иисуса Христа. Дискос служит для положения на нём освященного хлеба, приготовленного для последующего претворения его, согласно христианскому вероучению, в Тело Христово, что происходит на том же дискосе.

Жест, означающий необходимость сохранить что-то в тайне.

В ночь Самайна, которую теперь зовут Хеллоуином, все домашние очаги и печи в деревне полагалось погасить и зажечь снова от need или neid fire, то есть от огня, разожжённого трением, обычно ударами кремня. Это делалось, чтобы изгнать зло и призвать солнце вернуться. В некоторых районах люди делали собственный need fire, в других разжигался общий, из которого каждый хозяин брал огонёк для своего домашнего очага. Там, где зажигали общий need fire, между людьми возникали споры, кому первому позволено брать огонь из костра.

Оулмэн (Owlman) — человек-сова, демон, неоднократно встречающееся в легендах существо.

Кроме обложения каждого хозяйства десятиной от всего скота, зерна, свечей и так далее под угрозой частичного отлучения, церковь требовала также некоторую сумму за выполнение определённых обрядов, таких как крещение и брак, включая и soul-scot — деньги, выплачиваемые священнику за исполнение похоронных ритуалов, в придачу к оплате мессы о душе умершего. Эта подать была узаконена королём Альфредом, 871–901. Бедняки ненавидели её, называя платой за смерть.

Во время правления короля Этельстана (925–939) и позже, при Эдуарде Исповеднике (1042–1066), испытание водой (*iudicium aquae*) было законодательно утверждено как первая проверка вины или невиновности для всех преступников. Подозреваемым связывали руки и ноги и бросали в воду. Если они тонули — значит были невиновны. Если всплывали — это считалось доказательством вины. Это основывалось на веровании, что если вода используется для крещения — она не примет того, кто виновен и отказывается признаваться. Испытание водой было официально упразднено в 1219 году, при Генрихе III, но неофициально его продолжали использовать на протяжении многих столетий, главным образом, в случаях колдовства.

Пеннивейт (pennyweight) — английская единица веса = 1/20 унции или 1,55 г.

В Библии, в книге Бытия, есть две различных записи о сотворении женщины. На этом основании в Средние века считали, что у Адама было две жены. Лилит, первая жена, была создана из праха одновременно с Адамом. Поэтому она, как равная мужу, отказалась лежать под ним во время занятий любовью. Лилит бежала из Эдема, и Богу пришлось сотворить вторую женщину, Еву, из ребра Адама. Лилит осталась бессмертной, но превратилась в демона, вызывающего у мужчин эрекцию во сне и убивающего новорожденных.

Confiteor (конфитеор, от лат. confiteor, «исповедую») — краткая покаянная молитва, читаемая в Римско-католической церкви в начале мессы, а также в некоторых других случаях. Характерными особенностями данной молитвы является молитвенное обращение как к святым, так и к другим стоящим в храме молящимся, а также троекратное биение себя в грудь в знак покаяния, сопровождающее произнесением слов «Mea culpa».